

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

X Н. В. Бугаевъ. Математика и научно-философское міросозерцаніе. X В. Н. Чичеринъ. Философія права. I. Введеніе. II. А. Каленовъ. Красота и искусство. A. Я. Кожевниковъ. Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій. Н. Я. Гротъ. Критика понятія прогресса. В. И. Герье. О. Контъ и его значеніе въ исторической науцѣ. В. А. Вагнеръ. Психологія насѣкомыхъ.	Н. И. Карѣевъ. Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи). Критика и библиографія: I. Обзоръ книгъ. II. Библиографическій листокъ. III. Обзоръ журналовъ. Извѣстія и замѣтки. Психологическое Общество. Матеріалы для журнальной статистики.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. домъ.

1898.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія, психопатологія.
- 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ.
- 3) Общие обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библиографія.
- 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.
- 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, юня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Содержаніе послѣднихъ книгъ журнала.

Май-іюнь 1897 г. (№ 38).—Понятіе о Богѣ. Вл. С. Соловьева.—Способности и развитіе философствующаго ума. Г. Е. Струве.—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. А. Н. Гиларова.—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. Л. М. Донатина.—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. В. О. Ключевскаго.—Факты и теорія вѣтнаго слуха. П. П. Соколова.—Биологическій механизмъ и материализмъ. Н. Д. Виноградова.—Теорія познанія Эрнста Маха. П. К. Энгельштейера.—По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“ Г. Ф. Шершеневича.—Полемика.—Критика и библиографія.—Психологическое Общество.

Сентябрь-октябрь (№ 39).—Способности и развитіе философствующаго ума. Г. Е. Струве.—О началахъ этики. В. Н. Чичерина.—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. А. Н. Гиларова.—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. В. О. Ключевскаго.—Понятія души и психической энергіи въ психологіи. Н. Я. Гротъ.—Сротношеніе общественныхъ силъ. Ф. В. Софронова.—Экономическій материализмъ и критическая философія. В. М. Чернова.—Полемика. Вл. С. Соловьевъ: Мнимая критика (Отвѣтъ Б. Н. Чичерину).—Критика и библиографія.—Психологическое Общество.

Ноябрь-декабрь (№ 40).—Филонъ и его предшественники. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Первое начало теоретической философіи. Вл. С. Соловьева.—О задачахъ философіи права. В. Ф. Вальденберга.—Страхъ смерти. А. А. Тонарскаго.—Что такое искусство? Гр. Л. Н. Толстого.—Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу. В. В. Воробьева.—Новѣйшія сочиненія по атомистикѣ. А. Н. Гиларова.—Полемика: 1) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. С. Соловьеву. В. Н. Чичерина; 2) Необходимыя замѣчанія на „нѣсколько словъ“ Б. Н. Чичерина. Вл. С. Соловьева.—Критика и библиографія.—Психологическое Общество.

Январь-февраль 1898 г. (№ 41).—Что такое искусство? Гр. Л. Н. Толстого.—Филонъ и его предшественники. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Новыя вліянія въ теоріи воспріятія. А. Н. Вернштейна.—Послѣдовательность мыслей у дѣтей. П. Ломброзо.—Полемика: Маленькое возраженіе Ф. В. Софронову. Н. И. Карѣева.—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Мартъ-апрѣль (№ 42).—О Контѣ и его значеніе въ исторической наукѣ.—В. И. Герье.—Позитивная биологія О. Контя и философія.—С. М. Лукьянова.—О прогрессѣ.—П. Г. Виноградова.—Судьбы философіи въ Россіи.—А. И. Введенскаго.—Послѣдовательность мыслей у дѣтей.—П. Ломброзо.—Полемика: Отвѣтъ проф. Карѣеву.—Ф. В. Софронова.—Критика и библиографія.—Психологическое Общество.

Май-іюнь. (№ 43).—Естественно-историческія воззрѣнія Биша. И. Ф. Стрѣва.—Достоверность разума. Вл. С. Соловьева.—О Контѣ и его значеніе въ исторической наукѣ. В. И. Герье.—Мессіанскій идеалъ евреевъ. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Бессознательная психическая дѣятельность. Н. Ф. Шаталова.—О логикѣ Платона. Г. Е. Струве.—Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. Вл. Н. Ивановскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Сентябрь-октябрь. (№ 44).—Реальность и самосознаніе. В. Н. Чичерина.—О Контѣ и его значеніе въ исторической наукѣ. В. И. Герье.—Красота и искусство. П. А. Ралекова.—Религіозный идеалъ евреевъ. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Материалы для исторіи философіи въ Россіи (П. Л. Лавровъ). Я. П. Колубовскаго.—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ ІХ.

Подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Иванова, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.

Книга V (45).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1898 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К.,
Пимеловская ул., соб. домъ.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Математика и научно-философское міросозерцаніе.— Н. В. Бугаева	697
Философія права. I. Введеніе.— Б. Н. Чичерина	718
Красота и искусство (<i>Окончаніе</i>).— П. А. Каленова	742
Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій.— А. Я. Кожевникова	761
Критика понятія прогресса.— Н. Я. Грота	780
О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ (<i>Окончаніе</i>).— В. И. Герье	805
<hr/>	
Психологія насѣкомыхъ.— В. А. Вагнера	365
Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди: Задачи пониманія исторіи).— Н. И. Карѣва	388

Критика и библіографія.

I ОБЗОРЪ КНИГЪ.

А. Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія.— Н. Д. Виноградова	416
Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus.— В. О. Саводника	423

(См. на слѣдующей стран.).

IV

	<i>Стр.</i>
II. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ	429
III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.	
<i>Revue philosophique</i> , 1898, №№ 1—4.—Ю. И. Айхенвальда.	439

Извѣстія и замѣтки	448
Психологическое Общество (Отчеты о засѣданіяхъ и преніяхъ по рефератамъ Н. В. Бугаева и П. А. Каленова).	450
Матеріалы для журнальной статистики	454

ОБЪЯВЛЕНІЯ.	I—41

Математика и научно - философское міросозерцаніе *).

Современное пониманіе міровыхъ явленій находится въ прямой связи съ наукой и философіей. Его обыкновенно называютъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ.

Въ чемъ же заключается сущность и основныя черты этого міросозерцанія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ нужно для правильной оцѣнки нѣкоторыхъ научныхъ, художественныхъ и социальныхъ явленій, необходимо для лучшаго рѣшенія многихъ практическихъ и общественныхъ задачъ.

Я не имѣю притязаній отвѣтить на этотъ вопросъ во всей его полнотѣ и объемѣ. Я постараюсь только подойти къ его рѣшенію съ совершенно особой точки зрѣнія.

Научно-философское міросозерцаніе зависитъ отъ нашего пониманія явленій природы. Этому пониманію главнымъ образомъ помогаетъ наука. Наука же стремится въ своихъ выводахъ къ точности и опредѣленности.

Она не ограничивается одними общими соображеніями. Вслѣдъ за процессомъ первоначальныхъ обобщеній является въ ней вопросъ о мѣрѣ и числѣ, способномъ обрисовать явленіе при всѣхъ обстоятельствахъ. Вопросъ о числѣ и мѣрѣ придаетъ наукѣ ту положительность, къ которой она стремится въ послѣднее время. Это требованіе числа и

---

*) Рефератъ, прочитанный въ Психологическомъ Обществѣ 17 октября 1898 г.

мѣры является злобою дня не одной современной науки, но и современного искусства и современныхъ человѣческихъ отношеній. Найти мѣру въ области мысли, воли и чувства—вотъ задача современнаго философа, политика и художника. Эта положительность требованій новаго человѣка не только не ослабляетъ, а усиливаетъ идеальную сторону современной цивилизаціи. Изъ области неопредѣленныхъ, безмѣрныхъ инстинктовъ человѣкъ при помощи числа и мѣры стремится возвыситься до идеальнаго состоянія, которое давало ему бы полную власть надъ внѣшнею и внутреннею природою, вносило бы гармонію и эстетическое чувство въ каждое проявленіе человѣческаго духа.

Число и мѣра являются въ современной наукѣ самымъ могучимъ средствомъ для оцѣнки явленій природы. Эти требованія современнаго знанія ставятъ его въ непосредственную связь съ математикою, наукою о числѣ и мѣрѣ,—наукою, которую, по всей справедливости, называютъ матерью всѣхъ наукъ.

Какъ скоро какая-нибудь конкретная величина способна быть математическимъ количествомъ, на сцену тотчасъ появляется математика.

Вотъ почему математика въ ея научномъ развитіи, въ приемахъ и методахъ ея разработки, имѣетъ существенное значеніе для современнаго человѣчества. Этимъ объясняется, почему наше время отличается такимъ развитіемъ математическихъ методовъ, почему многочисленный рядъ ученыхъ прилагаетъ всѣ силы для того, чтобы своими изслѣдованіями расширить ея орудія и средства. Въ этихъ орудіяхъ и средствахъ сказывается дедуктивная мощь человѣка. Въ нихъ вмѣстѣ съ собираніемъ и классификаціей фактовъ и усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія заключается главное условіе для успѣшнаго развитія нашихъ знаній о природѣ. Мы должны прежде всего въ чистой математикѣ искать отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы о сущности и коренныхъ основахъ современнаго научно-философскаго міросозерцанія. Математика есть наука, изучающая сходства и

различія въ области явленій количественнаго измѣненія. Это самое общее ея опредѣленіе. Всѣ остальные ея опредѣленія вытекаютъ изъ него, какъ его простыя слѣдствія. Идея количественнаго измѣненія и порядка, которому подчиняются эти измѣненія, суть основныя идеи математики. Измѣняющееся количество называется переменною величиною. Переменныя величины могутъ измѣняться независимо или въ зависимости отъ измѣненія другихъ величинъ. Согласно съ этимъ измѣненіемъ, онѣ называются независимыми или зависимыми переменными. Зависимыя переменныя называются также функциями. Математика является такимъ образомъ теоріей функций. Это второе опредѣленіе, вытекающее изъ перваго, какъ основнаго, можетъ также быть принято. Оно достаточно для объясненія многихъ фактовъ въ области явленій количественнаго измѣненія.

Измѣняться величины могутъ непрерывно или прерывно. Сообразно съ этими двумя способами измѣненія количествъ, функции раздѣляются на непрерывныя и прерывныя, а сама чистая математика распадается на два громадныхъ отдѣла: теорію непрерывныхъ и теорію прерывныхъ функций. Теорію непрерывныхъ функций называютъ обыкновенно *математическимъ анализомъ*, а теорію прерывныхъ функций—*аритмологией*. Такое естественное подраздѣленіе чистой математики еще не проникло въ науку, не слѣдалось достояніемъ всеобщаго научнаго убѣжденія. Отъ этого происходитъ цѣлый рядъ недоразумѣній въ классификаціи и въ пониманіи значенія многихъ отдѣловъ чистой математики. Эта неясность въ исходныхъ началахъ научной классификаціи неблагоприятно отражается и на самомъ характерѣ научно-философскаго міросозерцанія.

Теорія непрерывныхъ функций или математическій анализъ заимствуетъ свои методы изъ послѣдовательнаго примѣненія идеи непрерывности къ изученію этихъ функций. Эта идея, въ связи съ близко стоящимъ къ ней ученіемъ о предѣлахъ, составляетъ существенное содержаніе исчисленія бесконечно-малыхъ.

Методъ бесконечно-малыхъ или дифференціальное и интегральное исчисленія составляютъ одинъ изъ самыхъ могучихъ способовъ изученія аналитическихъ функций. На почвѣ этого метода создано, развилось и окончательно сложилось грандіозное зданіе математическаго анализа. Подъ его кровомъ ютятся многія прикладныя математическія науки. Основная задача математическаго анализа сводится къ тому, чтобы всякія функции поставить въ связь съ цѣлыми, какъ простѣйшими и наиболѣе понятными намъ аналитическими функциями. Надъ рѣшеніемъ этой задачи трудилось много великихъ геометровъ. На ней проявилось удивительное остроуміе многихъ гениальныхъ математиковъ. Въ обработкѣ этой задачи современные ученые достигли высокой степени совершенства.

Рядомъ съ анализомъ воздвигается мало-по-малу другое грандіозное зданіе чистой математики—это теорія прерывныхъ функций или *аритмологія*. Выдвинувшись подъ скромнымъ названіемъ теоріи чиселъ, она постепенно вступаетъ въ новую фазу своего развитія. Въ настоящее время все приводитъ къ мысли, что аритмологія не уступитъ анализу по обширности своего матеріала, по общности своихъ приемовъ, по замѣчательной красотѣ своихъ результатовъ. Прерывность гораздо разнообразнѣе непрерывности. Можно даже сказать, что непрерывность есть прерывность, въ которой измѣненіе идетъ черезъ бесконечно-малые и равныя промежутки.

Разнообразіе формъ, подъ которыми является прерывность, ведетъ къ тому, что научные вопросы аритмологіи часто бываютъ сложнѣе и труднѣе соответствующихъ вопросовъ анализа.

Анализъ есть только первая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ истинъ, простѣйшая форма, подъ которою онѣ появляются. Вотъ почему анализъ развился ранѣе, остановилъ прежде всего вниманіе математиковъ. Для развитія же аритмологіи не только нужны всѣ средства анализа, но еще и цѣлый рядъ совершенно новыхъ спосо-

бовъ и приемовъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи аритмологія есть настоящій арсеналь математическихъ методовъ. Въ ней сосредоточивается и складывается самое разнообразное оружіе для математическихъ изысканій.

Между двумя отдѣлами—анализомъ и аритмологіей—существуетъ полное соотвѣтствіе. Почти каждому крупному отдѣлу анализа соотвѣтствуетъ свой особый отдѣлъ аритмологіи. Это сознаніе важности аритмологіи встрѣчается у самыхъ великихъ геометровъ, обнимавшихъ содержаніе нашей науки во всей ея полнотѣ и объемѣ. Ламе, знаменитый французскій ученый и инженеръ, прямо называетъ ученыхъ, относящихся безъ достаточнаго уваженія къ теоріи чисель, хулителями истиннаго знанія (*détracteurs de la science pure*); Гауссъ слѣдующимъ образомъ выражается по этому вопросу: *Die Mathematik ist die Königin der Wissenschaft, aber die Arithmetik ist die Königin der Mathematik* (Математика—царица наукъ, но аритмологія—царица математики).

Истины анализа отличаются общностью и универсальностью. Истины аритмологіи носятъ на себѣ печать своеобразной индивидуальности, привлекаютъ къ себѣ своею таинственностью и поразительною красотой.

Этимъ только объясняется, почему—иные мыслители ставили въ связь съ цѣлыми числами различные вопросы мистической философіи. Своимъ изяществомъ истины аритмологіи пробуждаютъ въ ученомъ чувство научной красоты, удовлетворяющее его независимо отъ того, имѣютъ или не имѣютъ онѣ приложенія къ непосредственному объясненію явленій жизни и природы.

Кромѣ анализа и аритмологіи, въ область чистой математики входятъ геометрія и теорія вѣроятностей. Въ геометріи разсматриваемое количество есть *протяженіе*. Теорія вѣроятностей есть наука о случайныхъ явленіяхъ. Въ ней разсматриваемое количество есть вѣроятность появленія случайнаго событія.

Къ геометріи вполне прилагаются методы анализа и аритмологіи. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа при-

кладною математическою наукою. Въ ней, однако, являются также и самостоятельные методы. Они вытекаютъ изъ того обстоятельства, что протяженіе подлежитъ нашему чувственному созерцанію. Это обстоятельство придаетъ геометрическимъ истинамъ, кромѣ логической доказательности, наглядность и созерцательную убѣдительность. Это сочетаніе логической доказательности и созерцательной убѣдительности сообщаетъ особую прелесть истинамъ геометріи. Въ теоріи вѣроятностей не встрѣчается самостоятельныхъ математическихъ методовъ. Анализъ, аритмологія, геометрія и теорія вѣроятностей даютъ всѣ элементы для выработки коренныхъ основъ научно-философскаго міросозерцанія.

Ихъ истины и методы вполне прилагаются для объясненій явленій міра. Свойствами ихъ содержанія опредѣляется и сущность нашихъ воззрѣній на природу.

Весьма важно прослѣдить въ настоящее время вліяніе этихъ частей математики на научно-философское міросозерцаніе. Въ научныхъ объясненіяхъ явленій природы ученые болѣе всего пользовались геометріей и анализомъ. Геометрія по преимуществу была научнымъ орудіемъ древняго, а анализъ—новаго міра.

Такъ, періодъ древней астрономіи можно назвать *геометрическимъ*. Въ новомъ періодѣ астрономія сложилась подъ вліяніемъ механическихъ понятій. Математическимъ орудіемъ астрономіи былъ анализъ бесконечно-малыхъ. Этотъ періодъ астрономіи можно назвать *аналитическимъ*. Дифференціальное и интегральное исчисленія двинули впередъ механику и астрономію; поэтому этотъ періодъ астрономіи можно также назвать *механическимъ*.

Подъ вліяніемъ анализа совершенно преобразовался нашъ взглядъ на устройство вселенной. При помощи анализа астрономія приняла вполне научную форму, а рациональная механика сложилась въ стройное, законченное ученіе. Приложеніе анализа дѣлается часто необходимымъ и единственнымъ средствомъ поставить данную научную гипотезу на прочныхъ основаніяхъ опыта и наблюденія.

Вслѣдъ за механикой и небесной механикой, физика вступила въ такой періодъ развитія, въ которомъ она сдѣлалась математической наукой. Физическія науки пережили всѣ тѣ же фазы историческаго развитія, какія пережила астрономія. Въ нихъ за эпохою смутныхъ построеній послѣдоваль періодъ, когда сказалась потребность въ наблюденіи и опытѣ. Въ этомъ періодѣ обыкновенно являются въ наукѣ первоначальныя обобщенія, распредѣляются явленія по родамъ и группамъ. При дальнѣйшемъ развитіи точнаго знанія эти наблюденія сопровождаются возможно точными числовыми показаніями. Изъ этихъ числовыхъ фактовъ слагаются первоначальныя эмпирическіе числовые законы, которые потомъ должны вытекать какъ первоначальное слѣдствіе общихъ научныхъ положеній, выработанныхъ самымъ строгимъ индуктивнымъ процессомъ.

Законы сохраненія вещества и энергіи суть тѣ общія положенія, которыя выработали физика и химія. Въ настоящее время математическій анализъ находитъ въ физикѣ самыя разнообразныя и обширныя примѣненія. Математическая физика достигла высокой степени совершенства. Вообще, можно съ большою вѣроятностію утверждать, что развитіе физической науки опредѣляется объемомъ той области, въ которой примѣняется математическій анализъ. Въ процессѣ послѣдовательнаго развитія физическихъ наукъ мы невольно замѣчаемъ какъ бы постепенное восхожденіе ихъ по точности и совершенству. Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить, почему химія стремится стать на чисто физическую, а физика на чисто механическую почву. Вотъ почему многіе полагаютъ, что въ будущемъ всѣ процессы внѣшней природы объяснятся изъ механическихъ законовъ равновѣсія и движенія и сдѣлаются предметомъ изысканій, сопровождаемыхъ въ своемъ дедуктивномъ ходѣ математическими операціями. Такимъ образомъ, наука о свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ величинъ является тѣмъ необходимымъ условіемъ, которымъ опредѣляется степень точности и строгости выводовъ физическихъ наукъ,—тѣмъ единствомъ,

которое связываетъ ихъ въ одно стройное цѣлое, тѣмъ могучимъ средствомъ и орудіемъ, къ которому они прибѣгаютъ въ интересахъ его развитія.

Обширное и многостороннее примѣненіе математическаго анализа къ изученію явленій природы придаетъ особый отѣнокъ господствующему въ настоящее время научно-философскому міросозерцанію. Этотъ отѣнокъ зависитъ отъ самаго характера математическаго анализа, отъ свойствъ тѣхъ непрерывныхъ функцій, при помощи которыхъ изучаются и формулируются законы природы. Въ свойствахъ этихъ функцій лежитъ главное объясненіе современныхъ взглядовъ на законы природы. Въ нихъ мы должны искать отвѣта на вопросъ о коренныхъ основахъ установившагося научно-философскаго міросозерцанія.

Для математическаго объясненія явленій природы примѣняются, главнымъ образомъ, непрерывныя, аналитическія функціи. Вотъ почему можно современное научное міросозерцаніе по всей справедливости назвать *аналитическимъ міросозерцаніемъ*.

Аналитическія функціи обладаютъ *непрерывностью*. Непрерывность даетъ намъ возможность изучать эти функціи во всѣхъ ихъ элементарныхъ проявленіяхъ. При изученіи явленій природы мы руководимся этимъ основнымъ свойствомъ аналитическихъ функцій. Мы допускаемъ, что явленія природы измѣняются непрерывно. Кромѣ того, мы имѣемъ въ виду при изученіи этихъ явленій понять ихъ во всѣхъ элементарныхъ ихъ обнаруженіяхъ. Наконецъ, мы желаемъ знать, какъ сложныя явленія природы образуются изъ явленій элементарныхъ. Дифференціальное и интегральное исчисленія представляютъ возможность не только дать математическое выраженіе этимъ вопросамъ, но и рѣшить точно эти вопросы, какъ скоро законъ явленія выраженъ аналитическою функціей. Аналитическія функціи, опредѣляющія законы природы, бываютъ по преимуществу функціями однозначными. Это соотвѣтствуетъ нашему предположенію, что данному закону при данныхъ обстоятельствахъ соотвѣтствуетъ въ природѣ только одно опредѣленное явленіе.

Наконецъ, при выраженіи законовъ природы однозначными аналитическими функціями мы получаемъ возможность обрисовать явленіе для всѣхъ моментовъ не только прошлаго, но и будущаго времени.

Такимъ образомъ, непрерывныя и однозначныя аналитическія функціи и примѣненіе математическаго анализа къ нимъ даютъ возможность усмотрѣть въ явленіяхъ природы и въ законахъ, ими управляющихъ, слѣдующія основныя свойства: 1) непрерывность явленій, 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ, 3) возможность понять и оцѣнить явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ, 4) возможность складывать элементарныя явленія въ одно цѣлое и, наконецъ, 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени.

Этими особенностями характеризуются всѣ требованія современной науки. Ими опредѣляется сущность современнаго научно-философскаго міросозерцанія. Онѣ вполнѣ исчерпываются особенностями непрерывныхъ и однозначныхъ аналитическихъ функцій и свойствами математическаго анализа.

Поразительные успѣхи современной науки зависѣли отъ удачнаго примѣненія математическаго анализа къ изученію основныхъ явленій природы. Эти успѣхи оправдали надежды, возлагаемыя мыслителями на математику.

При помощи математическаго анализа человѣку стали ясны многія скрытыя пружины въ устройствѣ вселенной. Развитіе астрономіи, небесной механики и связанныхъ съ ними практическихъ вопросовъ геодезіи, географіи и мореплаванія измѣнили весь строй современнаго общества. Развитіе механики и математической физики, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ блестящихъ приложений, еще болѣе подняло вѣру человѣка въ то, что аналитическое міросозерцаніе есть основное и наиболѣе правильное, что въ его дальнѣйшей разработкѣ лежитъ сущность будущихъ успѣховъ человѣческаго знанія.

Современные взгляды на природу подъ вліяніемъ анализа отличаются общностью и универсальностью.

Идея о непрерывности явленій природы стала проникать въ біологію, психологію и соціологію. Ученія Ламарка и Дарвина суть не что иное какъ попытки примѣнить къ біологіи тѣ воззрѣнія на непрерывную измѣняемость явленій, которыя господствуютъ въ геометріи, механикѣ и физикѣ.

Въ біологіи пришли къ убѣжденію, что конечный результатъ біологическихъ явленій есть простое слѣдствіе безконечно малыхъ измѣненій, замѣчаемыхъ нами въ явленіяхъ жизни животныхъ и растений.

Наконецъ, въ соціологіи тоже стало преобладать воззрѣніе, что измѣненіе въ ходѣ общественныхъ явленій складывается подъ вліяніемъ непрерывныхъ измѣненій въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, привычкахъ и убѣжденіяхъ соціальныхъ единицъ.

Все болѣе и болѣе укрѣпляется идея, что соціальній ростъ совершается путемъ медленнаго и непрерывнаго прогресса всѣхъ элементовъ общества. Въ современныхъ историческихъ воззрѣніяхъ эволюціонныя теоріи берутъ перевѣсъ надъ теоріями революціонными. Наука стала брать верхъ надъ доктриною. Доктринерство стало мало-по-малу уступать мѣсто истинному знанію. Измѣнился самый взглядъ на прогрессъ. Съ идеей его стала соединяться мысль о непрерывномъ и постепенномъ улучшеніи. Стали сознать, что это улучшеніе совершается не общественными скачками, а послѣдовательнымъ и постояннымъ усовершенствованіемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ.

Вотъ благія послѣдствія современнаго аналитическаго научно-философскаго міросозерцанія. Разработка и расширеніе аналитическаго міросозерцанія весьма желательны для дальнѣйшихъ успѣховъ человѣчества.

Человѣческій умъ, однако, не ограничивается только кругомъ вполне разъясненныхъ истинъ. Онъ всегда забѣгаетъ впередъ. Онъ старается приложить выработанное міро-

созерцаніе даже къ тѣмъ фактамъ, которые не получили еще полнаго научнаго освѣщенія. Подъ вліяніемъ аналитическаго міровоззрѣнія стало ясно, что нѣкоторые законы природы неизмѣнны и постоянны, что нѣкоторыя явленія совершаются въ такомъ порядкѣ, что можно обрисовать ихъ ходъ въ прошломъ и будущемъ. Смиренномудріе не есть, однако, удѣлъ всѣхъ мыслителей. Нѣкоторые философы стали смѣло предполагать, что аналитическая точка зрѣнія приложима къ объясненію всѣхъ явленій. Они стали скрыто допускать, что всѣ міровыя событія подчиняются опредѣленнымъ и непреложнымъ аналитическимъ законамъ. Они стали увѣрять, что еслибы мы знали эти законы, то всѣ явленія можно было бы предсказать съ такою же точностью, съ какою предсказываются солнечныя затмѣнія и движенія планетъ. Такое скрытое допущеніе выработалось подъ вліяніемъ того обстоятельства, что у современнаго ученаго сложились привычки къ аналитическому міросозерцанію.

Подъ вліяніемъ аналитическаго взгляда на природу все чаще и чаще стала въ среду ученыхъ проникать идея, что въ ходѣ міровыхъ явленій имѣетъ значеніе одна причинность и не играетъ никакой роли цѣлесообразность. Въ средѣ философовъ все чаще и чаще стали слышаться голоса, утверждающіе съ увѣренностью, что природа равнодушна къ цѣлямъ человѣка, что она не знаетъ ни добра, ни зла. Добро и зло, красота, справедливость и свобода, говорили они, суть иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Въ научныхъ взглядахъ нѣкоторыхъ философовъ стало преобладать чувство фатальности, роковой необходимости. Рокъ, судьба древняго міра, обрисовывается въ этихъ воззрѣніяхъ. Человѣкъ съ его свободою, идеальными цѣлями и возвышенными стремленіями вовлекался въ общій водоворотъ роковой необходимости. По ихъ понятіямъ, судьба по непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ непрекаемо господствуетъ надъ міромъ. Такой взглядъ приводитъ къ полному детерминизму. Такую точку зрѣнія иные

стали называть научно. Они гордились тѣмъ, что послѣдовательно держатся ея, наперекоръ самымъ очевиднымъ фактамъ и естественнымъ чувствамъ человѣка.

Вотъ какъ въ поэтической формѣ выражено это аналитическое міросозерцаніе въ одномъ стихотвореніи:

Природа говоритъ: «Пускай ты царь творенья,—
 Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
 Ужель ты возмечталъ, въ безумномъ ослѣпленіи,
 Что я раба твоя, а ты властитель мой?
 Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
 И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ?
 Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
 И свой тамъ начерталъ законъ и идеаль?
 Глупецъ! я захочу—и, пораженный страхомъ,
 Покорнѣй станешь ты моихъ смирнѣйшихъ псовъ,
 Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
 Величіе твоихъ гигантовъ городовъ!
 Я вышлю грозный моръ съ его сестрой войною,
 Цвѣтушія поля я превращу въ пески,
 Я разолью моря, одѣну солнце мглою—
 И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски.
 Повѣрь, мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
 Ни до твоихъ надеждъ. Я знаю лишь числа
 Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
 Ни блага, ни добра нѣтъ для меня, ни зла.
 Въ побѣдномъ шествіи къ невѣдомой святинѣ
 Не знаю цѣли я, начала иль конца,
 Рождаю и топчу безъ гнѣва и гордыни
 Слона и червяка, глупца и мудреца.
 Живи-жь, какъ все живетъ! Минутною волною
 Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
 И не дерзай вставать на буйный споръ со мною.
 Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!»
 Такъ въ вихрѣ, въ молніяхъ, въ грозѣ стихій природа
 Гремить, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.

Неудивительно, что такой взглядъ на ходъ міровыхъ явленій сталъ встрѣчать горячій отпоръ въ средѣ многихъ мыслителей.

Въ такомъ взглядѣ многіе стали усматривать опасность съ этической и эстетической точки зрѣнія. Такимъ образомъ произошли недоразумѣнія между наиболѣе распространеннымъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ и естественными и законными стремленіями человѣка. Какъ же устранить эти недоразумѣнія?

Для этого, проникаясь духомъ смиренномудрія, слѣдуетъ только посмотреть на міровыя явленія съ болѣе глубокой научной точки зрѣнія. Научно-философское міросозерцаніе тѣсно примыкаетъ къ математикѣ. Математическое толкованіе міровыхъ явленій составляетъ существенную принадлежность современной науки. Однако, изъ всѣхъ отдѣловъ математики къ объясненію явленій міра прилагался до сихъ поръ только математическій анализъ. Аналитическое же объясненіе міровыхъ явленій при помощи однихъ непрерывныхъ аналитическихъ функцій недостаточно. Кромѣ анализа, въ математикѣ существуетъ аритмология, кромѣ непрерывныхъ функцій — прерывныя.

Присматриваясь къ явленіямъ природы, мы скоро подмѣчаемъ такіе факты, которые не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія одной непрерывности. Такъ, напримѣръ, рассматривая таблицу простыхъ тѣлъ, мы видимъ, что числа, ихъ характеризующія, не подчиняются закону непрерывности. Нѣтъ простыхъ тѣлъ всякой плотности. Каждое простое тѣло есть самостоятельный химическій индивидуумъ. Рассматривая сложныя химическія тѣла, мы также обнаруживаемъ, что они образуются изъ элементовъ, вступающихъ въ химическія соединенія только въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Непрерывность непримѣнима къ объясненію всѣхъ химическихъ явленій. Въ химіи часто прилагаются аритмологическіе законы. Они являются при опредѣленіи числа различныхъ соединеній одинаковаго состава. Каждое сложное химическое соединеніе есть отдѣльный самостоятельный индивидуумъ. Атомистическія теоріи химіи ясно указываютъ на индивидуальныя особенности въ строеніи вещества. Эти особенности оказываются въ кристалличе-

скомъ строеніи минераловъ. Онѣ не могутъ быть объяснены одною непрерывностью. Изъ акустики мы знаемъ, что только опредѣленное сочетание звуковъ производитъ эстетическое впечатлѣніе. Музыкальное чередованіе звуковъ имѣетъ вполнѣ аритмологическій характеръ.

Въ биологіи клѣточное строеніе органическихъ тѣлъ указываетъ на важную роль біологическихъ индивидуумовъ въ явленіяхъ жизни. Явленія сознанія также представляютъ много сторонъ, не подчиняющихся аналитическому взгляду на природу.

Въ социологіи человѣкъ есть самостоятельный социальный элементъ, и непрерывность непримѣнима къ объясненію многихъ общественныхъ явленій. Однимъ словомъ, существуетъ много случаевъ, въ которыхъ обнаруживается прерывность въ ходѣ и въ самомъ развитіи общественныхъ событій.

Прерывность всегда обнаруживается тамъ, гдѣ появляется самостоятельная индивидуальность. Прерывность подмѣчается также и тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, гдѣ появляются эстетическія и *этические* задачи.

Такимъ образомъ непрерывность объясняетъ только часть міровыхъ событій. Съ непрерывностью непосредственно связаны аналитическія функціи. Эти функціи приложимы къ объясненію только простѣйшихъ случаевъ жизни и природы.

Аналитическое міросозерцаніе однако недостаточно. Оно не покрываетъ всѣхъ фактовъ природы, не объясняетъ всѣхъ ея явленій.

Съ вопросами аритмологіи часто связаны самые дорогіе, самые возвышенные интересы человѣка. Философъ не можетъ отказаться отъ нихъ во имя односторонняго аналитическаго міровоззрѣнія. Цѣлесообразность и гармонія не могутъ быть выброшены за бортъ изъ истиннаго научно-философскаго міросозерцанія. При изученіи явленій природы слѣдуетъ также съ ними считаться. Аритмологическое міросозерцаніе указываетъ, что цѣлесообразность такъ

же играетъ роль въ міровыхъ явленіяхъ. Оно приводитъ насъ къ убѣжденію, что добро и зло, красота, справедливость и свобода не суть только иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Оно убѣждаетъ насъ, что корни ихъ лежатъ въ самой сущности вещей, въ самой природѣ міровыхъ явленій, что они имѣютъ не фиктивную, а реальную подкладку. Аритмологическое міросозерцаніе не принуждаетъ насъ понимать теченіе событій только въ ихъ роковой и необходимой послѣдовательности. Оно освобождаетъ насъ отъ фатализма.

Въ общей экономіи нашихъ знаній и нашихъ чувствъ оно имѣетъ существенное значеніе и законное право на существованіе. Оно не противорѣчитъ математическому толкованію явленій природы. Аритмологическій взглядъ пополняетъ міросозерцаніе аналитическое. Каждое изъ нихъ объясняетъ соответствующія явленія или соответствующія стороны въ явленіяхъ. Два воззрѣнія, аналитическое и аритмологическое, не противорѣчатъ другъ другу, а составляютъ вмѣстѣ только двѣ стороны одного и того же математическаго толкованія явленій природы.

Истинное научно-философское міросозерцаніе не есть только міросозерцаніе аналитическое, а математическое, то-есть вмѣстѣ аналитическое и аритмологическое.

Въ математическомъ міросозерцаніи измѣняется и пополняется самый взглядъ на прогрессъ и на роль человѣка въ ходѣ міровыхъ событій.

Прогрессъ не есть только одно улучшеніе окружающей среды. Онъ неразрывно связанъ съ улучшеніемъ самой природы человѣка, съ усовершенствованіемъ его пониманія, его чувствъ и его воли. Въ немъ играютъ важную роль этической и эстетической элементы. Природа не есть только механизмъ, а организмъ, въ которомъ дѣйствуютъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ самостоятельныя и самодѣятельныя индивидуумы. Рядомъ съ универсализмомъ индивидуализмъ имѣетъ полное право на существованіе. Универсализмъ и индивидуализмъ не исключаютъ, а дополняютъ

другъ друга. Въ міровомъ порядкѣ всеобщей эволюціи между ними должны имѣть мѣсто не противоположеніе, а гармонія.

Въ бессознательномъ и сознательномъ стремленіи чело-вѣка отыскать эту гармонію мы должны искать тайну, объясняющую многія явленія душевной жизни чело-вѣка и исторической жизни чело-вѣчества. Чело-вѣкъ не есть только пассивное существо, не есть зеркало, только отражающее явленія окружающей природы. Онъ есть активный и творческій дѣятель, необходимое самостоятельное орудіе въ процессѣ всеобщаго усовершенствованія природы и жизни. Какъ объяснить, что до сихъ поръ въ научно-философскомъ міросозерцаніи преобладалъ аналитическій взглядъ на природу?...

Это зависѣло отъ многихъ причинъ. Съ одной стороны только въ послѣднее время стала выдвигаться аритмологія, какъ самостоятельная вѣтвь математики. Съ другой-- блестящія приложенія математическаго анализа къ объясненію простѣйшихъ явленій міра приучили ученыхъ къ мысли, что анализъ есть единственное орудіе математическаго изслѣдованія. Эти привычки такъ глубоко вкоренились въ общее сознаніе, что заслонили собою всѣ другіе математическіе приемы. Конечно, простѣйшіе законы природы выражаются аналитическими функціями, и непрерывность дѣйствительно есть присущее и основное свойство явленій, связанныхъ съ этими законами. Мы не имѣемъ однако права распространять область непрерывности на всѣ явленія природы. Для этого у насъ нѣтъ ни логическихъ, ни фактическихъ основаній.

До сихъ поръ полагали, что на каждый научный вопросъ долженъ существовать только одинъ опредѣленный отвѣтъ, и не допускали случаевъ, когда могло быть нѣсколько рѣшеній. Между тѣмъ въ аритмологіи встрѣчаются особыя функціи, обратныя прерывнымъ.

Ихъ можно назвать функціями произвольныхъ величинъ. Онѣ обладаютъ свойствомъ имѣть безчисленное множество

значеній для одного и того же значенія независимаго переменнаго.

Эти функціи встрѣчаются въ природѣ. Можно привести примѣры, гдѣ имѣеть мѣсто ихъ приложеніе.

Извѣстно, что по закону Вебера существуетъ соотношеніе между ощущеніемъ и впечатлѣніемъ, выражаемое логариомической функціею. Однако при этомъ обнаруживается слѣдующая особенность. Впечатлѣніе можетъ иногда измѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, тогда какъ ощущеніе остается постояннымъ. Такимъ образомъ ощущеніе есть прерывная функція впечатлѣнія. Обратное впечатлѣніе, рассматриваемое какъ функція даннаго ощущенія, есть произвольная величина, способная получить всякое значеніе въ опредѣленныхъ предѣлахъ измѣненія. Такая зависимость ведетъ къ цѣлому ряду замѣчательныхъ психологическихъ результатовъ. Она расширяетъ наши взгляды на природу и на человѣка. Согласно съ этимъ закономъ, данному впечатлѣнію всегда соотвѣтствуетъ въ данномъ индивидуумѣ опредѣленное ощущеніе, но данному ощущенію можетъ соотвѣтствовать много впечатлѣній.

Въ виду этого закона, какъ скоро мы пожелаемъ по нашимъ ощущеніямъ сдѣлать тѣ или другіе выводы о соотвѣтствующихъ впечатлѣніяхъ, мы не въ состояніи ручаться за точность и полную опредѣленность заключенія. Такимъ образомъ, по самой сущности нашей конечной организаціи, мы должны устранить преобладающее господство роковой необходимости въ области нашихъ чувствъ и нашихъ поступковъ.

Только продолжительное воспитаніе можетъ нѣсколько суживать границы неопредѣленности въ нашихъ сужденіяхъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ. Самая необходимость самовоспитанія уже изгоняетъ фатализмъ изъ нашихъ теоретическихъ взглядовъ на человѣка и его природу. Нѣкоторая доля случайности, появляющаяся въ нашихъ дѣйствіяхъ, вноситъ элементъ случайности въ самую природу.

Такимъ образомъ случайность выступаетъ на сцену, какъ

присущее свойство нѣкоторыхъ міровыхъ явленій. Въ мірѣ господствуетъ не одна достовѣрность. Въ немъ имѣетъ силу также и вѣроятность.

Ученіе о случайныхъ явленіяхъ или теорія вѣроятностей является существенною математическою наукою въ общей системѣ знаній. Философу нужно считаться съ вѣроятностію такъ же, какъ и съ достовѣрностію.

Теорія вѣроятностей должна давать отвѣты тамъ, гдѣ неприменимы анализъ и аритмологія и гдѣ неизвѣстенъ законъ явленія.

Она выступаетъ большею частію въ сферѣ очень сложныхъ событій. Къ области ихъ должны безспорно быть отнесены многія общественныя явленія. Теорія вѣроятностей применима ко многимъ социальнымъ явленіямъ. Законъ большихъ чиселъ показываетъ, что вліяніе случайныхъ причинъ, нарушающихъ правильный ходъ явленій, можетъ быть ослаблено большимъ числомъ наблюдений.

На основаніи этого закона наши заключенія о случайныхъ явленіяхъ могутъ имѣть нѣкоторую силу, не смотря на то, что намъ неизвѣстны законы ихъ причинной связи съ другими явленіями.

Къ какимъ же соображеніямъ мы должны прійти по вопросу объ отношеніи математики къ научно-философскому міросозерцанію?

Сущность истиннаго научно-философскаго міросозерцанія вытекаетъ изъ примѣненія математики въ ея полномъ объемѣ къ изученію явленій природы. Тамъ, гдѣ явленія характеризуются непрерывностію въ своихъ измѣненіяхъ, примѣнимъ математическій анализъ и вполне применимо аналитическое пониманіе этихъ явленій. Въ этихъ случаяхъ явленія, развиваясь по неизмѣннымъ и постояннымъ законамъ, допускаютъ возможность обрисовать ихъ съ полною определенностію въ цѣломъ и въ ихъ элементарныхъ обнаруженіяхъ. Можно сдѣлать яснымъ самый ходъ такихъ явленій для всѣхъ моментовъ времени. Такія явленія можно предсказать. Они совершаются какъ бы роковой необходимостью.

Кромѣ явленій, подчиняющихся въ своемъ развитіи законамъ непрерывности, существуютъ въ природѣ болѣе сложныя явленія, не подчиняющіяся этимъ законамъ. Тамъ иногда приложима теорія прерывныхъ функцій.

Аритмологическая точка зрѣнія дополняетъ аналитическое мировоззрѣніе. Точки зрѣнія аналитическая и аритмологическая въ своей совокупности составляютъ вмѣстѣ одно математическое пониманіе явленій. Наконецъ, тамъ, гдѣ явленія не подчиняются правильнымъ законамъ, приложимо ученіе о случайности. Изъ совокупнаго примѣненія всѣхъ этихъ отдѣловъ математики образуется истинное научно-философское міросозерцаніе.

При объясненіи міровыхъ явленій можно держаться различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ называемое позитивное міросозерцаніе стремится отвѣтить только на вопросъ: „какъ совершаются эти явленія?“ Господствующее аналитическое міросозерцаніе пытается отвѣчать на вопросы: „какъ и почему?“... Истинное научно-философское міросозерцаніе стремится къ тому, чтобы по мѣрѣ силъ отвѣтить не только на вопросы: „какъ и почему?“, но и на вопросы: „къ чему и зачѣмъ?“ Это міросозерцаніе не вноситъ разлада между нашимъ пониманіемъ и нашими чувствами. Оно не приводитъ къ столкновенію явленій дѣлесообразности съ явленіями причинности. Оно пытается привести наши идеи и наши идеалы къ гармоническому единству.

Лейбницъ, основатель исчисления бесконечно-малыхъ, первый формулировалъ идею о прогрессѣ, какъ идею о постепенномъ усовершенствованіи общества. Онъ, положивъ прочныя основы для развитія математическаго анализа, значительно содѣйствовалъ укрѣпленію аналитическаго міросозерцанія. Онъ самъ считалъ себя творцомъ начала непрерывности. Онъ же сознавалъ и недостаточность его для объясненія всѣхъ міровыхъ явленій. Его монадологія имѣла въ виду дополнить аналитическое міросозерцаніе и дать философскій отпоръ наклонности къ раціонализму и универсализму нѣкоторыхъ философовъ. Въ ней онъ показалъ,

какое важное значеніе имѣютъ недѣлимые и самостоятельны индивидуальности въ міровомъ порядкѣ. Въ этомъ сказалось глубокое философское чутье великаго математика.

Я не касался вообще философской стороны вопроса. Логика, психологія, исторія философіи во многихъ случаяхъ еще убѣдительно подтверждаютъ наши соображенія.

Мы видѣли, что въ области чистой математики непрерывность и прерывность суть два понятія, несводимыя одно къ другому. Они представляютъ примѣръ математической антиноміи. Полное пониманіе научныхъ математическихъ фактовъ возможно только при условіи, чтобы два эти способа измѣненія величинъ въ равной мѣрѣ были принимаемы во вниманіе. При правильной оцѣнкѣ и научной классификаціи фактовъ чистой математики должны между ними устанавливаться не противорѣчіе, а гармонія.

Точно также изъ тѣхъ областей знанія, которыя обнимаютъ собою логика, психологія, исторія философіи и социологія, мы убѣждаемся, что универсальное и индивидуальное, абстрактное и конкретное, личное и общественное, интеллектуальное и художественное, взаимно дополняютъ другъ друга.

Тамъ, мы уясняемъ себѣ, что причинность и цѣлесообразность, необходимость и случайность, анализъ и синтезъ, самоутвержденіе и самоотрицаніе—могутъ и должны найдаться въ полномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Эти понятія не должны исключать и подавлять другъ друга. Жизнь заключается въ постоянномъ стремленіи дать законный исходъ различнымъ и, повидимому, противоположнымъ влеченіямъ. Въ той антиноміи, которая вносится этими понятіями, кроется тотъ жизненный пульсъ, которымъ проникнуто все, что мыслить, страдаетъ и любить. Въ обсужденіи и оцѣнкѣ міровыхъ фактовъ мы должны считаться съ ними, приводить ихъ къ единству и гармоніи.

Я не касался подробно вопроса съ этой точки зрѣнія только потому, что это выходило за предѣлы моей задачи. Я хотѣлъ только выяснитъ, что, оставаясь на одной объ-

ективной и научной почвѣ, можно прійти къ болѣе глубокимъ взглядамъ на жизнь и природу. Я хотѣлъ оправдать истинную науку отъ нареканій. Я желалъ показать, что истины, выдвигаемыя точными науками, не отрицають, а утверждаютъ на прочныхъ основахъ наши идеальныя стремленія къ единству и гармоніи.

Вотъ почему мы на вполнѣ объективной почвѣ можемъ примкнуть ко второй половинѣ того же стихотворенія, гдѣ, давая отпоръ одностороннему аналитическому міросозерцанію, подчиняющему природу законамъ фатальной необходимости, человѣкъ, въ отвѣтъ такой безжалостной природѣ, подѣ влияніемъ болѣе глубокаго пониманія мировыхъ явленій, характеризуетъ свое назначеніе въ слѣдующихъ поэтическихъ словахъ.

Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ: свобода!
 Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
 Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долину тихой рая
 Шатаясь, падая подѣ ношей крестныхъ мукъ,
 Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
 Хоругви правды и добра изъ мощныхъ рукъ.
 И гордо говоритъ: Кто-бъ этотъ пылъ священный
 Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
 Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,—
 Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
 Мертва ты и слѣпа въ своей красѣ суровой,
 А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
 Изъ книги бытія, законодатель новый,
 Я вычеркну порокъ, скажу: погибни, тьма!
 Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынь,
 Гдѣ слѣдъ я оставлялъ тяжелаго труда!
 И будешь ты сама служить моей святынѣ,
 Иль я съ лица земли исчезну навсегда...

Н. Бугаевъ.

Философія права.

Введеніе.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ философія права занимала выдающееся мѣсто въ ряду юридическихъ наукъ. Каково бы ни было разнообразіе взглядовъ на философскія основанія права, признавалось, какъ несомнѣнная истина, что они должны служить руководящими началами практики. Философія права была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія въ университетахъ; она породила обширную ученую литературу. И это имѣло глубокой смыслъ, ибо область права не исчерпывается положительнымъ законодательствомъ. Послѣднимъ опредѣляются тѣ юридическія нормы, которыя дѣйствуютъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Но юридическіе законы не остаются вѣчными и неизмѣнными, какъ законы природы, которые нужно только изучать и съ которыми всегда надобно сообразоваться. Положительные законы суть произведенія человѣческой воли и, какъ таковыя, могутъ быть хороши или дурны. Съ этой точки зрѣнія, они требуютъ оцѣнки. По той же причинѣ они измѣняются, сообразно съ измѣненіями потребностей и взглядовъ. Чѣмъ же долженъ руководствоваться законодатель при опредѣленіи правъ и обязанностей подчиняющихся его велѣніямъ лицъ? Онъ не можетъ черпать руководящія начала изъ самого положительнаго права, ибо это именно то, что требуется оцѣнить и измѣнить; для этого нужны иныя, высшія соображенія. Онъ не можетъ

довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо послѣдняя представляетъ значительное разнообразіе элементовъ, интересовъ и требованій, которые приходятъ въ столкновенія другъ съ другомъ и между которыми надобно разобратъся. Чтобы опредѣлить ихъ относительную силу и достоинство, надобно имѣть общіе вѣсы и мѣрило, то-есть руководящія начала, а ихъ можетъ дать только философія. Нельзя разумнымъ образомъ установить права и обязанности лицъ, не зная, что такое право, гдѣ его источникъ и какія изъ него вытекаютъ требованія. Это начало тѣсно связано съ самою человѣческою личностью, а потому необходимо изслѣдовать природу человѣка, ея свойства и назначеніе. Все это вопросы философскіе, которые поэтому не могутъ быть рѣшены безъ глубокаго и основательнаго изученія философіи. Отсюда та важная роль, которую играла философія права въ развитіи европейскихъ законодательствъ. Подъ влияніемъ вырабатываемыхъ ею идей разрушался завѣщанный вѣками общественный строй и воздвигались новыя зданія. Достаточно указать на провозглашенныя философіею XVIII-го вѣка начала свободы и равенства, которыя произвели Французскую революцію и имѣли такое громадное влияніе на весь послѣдующій ходъ европейской исторіи.

Это увлеченіе идеями имѣло однако и свою оборотную сторону. Возносясь въ отвлеченную область, философская мысль мало обращала вниманія на реальныя условія жизни. Къ практикѣ она относилась чисто отрицательно; нерѣдко она строила фантастическія зданія, которыя не могли найти приложения въ реальномъ мірѣ. Таковъ былъ *Общественный Договоръ* Руссо. Таковымъ же въ особенности является послѣднее произведеніе самой крайней идеалистической философіи—соціализмъ.

Такое направленіе естественно вызвало реакцію. По общему свойству человѣческаго ума, склоннаго предаваться одностороннимъ теченіямъ, она обратилась не только противъ увлеченій идеализма, но и противъ философіи вообще. Въ движеніи мысли произошелъ крутой поворотъ. Дошедши

до крайнихъ предѣловъ односторонняго пути и не видя исхода, мышленіе внезапно перескочило на противоположный конецъ. вмѣсто того, чтобы строить зданіе по начертанному архитекторомъ общему плану, оно принялось воздвигать фундаментъ на основаніи чисто практическихъ соображеній. Метафизика была отвергнута, какъ бредъ воображенія, и единственнымъ руководящимъ началомъ всякаго знанія и всякой дѣятельности признанъ былъ опытъ.

Послѣдняя односторонность оказалась однако горше первой. Если идеализмъ, витая въ облакахъ, строилъ иногда фантастическія зданія и дѣйствовалъ разрушительно на практику, то въ немъ самомъ заключалась и возможность поправки: подъ влияніемъ критики, одностороннія опредѣленія замѣняются болѣе полными и всесторонними. Реализмъ же, лишенный идеальныхъ, то-есть разумныхъ началъ, остается безсильнымъ противъ самыхъ нелѣпыхъ теорій. Именно на почвѣ реализма социализмъ, въ самыхъ крайнихъ своихъ формахъ, не встрѣчая надлежащаго отпора, болѣе и болѣе покоряетъ себѣ массы. Самое понятіе о правѣ совершенно затмилось въ современныхъ умахъ. Оно было низведено на степень пракческаго интереса, ибо для идеальныхъ началъ не остается болѣе мѣста. Германская юриспруденція, въ лицѣ одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей, прямо провозгласила, что право есть политика силы *). Оно является выраженіемъ эгоизма, но не личнаго, а общественнаго, превращающаго отдѣльное лице въ вьючное животное, осужденное носить непосильное бремя общественныхъ тяжестей, подъ которымъ оно изнемогаетъ **). Не только право, но и сама нравственность выводится изъ того же начала. Индивидуализмъ долженъ быть выгнанъ изъ этого послѣдняго угла, изъ области внутренней совѣсти, въ которой онъ старается укрыться ***). Та-

*) Ihering: der Zweck im Recht, I, стр. 255; тамъ же, стр. 252: „So ist mithin das Recht nur ein Accidens der Gewalt selber“.

***) Тамъ же, II стр. 192; I, стр. 522.

****) Тамъ же, II; стр. 157.

ковы теоріи, въ настоящее время господствующія въ странѣ, которыя полвѣка тому назадъ были родиной самаго глубокаго и возвышеннаго идеализма. Очевидно, онѣ идутъ прямо на руку социалистамъ, которыхъ всѣ стремленія клонятся къ тому, чтобы массою, одушевленной эгоистическими цѣлями, подавить всякую самостоятельность отдѣльнаго лица и не дать никому возвыситься надъ общимъ низменнымъ уровнемъ.

Тѣ изъ молодыхъ юристовъ, которые, возмущаясь господствующими теченіями, признаютъ въ современномъ мірѣ полную „дезорганизацію правосознанія“ и въ особенности въ ученіи Іеринга видятъ „лишь одинъ изъ симптомовъ общей болѣзни, общей нравственной и идейной дегенераціи теперешней переходной эпохи культуры“ *), сами не въ состояніи выбиться изъ проложенной колеи. Они хотятъ возстановить старое естественное право, но, при полномъ недостаткѣ философской подготовки, не знаютъ, какъ къ этому приступить. По примѣру Іеринга, они смѣшиваютъ право съ политикой и возвѣщаютъ науку будущаго—цивильную политику, которая должна быть возрожденіемъ естественнаго права! **) Чего только нѣтъ въ этой наукѣ будущаго? Тутъ и проповѣдь любви Ап. Павла, которая должна сдѣлаться цѣлью правовѣднія (!), и экономическое устройство общества по новѣйшимъ рецептамъ нѣмецкихъ социалистовъ каѳедры, которыхъ теоріи представляютъ полнѣйшій хаосъ всякаго рода юридическихъ, нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ понятій. Нѣтъ только того, что составляетъ источникъ и основаніе всякаго права—человѣческой личности, съ ея духовной природой и вытекающими изъ нея требованіями. Лица рассматриваются просто какъ склады товаровъ (Güterstationen), по которымъ произведенія размѣщаются государствомъ, на основаніи соображеній общественнаго блага, болѣе и болѣе приближаясь къ идеалу

*) Петражицкій: Права добросовѣстнаго владѣльца, стр. 420; его же: Die Lehre von Einkommen, стр. 599.

**) Die Lehre v. Einkom. стр. 579, примѣч.

любви. Цѣлью цивильной политики ставится распредѣленіе имущества, которое признается не частнымъ, а общественнымъ дѣломъ, а потому должно завѣдываться государствомъ, по общему плану. О томъ, что людямъ что-нибудь принадлежитъ, чего нельзя у нихъ отнять безъ нарушения справедливости, нѣтъ и рѣчи. Справедливость не состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому свое, какъ опредѣляли римскіе юристы; это не болѣе какъ смутное чувство, которымъ прикрываются чисто голословныя утвержденія. Признается, что государство можетъ по своему произволу постановлять все, что угодно, на примѣръ, что процентъ съ капитала долженъ принадлежать не собственнику, а тому, кто употребляетъ капиталъ. Автору, повидимому, даже не приходится въ голову, что еслибы государство издало подобный законъ, то разомъ прекратились бы всѣ сдѣлки и займы и промышленность стала бы на точкѣ замерзанія. Правительство, которое вздумало бы сдѣлать такое постановленіе, слѣдовало бы прямо посадить въ домъ умалишенныхъ. Но всего изумительнѣе то, что эти взгляды самаго новѣйшаго издѣлія подкрѣпляются авторитетомъ римскихъ юристовъ. Правда, послѣдніе не имѣли понятія о цивильной политикѣ, которая, къ благополучію человѣческаго рода, даже въ настоящее время еще не родилась и, можно надѣяться, никогда не родится. Столь же мало они знали о теоріяхъ современныхъ социалистовъ каеэдры и социаль-политиковъ. Поэтому ихъ разсужденія откидываются, какъ негодныя. Хотя юридическая логика признается самымъ существеннымъ элементомъ проповѣднія, однако это относится лишь къ логикѣ будущей цивильной политики, а не къ прославленной логикѣ римскихъ юристовъ, которая обличаетъ только ихъ полное экономическое невѣжество. Важное значеніе ихъ заключается не въ томъ ясномъ и вѣрномъ юридическомъ смыслѣ, съ помощью котораго они, разрѣшая жизненныя столкновенія, создали цѣльную и стройную систему права, что и дѣлало ихъ всегда предметомъ удивленія, а въ томъ, что они были безсознательными органами

какого-то никому неизвѣстнаго обычнаго права какого-то неизвѣстнаго народа, ибо что такое былъ римскій народъ во времена Имперіи? Съ этой точки зрѣнія будущая цивильная политика должна пользоваться ихъ указаніями, чтобы постепенно приближаться къ идеалу любви.

Таковы юридическія воззрѣнія, которыя появляются въ настоящее время въ Германіи и у насъ, какъ послѣднее слово новѣйшей науки. Еслибы всѣ эти странныя измышленія были произведеніемъ молодого человѣка, хватающаго вершки и желающаго выдумать что-нибудь свое, то это было бы понятно и не имѣло бы значенія. Но когда все это является подъ перомъ ученаго, хотя недавно выступившаго на литературное поприще, но обнаруживающаго въ своихъ раннихъ произведеніяхъ обширныя свѣдѣнія, тонкій умъ и блестящій талантъ, то это служить указаніемъ на ту школу, изъ которой онъ вышелъ. По собственному выраженію автора, это одинъ изъ признаковъ того полнаго затмѣнія правосознанія, которое служитъ характеристическою чертою современныхъ обществъ.

Если таковы понятія юристовъ, то чего же можно ожидать отъ не-юристовъ? Во Франціи презрѣніе къ индивидуализму не достигло до такой степени, какъ въ Германіи. Тамъ живы еще преданія Французской Революціи, съ провозглашенными ею началами свободы и равенства; тамъ и въ учрежденіяхъ, и въ мыслящихъ сферахъ сохраняются понятія о правахъ человѣка. Но эти понятія были порожденіемъ метафизики, а метафизика отвергается, какъ устарѣвшій хламъ; господствующая нынѣ положительная философія признаетъ, что мы сущности вещей не знаемъ и не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о метафизической природѣ человѣка, изъ которой вытекаютъ эти права. И духовная личность, и свойственная ей свобода воли, все это считается метафизическими бреднями, которыя надобно выкинуть за бортъ. Но тогда что же остается? Остается скептицизмъ, и на немъ думаютъ основать начала свободы и равенства. Хотя мы истинной природы человѣка не знаемъ, хотя мы не знаемъ

даже, что такое добро, однако мы все-таки можем *гипотетически* стремиться, можетъ быть, и къ неосуществимому идеалу права. Но такъ какъ это не болѣе какъ гипотеза, то мы должны предоставить каждому идти къ этому идеалу по-своему, лишь бы онъ не нарушалъ чужой свободы и всеобщаго равенства. Устройство практическихъ отношеній опредѣляется такимъ образомъ не способностью къ теоретическому познанію *). Очевидно, однако, что при такой хотя и совершенно туманной, постановкѣ вопроса ни о какомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи. Каковы бы ни были границы человѣческаго познанія, нельзя поставить на одну доску генія и глупца, глубокаго ученаго и круглаго невѣжду. Всего менѣе могутъ это дѣлать послѣдователи положительной философіи, которые признаютъ науку высшимъ руководящимъ началомъ человѣческой жизни. Основатель ея, Огюсть Контъ, былъ весьма далекъ отъ подобныхъ выводовъ, не имѣющихъ за себя ни фактическаго основанія, ни логической связи.

Но не въ одномъ только правовѣдѣніи упадокъ философіи ведетъ къ извращенію понятій и къ шаткости взглядовъ. Та же участъ постигла всѣ общественныя науки. Человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо; метафизическія начала руководятъ его дѣйствіями; они входятъ, какъ основной элементъ, во всѣ общественныя отношенія. Поэтому, какъ скоро метафизика была отвергнута, такъ всѣ теоретическія основанія общества были расшатаны. Но такъ какъ безъ нихъ нельзя обойтись, такъ какъ человѣкъ, будучи разумнымъ существомъ, стремится дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ отношеніяхъ и съ сознанными имъ началами соображаетъ свои поступки, то, отвергнувъ метафизическія основанія общества, надобно было замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ. Требовалось создать положительную науку объ обществѣ, основанную на чисто опытныхъ данныхъ. Это и пытался сдѣлать Огюсть

---

*) См. Fouillée: L'idée moderne du droit. 4 éd. стр. 288.

Контъ. Онъ сочинилъ новую науку, соціологію, которая должна была обнимать всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣческихъ обществъ, служа имъ общей основой. Въ ней онъ видѣлъ вѣнецъ воздвигнутаго имъ философскаго зданія, которое, въ сущности, было полнымъ отрицаніемъ всякой философіи.

Въ другомъ мѣстѣ я подробно разобралъ ученіе Конта и показалъ всю его несостоятельность *). Полное извращеніе фактовъ, при отсутствіи всякаго яснаго взгляда, и чисто фантастическое построеніе будущаго нормальнаго общества—таковы были единственные результаты этой попытки. Однако, потребность выяснитъ себѣ основанія человѣческаго общежитія давала себя чувствовать, а потому, въ новѣйшее время, примѣръ Конта нашель многочисленныхъ подражателей. По этому предмету возникла довольно объемистая литература; въ нѣкоторыхъ университетахъ учреждены даже каѳедры соціологіи. Но такъ какъ научныхъ основаній для построенія подобныхъ зданій не было никакихъ, то изъ этого ничего не могло выдти, кромѣ довольно празднаго разглагольствованія. Сами соціологи въ этомъ сознаются. „Соціологія,—говоритъ новѣйшій изъ нихъ, Гиддингсъ,—была (надобно въ этомъ признаться) субстанціей научныхъ вещей, составляющихъ предметъ чаянія (a substance of scientific things hoped for); но осуществленіе ея логическихъ возможностей, по крайней мѣрѣ, немного ближе теперь, нежели когда Г. Спенсеръ писалъ свою пробуждающую главу о нашей потребности въ такой наукѣ“ **). Ближе однако мы не подвинулись. Что и доселѣ, кромѣ праздныхъ надеждъ, тутъ ничего нѣтъ, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто съ истинно научнымъ пониманіемъ приступаетъ къ изученію произведеній этой литературы.

Прежде всего, соціологи не могутъ придти къ соглашенію на счетъ того, какая это наука. Олни говорятъ, что это — „наука абстрактная, которая должна заключать въ себѣ

*) См. *Положительная философія и единство науки*.

**) *The Principles of sociology*, стр. 17.

истины общаго характера^{*)}); другіе, напротивъ, утверждаютъ, что это—наука конкретная, описательная, историческая и индуктивная^{**}). Очевидно, такое разногласіе было бы невозможно, еслибы эта наука существовала. Самое ея содержаніе показало бы, что это за наука. Никто не сомнѣвается въ томъ, какого рода науки—математика, астрономія, химія, исторія, политическая экономія; у нихъ есть содержаніе, которое говоритъ за себя. Соціологія же пока пробавляется только чаяніями, а потому представляетъ широкое поприще для самыхъ разнообразныхъ предположеній.

На этотъ счетъ можно однако столкнуться, ибо поле тутъ совершенно чистое: пиши, что хочешь! Бѣда въ томъ, что, какъ бы мы ни посмотрѣли на соціологію, будемъ ли мы видѣть въ ней абстрактную или конкретную науку, въ обоихъ случаяхъ „осуществленіе логическихъ ея возможностей“ встрѣчаетъ неодолимые препятствія. Если мы остановимся на томъ, что это—конкретная, историческая и описательная наука, какъ утверждаетъ Гиддингсъ, то она должна включить въ себя весь громадный фактической матеріалъ, собранный различными общественными науками въ ихъ многовѣковомъ развитіи. Тутъ нельзя уже пробавляться жиденькими томиками съ кой-откуда набраннымъ содержаніемъ; соціологія въ этой формѣ можетъ быть изложена только въ многотомныхъ сочиненіяхъ, обнимающихъ всѣ отрасли человѣческаго знанія, касающіяся общественныхъ отношеній. Ни одинъ серьезный ученый, конечно, не возьмется за такую работу, превышающую силы отдѣльнаго человѣка. Сами соціологи, когда они берутся излагать свою конкретную науку, отнюдь не пытаются осилить весь фактической матеріалъ. Оставаясь въ области чаяній, они довольствуются скудными извлеченіями на обумъ выхваченныхъ фактовъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій, преимущественно о первобытной культурѣ человѣчества. Если отбросить эти никому не нужные и ни-

*) Каръевъ: Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 120.

***) Giddings: Pr. of soc., стр. 49.

чего не доказывающія компиляціи, то ничего не останется, кромѣ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ и ни на чемъ не основанныхъ разсужденій.

Съ другой стороны, если мы будемъ смотрѣть на социологию какъ на абстрактную науку, изслѣдующую общія начала общежитія и долженствующую служить руководствомъ для всѣхъ частныхъ наукъ, касающихся человѣческихъ обществъ, то здѣсь возникаютъ затрудненія своего рода. Спрашивается: откуда взять эти общія начала? Они могутъ быть добыты двоякимъ путемъ: посредствомъ индукціи и посредствомъ дедукціи. Положительная философія, опирающаяся на опытъ, очевидно должна избрать первый путь. Но тогда приходится изучить всѣ отдѣльныя науки, свести ихъ къ единству и извлечь изъ нихъ то, что въ нихъ есть общаго и достовѣрнаго. Въ такомъ только случаѣ общія начала будутъ стоять на прочномъ основаніи всесторонне изслѣдованныхъ и логически связанныхъ фактическихъ данныхъ. Таково непремѣнное требованіе истинно научной индукціи. Нечего говорить о томъ, что никто изъ современныхъ социологовъ не думалъ предпринимать подобнаго труда. Кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ различныхъ общественныхъ наукъ, тотъ знаетъ, что эта задача даже и неисполнима. Въ настоящее время она менѣе возможна, нежели когда-либо, ибо съ упадкомъ философіи всѣ основанія, на которыхъ строились отдѣльныя науки, расшатаны и подвергнуты сомнѣнію. Позитивисты прямо заявляютъ, что надобно все зданіе перестроить заново, откинувъ все, что носитъ на себѣ печать метафизики. Для исполненія такой задачи строго научнымъ образомъ требуется работа многихъ поколѣній: надобно осилить весь фактической матеріалъ, утвердить его на непоколебимыхъ основаніяхъ, и тогда уже извлечь изъ него общія начала, которыя должны служить предметомъ социологии. При такихъ условіяхъ, о социологии, какъ наукѣ, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи; она является не болѣе, какъ чаяніемъ отдаленнаго будущаго.

Остается, слѣдовательно идти путемъ дедуктивнымъ, который гораздо проще и легче, особенно если не быть слишкомъ взыскательнымъ на счетъ логики. Но откуда же взять общія начала? Такъ какъ частныя общественныя науки ихъ не даютъ, а метафизика отвергнута, то приходится заимствовать ихъ изъ другихъ наукъ, пришедшихъ къ болѣе или мѣнѣе достовѣрнымъ выводамъ. Такой приемъ былъ указанъ уже Огюстомъ Контомъ, и по этому пути послѣдовали многіе изъ новѣйшихъ социологовъ. Однако онъ не привелъ и не можетъ привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ. Перенесеніе даже вполне достовѣрныхъ началъ изъ одной области въ другую, гдѣ господствуютъ совершенно иныя условія, всегда въ значительной степени гадательно, а нерѣдко приводитъ къ прямо превратному пониманію вещей. Начала, господствующія въ извѣстной области, должны быть изучаемы въ ней самой, а не приносимы извнѣ, что ведетъ къ насильственному подчиненію фактовъ подъ совершенно чуждымъ имъ понятіемъ. Это и случается сплошь и рядомъ съ социологами, которые заимствуютъ свои основныя начала изъ другихъ, болѣе или менѣе близкихъ къ социологіи наукъ, именно, изъ біологіи и психологіи.

Уже Контъ указывалъ на біологію, какъ на такую науку, начала которой должны опредѣлять устройство и развитіе человѣческихъ обществъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ социологовъ рѣшительно пошли по этому пути. Два біологическихъ начала въ особенности были приложены къ явленіямъ общественной жизни: понятіе объ обществѣ, какъ объ организмѣ, и провозглашенная Дарвиномъ борьба за существованіе.

Первое начало не ново. Еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія понятія объ организмѣ и объ органическомъ развитіи были выработаны философскою школою Шеллинга, въ особенности же Аренсомъ, а историческая школа, съ своей стороны, противопоставляла органическое развитіе права всякому произвольному законодательству. Позднѣе, даже основательные юристы, какъ Блунчли,

прибѣгали къ такого рода уподобленіямъ, и далеко не всегда умѣстно. Но такъ какъ эти сравненія и метафоры не имѣли вліянія на содержаніе ученія, то они оставались безвредными. Существенны были общія понятія объ организмѣ, какъ объ отношеніи цѣлаго и частей, отличномъ отъ чисто внѣшняго, механическаго сочетанія, и о развитіи, какъ естественномъ ростѣ сознанія, въ противоположность извнѣ наложеннымъ формамъ. Эти понятія, при должныхъ оговоркахъ, могли быть съ пользою усвоены наукою. Но совсѣмъ иначе взглянули на это послѣдователи положительной философіи. Общія начала они отвергаютъ, какъ продуктъ метафизики; для нихъ важны явленія, и они понятіе объ организмѣ прилагаютъ къ обществу, не въ видѣ сравненія, а какъ нѣчто реальное. Метафоры превращаются въ дѣйствительныя явленія жизни. Не только цѣлое общество понимается какъ организмъ, но отдѣльныя лица уподобляются клѣточкамъ, а ихъ соединенія тканямъ; проводятся аналогіи различныхъ органовъ и функций, при чемъ составными частями общественнаго организма признаются не только живыя существа, но и матеріальныя принадлежности, дороги, дома, топливо и т. п. И изъ всѣхъ этихъ чисто фантастическихъ построеній, которыя далеко оставляютъ за собою старую метафизику, дѣлаются мнимо научные выводы объ отношеніяхъ лица къ обществу, причемъ съ одинакимъ правдоподобіемъ можно утверждать полное поглощеніе лица обществомъ и отстаивать чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. Образцами того и другого могутъ служить, съ одной стороны, много-томное сочиненіе бывшаго профессора политической экономіи и министра Австрійской имперіи Шеффле: *Строеніе и жизнь общественнаго тѣла*, съ другой стороны *Начала социологіи* самаго виднаго изъ современныхъ философовъ-эмпириковъ, Герберта Спенсера. Съ научной точки зрѣнія оба представляютъ только рядъ безконечныхъ фантазій*).

*) Болѣе подробный разборъ теорій Шеффле и Спенсера см. въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, I, стр. 302 и слѣд.

Еще менѣе приложимо начало борьбы за существованіе. Даже и въ области біологіи это начало, какъ источникъ развитія, остается голою гипотезой, которая не находитъ подтвержденія въ фактахъ. Никто никогда не видалъ, чтобы организмы измѣнялись подъ вліяніемъ борьбы за существованіе. Тѣ видоизмѣненія, которыя производятся путемъ искусственнаго подбора и которыя служили точкою отправленія для Дарвина, совершаются именно вслѣдствіе того, что животныя и растенія изъемяются изъ подъ вліянія борьбы за существованіе; какъ скоро они предоставлены себѣ, они возвращаются къ нормальному типу. Плохимъ оправданіемъ отсутствія фактовъ служатъ тѣ громадныя періоды времени, которые будто бы необходимы для того, чтобы произвести и упрочить самыя маленькія измѣненія. Это только жалкое убѣжище незнанія. Искусственный подборъ дѣйствуетъ успѣшно въ весьма короткіе періоды времени, а природа, по признанію самого Дарвина, обладаетъ несравненно большими средствами, нежели человекъ. Если, несмотря на то, не замѣчается никакого превращенія низшихъ организмовъ въ высшіе, въ силу кипящей всюду борьбы за существованіе, то, значить, ничего подобнаго нѣтъ. Вся эта теорія построена не на фактическихъ, а на чисто-логическихъ основаніяхъ; но и логика тутъ плохая. Говорятъ, что перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе всегда имѣетъ организмъ наиболѣе къ ней приспособленный, а такъ какъ организмы измѣнчивы и свойства предковъ передаются потомкамъ, то случайно появившіеся признаки, полезные организму, упрочиваются наслѣдственностью и такимъ образомъ служатъ источникомъ все высшаго и высшаго развитія. Это выражается краткою формулой, что остается въ живыхъ организмъ, наиболѣе приспособленный къ жизненнымъ условіямъ; остальные погибаютъ. Но почему же однако наиболѣе приспособленными къ разнообразнымъ и измѣнчивымъ условіямъ жизни мы должны считать именно совершеннѣйшіе, т.-е. самыя сложные организмы? Казалось бы, напротивъ, что высшіе организмы требуютъ

и высшихъ условий, тогда какъ низшіе довольствуются меньшимъ и выдерживаютъ больше; поэтому они сохраняются тамъ, гдѣ высшіе погибаютъ. Къ этому присоединяется то, что чѣмъ выше организмъ, тѣмъ менѣе онъ размножается, тогда какъ размноженіе низшихъ не знаетъ предѣловъ; при борьбѣ, переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію, количество, въ концѣ концовъ, неизбѣжно будетъ имѣть перевѣсъ надъ качествомъ. Ничтожныя бактеріи могутъ истребить многія тысячи самыхъ совершенныхъ организмовъ. Если послѣдніе, несмотря на то, сохраняются, если мы въ рядѣ органическихъ существъ замѣчаемъ переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, то это показываетъ, что тутъ дѣйствуютъ иныя начала, способствующія сохраненію и развитію организмовъ, несмотря на борьбу за существованіе. Самъ Дарвинъ сознается, что при нынѣшнемъ состояніи науки непонятно, въ силу чего низшіе организмы могутъ восходить на высшую ступень; но этимъ самымъ опровергается вся его теорія *).

Еще менѣе эта теорія примѣнима къ общественной жизни. Что борьба составляетъ одно изъ обычныхъ въ ней явленій, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался; это — фактъ для всѣхъ очевидный. Несомнѣнно и то, что человѣческое развитіе происходитъ путемъ борьбы; вся исторія ею наполнена. Но задача человѣческихъ обществъ состоитъ именно въ томъ, чтобы умѣрить эту борьбу и привести враждующія силы къ соглашенію. Государство установлено за тѣмъ, чтобы люди не истребляли другъ друга въ борьбѣ за существованіе. Обширная отрасль общественной дѣятельности, благотворительность, имѣетъ цѣлью поддержать слабѣйшихъ въ этой борьбѣ и не дать имъ погибнуть. Даже въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ нѣтъ высшей власти, господствующей надъ борющимися сторонами, происходятъ переговоры, сдѣлки, союзы, нерѣдко устраняющіе борьбу

---

*) Болѣе подробный разборъ теоріи Дарвина см. въ моемъ сочиненіи: *Положительная философія и единство науки*, особенно въ приложеніи: *Опытъ классификаціи животныхъ*.

и не дающіе праву силы разыгратъся на просторѣ. Обо всемъ этомъ въ животномъ царствѣ нѣтъ и помину. Поэтому приложеніе къ человѣческимъ обществамъ начала борьбы за существованіе есть ничто иное какъ перенесеніе плохой гипотезы изъ области біологіи въ такую среду, гдѣ господствуютъ совершенно иные элементы и стремленія. Въ исторіи человѣчества существенное значеніе имѣеть не процессъ борьбы, а тѣ начала, которыя въ ней проявляются и которыя часто не имѣютъ ничего общаго съ матеріальнымъ существованіемъ.

Многіе социологи сами это сознаютъ, а потому хотять основать свою науку не на біологіи, а на психологіи, частью личной, а еще болѣе коллективной, изслѣдующей явленія массъ. Эта область, безспорно, гораздо ближе къ общественнымъ явленіямъ, нежели біологія. Психологія могла бы дать драгоцѣнный матеріалъ наукѣ объ обществѣ, еслибы она сама стояла на прочныхъ основаніяхъ; но именно этого нѣтъ. Современная психологія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, отреклась отъ метафизики, а какъ скоро мы стали на эту точку зрѣнія, такъ нѣтъ ни малѣйшей возможности понять что-нибудь въ душѣ человѣка, которая имѣеть по преимуществу метафизическую природу и полна метафизическихъ представленій. Самое понятіе о душѣ и связанное съ нимъ понятіе о субъектѣ, о человѣческомъ я, понятіе, краеугольное для права, для нравственности и для всѣхъ общественныхъ наукъ, отвергается какъ продуктъ устарѣлой метафизики. Для эмпирической психологіи, нынѣ господствующей, субъектъ вовсе не существуетъ, а есть только рядъ явленій, или ощущаемыхъ нами состояній, связанныхъ общимъ закономъ, опредѣляющимъ ихъ послѣдовательность. Но при такомъ взглядѣ все для насъ дѣлается совершенно непонятнымъ. Милль, пришедши, путемъ анализа, къ этому заключенію, самъ приходитъ въ недоумѣніе: какимъ образомъ рядъ состояній можетъ помнить себя, какъ прошлое, и предвидѣть себя, какъ будущее? Еще менѣе, очевидно, можно ряду состояній приписать какія-нибудь

права или предъявлять къ нему какія-нибудь нравственныя требованія. Если въ теоретической области мы можемъ успокоиться на томъ, что это—тайна природы, вѣчно намъ недоступная, то въ практической сферѣ мы не въ правѣ изъ этой тайны дѣлать какіе бы то ни было выводы, да еще вдобавокъ обязательные для другихъ. Пока психологія не знаетъ даже, существуетъ ли субъектъ или нѣтъ, она не въ состояніи дать никакихъ началъ для общественныхъ наукъ.

Еще менѣе можетъ социологія почерпнуть изъ коллективной психологіи. Личная психологія имѣетъ, по крайней мѣрѣ, значительное количество собраннаго матеріала, а тутъ и этого нѣтъ. Сами социологи признаются, что, „къ сожалѣнію, коллективная психологія едва только зарождается*“). Нужно очень много смѣлости, чтобы строить совершенно новую науку на едва зарождающейся другой наукѣ. Но отвага социологовъ не знаетъ предѣловъ. Тамъ, гдѣ отсутствуютъ научныя требованія, полагающія границы блужданію фантазіи, тамъ послѣдняя можетъ разыгратъ на просторѣ. Можно себѣ представить, что изъ этого выходитъ. Рациональныя начала, подъ именемъ метафизики, выкинуты за бортъ, а фактическій матеріалъ не собранъ. Остается выдернуть наобумъ какое-нибудь явленіе и постараться свести къ нему всѣ остальные. Это и дѣлаютъ современные социологи. Но такъ какъ явленій много и они весьма разнообразны, а оснований для выбора нѣтъ никакихъ, и каждый дѣлаетъ это по своему личному, случайному впушенію, то и выходитъ полнѣйшая разногласица. Одинъ видитъ основной общественный факторъ въ договорѣ; другой, напротивъ, въ принудительномъ дѣйствіи внѣшнихъ силъ; третій ищетъ основного общественного мотива въ подражаніи, четвертый—въ экономическихъ отношеніяхъ. Пятый, новѣйшій, отвергаетъ всѣ эти объясненія, какъ негодныя, и признаетъ необходимость отправляться „отъ но-

---

*) Карфевъ: „Введеніе въ изученіе социологіи“, стр. 105.

ваго даннаго, которое доселѣ безуспѣшно искали, но которое не можетъ долѣе оставаться незамѣченнымъ“. Онъ утверждаетъ, что „соціологія должна отнынѣ идти по правильному пути, по той же причинѣ, какъ Г. Спенсеръ говоритъ, что человѣчество въ концѣ концовъ идетъ правильно, потому что оно испробовало всѣ возможные способы идти ложнымъ путемъ“ *). Это новое, доселѣ незамѣченное никѣмъ начало есть *сознаніе рода* (the consciousness of kind) то-есть, „состояніе сознанія, въ которомъ какое-нибудь существо признаетъ другое сознающее существо, какъ одного рода съ собою“. Но когда мы хотимъ выяснитъ себѣ, что такое это сознаніе рода, мы остаемся въ полномъ недоумѣніи. Признается, что это — основной соціальный факторъ, „совпадающій съ возможнымъ обществомъ“; но при этомъ онъ не только отличается отъ чисто экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ мотивовъ, но и постоянно приходитъ съ ними въ столкновеніе (стр. 18). Однако это и не сознаніе племенного сродства или народнаго единства, какъ можно было бы думать; сознаніе рода выражается „въ классовыхъ инстинктахъ и предразсудкахъ“, которые связываютъ политическія партіи гораздо сильнѣе, нежели мнѣнія или интересы. Не по убѣжденію, а въ силу „сознанія рода“ монархистъ чувствуетъ себя ближе къ монархисту, нежели къ республиканцу (стр. 180, 183). Съ другой стороны, „сознаніе рода всегда присуще, чтобы соединитъ тѣхъ, которыхъ убѣжденія разнятся, и раздѣлитъ тѣхъ, которыхъ убѣжденія согласны“ (стр. 199). Въ явленіяхъ тотемизма (т.-е. поклоненія символическимъ животнымъ у дикихъ народовъ), сознаніе рода связываетъ человѣка не только съ совершенно чуждыми ему людьми, но даже съ существами животнаго и растительнаго царства, гораздо тѣснѣе, нежели съ ближайшими друзьями (стр. 252). Спрашивается: что же, наконецъ, такое это новое, доселѣ незамѣченное начало, въ силу котораго соціологія должна въ концѣ кон-

---

*) Giddings: Pr. of Soc., стр. 17.

повъ ийти правильнымъ путемъ? Послѣднее слово социологіи погружаетъ насъ въ непроницаемый мракъ.

За недостаткомъ собственныхъ началъ, социологи не гнушаются и продуктами метафизики. Тѣ самые, которые отвергаютъ послѣднюю, какъ устарѣвшій хламъ, тѣмъ не менѣе возвеличиваютъ вытекшее изъ философіи XVIII вѣка *Объявленіе правъ челоѣка и гражданина*, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній челоѣчества: „въ признаніи правъ челоѣка и гражданина,—говорятъ они,—эта философія была безусловно права“ *). Какимъ образомъ можно считать метафизику чистою фантазіей, а ея произведенія признавать безусловно истинной, это остается тайной для челоѣка, привыкшаго связывать свои мысли. Но социологи какъ-то умѣютъ съ этимъ справляться.

Нѣкоторые изъ нихъ строятъ даже цѣлыя метафизическія системы, далеко оставляющія за собою воздушные замки старыхъ метафизиковъ. Такъ, на примѣръ, Фулье утверждаетъ, что социальная идея должна быть распространена на весь міръ, который „долженъ представляться въ психическихъ терминахъ и социологическихъ отношеніяхъ“ . . . „Недостаточно признать, что организмы суть общества, такъ же какъ и, наоборотъ, общества суть организмы. . . надобно сказать, что самое бытіе есть общественное и что вселенная есть безконечное общество, котораго существенный законъ состоитъ во взаимности дѣйствія и хотѣнія, то-есть въ солидарности, первой степени любви“. Не признавая такъ называемыхъ конечныхъ причинъ, можно „вѣрить за разъ во всеобщій механизмъ и во всеобщую чувствительность, какъ результатъ всемірнаго влеченія“ (*l'appréhension universelle*). Такимъ образомъ „механической эволюціонизмъ Спенсера будетъ служить простымъ переходомъ между позитивистскимъ агностицизмомъ Конта и психо-социологическимъ монизмомъ будущаго, который пойметъ міръ, какъ обширное общество элементовъ, заключающихъ въ себѣ

*) Карфевъ: „Введеніе въ изученіе социологіи“, стр. 269.

чувствительность и волю въ болѣе или менѣе скрытомъ состояніи“ *). Трудно идти далѣе этого въ фантастическихъ построеніяхъ; но позволительно ли выдавать это за науку?

Другой новѣйшій нѣмецкій социологъ, Раценгоферъ, отпращивается, напротивъ, отъ первичной, единой силы, которая, такъ же какъ у Спенсера, дифференцируется въ процессъ мірозданія, но вмѣстѣ стремится къ совершенствованію. Дифференціація ведетъ къ созданію единичныхъ вещей и существъ, которыя являются эманациями этой первобытной силы; съ каждой изъ нихъ связывается извѣстный интересъ. Отсюда раскрытая Дарвиномъ борьба за существованіе и истребленіе однихъ существъ другими. Но присущее имъ стремленіе къ совершенствованію, исходящее отъ первичной силы и передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію черезъ зачаточную плазму, по теоріи Вейсмана, ведетъ къ тому, что надъ личнымъ интересомъ возвышается социальный и, наконецъ, трансцендентальный. Таково социологическое познаніе міра, которое должно быть плодомъ положительной науки, откидывающей всякія фантазіи. Авторъ сознается однако, что положительная наука не въ состояніи доказать существованіе этой первичной силы и ея дѣйствія въ мірѣ. Здѣсь наука должна восполняться *втрюю* **). Съ помощью безотчетной вѣры, взятой неизвѣстно откуда, можно, конечно, сочинить всё, что угодно. Воображенію предоставляется самое широкое поле, но для науки тутъ не остается мѣста, а о положительномъ знаніи нѣтъ и помину.

Послѣ всего этого можно, кажется, повторить то, что я сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбирая ученіе Конта: „существуютъ и существовали отдѣльныя науки, касающіяся различныхъ сторонъ духовнаго естества человѣка: филологія, право, политическая экономія, политика, эстетика, исторія философіи, исторія религій, наконецъ

*) La mouvement positiviste et la conception sociologique du monde. Введ., стр. 10, 13.

***) Ratzel: die Sociologische Erkenntniss 1898.

прагматическая исторія, но соціологія, какъ наука, не существуетъ. Есть только пустые толки о соціологіи“. А потому, въ педагогическомъ отношеніи, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ направлять юношество на изученіе этого призрака науки. Черезъ это молодые умы отучаются отъ строго научныхъ требованій и привыкаютъ смѣшивать науку со всякаго рода фантазіями и съ легковѣсною журнальною болтовней. Этимъ отсутствіемъ научнаго пониманія объясняется столь значительное распространеніе у насъ экономическаго матеріализма, который есть ничто иное, какъ бредъ празднаго воображенія, не связаннаго никакими научными данными.

Единственное значеніе всѣхъ этихъ попытокъ заключается въ томъ, что онѣ указываютъ на потребность выяснить себѣ основы общежитія. Но путь, которымъ идутъ современные изслѣдователи, не въ состояніи привести ни къ чему, кромѣ пустыхъ разглагольствованій. Какъ скоро отвергается метафизика, т.-е. тѣ рациональныя начала, которыя всегда служили и служатъ руководителями человѣка, какъ въ теоретическомъ познаніи, такъ и въ практической дѣятельности, такъ исчезаетъ всякая возможность пониманія общественныхъ явленій. Въ этой области метафизика не есть только способъ пониманія; она сама становится явленіемъ, а потому требуетъ изученія. Обойти ее нѣтъ возможности; выкинуть ее изъ науки объ обществѣ значитъ представить самыя явленія въ превратномъ видѣ, отнять у нихъ существенное ихъ значеніе и дать имъ совершенно ложную окраску. Познаніе общественныхъ явленій возможно только при свѣтѣ выражающихся въ нихъ рациональныхъ началъ, а съ другой стороны, самыя эти явленія служатъ провѣркою началъ, ибо здѣсь послѣднія изъ теоретической области нисходятъ въ практическую сферу и сталкиваются съ жизненными условіями и интересами. Здѣсь оказывается, насколько они приложимы на практикѣ. Поэтому, фактическое изученіе различныхъ сторонъ общественной жизни въ различныхъ отрасляхъ науки служить необходимымъ

восполненіемъ и провѣркой философской мысли. Но и это изученіе должно быть строго научное. Тутъ нельзя довольствоваться случайно выхваченными фактами, подъ которыми насильственно подводятся всѣ представляющіяся намъ явленія: изслѣдованіе должно быть полное и всестороннее, безъ всякой предвзятой мысли, безъ ложной окраски, въ особенности же безъ предварительнаго отрицанія именно того, что наиболѣе существенно. Поэтому оно должно исходить отъ отдѣльныхъ наукъ, которыхъ задача состоитъ именно въ изученіи явленій; социологія же, какъ отвлеченная наука, изслѣдующая основныя начала общежитія, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ философіей общественной жизни, т.-е. наукой, по существу своему опирающейся на метафизику. Именно этому соотвѣтствовала старая философія права, ибо правомъ опредѣляются строеніе общества и отношенія цѣлаго и членовъ.

Ясно, слѣдовательно, что мы должны возстановить порванную нить преданія и возвратиться къ легкомысленно отвергнутымъ началамъ. Только этимъ путемъ возможно удовлетворить насущной потребности и прійти къ правильному пониманію человѣческаго общежитія.

Какимъ же однако способомъ можемъ мы исполнить эту задачу? Какъ разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, на которыя распадалась старая метафизика и которыя въ значительной степени содѣйствовали ея паденію? Какимъ образомъ, не имѣя путеводной нити, можемъ мы отдѣлить въ нихъ истинное отъ ложнаго и тѣмъ самымъ утвердить возрожденную науку философіи права на прочныхъ основаніяхъ?

Путеводною нитью можетъ служить намъ самое движеніе философской мысли въ ея отношеніяхъ къ общественной жизни. Оно раскрываетъ намъ общій законъ развитія, въ которомъ каждое отдѣльное направленіе получаетъ подобающее ему мѣсто и значеніе. Всякая односторонность обличается, и все окончательно сводится къ высшему единству, обнимающему совокупность общественныхъ элементовъ въ ихъ полнотѣ.

Въ исторіи философіи права новаго времени мы можемъ отмѣтить четыре главные школы, представляющія послѣдовательное развитіе общественной мысли, въ связи съ самымъ ходомъ жизни: школу общежительную, нравственную, индивидуальную и идеальную*). Первоначально мысль исходитъ отъ того положенія, что человѣкъ есть существо общежительное, и выводитъ послѣдствія, необходимо вытекающія изъ этихъ отношеній. Но такъ какъ здѣсь, по самому существу дѣла, оказываются два противоположные другъ другу элемента: отдѣльныя лица и связующее ихъ начало, то исходящія изъ одного корня направленія мысли естественно разбиваются на двѣ противоположныя точки зрѣнія: одна беретъ за основаніе личность и вытекающія изъ нея права, другая—отвлеченно нравственное начало, которому подчиняется самое право. Изъ первой возникла индивидуальная школа, изъ второй—нравственная. Наконецъ, эти противоположныя направленія сводятся къ высшему единству идеальною школой, которая представляетъ такимъ образомъ высшее развитіе философской мысли. Къ ней, поэтому, должна примыкать возрождающаяся потребность философскаго пониманія. Въ особенности зачинатель и завершитель этого направленія, Кантъ и Гегель, i maestri di color che sanno**), по выраженію Кэрда, заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія со стороны юриста-философа. Кантъ, въ своемъ глубокомъ анализѣ человѣческихъ способностей, умѣлъ сочетать индивидуалистическія начала французскихъ философовъ XVIII вѣка съ нравственными требованіями школы Лейбница. Гегель восполнилъ эту все еще чисто индивидуалистическую точку зрѣнія развитіемъ объективныхъ началъ нравственнаго міра, осуществляющихся въ человѣческихъ союзахъ. Черезъ это все умственное зданіе человѣческаго общежитія получило такую цѣльность и стройность, какія оно никогда не имѣло ни прежде, ни послѣ. И эта логическая связь не была куплена цѣною

*) Смотри мою «Исторію политическихъ ученій» ч. II—IV: Новое Время.

**) «Учители тѣхъ, которые знаютъ» (изъ Данта).

насилованія фактовъ; напротивъ, чѣмъ болѣе юристъ, изучающій свою спеціальность, знакомится съ фактами, тѣмъ болѣе онъ убѣждается въ вѣрности и глубинѣ опредѣлений Гегеля. Ни одно, можетъ быть, изъ сочиненій великаго германскаго мыслителя не находитъ такого подтвержденія въ явленіяхъ дѣйствительнаго міра и не можетъ служить такимъ надежнымъ руководствомъ въ пониманіи фактовъ, какъ именно его философія права. Въ подкрѣпленіе этой оцѣнки, приведу сужденіе одного изъ самыхъ основательныхъ, трезвыхъ и многообъемлющихъ нѣмецкихъ юристовъ нынѣшняго столѣтія, человѣка притомъ совершенно чуждаго философіи, но глубокаго знатока положительнаго права — Роберта Моля. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи *Исторія и литература юсударственныхъ наукъ*, онъ говоритъ: „какъ великанъ выдвигается Гегель среды этой жалкой посредственности. Даже тотъ, кто не принадлежитъ къ его школѣ и не согласенъ ни съ методою, ни съ частностями предлежащаго сочиненія, долженъ признать, что тутъ является высокая духовная сила, геніальная самобытность, господствующій кругозоръ и богатство матеріала. Преимущества и недостатки равно носятъ печать величія... Конечно, Гегель самъ не представилъ полной системы государственныхъ наукъ, но онъ указалъ единственный вѣрный путь, который къ этому ведетъ. Что до сихъ поръ такъ мало слѣдовали по этому пути, — заключаетъ Моль, — дѣйствительно не похвально, даже едва понятно“ *).

Въ другомъ мѣстѣ я подробно изложилъ содержаніе философіи права Гегеля и указалъ, какъ на ея преимущества, такъ и на ея недостатки, вызывающіе необходимость провѣрки и восполненія **). Провѣркою можетъ служить, съ одной стороны, исторія философіи права, раскрывающая законъ развитія мысли, съ другой стороны изученіе фактовъ, указывающее на ея приложеніе. Только въ силу этой провѣрки философія права можетъ слѣлаться прочно уста-

*) *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, I, стр. 151.

**) *Исторія политич. ученій* IV, стр. 573 и слѣд.

новленною наукою, опирающеюся на непоколебимыя основы умозрѣнія и опыта. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе такой провѣрки, воздвигнутое Гегелемъ зданіе должно видоизмѣниться въ нѣкоторыхъ частяхъ; но существенное въ немъ останется. Положенныхъ имъ основаній не могли поколебать ни послѣдующія критики, ни теоріи позднѣйшихъ философовъ. Главный оппонентъ Гегеля, Тренделенбургъ, былъ зачинателемъ того лжеорганическаго воззрѣнія на міръ и на человѣческія общества, которое въ положительной школѣ достигло такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Другой противникъ, Шталь, построилъ систему, представляющую возвращеніе къ теократическимъ началамъ и лишенную всякихъ научныхъ основаній. Наконецъ, Іерингъ, который совершенно даже игнорируетъ Гегеля, довершилъ разложеніе правосознанія въ современной германской наукѣ и практикѣ. Умозрѣніе было отвергнуто, и право низведено на степень интереса.

Если мы хотимъ изъ этого разложенія выдти снова въ свѣтлую область мысли и знанія, если мы хотимъ возстановить порванное преданіе, то мы должны примкнуть именно къ Гегелю, который представляетъ послѣднее слово идеалистической философіи. Наука тогда только идетъ твердымъ шагомъ и вѣрнымъ путемъ, когда она не начинаетъ всякій разъ сызнова, а примыкаетъ къ работамъ предшествующихъ поколѣній, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложнымъ, восполняя пробѣлы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало провѣрку логики и опыта. Именно это я и старался сдѣлать въ предлагаемомъ сочиненіи; оно представляетъ попытку возстановить забытую науку, которой упадокъ роковымъ образомъ отразился на умахъ современниковъ и привелъ къ полному затменію высшихъ началъ, управляющихъ человѣческою жизнью и служащихъ основою человѣческихъ обществъ. Важность цѣли да послужить оправданіемъ недостатковъ изложенія. Считаю, во всякомъ случаѣ, необходимымъ указать тотъ путь, который я признаю единственнымъ вѣрнымъ.

Б. Чичеринъ.

Красота и искусство *).

(Окончаніе).

Я уже имѣлъ честь въ засѣданіи нашего общества, 3-го октября текущаго года, докладывать 1-ю часть моего реферата „Красота и искусство“. Въ цѣломъ рефератъ этотъ былъ вызванъ желаніемъ полемизировать съ Н. А. Иванцовымъ за эстетическіе взгляды, высказанные имъ въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Вопросы философіи“: „Основной принципъ красоты“ и „Задачи искусства“. Но, чтобы полемизировать противъ чужихъ воззрѣній, я долженъ былъ предварительно высказать свои собственныя, чему я и посвятилъ первую часть моего реферата, отложивъ полемику до второй. Теперь, приступая къ этой полемической части, я нахожу нужнымъ сжато напомнить тѣ главныя мои положенія, которыя лягутъ въ основаніе моей полемики.

Въ указанныхъ статьяхъ г. Иванцова идетъ рѣчь объ истолкованіи всѣмъ намъ практически извѣстнаго, какъ онъ самъ говоритъ, но непонятнаго душевнаго настроенія красоты и дѣятельности, вызываемой этимъ настроеніемъ,—искусства. Г. Иванцовъ желаетъ дать въ своихъ статьяхъ такое истолкованіе. Эту попытку истолковать эстетическое настроеніе и дѣятельность нельзя не признать вполне законною и естественною, ибо все наше психическое разви-

---

*) Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 31 октября 1898 г.

те именно въ томъ и состоитъ, что сперва мы дѣйствуемъ подъ импульсомъ темнаго инстинкта, который, однако, постепенно становится намъ все яснѣй и яснѣй, формулируясь сознаниемъ въ сужденіе. Но вполне законную попытку г. Иванцова я нашелъ исполненной неудовлетворительно; такъ какъ она, ничего не выясняя, производитъ еще большую спутанность въ вопросахъ эстетическихъ. Я утверждаю, что истолкованіе несомнѣннаго (практически всѣмъ намъ извѣстнаго) факта эстетическаго душевнаго настроенія и вызываемыхъ имъ дѣйствій невозможно безъ указанія на болѣе или менѣе ясно сформулированную *психическую аксіому*, которая, какъ такая несомнѣнная аксіома, должна служить и конститутивнымъ, т.-е. объясняющимъ, принципомъ не только эстетическихъ, но и всѣхъ иныхъ человѣческихъ дѣйствій. Такую психическую аксіому и конститутивный принципъ всего человѣческаго я вижу въ красотѣ и старался доказать эту мысль въ 1-й части моего реферата; г. Иванцовъ, хотя, какъ кажется, не употребляетъ этого термина, но приводитъ нѣчто въ качествѣ такого принципа, что, однако, какъ мы это увидимъ ниже, психическою аксіомой и конститутивнымъ принципомъ признано быть не можетъ. Я сейчасъ сказалъ, что психическая аксіома должна быть конститутивнымъ, объясняющимъ принципомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Подъ дѣйствіями же человѣка—психическими дѣйствіями—я разумѣлъ не тѣ движенія, которыя вызываются сознательными или безсознательными физиологическими потребностями, на примѣръ, потребностью уклониться отъ рѣзкаго свѣта, звука и проч., но всѣ поступки, съ необходимостью вызываемые душевнымъ настроеніемъ, состоящимъ изъ постоянно смѣняющихся взаимодействій двухъ основныхъ инстинктовъ: животнаго, стремящагося къ сохраненію индивидуальной жизни, и разумнаго, направляющаго жизнь къ служенію какой-то цѣли, лежащей за предѣлами индивидуальнаго существованія и какъ бы требующаго отъ насъ: живи, чтобы служить. Въ этомъ смыслѣ всѣ человѣческіе поступки, съ необходимостью вызываемые

душевному настроенію, могутъ быть сравнены съ равнодѣйствующею, идущею по діагонали параллелограмма, образующагося и зависящаго отъ угла и величины двухъ, въ человѣкѣ во всегдашнемъ взаимодействіи находящихся, основныхъ силъ: инстинктовъ жить и служить. Если во всѣхъ человѣческихъ поступкахъ видѣть такую равнодѣйствующую діагональ, то вся человѣческая разумно-животная дѣятельность должна быть подраздѣлена на три отрасли,—это 1) дѣятельность научная, стремящаяся къ идеалу истины, 2) дѣятельность религиозно-общественная, стремящаяся къ идеалу добра, къ организациі общественной правды и 3) дѣятельность художественная, стремящаяся къ идеалу красоты, къ выраженію чувства, объемлющаго душу при созерцаніи красоты природы и человѣка. — Ни одна изъ этихъ трехъ отраслей немислима безъ *объективации*, т.-е. безъ внесенія идеи объекта въ міръ нашихъ субъективныхъ представленій и желаній. И всюду объективация, какъ показываетъ самонаблюденіе, сопровождается созерцаніемъ въ окружающей насъ сферѣ единства во множествѣ, строя, или, лучше сказать, космоса, т.-е. нравящагося намъ строя. Соединеніе удовольствія съ представленіемъ космоса есть фактъ, на который намъ указываетъ не наблюденіе явленій внѣшняго міра, но самосознаніе. Оно же указываетъ и на особенность этого удовольствія, отличающую его отъ многихъ другихъ испытываемыхъ нами удовольствій—именно, на его незаинтересованность, на отсутствіе въ немъ всякаго индивидуально-физиологическаго элемента и на иррациональность его, т.-е. на несомнѣнную въ немъ примѣсь горечи къ наслажденію. Это горько-сладкое чувство, предпочитаемое нами, несмотря на его незаинтересованность, всякому физиологическому наслажденію, я называю чувствомъ красоты—красотою, и думаю, что такъ какъ чувство красоты нераздѣльно соединено съ объективацией, то оно такой же, какъ и объективация, основной инстинктъ, образующій все человѣческое, такая же психическая аксіома. Но почему намъ нравится созерцаніе космо-

са? Какая причина чувства красоты?—Это, думается мнѣ, вопросъ столь же праздный, какъ и почему $2 \times 2 = 4$. Красота, какъ аксіома, не можетъ быть доказана чѣмъ-либо инымъ, какъ ссылкой на нее же; на красоту нужно лишь указать и сознать ее. А потому объяснительныя попытки статей г. Иванцова должны бы были ограничиться формулировкой и указаніемъ на апіорныя идеи красоты и искусства, а не объясненіемъ ихъ изъ чего-то другого, будто бы болѣе аксіоматическаго, какъ онъ пытался это сдѣлать.

Однимъ словомъ, на красоту, чувство ея, я смотрю какъ на первобытный космическій инстинктъ, сдерживающій и направляющій другой такой же первобытный инстинктъ жить и индивидуально наслаждаться. Этотъ космическій инстинктъ, какъ любовь къ природѣ, побуждаетъ насъ искать познанія міровой субстанции, чтобы любоваться ея созерцаніемъ, а какъ любовь, состраданіе къ человѣку, побуждаетъ стремиться къ установленію правды въ человѣческомъ общежитіи. Съ теченіемъ времени космическій инстинктъ формулируется сознаніемъ, какъ категорическій императивъ, безусловно требующій свободной объективации субъективныхъ желаній и посвященія личной жизни преданному служенію внѣ лежащей идеѣ. Какъ категорическій императивъ, космическій инстинктъ есть и психическая аксіома, и конститутивный принципъ, объясняющій все человѣческое, ибо категорическій императивъ за неисполненіе своихъ требованій наказываетъ болѣе или менѣе тяжкими укорами совѣсти, объясняющими душевное настроеніе и необходимо вытекающія изъ него дѣйствія.

Итакъ, космическій инстинктъ, красота, есть апіорное чувство отраднaго подчиненія, заставляющее человѣка сознавать себя въ наукѣ преходящимъ модусомъ всемірной субстанции, а въ религіозно-общественной дѣятельности—органомъ божественной воли.

Изящное искусство есть дѣятельность, непосредственно вытекающая изъ чувства красоты, а потому опредѣленіе этой дѣятельности всецѣло зависитъ отъ опредѣленія кра-

соты. Все, что и въ первыхъ двухъ отрасляхъ дѣятельности человѣка, въ организаціи науки и общежитія, вызываетъ эстетическимъ чувствомъ, то въ несобственномъ смыслѣ можетъ быть названо произведеніемъ искусства; но въ собственномъ смыслѣ такъ должны быть названы дѣла рукъ человѣка, вызванныя не иною какою-либо цѣлью, какъ только цѣлью выразить то чувство красоты, которое вдохновило самого художника.

Сущность всякаго человѣческаго искусства, будь оно медицинское, кулинарное или изящное, есть та потребность, которой оно удовлетворяетъ, та цѣль, которая должна быть достигнута его произведеніями. Отличіе предметовъ искусства отъ предметовъ природы именно и состоитъ въ томъ, что первые вызываются извѣстною намъ потребностью. Причина, вызывающая произведенія искусства, есть или уже формулированное сознаниемъ представленіе цѣли, или только темный еще инстинктъ, побуждающій насъ къ ней же.

Итакъ, что же будетъ цѣлью и вмѣстѣ причиной художественнаго произведенія?

Цѣль его будетъ, во-1-хъ, выраженіе и задержаніе въ душѣ самого художника того настроенія, которое, возбуждаясь въ немъ, составляетъ его высшее наслажденіе, а во-2-хъ, желаніе возбудить это же наслажденіе и въ зрителяхъ. Цѣль всякаго художественнаго произведенія есть красота. А такъ какъ само чувство красоты въ душѣ художника возникло отъ представленія космоса въ явленіяхъ природы или въ дѣйствіяхъ человѣка, то и въ зрителяхъ оно должно быть возбуждено представленіемъ тѣхъ же космическихъ явленій, которыя художникъ и изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Отсюда возникла невѣрная мысль, будто бы художникъ стремится къ совершенно ненужному и невозможному подражанію природѣ. Это же воззрѣніе на подражаніе природѣ указываетъ и на то, что люди, высказывающіе его, исходятъ изъ ложнаго факта, названнаго Кантомъ субрещіей красоты, т.-е. переносятъ ее изъ психическаго міра во внѣшній, видятъ въ ней свойство самыхъ

вещей и полагаютъ, что художникъ точнымъ подражаніемъ желаетъ выразить это свойство природы въ своихъ произведеніяхъ. Если цѣль художественнаго произведенія есть выраженіе красоты, то достигается она не безсмысленнымъ подражаніемъ природѣ, а изображеніемъ извѣстнаго психическаго настроенія, которое Платонъ назвалъ Эротомъ, а мы теперь называемъ лиризмомъ. Такъ какъ красота вызываетъ чувство эротическаго лиризма, сопровождающаго и каждое дѣйствіе человѣка въ отдѣльности, и всю жизнь его, то можно сказать, что цѣль изяшнаго искусства, которое есть изображеніе красоты, есть изображеніе человѣка и въ отдѣльные моменты его жизни, сопровождаемые лиризмомъ, и въ цѣлой жизни, представляющей непрерывную драму борьбы двухъ основныхъ инстинктовъ: жить и служить. Итакъ, можно сказать, что цѣль искусства есть изображеніе человѣка, борющагося съ самимъ собою во имя идеала добра.

Теперь посмотримъ, какъ г. Иванцовъ истолковываетъ чувство красоты, этотъ основной инстинктъ, вызывающій всякую разумную дѣятельность вообще и специально дѣятельность художественную.

Въ своей статьѣ о красотѣ г. Иванцовъ говоритъ о трехъ видахъ ея, о красотѣ физической, органической и идейной, которые, впрочемъ, скорѣе чѣмъ видами, взаимно исключаящими другъ друга, должны быть названы степенями красоты, причемъ хотя и нѣтъ между ними рѣзкой границы, но каждая высшая степень, если я не ошибаюсь, по мнѣнію автора, заключаетъ въ себѣ низшую. Такъ, высшая степень, красота идейная, должна быть и органической, а эта послѣдняя—физической. Что же такое красота физическая, составляющая такимъ образомъ основу всякой красоты? Красота физическая, какъ совершенно вѣрно объяснилъ г. Иванцовъ, есть правильность, законмѣрность въ расположеніи частей чего-нибудь цѣлаго. Но почему намъ нравится такая законмѣрность?—Многіе, вѣроятно, еще помнятъ то время, когда у насъ во главѣ всѣхъ эстетическихъ обсужденій стояло знаменитое изреченіе: всякій са-

пожникъ въ десять разъ полезнѣй Пушкина. Время это прошло, но еще не совсѣмъ. Такъ, на 1-й же страницѣ своей статьи г. Ивановъ, приведя основное положеніе эстетиковъ-утилитаристовъ (красивое, какъ особый родъ пріятнаго, есть также полезное), одобряетъ его, находя, что имъ можетъ быть объясненъ несомнѣнный фактъ удовольствія, которое намъ доставляетъ усмотрѣнная закономѣрность предметовъ. Это, думаетъ онъ, объясняется тѣмъ, что закономѣрное легче запоминается, чѣмъ незаконномѣрное, а потому, какъ легкая работа, пріятнѣе тяжелой и полезнѣе для организма. Подобное объясненіе могло бы окончательно сбить съ толку наивнаго читателя. Ударъ палкой по спинѣ, напримѣръ, легче запоминается, чѣмъ прикосновеніе къ ней рукю, а потому долженъ бы былъ эстетически нравиться намъ болѣе послѣдняго. Но ударъ палкой, пожалуй, не полезенъ для организма, а вотъ нѣкоторыя аптекарскія средства, несомнѣнно облегчающія разныя органическія отравленія, а потому полезныя, уже непременно должны быть признаны эстетически-прекрасными. Но не для наивныхъ, конечно, людей пишутся философскія статьи. Дѣло только въ томъ, что психологическій анализъ г. Иванцова не достаточно тонокъ, чтобы отличать эстетически-пріятное отъ пріятнаго физиологически. Въмѣсто того, чтобы, какъ виды пріятнаго вообще, т.-е. удовлетворяющаго побужденіямъ инстинкта, исключать ихъ одно изъ другого, г. Ивановъ отождествляетъ ихъ, считая, кажется, эстетическое видомъ физиологическаго.

Итакъ, если держаться воззрѣній г. Иванцова, то эстетическое стремленіе созерцать идею субстанции—модуса, которое само, какъ инстинктъ, нуждается только въ апріорной формулировкѣ, чтобы затѣмъ служить объясняющимъ (аксіоматическимъ) принципомъ всѣхъ чисто психическихъ, т.-е. разумныхъ явленій,—эстетическое стремленіе къ закономѣрности, побуждающее челоуѣка искать знанія и работать надъ организаціей общегитія, должно быть объясняемо стремленіемъ къ тому, что полезно для организма.

Очевидно, что животный инстинктъ самосохраненія г. Иванцовъ считаетъ единственнымъ началомъ, объясняющимъ всю человѣческую дѣятельность.

Выяснивъ идею физической красоты, пріятной намъ будто бы потому, что красивое полезно для организма, г. Иванцовъ переходитъ къ болѣе высокой степени красоты, которую онъ называетъ органическою. Органически прекрасно, какъ выясняетъ г. Иванцовъ, все то, въ чемъ мы усматриваемъ органичность, т.-е. подчиненіе всѣхъ отдѣльныхъ частей одной общей цѣли, совмѣстную работу. Это идея, съ которою я не могу не согласиться, такъ какъ я именно полагаю, что всякая красота заключается въ органичности. Прекраснымъ намъ кажется все то, въ чемъ мы видимъ жизнь, т.-е. части чего служебно подчинены общей цѣли, какъ многіе модусы единой субстанции, а потому, такъ сказать, насквозь прекрасна природа, представляющаяся намъ макрокосмомъ, всеобщю субстанціей. Но, высказывая эту вполне вѣрную мысль, г. Иванцовъ впадаетъ, какъ мнѣ кажется, въ весьма крупную ошибку, не дѣлая различія между идеями организма и механизма; а это различіе чрезвычайно важно для объясненія нѣкоторыхъ эстетическихъ фактовъ.

Вотъ его подлинныя слова (журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, май—іюнь 1896 г., стр. 345): „Всякая машина, всякій сложный физическій инструментъ суть организмы, хотя они суть тѣла мертвыя. Это не мѣшаетъ имъ однако обладать органическою красотой, доступною, правда, лишь для того, для кого сколько-нибудь ясно соотношеніе между ихъ частями. Разберите машину на части, расположите ихъ какъ можно красивѣе, и красота ея, какъ организма, тѣмъ не менѣе исчезаетъ“. Итакъ, машина возбуждаетъ то же эстетическое чувство красоты, что и живой организмъ. Это, мнѣ кажется, совершенно невѣрно. Правда, г. Иванцовъ прибавляетъ, что красота машины доступна только человѣку, понимающему ея устройство и назначеніе; но вѣдь, говоря это, онъ опять смѣшиваетъ эстетиче-

скую оцѣнку съ утилитарнымъ одобреніемъ. Наконецъ, если даже, оставивъ въ сторонѣ утилитарное одобрение, допустить именно красоту машины, то и тутъ она является другого рода, чѣмъ красота живого организма. Во-первыхъ, чтобы чувствовать красоту машины, не надо быть непременно понимающимъ дѣло механикомъ, и красота эта врядъ ли уменьшится отъ того, что вы машину разберете на части и расположите ихъ какъ можно красивѣй. Это и есть та низшая степень красоты, которую я бы назвалъ внѣшнею, механической въ отличіе отъ внутренней органической.

Нашъ русскій языкъ обладаетъ двумя именами прилагательными: красивый и прекрасный, которыя, конечно, выражаютъ и двѣ не одинаковыя идеи. Красивымъ мы называемъ все то, въ чемъ усматривается симметричность, извѣстная закономерность, единство во множествѣ—словомъ то, что г. Иванцовъ называетъ красотою физической. Но въ красивомъ это единство представляется намъ цѣлью, наложенною извнѣ, которой части подчиняются не свободно, но вынужденныя механическою необходимостью. Представленіе этой внѣшней цѣли намъ все-таки нравится эстетически, потому что ею удовлетворяются стремленія разумнаго инстинкта, ищущаго единства во множествѣ, а потому всякій человѣкъ ищетъ созерцать истинную красоту и украсить по возможности свою внѣшнюю обстановку. Это красота и симметрическихъ чернильныхъ кляксъ, о которыхъ говоритъ г. Иванцовъ, и мебели, и машины, въ какомъ бы положеніи ни находились ея части, лишь бы только онѣ были расположены симметрично. Эту внѣшнюю красоту, въ которой мы видимъ цѣль, извнѣ наложенную ради какихъ-нибудь утилитарныхъ соображеній, эстетикъ долженъ отличать отъ красоты настоящей, красоты жизни и свободы, т.-е. субстанціи—модуса. Итакъ, вся природа представляется намъ или органически прекрасной, или механически красивой, причемъ въ механической красотѣ мы провидимъ органическую. Обладая двумя прилагательными: красивый и

прекрасный, мы однако имѣемъ одно только общее существительное „красота“, къ которому я лично относилъ бы только прилагательное—прекрасный. Но, можетъ быть, въ нашемъ языкѣ, какъ еще живомъ, а слѣдовательно образующемся, возникнетъ съ сознаниемъ потребности новое существительное, соотвѣтствующее прилагательному—красивый. Отъ красоты органической г. Иванцовъ переходитъ къ высшему роду ея, который онъ называетъ красотой идейной. Но что г. Иванцовъ разумѣетъ подъ красотой идейной, этого, скажу откровенно, я не понимаю. Я полагаю, что всякая красота вообще есть и органическая, и идейная, такъ какъ состоитъ въ усмотрѣннй идеи организма т.-е. субстанции—модуса. Но что г. Иванцовъ разумѣетъ подъ особымъ высшимъ родомъ идейной красоты,—этого, повторяю, я не понимаю; объясненія же его не таковы, чтобы помочь въ этомъ дѣлѣ. Избранные имъ примѣры идейной красоты (звѣздное небо, бурное море) наводятъ на мысль, что подъ идейно-прекраснымъ г. Иванцовъ разумѣетъ то, что Кантъ называетъ математически и динамически высокимъ; но приведенное тотчасъ же имъ самимъ объясненіе заставляетъ какъ будто расширить это представленіе, не указывая однако должныхъ границъ такого расширенія. Но пусть онъ говорить самъ. Вотъ его подлинныя слова на страницѣ 348 той же статьи о красотѣ: „Идейною красотой обладаютъ тѣ явленія, которыя невольно пробуждаютъ въ насъ ту или другую идею“. Можно ли дѣлать такія опредѣленія, если хоть мало-мальски претендуешь на научную точность? Что значить: „пробуждаютъ въ насъ ту или другую идею“? Г. Иванцовъ не объясняетъ, что именно онъ разумѣетъ подъ словомъ идея; а въ обыкновенномъ словоупотребленіи идея—синонимъ мысли. Итакъ, „пробуждаетъ ту или другую идею“—значить пробуждаетъ въ насъ какунибудь мысль. Слѣдовательно, напримѣръ, вывѣска солидной банкирской конторы, какъ несомнѣнно возбуждающая въ насъ идею богатства, обладаетъ идейною красотой. Да впрочемъ трудно найти предметъ, который не возбуждалъ

бы въ насъ какой-нибудь мысли (ту или другую идею). Дальше г. Иванцовъ на примѣрахъ пытается объяснить, что онъ разумѣетъ подъ словомъ идея. „Органически прекрасныя явленія,—говоритъ онъ (стран. 34⁸),—также внушаютъ намъ извѣстную идею, но это есть идея частная, индивидуальная, ограниченная, — идея красоты женскаго тѣла, силы и ловкости мужчины, идея мирной деревенской жизни, величія властителя, прелести цвѣтка и т. д. Явленія идейной красоты вызываютъ идею общую, или, какъ говорятъ, абстрактную—идею безпредѣльности, идею силы, идею чело-вѣчности или божественности, рока или необходимости и тому подобное“. Нельзя сказать, чтобы эти примѣры съ прибавкою „и тому подобное“, къ которой часто прибѣгаютъ въ минуты затрудненія, много способствовали выясненію термина идея. Въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія г. Иванцовъ пытается выяснитъ, почему произведенія Рафаеля, Микель-Анжело и Шекспира онъ считаетъ идейно прекрасными. Но и эти попытки врядъ ли могутъ быть признаны вполнѣ удачными, несмотря на несомнѣнную эстетическую чуткость, обнаруженную въ нихъ авторомъ. Особенно же страннымъ мнѣ представляется воззрѣніе г. Иванцовъ на произведенія Микель-Анжело.

Изъ трехъ вышеназванныхъ художниковъ Микель-Анжело пользуется наибольшею симпатіей г. Иванцова, который думаетъ, что къ нему одному приложимъ эпитетъ божественный, такъ какъ только онъ, какъ божество, творилъ формы самыя разнообразныя, но проникнутыя одною идеей; а потому его произведенія, какъ идейно прекрасныя, стоять на недостижимой высотѣ. Но въ чемъ же заключается эта божественная идея, придающая произведеніямъ Микель-Анжело столь высокую степень идейной красоты? Она заключается, объясняетъ г. Иванцовъ, въ пониманіи чело-вѣка, чело-вѣческаго тѣла, прибавляетъ онъ (стр. 355).

Нельзя не согласиться, что въ эстетическомъ пониманіи чело-вѣка, т. е. въ сочувствіи къ нему, въ состраданіи, заключается сущность искусства, что высшею красотой

обладают тѣ художественныя произведенія, которыя, сами проникнутыя этими чувствами, возбуждаютъ ихъ и въ зрителяхъ; но я не знаю, почему пониманіе человѣка есть пониманіе человѣческаго тѣла, а не пониманіе тѣхъ постоянно смѣняющихся душевныхъ состояній, въ которыхъ сказывается общечеловѣчскій инстинктъ въ борьбѣ его съ иными стремленіями. Но выражается ли душевное состояніе положеніемъ всего тѣла, или только однимъ лицомъ—на это, конечно, можно смотрѣть различно; г. Иванцовъ предпочитаетъ первое и произведенія Микель-Анжело признаетъ чуть ли не исключительно идейно прекрасными за то, что они выражаютъ эту любимую его мысль. Итакъ, идейно прекрасно то, что намъ, такъ сказать, интеллектуально, субъективно нравится. Въ этой оцѣнкѣ я опять вижу не чисто эстетическую, а утилитарную, какъ въ оцѣнкѣ физической красоты, которая будто бы нравится намъ, какъ полезная для организма. Но нельзя сказать, чтобы и послѣдователенъ былъ г. Иванцовъ въ своихъ утвержденіяхъ. Такъ, онъ говоритъ, что идейно прекрасное возбуждаетъ представленіе общей идеи, а органически прекрасное только частной; между тѣмъ самъ онъ признаетъ, что Микель-Анжело изображаетъ только тѣла сильныя. Итакъ, выходитъ, что произведенія Микель-Анжело возбуждаютъ идею не того, что положеніе тѣла вообще (въдѣ иные люди обладаютъ и очень плохимъ тѣломъ) выражаетъ душу человѣческую, а что положеніе богатырскаго тѣла выражаетъ душу человѣка, обладающаго именно такимъ тѣломъ,—слѣдовательно произведенія Микель-Анжело выражаютъ только частную идею. То, что говоритъ г. Иванцовъ, объясняя идейную красоту произведеній Шекспира, нравится мнѣ болѣе, такъ какъ я, какъ сказалъ уже, все дѣйствительно прекрасное считаю идейнымъ и органическимъ, ибо въ немъ выражается идея организма, субстанции—модуса, и думаю, что красота художественнаго произведенія тѣмъ выше, чѣмъ болѣе всеобъемлюща эта идея. Я вполне согласенъ съ г. Иванцовымъ, хотя онъ не говоритъ этого буквально, но

такъ слѣдуетъ изъ его словъ, что эстетическое знаніе человѣка, т.-е. сочувствіе его страданіямъ, есть высшая идея, вдохновляющая художника и сообщающая красоту его произведеніямъ; но я только никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что знаніе это мы получаемъ, видя положеніе мускуловъ и венъ богатырскаго тѣла; мы его приобретаемъ единственно сознаниемъ психической аксіомы, состоящей въ томъ, что всѣ чувства и поступки человѣка суть равнодѣйствующія въ борьбѣ двухъ основныхъ инстинктовъ: животнаго—жить и разумнаго—служить. Сознаниемъ этой психической аксіомы проникнуты всѣ произведенія Шекспира, и она сообщаетъ его героямъ ту высшую красоту, которою обладаетъ даже физически дряблый злодѣй Ричардъ III. Вообще сознаніе психической аксіомы, въ смыслѣ сознанія свободной борьбы инстинктовъ жить и служить есть единственная идея, воодушевляющая художника, и высшею красотой обладаютъ творенія его, когда созерцающій ихъ почувствуетъ, что онъ можетъ сказать про самого себя: я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Эта-то идея, возбужденная въ сознаниі зрителя, доставляетъ ему то незаинтересованное, часто даже горькое наслажденіе, которое есть специфически эстетическое. Я говорилъ, что эротическое чувство, побуждающее насъ любоваться созерцаніемъ красоты, подраздѣляетъ красоту на два вида, на красоту природы и психическую; теперь же я утверждаю, что красота душевная, собственно говоря, единственная. Красота природы есть то, что мы называемъ лирическимъ чувствомъ и что возбуждается въ насъ, какъ созерцаніемъ дѣйствительно прекрасныхъ ландшафтовъ, такъ и произведеніями талантливыхъ пейзажистовъ: но вѣдь лирическимъ же, эротическимъ чувствомъ сопровождается и всякое дѣйствіе разумнаго инстинкта. Но между тѣмъ какъ при созерцаніи прекраснаго ландшафта въ насъ говорить одно только лирическое чувство,—въ жизненной борьбѣ эти чувства смѣняются одно другимъ и обнаруживаютъ по возможности всего человѣка. Поэтому трагическое, возбуждающее лю-

бовь къ человѣку, всегда считалось выше лирическаго, возбуждающаго любовь только къ природѣ. Подводя итогъ всему сказанному г. Иванцовымъ о красотѣ, я утверждаю что главный недостатокъ его заключается въ утилитаризмѣ, т.-е. въ недостаткѣ тонкаго анализа, отличающаго чисто эстетическое удовольствіе отъ физиологическаго. Этотъ недостатокъ заставляетъ г. Иванцова, чтобы сохранить послѣдовательность, прибѣгать къ помощи второстепенной идеи пользы, которая, сама нуждаясь въ истолкованіи ея, ставится имъ какъ непосредственно достовѣрная психическая аксіома въ основаніе всѣхъ другихъ психическихъ объясненій.

Отъ вопроса о сущности красоты естественъ переходъ къ вопросу объ изящномъ искусствѣ. И дѣйствительно, г. Иванцовъ переходитъ къ нему въ слѣдующей своей статьѣ „Задачи искусства“.

Приведя въ началѣ статьи сдѣланныя различными мыслителями опредѣленія искусства, г. Иванцовъ находитъ, что всѣ они грѣшатъ тѣмъ, что въ нихъ авторы вмѣсто того, чтобы сказать, что такое произведеніе искусства по своему существу, говорятъ о томъ, чѣмъ оно должно быть, даютъ опредѣленія телеологическія, по цѣлямъ, вмѣсто опредѣленій естественныхъ, по существу. Это все равно, говорить онъ, какъ еслибы зоологъ на вопросъ, что такое животное, сталъ излагать, чѣмъ, по его мнѣнію, должно быть совершенное животное. Это недовольство г. Иванцова кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ: произведенія человѣческаго искусства тѣмъ именно и отличаются отъ предметовъ и явленій природы, происходящихъ независимо отъ желаній и цѣлей человѣка, что они производятся для удовлетворенія какой-либо потребности. Цѣль удовлетворить этой потребности есть единственное *raison d'être* произведеній всякаго искусства, такъ что невозможно опредѣлить его сущность, не указавъ на эту цѣль.

И самъ г. Иванцовъ, какъ мы это ниже увидимъ, свое опредѣленіе будто бы только сущности искусства сводить къ

цѣли его и даже статью свою озаглавливаетъ „Задачи искусства“,—заглавіе чисто телеологическое. Конечно, на телеологическое опредѣленіе можно нападать, если оно выражаетъ только субъективную, личную цѣль мыслителя, какъ это не рѣдко бываетъ съ критиками искусствъ и случилось и съ самимъ г. Иванцовымъ (это мы увидимъ далѣе). Но если цѣль предугадывается общечеловѣческимъ инстинктомъ, то мыслителю ничего другого не остается, какъ формулировать не свой, конечно, личный вкусъ, а именно тотъ общечеловѣчскій инстинктъ. Эти же требованія мы предъявляемъ и къ критикамъ художественныхъ произведеній, чтобы они оцѣнивали произведеніе не по своимъ личнымъ вкусамъ къ добродѣтели, политикѣ или чувственности, а смотря по тому, удовлетворяетъ ли данное произведеніе общечеловѣческой потребности или нѣтъ. Въ той же 1-й главѣ своей статьи, въ которой г. Иванцовъ высказываетъ свое осужденіе мыслителямъ за ихъ телеологическія опредѣленія искусства, въ той же статьѣ онъ самъ требуетъ такого опредѣленія, къ которому должно прійти не телеологіей, а какимъ-то инымъ путемъ, вѣроятно — путемъ наблюденія. Но какіе же предметы я буду наблюдать, если я путемъ апріорнымъ предварительно уже не рѣшилъ, что названіе художественнаго произведенія приложимо къ такимъ-то и такимъ-то предметамъ, потому что они произведены съ такою-то опредѣленною цѣлью? Ужели мнѣ наблюдать только тѣ предметы, которые другіе люди мнѣ назовутъ художественными или которые хранятся въ музеяхъ? Такую апріорную идею о цѣляхъ искусства г. Иванцовъ имѣетъ уже самъ и даже кладетъ ее въ основаніе своихъ дальнѣйшихъ разсужденій, хотя запрещаетъ другимъ выводить ее апріорно.

Что самъ г. Иванцовъ не только имѣетъ, но даже пользуется апріорной идеей искусства, видно изъ того, что для наблюденій сущности искусства онъ объединяетъ и вмѣстѣ группируетъ шекспировскаго Гамлета и сальный анекдотъ, Сикстинскую Мадонну и непристойный рисунокъ на заборѣ. Эти

предметы, говорить онъ, по существу своему и по тѣмъ общимъ причинамъ, которыя обусловливаютъ ихъ происхожденіе, сходны другъ съ другомъ. Они суть произведенія искусства—въ одномъ случаѣ возвышеннаго, въ другомъ низкаго, все равно, тѣмъ не менѣе—искусства (стр. 443 и 444).

Итакъ, Сикстинская Мадонна и заборный рисунокъ объединяются г. Иванцовымъ, какъ произведенія искусства. Это объединяющее ихъ общее существо и причина, вызывающая ихъ происхожденіе есть, конечно, съ точки зрѣнія г. Иванцовъ, не что иное какъ цѣль, побудившая и Рафаэля и Ваньку-Каина написать свои произведенія. Эта цѣль апіоріи такъ извѣстна г. Иванцову, что онъ даже утверждаетъ, что заборный рисунокъ проливаетъ на сущность искусства больше свѣта, чѣмъ Сикстинская Мадонна (444). Къ сожалѣнію только, онъ не дѣлаетъ опыта пролитія этого свѣта. Но въ чемъ же, однако, цѣль произведеній искусства? Вѣрный своей теоріи не выводитъ этой цѣли путемъ апіоріи формулировки ея сознаниемъ, а эмпирически изъ наблюденія отдѣльных предметовъ, г. Иванцовъ обращается къ картинамъ и статуямъ. Но первый выводъ его отрицательный. Многія картины и статуи украшаютъ храмы, площади и дома; отсюда является, говорить онъ, ложный взглядъ, будто бы цѣль ихъ есть красота. Красота,—говоритъ г. Иванцовъ, смѣшивая красоту съ украшеніемъ,—не цѣль ихъ, а лишь средство къ достиженію цѣли (стр. 451). Но въ чемъ же состоитъ сама цѣль?

Чтобы формулировать ее положительно, г. Иванцовъ пользуется тѣмъ историческимъ фактомъ, что начала искусства (грубыя изображенія дикарей) совпадаютъ съ началомъ письменности; отсюда ясно, думаетъ онъ, что и цѣль у нихъ одна.

Цѣль же письменности ясна. Письменность—тотъ же языкъ, цѣль ея есть передача другимъ своихъ мыслей. Такова же и общая цѣль искусства. „Искусство,—это подлинныя слова г. Иванцова,—точно также, какъ слово и письменность, есть передача, или выраженіе фактовъ, ощущеній, представленій

и идей. Искусство есть своего рода языкъ" (стр. 453). Теперь ясно, что г. Иванцовъ говоритъ не собственно объ изящномъ искусствѣ, не о художественныхъ произведеніяхъ, непосредственно вытекающихъ изъ чувства красоты и выражающихъ это чувство, а объ одномъ изъ многихъ челоуѣческихъ искусствъ, всѣ произведенія которыхъ, конечно, имѣютъ какую-нибудь цѣль, но отличаются между собою главнымъ образомъ различіемъ цѣлей (письмо, сапоги, ши и проч.). Собственно говоря, весь споръ нашъ съ г. Иванцовымъ излишенъ, такъ какъ мы говоримъ различное о различномъ: я разумѣю собственно изящное искусство, а онъ—искусство выражать свои мысли, которое почему-то называетъ искусствомъ вообще. Но дѣло въ томъ, что самъ г. Иванцовъ подъ своимъ искусствомъ разумѣетъ изящное и для опытнаго изученія его сущности (цѣли) дѣлаетъ экскурсіи по музеямъ. Но если цѣль искусства, какъ и языка, есть передача другимъ того, что содержится въ моей душѣ, то невольно является вопросъ, все ли, содержащееся въ моей душѣ, можетъ быть предметомъ искусства? Будетъ ли, напримѣръ, художественнымъ произведеніемъ моя приходо-расходная книга, содержаніе которой есть и содержаніе моей души? По смыслу статьи г. Иванцова, все можетъ быть предметомъ искусства, лишь бы только было способно къ конкретному изображенію и изображалось красиво съ соблюденіемъ техническихъ правилъ, заимствованныхъ изъ сравненія искусства съ языкомъ. Я сказалъ, что по смыслу статьи г. Иванцова все можетъ быть предметомъ искусства, такъ какъ самъ же онъ настаиваетъ, что заборный рисунокъ есть такой предметъ. Впрочемъ, онъ указываетъ на разницу между техническимъ совершенствомъ произведенія и его нравственнымъ достоинствомъ. Вѣрный своему сравненію искусства съ языкомъ, г. Иванцовъ говоритъ, что какъ предметъ рѣчи, независимо отъ того, хорошо или плохо онъ выражень, можетъ быть низокъ или возвышенъ, такъ и предметъ искусства; а потому рядомъ съ Сикстинской Мадонной г. Иванцовъ ставитъ заборный рисунокъ; но по своему утили-

тарному возрѣнію, по которому искусство, будто бы, должно служить цѣлямъ общества, г. Иванцовъ говоритъ, что совершеннѣйшимъ произведеніемъ искусства будетъ то, въ которомъ художникъ въ красивыхъ образахъ пропагандируетъ *благотворную* для общества идею. Что именно нужно понимать подъ благотворнымъ для общества,—этого г. Иванцовъ хотя и не говоритъ прямо, но мысль его ясно выражается его же собственными словами: „Простой рассказъ о какомъ-либо общественномъ явленіи имѣетъ болѣе глубокой социальный интересъ, чѣмъ описаніе красивой мѣстности или лица, и историческая и жанровая живопись всегда ставилась выше пейзажа и портрета“ (стр. 475).

Эти слова выясняютъ мысль г. Иванцова о благотворномъ для общества. Какое назиданіе, въ самомъ дѣлѣ, почерпнетъ общество, глядя на пейзажъ? Тогда какъ иной рассказъ объ общественныхъ явленіяхъ можетъ быть весьма и весьма полезенъ.

Невольно вспоминается время сопоставленія Пушкина съ сапожникомъ! Вѣрный своему взгляду на цѣль совершенныхъ произведеній искусства—высказывать идеи, благотворныя для общества, г. Иванцовъ предрекаетъ будущую судьбу различныхъ видовъ искусства. Сочтены дни скульптуры, живописи пейзажной, религіозной, исторической и даже жанровой, такъ какъ они не обладаютъ достаточными средствами для пропаганды широкихъ благотворныхъ идей. Музыкѣ, какъ наилучшей выразительницѣ душевныхъ состояній человѣка, г. Иванцовъ предсказываетъ развитіе въ будущемъ, но все-таки онъ не можетъ согласиться, что она есть искусство будущаго по преимуществу, и все, конечно, по той же причинѣ, что она не очень способна къ пропагандѣ благотворнаго для общества. Болѣе способнымъ для такой пропаганды является прозаическій романъ и повѣсть, а еще болѣе—театральныя пьесы, начиная съ водевиля, оперетки до трагедіи и высокой оперы. Послѣднимъ, какъ и всякимъ театральнымъ пьесамъ, кромѣ ихъ дешевизны,—тогда какъ обреченныя на погибель статуи и картины стоятъ большихъ

денегъ,—помогаетъ и конкретность красивой обстановки. Въдь красота, по ученію г. Иванцова, есть лишь средство къ пропагандѣ благотворнаго—главной цѣли искусства. Жаль только, что г. Иванцовъ болѣе прямо не объясняетъ, считаетъ ли онъ упадкомъ или развитіемъ искусства такую предсказанную имъ демократизацію его.

Не признавая цѣлью искусства изображеніе красоты, т.-е. чувство прекраснаго, психическую аксіому, руководящую всѣмъ человѣческимъ, и находя эту цѣль лишь въ высшей идей благотворныхъ для общества, г. Иванцовъ смѣшиваетъ изящное искусство съ публицистикой, дѣлая впрочемъ лишь то различіе между ними, что его искусство прибѣгаетъ къ красотѣ, какъ средству подсластить пріемъ благотворнаго. Такимъ образомъ г. Иванцовъ закрываетъ глаза на разумную потребность человѣка изобразить человѣческую красоту; самого себя и этимъ изображеніемъ возбудить въ зрителяхъ и слушателяхъ любовь, состраданіе къ человѣку вообще, что и для общества врядъ ли могло бы не быть благотворнымъ.

Итакъ, возражая Н. А. Иванцову, я главнымъ образомъ возражаю ему за утилитаризмъ, объясняющій красоту полезнымъ для организма, а искусство—благотворнымъ для общества и возводящій въ психическую аксіому идею пользы.

П. Каленовъ.

Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій *).

Для правильнаго лѣченія болѣзней недостаточно знать только то, какъ онѣ обнаруживаются и въ чемъ состоятъ, но необходимо также знать причину, вслѣдствіе которой онѣ происходятъ: только тогда мы получаемъ возможность правильно принимать мѣры какъ для предупрежденія болѣзней, такъ и для лѣченія ихъ. Не удивительно поэтому, что врачи всегда обращали особенное вниманіе на этиологию болѣзней. Дѣйствительно, когда извѣстна причина болѣзни и то, какъ она развилась вслѣдствіе этой причины, половина задачи уже разрѣшена,—тогда нерѣдко удается найти и раціональныя средства противъ нея. Для примѣра укажу на бактериологию: когда стало извѣстно, что заразныя болѣзни происходятъ влѣдствіе микроорганизмовъ, наука сразу стала на твердую почву, и, благодаря настойчивымъ усиліямъ, уже теперь удалось, по крайней мѣрѣ, противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ болѣзней найти и средства или для предупрежденія ихъ или для лѣченія.

То же самое должно сказать и относительно нервныхъ и душевныхъ болѣзней,—и здѣсь изученіе этиологии составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ современной науки. Въ теченіе нынѣшняго столѣтія психіатрія сдѣлала огром-

---

*) Сообщение, сдѣланное въ публичномъ засѣданіи Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ 21 октября 1898 года.

ные успѣхи; начались они главнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ психіатры убѣдились, что въ большинствѣ случаевъ причиною душевныхъ болѣзней служатъ физическія разстройства, и именно измѣненія со стороны нервной системы; другими словами, когда психіатры убѣдились, что душевныя болѣзни суть ничто иное, какъ болѣзни нервной системы, только выражающіяся по преимуществу въ сферѣ психической. Но въ то же самое время невропатологи и психіатры должны были убѣдиться въ томъ, что въ очень многихъ случаяхъ чисто органическія болѣзни, и при томъ не только поверхностныя и скоропреходящія, но нерѣдко и очень длительныя и тяжелыя, происходятъ исключительно только вслѣдствіе неблагоприятныхъ психическихъ вліяній. Изученіе главнымъ образомъ такихъ случаевъ привело къ убѣжденію, что вообще психическая дѣятельность наша имѣетъ огромное вліяніе на физическую сторону нашего организма, какъ въ нормальномъ, такъ и въ патологическомъ его состояніи. Фактъ этотъ имѣетъ огромное значеніе и въ научномъ, и въ чисто практическомъ отношеніи. Объясняется онъ тѣмъ, что всякая наша психическая дѣятельность обязательно сопровождается измѣненіями со стороны нервной системы: смотря по характеру и степени душевной дѣятельности, и измѣненія нервной системы бываютъ различны,—то болѣе поверхностны, то болѣе глубоки. А съ другой стороны, физиологія съ несомнѣнностью показываетъ, что всѣ процессы въ нашемъ организмѣ находятся въ очень большой зависимости отъ нашей нервной системы, и, при неблагоприятныхъ условіяхъ, могутъ рѣзко измѣняться какъ количественно, такъ и качественно вслѣдствіе разстройствъ въ нервной дѣятельности. Отсюда понятно, что во многихъ случаяхъ психическія движенія, вызывая ненормальныя измѣненія въ нервной системѣ, могутъ вызывать измѣненія и чисто органическія.

У меня не достало бы времени, если бы я вздумалъ излагать вообще ученіе о вліяніи психической дѣятельности на органическіе процессы и приводить всю ту массу от-

носящихся сюда фактовъ, которые извѣстны въ наукѣ какъ при нормальныхъ, такъ и при патологическихъ условіяхъ жизни. Я ограничусь только указаніями на наиболѣе важныя и наиболѣе интересныя явленія изъ этой области, а именно на *„измѣненія въ кровообращеніи подъ вліяніемъ душевныхъ волненій“*.

Какъ извѣстно, постоянное и правильное движеніе крови составляетъ самое существенное условіе для дѣятельности и для питанія каждаго изъ нашихъ органовъ, а слѣдовательно, и для жизни всего организма. Главную роль при этомъ играетъ сердце: оно своими правильными ритмическими сокращеніями гонитъ кровь въ артеріи, которыя распредѣляются по всему тѣлу. Постепенно развѣтвляясь, артеріи становятся все мельче и, наконецъ, переходятъ въ волосные или капиллярные сосуды съ очень тонкими стѣнками; здѣсь-то собственно и происходитъ питаніе тканей: кровь отдаетъ каждому органу, каждой ткани вещества, нужныя для ихъ питанія, и беретъ отъ нихъ вещества отжившія, уже ненужныя. Вслѣдствіе этого составъ крови измѣняется,—она дѣлается темною и по венамъ снова возвращается къ сердцу; оттуда она направляется къ легкимъ, подъ вліяніемъ вдохнутаго воздуха подвергается въ нихъ окисленію, снова дѣлается свѣтло-красною, возвращается къ сердцу и снова идетъ по артеріямъ. Такъ въ теченіе всей жизни совершается кругообращеніе крови, и этимъ поддерживается жизнь и отправленія организма; если вслѣдствіе какой бы то ни было причины кровь не будетъ притекать къ какому-нибудь органу, то прекратится не только его функція, но и питаніе, и онъ подвергнется омертвѣнію, гангренѣ; а если остановится кровообращеніе во всемъ организмѣ, то наступитъ смерть. Это движеніе крови совершается, съ одной стороны, вслѣдствіе физическихъ причинъ—тяжести, упругости, капиллярности и т. п.; но главнымъ образомъ имъ управляетъ нервная система, подъ вліяніемъ которой кровообращеніе можетъ ускориться или замедлиться, усилиться или сдѣлаться слабѣе, или даже и

вовсе остановиться. Такъ, дѣятельность сердца находится подъ вліяніемъ двухъ нервовъ—сочувственнаго, или симпатическаго (n. Sympathicus) и блуждающаго (n. Vagus); вслѣдствіе возбужденія сочувственнаго нерва движенія сердца усиливаются и ускоряются; напротивъ, возбужденіе блуждающаго нерва производитъ замедленіе біеній сердца; а если это возбужденіе велико, то сердце совершенно останавливается и перестаетъ биться. Какъ сочувственный, такъ и блуждающій нервы находятся въ завѣдованіи центровъ, которые помѣщаются въ продолговатомъ мозгу. *).

Кровеносные сосуды, особенно артеріи, также находятся подъ вліяніемъ нервовъ и при томъ тоже двухъ родовъ—сосудосжимающихъ и сосудорасширяющихъ. Вслѣдствіе возбужденія нервовъ перваго рода сосуды, главнымъ образомъ артеріи, сжимаются, просвѣтъ ихъ становится уже, и вслѣдствіе этого черезъ нихъ меньше можетъ пройти крови; а, если возбужденіе велико, то артерія можетъ настолько сжаться, что черезъ нее и совсѣмъ не будетъ проходить кровь. Тогда та часть тѣла, которая снабжается этой артеріей, сдѣлается безкровной, и, если это долго продолжится, должна будетъ умереть, т.-е. подвергнуться гангренѣ. Если же сосудосжимающіе нервы будутъ ослаблены или совершенно парализованы, то артеріи расширяются, и черезъ нихъ къ данной части тѣла будетъ притекать крови больше, нежели въ нормальномъ состояніи. Сосудорасширяющіе нервы производятъ на артеріи противоположное дѣйствіе: при возбужденіи ихъ артеріи расширяются, а при ослабленіи сжимаются. Центры для сосудодвигательныхъ нервовъ находятся частью въ спинномъ мозгу, главнымъ же

---

*) Очень близко отъ нихъ тоже въ продолговатомъ мозгу лежатъ и центръ дыханія; оттого-то поврежденіе этого отдѣла нервной системы такъ опасно для жизни: такъ, при опытахъ надъ животными достаточно сдѣлать небольшой уколъ иглою въ эту часть продолговатаго мозга, чтобы сразу животное умерло, потому что вслѣдствіе этого укола у него сразу прекращаются и дыханіе, и біеніе сердца; оттого-то эта часть продолговатаго мозга называется жизненнымъ узломъ (poeud vital).

образомъ тоже въ продолговатомъ: смотря по состоянію этихъ центровъ—возбужденію или ослабленію—артеріи во всемъ тѣлѣ или сожмутся, или расширятся, и слѣдовательно во всемъ организмѣ произойдетъ значительное измѣненіе въ кровообращеніи. Но что особенно важно, это то, что, какъ показали физиологическія изслѣдованія, въ мозговой корѣ, т.-е. въ томъ нервномъ веществѣ, которое покрываетъ полушарія большого мозга и которое представляетъ собою главный органъ психической дѣятельности, находятся отдѣлы, которые имѣютъ большое вліяніе на кровообращеніе. Такъ, при опытахъ надъ животными оказалось, что раздраженіе этихъ отдѣловъ очень сильно измѣняетъ какъ біеніе сердца, такъ и состояніе кровеносныхъ сосудовъ, главнымъ образомъ артерій, а вслѣдствіе этого измѣняется и кровообращеніе во всемъ организмѣ. Для краткости эти отдѣлы мы будемъ называть корковыми сосудодвигательными центрами. Патологическіе случаи съ несомнѣнностью показываютъ, что и у человѣка въ мозговой корѣ существуютъ такіе же сосудодвигательные центры. Черезъ посредство этихъ-то корковыхъ центровъ психическая дѣятельность и производитъ свое вліяніе на кровообращеніе. Какъ я уже сказалъ, всякая психическая дѣятельность наша обязательно сопровождается дѣятельностью нервныхъ элементовъ и главнымъ образомъ тѣхъ, которые составляютъ мозговую кору; если благодаря извѣстнымъ условіямъ, при этомъ придутъ въ дѣятельное состояніе, кромѣ другихъ, также и корковые сосудодвигательные центры, то вслѣдствіе этого необходимымъ образомъ произойдутъ и измѣненія въ кровообращеніи.—Какія же условія для этого необходимы?

Опытъ показываетъ, что кровообращеніе нисколько не зависитъ отъ нашего произвола: мы не можемъ произвольно не только измѣнить кровообращеніе въ какой-либо отдѣльной части тѣла, напримѣръ, увеличить или уменьшить притокъ крови къ ней, но не можемъ ускорить или замедлить біенія сердца. Мало того, движеніе крови по кровеноснымъ сосудамъ совершается внѣ нашего сознанія: мы со-

вершено ничего не ощущаемъ и ничего не знаемъ о томъ, какъ по нимъ движется кровь. Умственная наша дѣятельность тоже въ очень слабой степени сопровождается измѣненіями въ кровообращеніи. Совсѣмъ другое бываетъ при нашихъ душевныхъ чувствахъ и особенно при волненіяхъ или эмоціяхъ. Научныя психо - физиологическія изслѣдованія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что всякое душевное чувство, кромѣ ощущенія психическаго, обязательно сопровождается измѣненіями собственно органическими. Въ большинствѣ случаевъ,—чѣмъ сильнѣе душевное чувство, тѣмъ сильнѣе и эти органическія измѣненія; особенно они сильны, если чувство является вдругъ и быстро достигаетъ высокой степени, слѣдовательно, при такъ называемыхъ душевныхъ волненіяхъ или эмоціяхъ. Въмѣстѣ съ этимъ изслѣдованія показываютъ, что различныя душевныя чувства сопровождаются и различными органическими проявленіями, въ томъ числѣ и различными измѣненіями со стороны органовъ кровообращенія. Такъ, при пріятныхъ чувствахъ—радости, веселости, удовольствіи, — дыханіе совершается легко, грудная клѣтка расширяется свободно, дѣятельность сердца усиливается—„сердце радостно бьется“; периферическіе кровеносные сосуды расширяются, и движеніе крови по нимъ дѣлается свободнѣе; глаза блестятъ; лицо оживлено; мышцы произвольныхъ движеній находятся въ возбужденномъ состояніи; оттого проявленія веселости—крики радости, пѣніе, особенная подвижность, потребность прыгать, плясать и т. п. Наиболѣе высокой степени всѣ эти проявленія достигаютъ при тѣхъ душевныхъ болѣзняхъ, которыя спровождаются пріятнымъ, веселымъ настроеніемъ духа, напримѣръ, при маніи. Совершенно обратныя явленія происходятъ при душевныхъ чувствахъ непріятныхъ — грусти, печали, тоскѣ; здѣсь сердцебіеніе ослабляется и замедляется, кровеносные сосуды сжимаются, пульсъ становится мало ощутимымъ, кровообращеніе затрудняется, руки становятся холодны, блѣдны или синеваты, дыханіе тоже замедляется и дѣлается болѣе поверхностнымъ;

мышцы произвольныхъ движеній находятся въ недѣятельномъ состоянїи,—человѣкъ неподвиженъ или дѣлаетъ движенія медленно и неохотно; глаза впали, лицо осунулось и выражаетъ страданіе. И это состоянїе достигаетъ наивысшей степени при душевныхъ болѣзняхъ, и именно при меланхоли; здѣсь и разстройства кровообращенія достигаютъ нерѣдко очень высокой степени. Чувство гнѣва есть сложное явленіе и слагается изъ непрїятнаго ощущенія и сознанія собственной силы; соотвѣтственно этому и проявленія его носятъ особый характеръ: сердцебиеніе усиливается, кровеносные сосуды расширяются, лицо дѣлается краснымъ, глаза блестятъ, большія вены на лицѣ расширяются; зубы стиснуты, ноздри расширены, дыханіе порывисто; мышцы произвольныхъ движеній напряжены, руки сжаты, все тѣло склоняется впередъ и принимаетъ позу нападающаго или, по крайней мѣрѣ, угрожающаго. Совсѣмъ иначе обнаруживается чувство страха,—это соединеніе непрїятнаго ощущенія съ сознаніемъ собственнаго безсилія: страхъ ослабляетъ всѣ мышцы произвольныхъ движеній, а когда онъ достигаетъ высокой степени, совершенно парализуетъ ихъ: человѣкъ не можетъ ни вскрикнуть, ни двинуться и остается неподвижнымъ, какъ прикованный къ мѣсту; дыханіе прїостанавливается, периферическіе кровеносные сосуды сжимаются,—лицо блѣдно, конечности холодны; сердце замираетъ и прїостанавливается, а при очень сильномъ страхѣ можетъ и навсегда остановиться,—не рѣдки случаи, когда подъ вліяніемъ страха человѣкъ внезапно умираетъ именно вслѣдствіе паралича сердца. Такъ же точно и всѣ другія душевныя чувства всегда обнаруживаются соотвѣтствующими внѣшними органическими проявленіями; а между ними самое главное и самое постоянное явленіе составляютъ измѣненія въ дѣятельности сердца и кровеносныхъ сосудовъ. Не даромъ народная психологія локализируетъ душевныя чувства не въ мозгу, который считается органомъ мысли, а въ сердцѣ— „сердце чувствуетъ“. Конечно, насъ при этомъ обманыва-

еть самоощущение; органомъ и для душевныхъ чувствъ служить головной мозгъ; но это обыденное наблюдение показываетъ, какъ велико участие сердца при душевныхъ чувствахъ; то же самое должно сказать и относительно кровеносныхъ сосудовъ. И дѣйствительно, если душевныя чувства сильны и долго продолжаются, то это можетъ вызвать глубокое болѣзненное измѣненіе со стороны какъ сердца, такъ и кровеносныхъ сосудовъ. Мнѣ неоднократно приходилось видать людей, у которыхъ дѣятельность сердца разстроивалась вслѣдствіе того, что они долго находились подъ вліяніемъ угнетающихъ душевныхъ чувствъ; они жаловались на замираніе сердца, неправильное біеніе его—перебои, одышку, кошмары во время сна и т. п.; при изслѣдованіи оказывалось, что пульсъ у нихъ слабъ и неправиленъ по ритму. Можно было думать объ органической болѣзни сердца; но выслушиваніе и постукиваніе показывали, что никакого органическаго измѣненія со стороны сердца нѣтъ, и дѣйствительно, когда обстоятельства измѣнялись и волненіе успокоивалось, дѣятельность сердца снова становилась вполнѣ правильной. Такъ же точно при сильныхъ и продолжительныхъ волненіяхъ могутъ произойти и со стороны кровеносныхъ сосудовъ глубокия и длительныя измѣненія ихъ дѣятельности, а вслѣдствіе этого и сильныя разстройства кровообращенія. Смотри по даннымъ условіямъ, такія разстройства могутъ быть или общими, т.-е. касаться всего организма, или же только мѣстными. Какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ тѣ случаи, когда подъ вліяніемъ душевныхъ волненій дѣлаются чисто мѣстныя разстройства кровообращенія, т.-е. когда въ той или другой части тѣла кровообращеніе очень глубоко разстраивается, общее же кровообращеніе въ организмъ остается безъ измѣненія или, по крайней мѣрѣ, не представляетъ замѣтныхъ разстройствъ. Такіе случаи важны и въ томъ отношеніи, что при этомъ разстройство кровообращенія можетъ достигнуть очень высокой степени и можетъ вы-

звать крайне серьезныя, даже опасныя для жизни расстройства питанія. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ расстройствъ.

Чаще всего приходится встрѣчать мѣстный спазмъ артерій: онѣ сжимаются, и черезъ нихъ чрезвычайно мало протекаетъ крови. Обыкновенно это наблюдается на рукахъ: руки тогда представляются блѣдными, холодными, безжизненными, какъ у мертваго; въ то же время въ нихъ чувствуется онѣмѣлость,—дѣйствительно, чувствительность у нихъ нерѣдко настолько бываетъ понижена, что, напримѣръ при уколѣ иглой, даже довольно глубокомъ, большой или больная почти совсѣмъ не ощущаетъ боли, а также не показывается кровь отъ этого укола. Такое состояніе получило названіе мѣстнаго обморока—*syncope locale*; оно является по временамъ,—стоитъ больному взволноваться, и его руки слѣлаются безжизненными; обыкновенно это продолжается недолго,—проходить волненіе, проходитъ и эта блѣдность. Но иногда такое сжатіе артерій достигаетъ очень высокой степени и очень долго продолжается; тогда кровь совсѣмъ перестаетъ притекать къ данной части тѣла, и она должна подвергнуться омертвѣнію: дѣйствительно, при такихъ условіяхъ не рѣдко приходится видать мѣстную гангрену, — обыкновенно на пальцахъ рукъ. Въ другихъ случаяхъ (иногда у того же больного въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни) къ этому присоединяется еще застой крови въ венахъ; тогда рука представляется холодной, безжизненной, но не блѣдной, а синеватой, иногда даже темносиней, цвѣта чугуна. Это состояніе называется мѣстной асфиксіей (*asphyxie locale*); оно тоже обыкновенно является по временамъ и проходитъ, но можетъ остаться и надолго.— Не очень давно намъ довелось довольно продолжительное время наблюдать въ нашей клиникѣ больную, у которой, кромѣ ряда другихъ болѣзненныхъ симптомовъ, была такая мѣстная асфиксія рукъ, особенно лѣвой: по временамъ цвѣтъ ея рукъ былъ приблизительно нормальнымъ, временами же онѣ, особенно, лѣвая, дѣлались темносиняго цвѣта

и холодными, — температура рукъ понижалась градусовъ на 5; это продолжалось нѣсколько часовъ и проходило. При дальнѣйшемъ наблюденіи выяснилось, что руки синѣли обыкновенно тогда, когда больная приходила въ волненіе, — дѣлалась очень грустна и раздражительна; больная сама замѣтила это: „стоитъ мнѣ раздуматься объ моей болѣзни“, говорила она, „и руки сдѣлаются синими“. Дѣйствительно, когда общее состояніе ея улучшалось, раздражительность становилась меньше, и настроеніе духа дѣлалось болѣе бодрымъ, синета рукъ являлась рѣже, была въ меньшей степени и скорѣе проходила.

Къ этимъ явленіямъ мѣстной асфиксіи у нѣкоторыхъ больныхъ присоединяется еще значительный отекъ: рука тогда имѣетъ поразительный видъ: она толста, пухлая, какъ подушка, холодна и темносиняго цвѣта. Это такъ называемый мѣстный синій отекъ (oedeme bleu). Такое болѣзненное состояніе можетъ иногда продолжаться очень долго, — даже годами. Не очень давно подобный случай намъ пришлось видѣть у одного солдата, находившагося въ военномъ госпиталѣ; у него такой отекъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ. Вообще, синій отекъ чаще всего бываетъ на рукахъ, но онъ можетъ быть и въ другихъ частяхъ тѣла. Если такое разстройство кровообращенія достигнетъ очень высокой степени и долго продолжится, то питаніе данной части тѣла конечно будетъ идти крайне плохо; а вслѣдствіе этого ея способность сопротивляться различнымъ вреднымъ вліяніямъ очень понизится, т.-е. ранимость ея увеличится, а въ то же время способность къ заживленію, къ восстановленію нормальнаго состоянія, уменьшится. Неудивительно поэтому, что при такихъ условіяхъ на больной части тѣла нерѣдко являются нарывы, раны и язвы, которые долго не заживаютъ, а все увеличиваются и въ ширь, и въ глубь. При видѣ такой болѣзни невольно приходитъ мысль, что въ данной части тѣла происходятъ какіе-нибудь глубокіе, разрушительные болѣзненные процессы; а такъ какъ болѣзнь тянется годами, не уступая обыкновен-

нымъ средствамъ, то является мысль удалить эту больную часть, сдѣлать ампутацію; а между тѣмъ, при благопріятныхъ психическихъ воздѣйствіяхъ, всѣ эти явленія могутъ быстро исчезнуть; въ медицинѣ есть примѣры, гдѣ такая болѣзнь существовала годами и быстро проходила отъ какого-нибудь сильнаго психическаго впечатлѣнія. Что дѣйствительно такое болѣзненное состояніе можетъ произойти, но можетъ и пройти исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ движеній, это блестяще доказалъ покойный профессоръ Charcot на своихъ лекціяхъ. Говоря о синемъ отека истеричныхъ, онъ представилъ больного, 46 лѣтъ, который сначала былъ матросомъ, а потомъ ночнымъ сторожемъ; подъ вліяніемъ продолжительныхъ огорченій онъ сдѣлался истеричнымъ, и у него, кромѣ другихъ истерическихъ симптомовъ, былъ очень рѣзко выраженный синій отекъ на правой рукѣ. Чтобы доказать, что это можетъ сдѣлаться подъ вліяніемъ исключительно психическихъ движеній, профессоръ пригласилъ въ аудиторію больную, которая страдала истеріей, и, какъ показали предшествовавшія наблюденія, очень легко поддавалась гипнотическому внушенію. Charcot загипнотизировалъ ее и при этомъ внушилъ, что правая ея рука больна, что она опухнетъ, сдѣлается холодной и синей. Уже на другой день рука дѣйствительно стала опухать, а черезъ недѣлю, когда больная была снова представлена въ аудиторію, правая рука ея была такая же синяя, холодная и опухшая, какъ у ранѣ представленнаго мужчины. Тогда онъ снова загипнотизировалъ больную, и внушилъ ей, что рука ея выздоровѣла; при этомъ онъ сдѣлалъ какъ бы легкій массажъ руки, чтобы усилить внушеніе, и минутъ черезъ 10—15 рука приняла свой прежній нормальный видъ.

До сихъ поръ мы видѣли примѣры болѣзненныхъ состояній, обусловленныхъ сжатіемъ артерій; но подъ вліяніемъ душевныхъ волненій можетъ произойти и противоположное состояніе—расширеніе ихъ; сюда между прочимъ относится болѣзненное явленіе, не очень давно описанное

подъ именемъ erythromelalgia; оно бываетъ тоже на рукахъ, но чаще на ступняхъ. При этомъ является краснота, жаръ и большею частью сильная жгучая боль въ ногахъ. Недавно д-ръ Levi описалъ подобный случай изъ клиники проф. Raymond. Г-жа L. отъ природы всегда была нервная и впечатлительная; когда она была еще дѣвочкой въ пансіонѣ, ее заставили поцѣловать и проститься съ ея умершей подругой; она это сдѣлала; но видъ покойницы и запахъ разлагающагося трупа произвели на нее такое сильное впечатлѣніе, что она сдѣлалась больна. Съ тѣхъ поръ она всегда испытывала ужасъ при одной мысли о покойникѣ. Когда ей было 37 лѣтъ, умерла отъ чахотки ея сестра, жившая въ другомъ городѣ. Г-жа L. должна была поѣхать туда и пробыть въ томъ же домѣ дня два, т.-е. до похоронъ. Видъ покойницы снова произвелъ на нее потрясающее впечатлѣніе. Вернувшись домой, она уже не могла заснуть: все ей представлялась ея умершая сестра; а на слѣдующее утро у нея явилась боль въ ногахъ: подошвы сдѣлались красны, нѣсколько припухли и были горячи. Боль въ ногахъ стала повторяться, дѣлалась все сильнѣе и не довала ей ни стать на ноги, ни заснуть. Такъ продолжалось три съ половиною мѣсяца; давали kalium bromatum и antipyrinum, впрыскивали морфій подъ кожу, но это нисколько не помогало. Когда больная поступила въ Salpêtrière, д-ръ Levi сталъ лѣчить ее гипнотизмомъ; больную было очень легко усыпить, и въ это время она сообщила, что постоянно думаетъ объ умершей сестрѣ и что это постоянно приводитъ ее въ ужасъ. Ей было внушено, чтобы она больше не думала объ этомъ, и уже въ слѣдующую ночь больная могла заснуть. Боль въ ногахъ и краснота въ нихъ потомъ еще повторялись; но подъ вліяніемъ внушеній постепенно становились все рѣже и слабѣе, а потомъ и совершенно прекратились.

Подъ вліяніемъ душевныхъ волненій бываютъ также иногда и произвольныя кровотеченія, т.-е. кровотеченія безъ всякихъ поврежденій и безъ всякихъ измѣненій въ соот-

вѣтствующемъ органѣ. Такія кровотеченія чаще всего бываютъ изъ внутреннихъ органовъ, но иногда они бываютъ и изъ наружныхъ покрововъ. Самое обыкновенное изъ этихъ явленій—это кровохарканіе. Очень часто приходится встрѣчать нервныхъ больныхъ, особенно дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, у которыхъ сухой кашель и время отъ времени дѣлается кровохарканіе. Съ перваго взгляда можно подумать, что у больной чахотка; но объективное изслѣдованіе груди не показываетъ рѣшительно никакого измѣненія со стороны легкихъ; при болѣе же внимательномъ наблюдении оказывается, что кровохарканіе является исключительно послѣ какого-нибудь душевнаго волненія и очевидно зависитъ отъ него; и дѣйствительно при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, когда настроеніе духа измѣняется къ лучшему, проходитъ кашель и кровохарканіе болѣе не появляется. Такъ же точно произвольныя кровотеченія могутъ быть и изъ другихъ органовъ. Д-ръ Weterstrand сообщаетъ слѣдующій случай: однажды онъ былъ приглашенъ къ дамѣ, у которой сдѣлалась кровавая рвота; узнавши, что это истерическая особа и что рвота у нея сдѣлалась послѣ непріятной семейной исторіи, докторъ не сталъ употреблять обыкновенныхъ при этомъ лѣкарствъ, а прямо обратился къ лѣченію гипнотизмомъ; рвота очень скоро прекратилась. Въ другихъ случаяхъ ему удавалось также при помощи гипнотическаго внушенія останавливать кровотеченія изъ другихъ внутреннихъ органовъ, а также и носовое.

Въ нѣкоторыхъ, правда, рѣдкихъ, случаяхъ подъ вліяніемъ душевнаго волненія бываютъ кровотеченія и изъ наружныхъ покрововъ безъ всякаго поврежденія ихъ. Такой примѣръ приводитъ Хэкъ-Тьюкъ: одинъ 30-лѣтній матросъ во время сильной бури такъ перепугался, что упалъ и потерялъ способность говорить—онѣмѣлъ. Въ то же время у него на лицѣ, шеѣ и груди въ видѣ маленькихъ капель показался кровавый потъ; бывшій при этомъ хирургъ вполне могъ убѣдиться, что у больного не было никакой царапины или другого поврежденія, а кровь выступала изъ тѣхъ

крошечныхъ отверстій, въ которыя открываются потовыя железки. Когда буря прошла и матросъ успокоился, кровотеченіе прекратилось, и снова вернулась способность говорить. У нѣкоторыхъ людей, очень впечатлительныхъ и способныхъ къ внушенію, удавалось даже вызвать такое кровотеченіе прямо на указанномъ мѣстѣ: одинъ молодой солдатъ заболѣлъ тяжелой формой истеріи; его нѣсколько разъ гипнотизировали, и оказалось, что внушаемость его очень велика. Однажды проф. Bourrut, загипнотизировавъ его, внушилъ, что въ извѣстное время у него будетъ носовое кровотеченіе, и дѣйствительно въ назначенный часъ у него показалась кровь изъ носа. Въ другой разъ профессоръ тупою палочкой написалъ на предплечіи больного его имя и внушилъ, что здѣсь покажется кровь, и что имя будетъ написано кровавыми буквами: въ назначенное время оказалось, что буквы были очень ясно видны, были ярко-краснаго цвѣта, нѣсколько возвышены, и по мѣстамъ на нихъ выступала кровь. Черезъ нѣсколько времени этого же больного видѣлъ д-ръ Mabill; онъ повторилъ тотъ же опытъ и опять вызвалъ кровотеченіе на указанномъ мѣстѣ. Впослѣдствіи у этого больного стали дѣлаться припадки произвольнаго сомнамбулизма; во время нихъ больной самъ громко внушалъ себѣ, что у него будетъ кровотеченіе на рукѣ, и дѣйствительно на ней показывались капли крови.

Я могъ бы привести и еще очень много подобныхъ же примѣровъ,—умышленно я останавливался только на случаяхъ вполне чистыхъ и не допускающихъ сомнѣнія; но мнѣ кажется, что и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы доказать, что подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ людей, могутъ произойти очень глубокія разстройства кровообращенія и повлечь за собою крайне тяжелыя, опасныя для жизни болѣзненныя состоянія. Конечно, для этого необходимы особыя условія,—а именно слишкомъ большая возбудимость сосудодвигательныхъ нервовъ. Степень возбудимости ихъ и у здоровыхъ людей представляетъ очень большія различія: у однихъ эти нер-

вы очень легко и сильно возбудимы, у других же, напротив, очень мало. Кому, напримѣръ, не приходилось видать людей, у которыхъ при малѣйшемъ волненіи сильно краснѣютъ не только лицо, но также уши, шея и верхняя часть груди: очевидно, здѣсь сосудодвигательные нервы очень возбудимы; такъ же точно нѣкоторые уже при малѣйшемъ страхѣ сильно блѣднѣютъ, а конечности при этомъ у нихъ дѣлаются очень холодными. Подъ вліяніемъ же болѣзни, напримѣръ, у лицъ нервныхъ, впечатлительныхъ, эта возбудимость можетъ достигнуть очень высокой степени. Но наиболѣе удобную почву для такихъ проявленій представляетъ истерія; при ней вся нервная система дѣлается очень возбудима; но, что особенно важно, при ней психическія возбужденія съ необыкновенной силой передаются на нервную систему. Изслѣдованія новѣйшаго времени вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что при истеріи всѣ самыя разнообразныя болѣзненные явленія происходятъ не иначе, какъ при посредствѣ психической дѣятельности. Такъ, всѣмъ извѣстно, что большинство истеричныхъ больныхъ очень внушаемы и что путемъ гипнотическаго внушенія у нихъ можно вызвать, но можно и уничтожить, самыя разнообразныя болѣзненные явленія: онѣмѣлость и другія расстройства чувствительности, параличи и судороги, измѣненія различныхъ выдѣленій, а также и глубокія расстройства въ кровообращеніи; такъ, мы видѣли, что у больныхъ очень внушаемыхъ удавалось такимъ путемъ вызывать даже такія расстройства, какъ сильный отекъ и произвольныя кровотеченія въ видѣ кроваваго пота; но то же самое можетъ произойти у нихъ и безъ гипнотизма, путемъ самовнушенія.

Но, какъ извѣстно, при душевныхъ волненіяхъ въ большинствѣ случаевъ происходитъ общее измѣненіе кровообращенія во всемъ организмѣ: измѣняется дѣятельность сердца, а также и болѣе или менѣе всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ тѣла. Почему же въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое расстройство оказывается только мѣстнымъ, почему оно дѣлается только въ рукахъ или даже въ одной рукѣ, въ нѣ-

гахъ, въ томъ или другомъ внутреннемъ органѣ, тогда какъ общее кровообращеніе остается безъ замѣтныхъ измѣненій? Это объясняется тѣмъ, что корковые сосудодвигательные центры, завѣдующіе кровообращеніемъ въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла, расположены въ различныхъ частяхъ мозговой коры, и до извѣстной степени каждый изъ нихъ имѣетъ свою самостоятельность, т.-е. можетъ придти въ возбужденіе независимо отъ другихъ сосудодвигательныхъ центровъ. Хотя это не доказано точными экспериментами, но въ пользу этого сильно говорятъ патологическіе случаи у человѣка. Физиологическіе опыты и клиническія наблюденія съ несомнѣнностью доказали, что различныя части мозговой коры имѣютъ различныя отправления и что онѣ до извѣстной степени самостоятельны. Такъ, существуютъ отдѣльные центры для органовъ чувствъ: центръ для зрѣнія, другой для слуха, затѣмъ центры для обонянія, вкуса, осязанія. Другіе отдѣлы завѣдуютъ произвольными движеніями, и при томъ для движенія различныхъ частей тѣла назначены отдѣльные центры,—такъ, центры для движеній той и другой руки, даже для отдѣльныхъ частей руки—пальцевъ, кисти, локтя, плеча; затѣмъ центры для движенія ногъ, туловища, лица, языка, гортани и т. д. Что же касается корковыхъ сосудодвигательныхъ центровъ, то клиническія наблюденія заставляютъ думать, что у человѣка они расположены вблизи отъ центровъ, завѣдующихъ произвольными движеніями, и при томъ такъ, что сосудодвигательные центры, назначенные для какой-нибудь части тѣла, помѣщаются близко отъ центровъ, управляющихъ произвольными движеніями именно этой части тѣла. Въ пользу этого говорятъ слѣдующіе случаи: если у человѣка сдѣлается какое-нибудь измѣненіе въ мозговой корѣ, и если оно помѣстится въ близкомъ сосѣдствѣ, напримѣръ, съ центромъ, завѣдующимъ движеніями руки, то вслѣдствіе этого произойдутъ расстройства произвольныхъ движеній въ соответствующей рукѣ; но вмѣстѣ съ этимъ очень часто приходится наблюдать и глубокія расстройства кровообра-

щенія и при томъ только въ этой же рукѣ. То же самое можетъ произойти и при душевныхъ волненіяхъ: если у человѣка съ болѣзненно—повышенной возбудимостью сосудодвигательныхъ нервовъ сдѣлается душевное волненіе, и если оно сосредоточится на какомъ-нибудь органѣ или какой-нибудь части тѣла, то вслѣдствіе возбужденія соответствующихъ нервныхъ элементовъ у больного произойдутъ не только расстройства произвольныхъ движеній въ данной части тѣла, напримѣръ, судороги или параличи, но также и расстройства кровообращенія, и при томъ только въ этой же части тѣла, т.-е. будутъ только мѣстными. Причины же, вслѣдствіе которыхъ душевное волненіе можетъ сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь органѣ, могутъ быть очень различны. Такъ, мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто, гдѣ должны были явиться расстройства кровообращенія, было указано во время гипнотического внушенія,—они дѣйствительно тамъ и являлись. Въ другихъ же случаяхъ это дѣлается подъ влияніемъ самовнушенія; а для этого иной разъ достаточно совершенно случайной посторонней причины: такъ, иногда достаточно одного вида такой же болѣзни у другого больного или даже и другой болѣзни въ той же части тѣла, если этотъ видъ вызываетъ очень большое волненіе у впечатлительнаго человѣка; вѣдь, какъ извѣстно, у истерическихъ особъ различныя болѣзненные проявленія очень часто дѣлаются исключительно путемъ психической заражаемости: стоитъ имъ увидать какое-нибудь болѣзненное явленіе, особенно же тоже истерическаго происхожденія, какъ и у нихъ дѣлается то же самое. Иногда это случайный ушибъ или раненіе данной части тѣла, если это сопровождалось сильнымъ волненіемъ, напримѣръ, испугомъ; сюда относятся очень многіе случаи такъ называемыхъ травматическихъ неврозозъ. Различныя случайныя заболѣванія внутреннихъ органовъ, если они сопровождаются болью или вообще неприятными ощущеніями, могутъ сосредоточить душевное волненіе именно на этомъ органѣ и т. п. Коротко сказать, такихъ слу-

чайныхъ причинъ можетъ быть много, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ мы не всегда можемъ съ точностью указать такую причину.

Какъ бы то ни было, многочисленныя наблюденія показываютъ, что подъ вліяніемъ душевныхъ волненій могутъ происходить очень большія разстройства кровообращенія, какъ мѣстныя, такъ и общія; а если эти разстройства достигаютъ значительной степени и долго продолжаются, то это по необходимости влечетъ за собою болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ питаніи или отдѣльныхъ частей, или же и всего организма. Но какъ кровообращеніе находится въ зависимости отъ душевной дѣятельности, такъ же точно и другія отправления организма зависятъ отъ нея, и при неблагопріятныхъ условіяхъ и со стороны ихъ точно также могутъ сдѣлаться крупныя разстройства, и можетъ произойти та или другая болѣзнь. Эти факты имѣютъ очень большое значеніе не только собственно научное, но также и чисто практическое. Зная ихъ, мы должны оберегать себя отъ неблагопріятныхъ психическихъ вліяній такъ же точно, какъ мы оберегаемъ себя отъ вредныхъ физическихъ вліяній; мы должны заботиться, чтобы наша психическая впечатлительность не развивалась слишкомъ сильно и не доходила бы до болѣзненныхъ размѣровъ. Въ то же время врачъ, зная эти факты, постоянно долженъ имѣть въ виду, что есть не мало случаевъ, гдѣ та или другая болѣзнь обязана своимъ происхожденіемъ именно неблагопріятнымъ психическимъ моментамъ; а еще больше такихъ случаевъ, гдѣ болѣзнь, произойдя отъ какой бы то ни было причины, поддерживается и усиливается неблагопріятнымъ душевнымъ состояніемъ больного. Онъ долженъ помнить, что въ такихъ случаяхъ лѣкарственныя средства мало помогутъ больному или и вовсе не помогутъ, что здѣсь нужно сначала измѣнить его душевное состояніе, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить его впечатлительность. Дѣйствительно, современные врачи, знакомые съ подобными фактами, при лѣченіи болѣзней все больше и больше обращаютъ внима-

ніе на душевное состояніе больныхъ; они не только стараются удалить то, что дурно вліяетъ на больного въ психическомъ отношеніи, но часто обращаются собственно къ психотерапіи, т.-е. стараются, смотря по обстоятельствамъ, тѣмъ или другимъ путемъ подѣйствовать на психическую сторону больного такъ, чтобы вызвать въ немъ перемѣну, благопріятную его выздоровленію,—и въ этомъ заключается дѣйствительно крупный шагъ впередъ въ современной медицинѣ.

А. Я. Кожевниковъ.

Критика понятія прогресса *).

Статья первая: Общія основанія.

I.

Прогрессомъ въ жизни природы и человѣка слѣдуетъ считать увеличеніе внутренней, нравственной цѣнности этой жизни и суммы цѣнныхъ жизней на землѣ, происходящее отъ роста сознанія и самосознанія живыхъ существъ, который зависитъ, въ свою очередь, отъ превращенія низшихъ формъ энергіи въ высшія (физическихъ въ психическія), вслѣдствіе экономизаціи работы и накопленія свободныхъ запасовъ энергіи въ организмахъ.

Это, на первый взглядъ, довольно сложное опредѣленіе понятія прогресса можно разложить на слѣдующіе простые элементы:

- 1) увеличеніе внутренней, нравственной цѣнности жизни,
- 2) ростъ сознанія и самосознанія,
- 3) превращеніе низшихъ формъ энергіи въ высшія (психическія),
- 4) экономизація энергій (работы) и накопленіе ихъ свободныхъ запасовъ.

Всѣ эти элементы понятія прогресса тѣсно связаны между собою и другъ друга предполагаютъ.

Увеличеніе нравственной цѣнности жизни возможно лишь

---

*). Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 12 декабря 1898 г.

вслѣдствіе роста сознанія и самосознанія; ростъ сознанія и самосознанія осуществляется лишь чрезъ превращеніе въ природѣ низшихъ формъ энергіи въ высшія; это превращеніе, въ свою очередь, достигается экономизаціей энергій и накопленіемъ ихъ свободныхъ запасовъ.

Такимъ образомъ, экономизація энергій въ природѣ, дающая ихъ свободные запасы, есть конечная основа прогресса. Ближайшею его основою является ростъ сознанія и самосознанія, а посредствующимъ звеномъ—превращеніе низшихъ формъ энергіи въ природѣ въ высшія. Сущностью же прогресса является увеличеніе нравственной цѣнности жизни на землѣ. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ непрерывною цѣпью причинъ и ихъ дѣйствій. Но это какъ бы *механическое* сцѣпленіе причинъ и дѣйствій ведетъ къ опредѣленной *цѣли*, которая состоитъ въ увеличеніи нравственной цѣнности жизни на землѣ. Вслѣдствіе этого, если понятіе прогресса опредѣлять со стороны его *цѣли*, то прогрессомъ будетъ „увеличеніе нравственной цѣнности жизни“; если опредѣлять прогрессъ со стороны *средствъ*, къ нему ведущихъ, то прогрессомъ будетъ—съ психологической стороны—„увеличеніе сознанія и самосознанія на землѣ“, а съ физической стороны—„превращеніе низшихъ формъ энергіи въ высшія“; если же опредѣлять прогрессъ со стороны его *послѣдней причины и условія*, то мы назовемъ прогрессомъ „экономизацію энергій въ природѣ и накопленіе ихъ запасовъ“.

Всѣ эти опредѣленія прогресса, въ отдѣльности, вѣрны, но не полны, т.-е. односторонни и частны; полное же и исчерпывающее опредѣленіе прогресса *на землѣ* должно состоять въ логическомъ синтезѣ этихъ частныхъ опредѣленій въ ту формулу, какую мы дали въ началѣ.

До сихъ поръ мы говорили о значеніи понятія прогресса въ жизни природы и человѣка на землѣ, но такъ какъ мы имѣемъ основаніе предполагать единство законовъ природы въ цѣлой вселенной, то логически въ правѣ расширить формулу прогресса въ слѣдующее, самое общее и краткое его опредѣленіе:

Прогрессъ въ жизни вселенной есть увеличеніе нравственной цѣнности этой жизни, происходящее отъ роста въ ней самосознанія, которое зависитъ отъ превращенія міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе.

Данное нами общее опредѣленіе прогресса подлежитъ, конечно, критическому анализу и требуетъ подробнаго обоснованія. Выполненіе этихъ двухъ задачъ и будетъ цѣлью и содержаніемъ послѣдующаго изложенія.

II.

Прежде всего отмѣтимъ, что наша формула состоитъ изъ двухъ частей и пытается слить въ одномъ цѣломъ двѣ точки зрѣнія въ опредѣленіи понятія прогресса — *объективистическую и субъективистическую.*

Споръ объективистовъ и субъективистовъ-соціологовъ по поводу метода опредѣленія понятія прогресса всѣмъ извѣстенъ *). Напомнимъ только сущность этого спора. Соціологи-объективисты Запада, типичнымъ представителемъ которыхъ является Гербертъ Спенсеръ, искали такого опредѣленія прогресса, которое не примѣшивало бы къ этому понятію никакихъ элементовъ, взятыхъ изъ субъективнаго міра человѣка и характеризующихъ субъективныя стремленія человѣчества къ извѣстнымъ цѣлямъ, хотя бы *идеальнымъ.* Предполагая, что прогрессъ есть и въ природѣ, т.-е. въ ея развитіи, и становясь на почву Дарвиновскаго ученія о происхожденіи видовъ и человѣка, Спенсеръ отождествилъ прогрессъ съ эволюціей, рассматривая весь процессъ развитія природы, человѣка и исторіи, съ точки зрѣнія механической, а не цѣлеположной, какъ процессъ послѣдовательныхъ дифференціацій и интеграцій **). Между

*) См. объ этомъ подробно въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» Н. И. Карѣева, 2 изд. Спб. 1887, т. I, кн. I, гл. V, кн. II, гл. I и IV и полемику его съ нами, стр. 339 и слѣд.

**) Болѣе подробное изложеніе теоріи прогресса Спенсера читатель «Вопросовъ» найдетъ въ статьѣ П. Г. Виноградова «О прогрессѣ», *Вопр. филос. и психол.*, кн. 42 (1898).

русскими социологами-объективистами отмѣтимъ Е. В. де-Роберти и Л. Е. Оболенскаго. Но господствующее теченіе между западными и русскими социологами было всегда *субъективистическое*, искавшее основныхъ признаковъ для опредѣленія понятія прогресса не въ свойствахъ механическихъ процессовъ природы, а въ *идеалахъ* и *цѣляхъ* человѣческаго духа, т.-е. въ *субъектъ*, а не въ соотношеніи между собою объективныхъ процессовъ развитія. Эта точка зрѣнія, когда была признана ея противоположность первой, названа была субъективистической. Философы и историки-социологи, исходившіе въ опредѣленіи понятія прогресса отъ анализа фактовъ историческихъ и общественныхъ, всегда были субъективистами. Достаточно назвать Кондорсе и Канта.

У насъ выдающимися социологами-субъективистами въ ученіи о прогрессѣ являются П. Л. Миртовъ, Н. К. Михайловскій, В. В. Лесевичъ и Н. И. Карѣевъ. Ихъ задача—поставить формулу прогресса въ связь съ субъективными нравственными идеалами личности и развитого человѣческаго общества. Ко всѣмъ какъ объективистическимъ, такъ и субъективистическимъ формуламъ прогресса мы со временемъ еще вернемся, а пока укажемъ на то, что въ исторіи ученій о прогрессѣ есть и такія, которыя стремятся дать въ опредѣленіи этого понятія синтезъ обѣихъ точекъ зрѣнія. Такой синтетическій характеръ имѣло еще ученіе Гердера о прогрессѣ, въ XVIII в. *), такъ какъ извѣстно, что развитіе человѣчности онъ ставилъ въ связь съ объективнымъ развитіемъ земной или природной организациі **). Гегель стоялъ тоже на синтетической точкѣ зрѣнія, такъ какъ исторія человѣческаго сознанія была для него лишь моментомъ въ исторіи самосознанія всемірнаго духа (въ природѣ и вообще въ развитіи бытія). Огюсть Контъ былъ также частью объективистомъ, частью субъективистомъ, но не одновременно, а послѣдовательно. Въ первый періодъ своей дѣятельности

*) Ср. тамъ же у проф. Виноградова.

**) На сходной *синтетической* точкѣ зрѣнія стоитъ и проф. П. Г. Виноградовъ.

онъ искалъ объективнаго опредѣленія прогресса, преимущественно въ области знанія и умственнаго развитія чело- вѣчества (законъ трехъ стадій), и принципиально отрицалъ достовѣрность субъективнаго метода построенія понятій, каковымъ считалъ методъ самонаблюденія (даже въ пси- хологіи); во второй періодъ, въ „Системѣ позитивной по- литики“ (1851), онъ именно первый высказалъ мысль о необ- ходимости особаго „субъективнаго метода“ въ изслѣдованіи вопросовъ о лучшемъ общественномъ устройствѣ и его осуществленіи. Изъ этого краткаго обзора ученій ясно, что центръ тяжести разногласій лежитъ въ двухъ вопросахъ: 1) должно ли въ изслѣдованіи содержанія идеи прогресса исходить изъ анализа нашихъ *человѣческихъ идеаловъ*, личныхъ и общественныхъ, т.-е. изъ анализа данныхъ *самосознанія* и фактовъ *исторіи* (субъективизмъ), или же изъ анализа про- цессовъ *развитія и эволюціи въ природѣ* и объективныхъ законовъ *эволюціи общественной* (объективизмъ), 2) слѣдуетъ ли раз- сматривать прогрессъ какъ понятіе, обнимающее только явленія *исторіи* и *человѣческой жизни* (субъективисты), или это понятіе выражаетъ собою сущность всего *природнаго развитія*, съ развитіемъ челоуѣческаго общества и исторіей его включительно (объективисты)?

Мы лично, изслѣдуя проблему прогресса 15 лѣтъ тому назадъ, склонялись въ пользу объективизма и объективнаго метода въ построеніи этого понятія*). Но, какъ мы и сами признавали и какъ весьма справедливо показалъ проф. Н. И. Карѣевъ въ полемикѣ съ нами, и тогда уже, въ нашемъ опредѣленіи прогресса былъ элементъ *субъективистическій*. Мы опредѣляли прогрессъ какъ „экономизацію энергій при- роды, которая ведетъ въ концѣ концовъ къ возрастанію суммы удовольствій челоуѣка и уменьшенію суммы его страданій“. Послѣдняя часть формулы, конечно, субъективи- стическая, и весь нашъ споръ съ проф. Н. И. Карѣевымъ, будучи вызванъ неточнымъ и неотчетливымъ, какъ намъ

*) См. наши статьи «Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса» и «Про- грессъ и наука». Одесса 1883 (изданія газеты «Одесскій Листокъ»).

казалось, употребленієм термина „субъективный“ (методъ въ социологіи) въ книгѣ проф. Н. И. Карѣева, былъ въ сущности основанъ на рядѣ недоразумѣній, которыя выяснилъ вполнѣ въ послѣдствіи и самъ нашъ оппонентъ. Во избѣжаніе возобновленія такого спора, мы и предлагаемъ говорить не о „субъективномъ методѣ“, а о субъективистической точкѣ зрѣнія въ методѣ опредѣленія понятія прогресса. Никакой методъ науки не долженъ быть „субъективнымъ“, ибо субъективность—понятіе, выражающее присутствіе въ сужденіяхъ челоуѣка личныхъ пристрастій, а истина должна быть вполнѣ объективна. Но мы можемъ, изучая соціальныя явленія, имѣть въ виду или ихъ *субъективную сторону*, т. е. идеалы и цѣли *субъекта*, или же *объективные способы и условія ихъ осуществленія* внѣ субъекта.

Возвращаясь вновь, черезъ 15 лѣтъ, къ разработкѣ проблемы, которая насъ всегда живо интересовала, мы ставимъ теперь задачу *синтеза* объективистической и субъективистической точки зрѣнія въ ея рѣшеніи совершенно сознательно. Наша теперешняя формула прогресса шире прежней, и мы снова повторяемъ, что въ логическомъ синтезѣ ея двухъ половинъ осуществляется синтезъ существовавшихъ ранѣе формулъ прогресса, какъ объективистическихъ, такъ и субъективистическихъ.

Одна половина формулы (объективистическая) обнимаетъ собою тѣ природныя физическіе процессы экономизаціи и превращенія энергій природы въ высшія формы, которые составляютъ *механическую сторону* и *условіе* всякаго прогресса. Другая часть ея выражаетъ субъективные результаты, а потому и *цѣли*, т. е. *телеологическую сторону* означенныхъ природныхъ процессовъ, а именно ростъ сознанія и самосознанія и вытекающее отсюда увеличеніе или возвышеніе нравственной цѣнности жизни.

III.

Опредѣливъ общій смыслъ нашей формулы прогресса, перейдемъ къ болѣе подробному и конкретному ея выясненію.

Что мы разумѣемъ подь увеличеніемъ нравственной цѣнности жизни на землѣ? Когда на землѣ не было еще людей, а были только животныя различныхъ породъ, весь смыслъ жизни которыхъ сводился къ тому, что они ѣли, пили, размножались и умирали, пожирая другъ друга, то, предположивъ даже, что количественно живыхъ существъ на землѣ было не менѣе, чѣмъ теперь, включая сюда и весь человѣческій родъ, — нравственная цѣнность жизни на землѣ и сумма жизненныхъ цѣнностей на ней была, конечно, меньше, нежели теперь. Даже и тогда, когда были уже люди, но въ состояніи дикомъ, полуживотномъ, некультурномъ, то нравственная цѣнность жизни на землѣ была весьма ничтожна, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ. Въ исторіи культуры человѣческаго рода она постепенно росла и продолжаетъ расти съ развитіемъ сознанія и самосознанія въ людяхъ. Въ будущемъ, когда осуществится высокій нравственный идеалъ Канта, чтобы каждый человѣкъ былъ для каждаго другого человѣка цѣлью, а не средствомъ (для его эгоистическаго благополучія), — а отъ этого идеала мы еще далеки, — нравственная цѣнность жизни на землѣ неизмѣримо возрастетъ, сравнительно съ теперешнею ея мѣрой. А можетъ быть, съ измѣненіемъ способовъ питанія, съ усовершенствованіемъ человѣческой техники, а главное съ дальнѣйшимъ развитіемъ нравственныхъ принциповъ и чувствъ симпатіи, жалости и благоволенія въ людяхъ, станетъ возможно хоть отчасти осуществленіе библейскаго идеала рая, какъ совмѣстной мирной жизни всѣхъ сознательныхъ живыхъ существъ на землѣ. Но еслибы эта свѣтлая мечта и была утопіей, то *для людей* Кантовскій идеалъ несомнѣнно осуществимъ по свойствамъ ихъ нравственной природы.

Люди практическіе, конечно, спросятъ: увеличивается ли съ возрастаніемъ нравственной цѣнности жизни на землѣ счастье людей? Съ развитіемъ сознанія и самосознанія растеть чувствительность, растеть и воля человѣка, растуть не только радости, но и страданія, а также новыя желанія,

требующія новыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Поэтому общій балансъ удовольствій, радостей, и страданій, печалей, при нравственномъ ростѣ человѣчества, можетъ быть, не будетъ увеличиваться? На эти вопросы, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отвѣчать такъ:

1) Кантъ былъ совершенно правъ въ утвержденіи, что ставить цѣлью нравственной дѣятельности личности и нравственнаго развитія человѣчества увеличеніе счастья своего или даже всѣхъ людей значитъ не понимать самой природы нравственной дѣятельности. Нравственная дѣятельность для человѣка есть долгъ, есть обязанность относительно самого себя и всѣхъ людей.

2) Но такъ какъ единственное возможное проявленіе нравственнаго долга есть воспитаніе въ себѣ и въ людяхъ чувствъ милосердія, любви, жалости, состраданія, которыя Шопенгауэръ справедливо считалъ субъективными основами нравственной дѣятельности, то развитіе и примѣненіе этихъ чувствъ среди людей, неизбежно усиливая ихъ заботы другъ о другѣ, ихъ стремленіе избавлять другъ друга отъ страданій и доставлять другъ другу *только радости*, вызывая общій подъемъ сознанія и нравственной цѣнности жизни на землѣ, должны выразиться и въ возрастаніи суммы счастливыхъ жизней, такъ какъ главныя несчастія людей зависятъ отъ ихъ образа дѣйствія по отношенію другъ къ другу. Отъ внѣшней природы человѣкъ страдаетъ гораздо меньше и съ нею справляется гораздо легче, чѣмъ страдаетъ отъ самихъ же людей и чѣмъ справляется со зломъ, лежащимъ въ основѣ людскихъ отношеній. Поэтому, если ослабѣетъ главная причина его несчастій, то уменьшатся и самыя несчастія и страданія человѣческаго рода, являющіяся дѣйствіемъ этой причины.

3) Тѣмъ не менѣе ни отдѣльная личность, ни общество не вправѣ ставить увеличеніе счастья на землѣ цѣлью своей работы на пользу прогресса, хотя бы оно и было признано вѣроятной наградой за ихъ усилія,—какъ ни одинъ *нравственно развитой* человѣкъ и общественный дѣятель не

вправѣ ставить вѣроятной вещественной награды за свои труды главною цѣлью этихъ трудовъ,—какъ художникъ и ученый не вправѣ ставить даже вѣроятной славы своей въ будущемъ основною цѣлью своей творческой работы.

Цѣлью работы на пользу прогресса для отдѣльной личности и для всего человѣчества можетъ быть только поднятiе нравственной цѣнности жизни на землѣ, чтѣ бы изъ этого ни произошло въ результатѣ. Съ этой точки зрѣнiя задача прогресса и работа на пользу прогресса есть *нравственная* задача. Прогрессъ для человѣчества есть нравственный постулатъ, есть его нравственная обязанность, а для личности участiе въ работѣ на пользу прогресса есть ея нравственный долгъ по отношенiю всего человѣчества и даже мiра. Мы сказали бы даже, что прогрессивная дѣятельность для нормальнаго человѣка, обладающаго нравственнымъ самосознанiемъ, должна быть сознательною отплатой его за даръ жизни, который онъ получилъ отъ мiра и отъ Высшаго источника бытiя въ мiрѣ.

Этимъ, какъ намъ кажется, разъяснена достаточно первая часть нашей формулы прогресса, и мы перейдемъ къ анализу слѣдующихъ ея элементовъ.

IV.

Въ томъ, что развитiе сознанiя и самосознанiя въ людяхъ является условiемъ увеличенiя нравственной цѣнности ихъ жизни, едва ли кто-нибудь усомнится, такъ какъ нравственная цѣнность жизни есть прежде всего *сознанiе этой ея нравственной цѣнности*, и съ развитiемъ въ человѣкѣ *самосознанiя* сознанiе нравственнаго смысла и нравственной цѣны жизни непрерывно растетъ. Само собою разумѣется, что развитiе самосознанiя мы понимаемъ въ самомъ широкомъ и буквальномъ смыслѣ. Дѣло идетъ не объ одностороннемъ развитiи ума, а о развитiи всѣхъ сторонъ человѣческаго духа въ направленiи знанiя, чувства и воли. Человѣкъ умный и ученый, но безчувственный, холодный, эгоистичный и порочный, не стоитъ на высотѣ развитiя че-

ловѣческаго самосознанія. Столь одностороннее развитіе его духа можетъ даже ставить его, въ отношеніи самосознанія, гораздо ниже человѣка мало культурнаго, но болѣе гармонически развивавшагося и обладающаго высокими нравственными идеалами. И нравственная цѣнность его жизни окажется, поэтому, ниже нравственной цѣнности жизни этого послѣдняго, менѣе культурнаго его собрата.

Но если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что именно всестороннее и гармоническое развитіе сознанія и самосознанія увеличиваетъ нравственную цѣнность жизни человѣка, то отсюда вытекаетъ весьма важное слѣдствіе.

Сознаніе и самосознаніе человѣка суть продукты развитія природы, т.-е. сознанія въ природѣ и въ мірѣ. Платонъ говоритъ въ Тимей, что міръ есть единородный сынъ (*μόνος γέννητός*) идеи блага, демиурга или творца вселенной, и не сушей (*μη ὄν*), т.-е. только потенциально сушей матеріи или матери, и что въ этомъ смыслѣ міръ есть становящійся богъ (*ἐξομειωτός θεός*). Въ этомъ же смыслѣ новѣйшіе метафизики-идеалисты (особенно Гегель) говорили, что міръ есть становящійся духъ, а мы—современные эмпирики—можемъ сказать, что міръ есть прежде всего становящееся сознаніе и самосознаніе. Это для насъ, земныхъ жителей, фактъ *эмпирической*. Но если такъ, то ясно, что весь процессъ развитія природы отъ неорганической къ органической, и отъ низшей органической къ высшей, до человѣка включительно,—какъ его понимаетъ современная наука,—есть процессъ развитія сознанія и самосознанія, а слѣдовательно и процессъ увеличенія нравственной цѣнности жизни на землѣ, т.-е. процессъ прогрессивный. Вся эволюція природы въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ ее Дарвинъ и Спенсеръ, *насколько она является средствомъ для развитія сознанія и самосознанія*, должна быть признана прогрессивной, потому что ею сначала создается организмъ, какъ носитель сознанія, а въ концѣ концовъ—человѣкъ съ его высшимъ нравственнымъ самосознаніемъ. Поэтому говорить о прогрессѣ только для человѣка и въ человѣческомъ

обществѣ и въ исторіи — не только односторонне, но и близоруко. Съ этой точки зрѣнія было бы послѣдовательнымъ отрицать также прогрессивное развитіе дикаря и ребенка въ томъ періодѣ и возрастѣ, въ которыхъ они еще не достигли полнаго сознанія и самосознанія. Прогрессъ въ природѣ есть условіе прогресса для человѣка, т.-е. въ исторіи человѣчества.

Но если мы принуждены признать прогрессивною эволюцію единой природы на землѣ, приводящую къ появленію на ней человѣка съ его самосознаніемъ и нравственнымъ идеаломъ прогресса, то во имя единства законовъ вселенной мы должны признать прогрессивной и общую эволюцію нашего міра и вселенной, приводящую, на хорошо извѣстномъ намъ пунктѣ (землѣ), къ развитію органической жизни и сознанія. Не касаясь вопроса о существованіи органической жизни и сознанія на другихъ планетахъ и въ другихъ мірахъ, которое болѣе чѣмъ вѣроятно, мы можемъ смѣло сказать, что еслибы даже была вѣрна точка зрѣнія древнихъ людей, что солнце и всѣ звѣзды существуютъ только для пробудившагося къ сознанію и къ созерцанію ихъ человѣка, то и тогда бы вся эволюція вселенной *до* человѣка и *для* человѣка должна была бы быть признана прогрессивной,—ради этого „unicum“,—существа природы, самого себя сознающаго и прогрессирующаго. Однако, гораздо вѣроятнѣе, что человѣкъ—не единственный самосознательный и живущій нравственной жизнью видъ существъ во вселенной.

V.

Установивъ значеніе развитія сознанія и самосознанія въ человѣчествѣ и въ природѣ для увеличенія нравственной цѣнности жизни, т.-е. для прогресса въ человѣческомъ смыслѣ, мы перейдемъ теперь къ третьему, самому важному, пункту нашей теоріи прогресса.

Свои взгляды на возможность и необходимость превращенія энергій природы изъ низшихъ, физическихъ, формъ въ высшія, психическія, мы подробно изложили въ другомъ

мѣстѣ *). Здѣсь напомнимъ лишь три основныя наши положенія:

1. Психическая, сознающая міръ и сама себя сознающая энергія въ природѣ, т.-е. сознание въ работѣ, или работа сознанія, является высшею формою энергіи и работы (движеній) въ природѣ.

2. Эта высшая энергія или работа есть форма низшихъ энергій и видовъ работы въ природѣ, являющаяся результатомъ ихъ накопленія и суммированія, т.-е. накопленія ихъ свободныхъ потенциальныхъ запасовъ въ организмѣ.

3. Психическая энергія или работа сознанія подчинена общему закону сохраненія энергіи *въ той степени*, въ какой онъ вѣренъ для физическихъ энергій.

Добавимъ къ этимъ тремъ положеніямъ напоминаніе о томъ, что мы не только не признаемъ свою теорію психической энергіи *материалистическою*, но, напротивъ, считаемъ ее единственно возможнымъ путемъ къ научному оправданію *спиритуализма* и его глубокой вѣры въ безсмертіе души, т.-е. личнаго сознанія. Выражая вкратцѣ нашу мысль, скажемъ такъ: психическая энергія, энергія сознанія есть высшая и послѣдняя стадія развитія энергій природы, кульминаціонный пунктъ въ превращеніи энергій изъ одной формы въ другую. Хотя въ условіяхъ существованія организма психическія энергіи отчасти превратимы въ физическія, но остается всегда такой ихъ остатокъ или потенциальный запасъ въ особой средѣ, называемой „эѳирной“ и еще недостаточно полно обслѣдованной наукою, который непревратимъ въ физическія энергіи или работу,—въ условіяхъ *эмпирическаго* существованія организма, и который, вмѣстѣ съ этою средою, *переживаетъ разрушеніе организма*.

Если теорія наша, построенная логически на данныхъ естествознанія и психологіи, вѣрна, то она научно обосновываетъ *спиритуализмъ* съ его вѣрою въ безсмертіе личнаго

*) См. статью-рефератъ: „Понятія души и психической энергіи въ психологіи“—„Вопр. филос. и психологіи“ 1897, кн. 38 и 40.

сознанія, т.-е. нашего потенциально - энергетическаго „я“, и никакимъ образомъ не можетъ быть признана материалистическою. Мы признаемъ охотно, что эта теорія нуждается еще въ экспериментальной провѣркѣ и математическомъ обоснованіи. Но сила логики иногда задолго предвосхищаетъ выводы экспериментальной науки и возможность ихъ переложения въ математическія формулы. Не этимъ ли путемъ выростала изъ философіи вся наука и не этимъ ли путемъ, чисто логическимъ, какъ прекрасно доказалъ Н. Н. Страховъ въ своей извѣстной статьѣ, построенъ былъ физическій законъ сохранения энергіи*)? Бояться логики логически мыслящему существу по меньшей мѣрѣ не логично.

Но если теорія превращенія энергій физическихъ въ психическія, и отчасти обратно, и о подчиненіи психической работы закону сохранения энергіи, была бы признана логически вѣрной, то наша общая формула прогресса оказалась бы оправданной и въ *третьемъ* своемъ элементѣ, притомъ—со стороны *всѣхъ*, употребленныхъ нами, *выраженій*. Но для скептиковъ, которые не допускаютъ превращенія физическихъ энергій въ психическія, а также приложимости закона сохранения энергіи къ психической дѣятельности, и считаютъ болѣе удобнымъ обосновывать спиритуализмъ гипотезою абсолютно-нематеріальной субстанціи души, своеобразно *умщающейся* въ ограниченномъ *пространствѣ* индивидуальнаго тѣла, — для этихъ скептиковъ, мы хотѣли бы сдѣлать очевиднымъ, что наша формула прогресса, нѣсколько измѣненная въ выраженіяхъ своихъ, въ третьей части ея, остается въ полной силѣ и при обычной точкѣ зрѣнія спиритуалистовъ, такъ какъ можетъ быть обоснована, въ этой части своей, *чисто эмпирически*. Дѣло въ томъ, что развитіе духовныхъ и интеллектуальныхъ энергій, скажемъ даже, „силъ“ и „способностей“, несомнѣнно задерживается и во времени, и въ степени, преобладаніемъ въ организмѣ фи-

---

*) См. «Вопр. филос. и психологія» 1891 г., кн. 6, статью «О законѣ сохранения энергіи».

зической работы. Это — фактъ эмпирической, фактъ *опыта* каждой личности и всего человѣчества. Накопленіе и освобожденіе душевныхъ силъ въ человѣческомъ организмѣ для творчества и духовной работы обратно пропорціонально суммѣ физическихъ напряженій и работы, требуемыхъ отъ этого организма. Будемъ ли мы объяснять это досугомъ и временемъ, или ограниченностью силъ вниманія и воли (а это и есть законъ ограниченности психической энергіи и ея подчиненія общему закону сохраненія энергій), или, наконецъ, теоріею накопленія такъ называемыхъ физическихъ энергій и ихъ превращенія въ психическія, — факты останутся фактами. Только на почвѣ такой экономизаціи физическихъ энергій организма — теплоты, движенія, электричества, магнетизма и жизненной энергіи, которая совмѣстима съ законами обмѣна веществъ (ибо извѣстный минимумъ движенія и физическихъ отправленій необходимъ для сохраненія организма человѣка въ состояніи нормальномъ и здоровомъ), развивается тотъ избытокъ душевныхъ силъ, накапливаемыхъ *наслѣдственностью*, который даетъ самые роскошные цвѣты и плоды духовнаго развитія и творчества. Это — фактъ, независимо отъ всякихъ теорій энергіи, и чистымъ спиритуалистамъ-метафизикамъ мы можемъ предложить замѣну, въ нашей формулѣ прогресса, выраженія „превращеніе низшихъ энергій въ высшія“, выраженіями вродѣ „*претворенія* низшихъ энергій въ высшія“ или „*замѣщенія* низшихъ, физическихъ, энергій высшими, психическими“, или даже „возмѣщенія физической работы духовною“, такъ какъ и при такихъ выраженіяхъ сущность дѣла остается та же, — мѣняются только способы истолкованія и обозначенія несомнѣнно *опытныхъ* фактовъ. Замѣтимъ только отъ себя, что такія замѣны выражений мы лично считаемъ метафизически-туманными. Настоящая метафизика, какъ логическая критика и ясное опредѣленіе понятій, стремится къ согласію съ физикой.

Главный эмпирической, физической и метафизической фактъ, изъ котораго должна исходить теорія прогресса, заключается въ томъ, что только экономизація общихъ силъ

или, точнѣе, энергій организма, въ смыслѣ избѣганія бесполезной физической работы, ради накопленія запасовъ энергій сознанія и творчества, ведетъ въ организмъ къ развитію сознанія и самосознанія, а слѣдовательно, и къ увеличенію внутренней, нравственной цѣнности его жизни, т. - е. къ прогрессу.

Поэтому мы считаемъ своевременнымъ обратиться къ анализу четвертаго и послѣдняго элемента нашей формулы прогресса, къ вопросу объ экономизаціи энергій, какъ послѣднемъ условіи всякаго прогресса.

VI.

Анализу идеи экономизаціи энергій, какъ условія прогресса, было преимущественно посвящена наша первая статья о прогрессѣ въ 1883 году. Поэтому намъ остается резюмировать здѣсь лишь основныя наши мысли.

Всякій поступокъ человѣка имѣетъ мотивъ. Какіе мотивы заставляли человѣка придумывать и изобрѣтать сначала орудія работы, а потомъ машины и механизмы? Эти мотивы всегда были одни и тѣ же: въ изобрѣтеніи орудій, каменныхъ и желѣзныхъ, ножа, топора, молота, сохи, плуга, рычага, молотилки, вѣялки, всѣхъ машинъ и механизмовъ, паровоза, телеграфа, телефона, фонографа—люди стремились сохранить свои силы для лучшаго употребленія, чѣмъ какого требуетъ непосредственная ихъ борьба съ природой—руками, ногами, вообще мышцами ихъ тѣла. Вся цѣль—побѣдить пространство, время и естественную физическую причинность, съ цѣлью достигнуть покоя, досуга и духовной свободы въ распоряженіи своими силами. Это—аксіома нашего внутренняго опыта и самонаблюденія.

Нашъ естественный *человѣческій идеалъ—досугъ и свобода въ распоряженіи нашими силами, ради духовной работы созерцанія и творчества* *).

*) Если не всякій досугъ употребляется людьми на эти высшія задачи духа, то въ этомъ виною не культура, а отсутствіе или недостатокъ культуры, или извращеніе ея.

Достигнуть этой цѣли можно только замѣною физическихъ тратъ организма физическими работами орудій, машинъ и механизмовъ, а не живыхъ силъ существъ, которымъ доступно сознание и высшее духовное развитіе.

Дальнѣйшею задачею построенія орудій, машинъ и механизмовъ является, для человѣка, усовершенствованіе и лучшее эксплуатированіе самой природы и ея энергій съ цѣлью дать возможность жить на ея счетъ большому количеству сознательныхъ существъ, а также съ цѣлью доставленія человѣку средствъ для болѣе высокой и облегченной духовной жизни (музыкальные инструменты, печатныя машины, микроскопы и телескопы, фотографическіе и другіе подобные приборы).

Таковы задачи человѣка въ его прогрессивной борьбѣ съ природой. Но только ли это задачи одного *человѣка*? Не стремится ли *вся* природа къ тѣмъ же цѣлямъ, и не достигаеетъ ли она ихъ гораздо лучше человѣка?

Не слѣдуетъ ли считать человѣка только прилежнымъ и успѣвающимъ въ своихъ урокахъ ученикомъ природы? Не стоитъ ли творчество природы гораздо выше творчества человѣка? Человѣкъ создаетъ только механизмы, а природа создала организмы.

Принципъ природы въ созданіи организмовъ, которому подражаетъ человѣкъ въ созданіи механизмовъ, — тотъ же принципъ экономизаціи и накопленія энергій, но примѣненный въ болѣе высокой, совершенной формѣ. Секретъ перехода отъ механизмовъ къ организмамъ еще не разгаданъ человѣкомъ. Нашъ вѣкъ — созданія механизмовъ, преимущественно изъ металловъ, — будетъ названъ будущимъ *человѣчествомъ*, которое пойметъ секретъ созданія и пересозданія организмовъ, не желѣзнымъ, но во всякомъ случаѣ *металлическимъ*. А природа, т. е., конечно, Высшій Разумъ ея, давно творитъ гораздо болѣе совершенныя машины — организмы, растительныя и животныя, для цѣлей той же экономизаціи и накопленія живыхъ энергій. И эта работа гораздо совершеннѣе *человѣческой*. Если взять хотя бы нервную систему и мозгъ высшихъ жи-

вотныхъ и человѣка, то какая удивительная экономизація энергій осуществлена тутъ въ процессѣ развитія природы! Мысль въ нѣсколькихъ словахъ или даже математическихъ знакахъ обнимаетъ самые сложные законы вселенной. И если человѣкъ научился пользоваться знаками для передачи своихъ мыслей на разстояніи, путемъ телеграфа, телефона и фонографа, то не простой ли онъ подражатель природы, которая вложила въ него мысль о знакахъ и символахъ для передачи его идей, чувствъ и стремленій? Гордость человѣка неизмѣрима, и притязанія его иногда безсмысленны. Правильная экономизація энергій, живыхъ силъ, гораздо ранѣе осуществлялась въ развитіи и созиданіи вселенной, чѣмъ удалось подмѣтить и начать примѣнять этотъ принципъ человѣку.

VII.

Выяснивъ значеніе четырехъ элементовъ нашей формулы прогресса въ отдѣльности, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію ея въ цѣломъ.

Понятіе о прогрессѣ настолько сложно, что какое бы опредѣленіе ему ни давали, оно неизбѣжно будетъ предполагать извѣстныя общія воззрѣнія мыслителя на природу и ея принципъ бытія и развитія, на человѣка — его происхожденіе и его психическую организацію, и наконецъ — на задачи и начала его нравственной дѣятельности, какъ личности и какъ члена общества. Даже тѣ субъективистическія опредѣленія прогресса, которыя отрицаютъ приложимость этого понятія къ истолкованію внутренняго смысла развитія природы и допускаютъ значеніе понятія прогресса только въ жизни человѣческаго общества, уже содержать въ себѣ невольно извѣстный взглядъ на природу и ея процессы и на роль въ ней человѣка. Болѣе того, если есть мыслители, совершенно отрицающіе прогрессъ, т.-е. всякое значеніе этого понятія не только въ природѣ, но и для человѣка, то и они, тѣмъ самымъ, неизбѣжно выражаютъ извѣстное общее воззрѣніе свое и на природу, и на человѣка.

Такимъ образомъ, понятіе прогресса для каждого мыслителя является невольно тѣмъ узломъ, въ которомъ сходятся различныя нити его воззрѣній и убѣжденій. Другими словами, опредѣленіе прогресса является отраженіемъ всего его міросозерцанія — его этики, психологіи, физики, космологіи и даже теологіи, т.-е. не только его воззрѣній на человѣка и на природу, но и его взглядовъ на міръ и на Божество. Вслѣдствіе этого, каждая формула прогресса основана на извѣстныхъ предпосылкахъ общаго міросозерцанія даннаго мыслителя. Такія предпосылки, конечно, лежатъ и въ основаніи *нашего* опредѣленія понятія прогресса.

Собственно, отличительная черта нашего опредѣленія, какъ мы постараемся доказать въ слѣдующей нашей статьѣ о прогрессѣ, — на основаніи подробнаго критическаго анализа различныхъ формулъ прогресса субъективистовъ, объективистовъ и синтетиковъ, — заключается не въ какомъ-либо ея элементѣ, отдѣльно взятомъ, а въ ихъ общей связи и расположеніи, вслѣдствіе чего давно извѣстныя понятія и термины намъ пришлось сгруппировать особымъ способомъ.

Первая часть нашей формулы менѣе всего оригинальна, такъ какъ всѣ ученія о прогрессѣ историковъ, социологовъ и философовъ влагали въ понятіе прогресса извѣстное этическое содержаніе, — даже знаменитый своею „Баснею о пчелахъ“ Мандевиль, который отстаивалъ парадоксъ, что частныя пороки способствуютъ общему благополучію *). Это антиэтическое положеніе было, конечно, продуктомъ извѣстнаго нравственнаго міросозерцанія философа, хотя бы отрицательнаго.

Самый же характеръ того нравственнаго міросозерцанія, которое мы положили въ основу нашего опредѣленія прогресса, ясно указываетъ на то, что мы примыкаемъ въ основныхъ этическихъ взглядахъ своихъ къ Канту. Кантовская этика — продуктъ всего его міросозерцанія. Конечно,

---

*) Mandeville: „The Fable of the bees, or private vices public benefits“, London, 1723.

не всѣ философскія положенія Канта непремѣнно предполагаются его учениемъ о нравственномъ долгѣ, но по меньшей мѣрѣ слѣдующія:

1. Признаніе нравственного міропорядка.
2. Допущеніе свободной воли.
3. Отрицаніе возможности ставить счастье цѣлью нравственной дѣятельности.
4. Признаніе идеи долга, какъ основной черты самой нравственной организаціи человѣка.

А эти этическія положенія Канта, конечно, въ свою очередь предполагаютъ рядъ другихъ—метафизическихъ, психологическихъ, физическихъ. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на идею свободы воли, сложность которой всѣмъ извѣстна.

Итакъ, первый элементъ нашего опредѣленія прогресса покоится на основаніяхъ нравственного ученія Канта и нѣкоторыхъ его предпосылкахъ.

Второй элементъ нашей формулы также не представляетъ въ общемъ оригинальности, такъ какъ развитіе сознанія въ мірѣ и самосознанія въ человѣкѣ признается многими мыслителями не только главнымъ психологическимъ выраженіемъ прогрессивованія міра или только человѣка, но и условіемъ развитія его нравственной организаціи и торжества нравственного міропорядка въ природѣ. Если же мы говоримъ о развитіи сознанія и самосознанія, а не духа и духовности въ человѣкѣ и въ мірѣ, то это предполагаетъ извѣстныя предпосылки, лежащія въ основаніи такъ называемаго эмпиризма. Признавая, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ для философіи и для науки пытаться рѣшить вопросъ о томъ, что есть духъ самъ въ себѣ, какъ субстанція, въ отношеніи къ тому, что мы называемъ веществомъ, мы стараемся устранить изъ нашей формулы эту метафизическую проблему, съ цѣлью остаться на почвѣ *эмпирической психологійи*. Здѣсь мы примыкаемъ, слѣдовательно, также къ извѣстной школѣ мыслителей, ученіе которыхъ съ его основными методологическими предпосылками почти всецѣло

принимаемъ. Это „почти“ требуетъ, однако, поясненія. Эмпиризмъ мы принимаемъ съ извѣстными ограниченіями, а именно: всецѣло—для точной науки и въ частности—для психологіи, какъ одной изъ будущихъ точныхъ наукъ, но это не мѣшаетъ намъ признавать метафизику какъ *теорію, познанія* какъ необходимую критику основныхъ понятій человѣческаго ума, т.-е. категорій опыта и мышленія, каковы, напримеръ, понятія причинности и свободы, пространства, времени и даже духа и матеріи, если брать ихъ какъ понятія или категоріи нашей мысли. Тутъ мы опять ближе всего примыкаемъ къ Канту, хотя результаты нашего анализа упомянутыхъ понятій, какъ хорошо извѣстно нашимъ читателямъ, иные, чѣмъ у Канта *).

Итакъ, въ ученіи о сознаніи, какъ условіи прогресса, есть тоже неизбѣжныя предпосылки психологическаго характера которыя отчасти не новы, а отчасти сходны съ воззрѣніями другихъ мыслителей.

Въ третьей части нашей формулы, какъ уже было нами показано, заключается нѣкоторый элементъ оригинальности, а именно въ признаніи возможности превращенія физическихъ энергій въ психическія и подчиненія этихъ послѣднихъ закону сохраненія энергіи **). Эти предпосылки мы старались обосновать въ другой нашей работѣ, на которую уже сослались выше. Однако, мы показали также, что даже при отрицаніи этой нашей личной теоріи, возможно, отчасти перелавъ нашу формулу, признать ее все-таки вѣрной; тогда, конечно, въ основу ея третьей части станутъ другія предпосылки—нашихъ противниковъ: о непревратимости фи-

*) См. нашу „Критику понятія свободы воли“, наши статьи „О времени“, „О душѣ“ и другія.

***) Замѣтимъ здѣсь, однако, что извѣстный французскій натуралистъ-философъ Robinet высказывалъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ сочиненіяхъ «De la nature» (1761) и «Considérations philosophiques de la gradation naturelle des formes d'être» (1767) мысли, *очень сходныя съ нашими*, по поводу превращенія въ природѣ физическихъ силъ въ психическія и постоянства ихъ общей величины. Windelband, *Gesch. d. neueren Philosophie*, Leipz. 1878, стр. 378—381.

зическихъ энергій въ психическія и о приложимости закона сохраненія энергій только въ области физики. Эти предпосылки—*дуалистическія*, тогда какъ наши—въ извѣстномъ смыслѣ *монистическія* *), причемъ и тѣ и другія слѣдуетъ отнести къ разряду *метафизическихъ*—постольку, поскольку онѣ относятся къ области критики понятій духа и вещества въ ихъ взаимной связи.

Четвертая часть нашей формулы прогресса, а именно—относительно возможности и условій экономизаціи энергій и работы, конечно, не нова и основана на предпосылкахъ всей современной *физики* съ ея ученіями о сохраненіи энергій и о превращеніи и накопленіи энергій.

Но признаніе того, что процессъ экономизаціи энергій въ природѣ и при участіи человѣка есть *основное и послѣднее* условіе всякаго прогресса природы и человѣчества, даже въ смыслѣ нравственномъ и въ духѣ этики долга,—есть наше личное утвержденіе, которое составляетъ главную особенность нашей формулы прогресса, и это положеніе выражено именно *связью* всѣхъ элементовъ нашей формулы между собою.

Въ основѣ этого утвержденія лежитъ, конечно, цѣлое міросозерцаніе и главными *посылками* его, а слѣдовательно и предпосылками нашей теории прогресса являются:

- 1) Убѣжденіе въ *цѣлесообразности* природы и всего мірового процесса.
- 2) Убѣжденіе въ томъ, что эта цѣлесообразность совмѣщается съ совершенно *механическимъ* характеромъ этого процесса, подчиненнаго *непреложнымъ* механическимъ законамъ.
- 3) Убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія человѣка, природы и міра есть процессъ *разумный* и извѣстнымъ образомъ предопредѣленный Высшимъ разумомъ или самознаніемъ вселенной, хотя въ числѣ этихъ предопредѣленій стоитъ и *свобода человеческого разума*, являющагося Его эма-

*) Въ статьѣ «О душѣ» (1886) мы назвали свою точку зрѣнія *монодуалистической*, ибо дуализмъ явленій мы признаемъ своего рода полярностью въ развитіи одного начала.

націей, а можетъ быть и разума другихъ разумныхъ существъ вселенной.

4) Убѣжденіе въ томъ, что Высшій Разумъ вселенной существуетъ въ природѣ не только, какъ ея *внутреннее* или *субъективное*, имманентное или потенциальное содержаніе, изъ нея постепенно развивающееся, но и какъ *Личное самосознаніе* организма вселенной, какъ высшая духовная монада, въ смыслѣ Джордано Бруно и Лейбница, какъ *Богъ вселенной*, т.-е. что *пантеизмъ* примиримъ съ *теизмомъ* и что это лучше всего доказывается организаціей человѣка, у котораго его личное разумное сознаніе сочетается съ частными сознаніями отдѣльныхъ элементовъ его организма (частей мозга и клѣтокъ) *).

Этими нашими положеніями объясняется, почему мы принимаемъ *біологическое* ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ и человѣка, такъ какъ оно отлично объясняетъ, какъ въ органической природѣ механическіе законы развитія сочетаются съ цѣлесообразностью этого развитія **). Впрочемъ, мы совершенно согласны и съ тѣми оппонентами Дарвина, которые доказывали, что его законы борьбы за существованіе и естественнаго отбора требуютъ дополненія и ограниченія такими законами, которые бы объясняли нравственную сторону мірового процесса, т.-е. самопожертвованіе и отреченіе отъ жизни ради другихъ существъ и ради идей и принциповъ.

Изъ сказаннаго ясно, что въ основѣ нашего ученія о прогрессѣ лежатъ разнообразныя предпосылки: этическія, психологическія, метафизическія, физическія и біологическія, и, конечно, логическія и математическія, такъ какъ аксіомы логики и математики и для соціологіи обязательны.

Всѣ эти предпосылки, вмѣстѣ взятая, составляютъ основ-

*) См. наши статьи «Джордано Бруно и пантеизмъ» (1885), «Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно» (1885), «О душѣ» (1886) и др.

**) Ср. статью извѣстнаго французскаго физиолога Charles Richet: L'effort de la vie et la théorie des causes finales въ Revue Scientifique. 1898, № 1. Къ этой статьѣ мы впоследствии еще вернемся.

ныя посылки нашего міросозерцанія, изложенію, проведенію, развитію и обоснованію котораго были посвящены всѣ наши философскіе труды съ 1877 г., т.-е. за 21 годъ.

Мы здѣсь резюмировали только его основные тезисы. Само собою разумѣется, что въ этомъ міросозерцаніи, какъ и во всякомъ другомъ, строгіе выводы науки сочетаются съ гипотезами и убѣжденіями, т.-е. выводы и идеи съ идеалами и вѣрованіями.

Есть и въ нашей формулѣ прогресса, какъ и во всякой другой, конечно, на ряду съ достовѣрнымъ, вѣроятное, т.-е. *гипотетическое*, какъ напримѣръ предположеніе о превратимости энергій физическихъ въ психическія. Эта гипотеза, между прочимъ, ведетъ къ признанію *высшихъ и низшихъ энергій* въ природѣ, т.-е. къ необходимости *классификаціи ихъ по достоинству*. Но мы думаемъ, что такая классификація неизбѣжна и въ области чисто физическихъ энергій: жизненная энергія выше механической энергіи движенія, электрическая энергія выше и сложнѣе свѣтовой. Выраженія „низшіе“ и „вышіе“ организмы употребляются самимъ естествознаніемъ, а это есть уже признаніе степени высоты жизненныхъ энергій. И не выше ли всѣхъ этихъ энергій въ природѣ—энергіи разумной мысли, высокой страсти и твердой воли?

VIII.

Своей настоящей работой о прогрессѣ мы имѣли въ виду для себя лично вполнѣ уяснить свои выводы и убѣжденія, а для другихъ поставить и освѣтить въ новомъ свѣтѣ одну изъ великихъ философскихъ проблемъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, которая на рубежѣ XX столѣтія, болѣе чѣмъ когда-либо, настоятельно требуетъ разрѣшенія ради самыхъ высокихъ нравственныхъ интересовъ человѣчества. Поставленные правительствами, народами и отдѣльными мыслителями вопросы о разоруженіи, объ уничтоженіи анархизма, о вредѣ капитализма и международного шпион-

ства, настолько обострились въ наше время, что теоретическое разрѣшеніе *вопроса о прогрессѣ*, какъ сознательной цѣли дальнѣйшаго развитія человѣческаго общества и его благоустройства, стоитъ на первой очереди.

Мы не обольщаемъ себя надеждою не только на то, что разрѣшили этотъ великій вопросъ въ обязательномъ для всѣхъ смыслѣ, но даже и на то, что успѣли здѣсь выяснитъ всѣ его стороны и совершенно полно, отчетливо и ясно изложить свою собственную теорію прогресса.

Мы ожидаемъ множества возраженій, недоумѣній, а можетъ быть и ошибокъ въ истолкованіи нашихъ взглядовъ, которыя всегда неизбѣжны при краткомъ и суммарномъ изложеніи сложной теоріи, отражающей цѣлое міросозерцаніе, и заранѣе готовы взять на себя вину всѣхъ недоразумѣній.

Но именно, въ виду этихъ неизбѣжныхъ недоразумѣній, мы предполагаемъ продолжать критику понятія прогресса въ цѣломъ рядѣ рефератовъ и статей, для полного и всесторонняго выясненія проблемы. Мы съ благодарностью вспоминаемъ, какую пользу приносило развитію нашихъ собственныхъ философскихъ взглядовъ строгое *совѣтственное* обсужденіе ихъ въ засѣданіяхъ Московскаго Психологическаго Общества за послѣднія 12 лѣтъ. Съ удовольствіемъ вспоминаемъ мы и обсужденіе специально *вопроса о прогрессѣ* въ кругу университетской молодежи — 15 лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ и всю нынѣшнюю осень на университетскихъ семинаріяхъ среди студентовъ и вольныхъ слушателей Московскаго университета. Наши слушатели представили намъ по этому вопросу рядъ дѣльныхъ рефератовъ и возраженій, результатомъ обсуждения которыхъ было достигнутое нами уясненіе и усовершенствованіе нашей формулы прогресса. Теперь предстоитъ ея обсужденіе и провѣрка въ нашемъ ученомъ философскомъ Обществѣ. Можетъ быть, и петербургское философское Общество, съ которымъ мы вступаемъ въ союзъ, не откажется принять участіе въ критикѣ понятія прогресса.

Философскіе вопросы, имѣющіе соприкосновеніе съ общественными интересами, болѣе всѣхъ другихъ требуютъ для своего разрѣшенія дружной коллективной работы, при чемъ *вопросъ о прогрессѣ*, повторяемъ еще разъ, есть тотъ узелъ, въ которомъ сходятся *всѣ нити* философскаго міросозерцанія человѣка и человѣчества, такъ какъ, въ сущности, это вопросъ—о *назначеніи и нравственномъ смыслѣ нашей человѣческой и міровой жизни*. А какой другой вопросъ можетъ быть важнѣе для человѣчества?

Николай Гротъ.

0. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ.

(Окончаніе) *).

I. Положительные Итоги.

Приступая къ изложенію *динамики*, т.-е. своего обзора Всемирной Исторіи, Контъ выражаетъ опасеніе, что „лучшіе умы“ не будутъ въ состояніи усвоить себѣ значенія великаго закона *трехъ состояній* для созданія соціальной науки, если предлагаемый имъ набросокъ (*première ébauche*) систематическаго изображенія всего прошлаго не послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ пригодности этого закона, какъ основанія истинной философіи. Называя своё систематическое изображеніе „наброскомъ“, Контъ представлялъ своимъ преемникамъ прослѣдить указанную имъ эволюцію въ работѣ настолько детальной, чтобы можно было усмотрѣть движеніе прогресса не только по эпохамъ, но даже по поколѣніямъ.

Итакъ, самъ Контъ обусловливалъ оцѣнку позитивизма и судьбу соціологии успѣшностью его попытки доказать, что основаніемъ истинной философіи исторіи долженъ служить законъ трехъ состояній. Но можно ли назвать эту попытку успѣшной? Можно-ли утверждать, что изложенный нами въ предшествующей главѣ обзоръ исторіи у Конта „не-

---

*) См. 44-ую книгу «Вопросовъ философіи».

опровержимо доказаль“ зависимость хода исторіи отъ Контовскаго закона?

Самъ Контъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что ему вполне удалось подвести Всеобщую Исторію подъ усмотрѣнный имъ законъ. Онъ не только былъ убѣжденъ въ томъ, что его динамика представляетъ крѣпкій устой всей его системы, но что она, кромѣ того, озарила исторію на всемъ ея протяженіи новымъ свѣтомъ, изобразила ее въ настоящемъ освѣщеніи. Мы встрѣчаемъ поэтому у Конта на каждомъ шагу выраженіе самодовольства и увѣренности въ результатахъ, которыми ему обязана историческая наука. То Контъ при объясненіи какого-нибудь событія указываетъ на „причину, до сихъ поръ никѣмъ не отмѣченную“, то говоритъ, что „такой-то фактъ былъ до него плохо понятъ“, то считаетъ необходимымъ „добавить соображенія, никому не представлявшіяся“, то настаиваетъ на чемъ-нибудь, „вопреки общепринятому мнѣнію“. Но можемъ-ли мы присоединиться къ мнѣнію Конта и согласиться, что онъ нашелъ настоящій ключъ къ раскрытію смысла исторіи и что задача слѣдующихъ за нимъ историковъ должна ограничиться болѣе детальной разработкой начертаннаго имъ плана?

Знакомство съ динамикой Конта должно, какъ мы думаемъ, всякаго привести къ убѣжденію, что это примѣненіе позитивизма къ исторіи имѣло роковыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ: позитивизмъ искажилъ обликъ исторіи, а исторія преобразила позитивизмъ.

Что касается до перваго мнѣнія, то его легко подтвердить примѣрами изъ динамики Конта. При этомъ мы имѣемъ въ виду не какія-либо случайныя ошибки Конта, а ошибки характерныя тѣмъ, что онѣ коренились въ его позитивизмѣ. Такъ, Контъ утверждалъ, что всѣ народы начали съ теократическаго образа правленія: это утверженіе необходимо вытекаетъ изъ закона Конта; но фактически оно, какъ всякому теперь извѣстно, невѣрно. Дошедши до эпохи Карла Великаго и желая внушить читателю представленіе

о единствѣ происходившаго историческаго процесса, Конть утверждаетъ, что Италия, Франція, Англія, Германія и Испанія составляли, несмотря на громадныя различія, *единный народъ*, un peuple unique, и даже сводить это единство западныхъ народовъ къ дѣятельности Карла Великаго (achevé de constituer leur synergie). Конть не могъ не знать, что Англія не была подъ влияніемъ Карла Великаго, что она была совершенно изолирована отъ его имперіи до завоеванія норманнами, но теорія о единомъ народѣ перевѣсила въ глазахъ Конта фактическую дѣйствительность. Подчиненіе исторіи закону трехъ состояній имѣло своимъ послѣдствіемъ не только отдѣльныя ошибки или произвольныя представленія о фактахъ, но и вообще произвольное объясненіе ихъ происхожденія.

Вмѣсто дѣйствительной связи между фактами Конть ищетъ логической связи или, по крайней мѣрѣ, предпочитаетъ послѣднюю фактической. Такъ, желая объяснить, почему политическая свобода появилась раньше въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, Конть правильно указываетъ на большую скученность населенія въ городѣ и отсутствіе сеньера, пребывавшаго въ своемъ деревенскомъ замкѣ, но затѣмъ Конть выставляетъ „болѣе глубокую и общую причину“, которую онъ видитъ въ принципѣ *позитивной іерархіи*. Онъ подъ этимъ разумѣетъ, что земледѣліе, ремесло и торговля представляютъ собою эволюцію *въ восходящемъ порядкѣ*, откуда слѣдуетъ, что торговые центры, т.-е. города, развиваются раньше, чѣмъ земледѣльческія общества. Въ силу этого, какъ говоритъ Конть, „общіе мотивы“ требовали, чтобы „индивидуальная свобода сопровождалась въ городахъ извѣстной коллективной свободой, безъ которой промышленная дѣятельность не могла бы получить успѣшнаго развитія (essor)⁴. „Освобожденіе коммунъ“ является такимъ образомъ лишь „необходимымъ дополненіемъ личной эманципациі“.

Подобнымъ образомъ Конть хочетъ видѣть въ изобрѣтеніяхъ, знаменующихъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ, „результатъ общаго положенія новаго европейскаго

общества". То обстоятельство, что эти изобрѣтенія уже были ранѣе извѣстны на Востокѣ, но не имѣли тамъ такихъ же послѣдствій, служило въ глазахъ Конта подтвержденіемъ его объясненія, что они были слѣдствіемъ установленной имъ эволюціи.

Такъ, устанавливая между событіями связь отвлеченную, логическую, т.-е. существующую въ логической мысли изслѣдователя, Контъ вводитъ въ исторію эволюцію, какъ причину историческихъ явленій. Эволюція въ системѣ позитивизма создаетъ явленія, является олицетвореніемъ творческой силы, подобно тому какъ *Природа*, по словамъ Конта, играла роль творческой причины у метафизиковъ. Не будь еврейскаго народа въ исторіи, говоритъ Контъ, „общая эволюція“ не была бы лишена другихъ необходимыхъ ей органовъ для установленія монотеизма. Подобнымъ образомъ Контъ представляетъ «геніальныхъ людей» органами предопредѣленной эволюціи, которая, если бы ихъ не было, открыла бы себѣ другіе выходы (se fut ouvert d'autres issues).

Излагая программу позитивизма, Контъ заявлялъ, что будутъ ограничиваться однимъ наблюденіемъ, что позитивистъ подмѣчаетъ только сходство между явленіями и послѣдовательность ихъ, не задаваясь вопросомъ ни о причинахъ, ни о цѣляхъ. Но подведеніе историческихъ явленій подъ законъ трехъ состояній побудило Конта на ряду съ причиной ввести въ исторію и понятіе цѣли. Каждое историческое явленіе служить въ его динамикѣ извѣстной цѣли, и потому обсуждается философомъ съ точки зрѣнія его цѣлесообразности. Опредѣленіе цѣлесообразности явленій становится даже главнымъ дѣломъ философа. Ни одно слово не встрѣчается такъ часто въ динамикѣ Конта, какъ слово—*arrégier* *). Иногда Контъ оцѣниваетъ событія съ точки зрѣнія

*) См. Barth: Die Philosophie der Geschichte als Sociologie. 1897. Глава о Контѣ основана на обстоятельномъ знакомствѣ съ Контотъ и много поучительнѣе чѣмъ, наприм., пустословіе книги Вентага: Waentig: A. Comte u. seine Bedeutung in d. Socialwissenschaft. 1894.

субъективной — какъ моралистъ, политикъ или социальный реформаторъ, имѣющій свою программу, свои симпатіи и антипатіи въ настоящемъ и переносящій ихъ на прошлое. Но еще чаще оцѣнка событій обусловливается ролью, которую они играютъ въ эволюціи. Правильно оцѣнить событие значить для Конта указать мѣсто и значеніе факта въ исторіи позитивистическаго міровоззрѣнія. Вслѣдствіе этого значеніе ~~событій~~ обусловливается ихъ назначеніемъ. Каждое историческое явленіе или эпоха имѣютъ такимъ образомъ свое назначеніе (destination). Такъ, „средневѣковой порядокъ“ получаетъ у Конта „двойное назначеніе“: онъ долженъ привести къ разложенію богословской системы и милитаризма, а съ другой стороны его вліяніе должно было содѣйствовать (permettre) развитію новыхъ социальныхъ элементовъ.

Монотеистическій порядокъ былъ, по словамъ Конта, необходимо предназначенъ къ тому, чтобы служить завершеніемъ предварительной эволюціи избранной части человечества. Такъ и революція 1789 г. была предназначена раскрыть передъ всѣми немощную дряхлость „старого порядка“ и дать возможность оцѣнить развитіе новыхъ социальныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ, хотя Контъ оговаривается въ началѣ Динамики, что въ исторіи не должно быть и рѣчи ни о конечныхъ цѣляхъ, ни о какомъ-либо провиденціальномъ направленіи, онъ вноситъ въ нее телеологическій элементъ, и иной разъ можно думать, что читаешь Боссюэта, объясняющаго своимъ слушателямъ провиденціальную роль событій; только мѣсто провидѣнія заняла безличная эволюція, которая является и причиною событій, и цѣлью историческаго процесса. Характерно, что Контъ самъ признавалъ близкое родство между позитивистическимъ взглядомъ на исторію и богословскимъ. Возражая противъ оптимизма въ оцѣнкѣ историческаго процесса и выводя этотъ оптимизмъ изъ богословской гипотезы, что этотъ процессъ направляется провидѣніемъ (direction providentielle), Контъ заявляетъ

(IV—248): „нужно впрочемъ признать, что въ развитіи чело-
вѣческаго разума позитивистическое воззрѣніе (la conception
positive) первоначально заимствовано изъ самой богослов-
ской догмы и составляетъ ея конечное возрожденіе (régé-
nération finale)“.

Еще болѣе аналогіи представляетъ изложеніе исторіи у
Конта съ философіей исторіи метафизиковъ, которыхъ Контъ
обвиняетъ въ томъ, что они вводятъ въ свои объясненія
„свою великую общую сущность (entité) природы (nature),
которая, очевидно, не что иное, какъ отвлеченная *дегенерация*
богословскаго принципа“. Особенно замѣтно становится эта
аналогія при сопоставленіи динамики Конта съ философіей
исторіи Гегеля. Самопроизвольная (spontanée) эволюція зани-
маетъ у Конта то мѣсто, которое отведено у Гегеля само-
развивающейся идеей, какъ движущему началу въ исторіи;
Гегелевская философія исторіи имѣетъ при этомъ то пре-
имущество, что идея, или міровой духъ, является у Гегеля
міровымъ началомъ, которое направляетъ не только исто-
рію челоѣчества къ извѣстной цѣли, но управляетъ и при-
родою и подготавливаетъ такимъ образомъ и физическія усло-
вія, опредѣляющія характеръ и судьбу народовъ; тогда
какъ у Конта эволюціонный законъ трехъ состояній есть
лишь психологическое явленіе, а между тѣмъ онъ представ-
ляется творцомъ всей исторіи челоѣчества.

Какъ у Гегеля, такъ и у Конта эпохи челоѣчества и
ступени быта являются въ установленной напередъ очере-
ди, опредѣляемой цѣлью, къ которой идетъ челоѣчество.
Какъ у Гегеля, эта общая цѣль всей исторіи отождествляется
съ идеаломъ философа, съ послѣднимъ, такъ сказать, зве-
номъ той эволюціи, далѣе которой взоръ философа не мо-
жетъ проникнуть въ даль и которую онъ поэтому долженъ
принять за общую; и послѣднюю цѣль; у Гегелл это—кон-
ституціонное государство, примиряющее въ себѣ частные
и общіе интересы и обезпечивающее свободное развитіе
индивидуальнаго духа; у Конта это—позитивизмъ, какъ
міровоззрѣніе.

На это родство динамики Конта съ богословской и метафизической философіей исторіи было обращено до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія при оцѣнкѣ Конта *), такъ какъ это вниманіе слишкомъ исключительно сосредоточивалось на *исходной* точкѣ его доктрины,—на мѣрении свести міръ на представленіе о „самопроизвольномъ порядкѣ“ безъ Провидѣнія и безъ конечныхъ цѣлей. Но на самомъ дѣлѣ этотъ произвольный порядокъ, совпадая съ произвольнымъ порядкомъ, въ которомъ Контъ размѣшалъ эпохи и явленія исторіи, сталъ той конечною цѣлью, которой служили эпохи, поколѣнія и индивидуумы.

И однако динамика Конта имѣла одно великое преимущество передъ философіей исторіи Гегеля: послѣдняя является гениальнымъ произведеніемъ мыслителя, оставшагося почти безъ потомства; динамика Конта положила начало новому движенію умовъ, длинному процессу мысли, еще далеко не завершившемуся:

Это обусловливается тѣмъ, что Контъ не только далъ философію исторіи съ точки зрѣнія позитивизма, но и сдѣлалъ попытку создать научную исторію.

Чтобы объяснить это и правильно оцѣнить заслуги Конта въ этомъ отношеніи, надо сопоставить его обзоръ исторіи съ мыслями его непосредственнаго предшественника въ философіи исторіи, котораго онъ самъ признавалъ своимъ учителемъ.

II.

За три года до рожденія Конта вышло въ свѣтъ по- смертное сочиненіе Кондорсе подъ заглавіемъ *Эскизъ историческаго изображенія успѣховъ человеческого ума*. Это изображе-

*) Дилтей (Dilthey. Einleitung in d. Geisteswissenschaften I p. 130 sq.) еще въ 1883 г., разбирая методъ Конта, замѣтилъ, что «основатель позитивной философіи создалъ лишь натуралистическую метафизику сторіи, которая какъ таковая гораздо менѣе примѣнима (angemessen) къ фактическому ходу исторіи, чѣмъ метафизика Гегеля или Шлейермахера». *Derbe naturalistische Metaphysik*,—говоритъ Дилтей—составляетъ, собственно говоря, основаніе его социологін.

ніе было набросано Кондорсе не задолго предъ тѣмъ въ добровольномъ заключеніи, въ которомъ онъ искалъ убѣжища отъ преслѣдованія своихъ политическихъ враговъ—террористовъ. Набросокъ Кондорсе носитъ на себѣ явный отпечатокъ среды и момента своего происхожденія; это—бѣглый очеркъ, составленный, такъ сказать, на память не историкомъ, а специалистомъ по математикѣ и механикѣ. Авторъ его въ то же время былъ однимъ изъ передовыхъ руководителей того „общественнаго мнѣнія“, которое создало революцію 1789 года.

Очеркъ Кондорсе написанъ поэтому съ тѣмъ риторическимъ пафосомъ, по которому можно тотчасъ узнать всѣ произведенія французской публицистики конца прошлаго вѣка. „И вотъ, восклицаетъ Кондорсе, разумъ уже начинаетъ потрясать своими цѣпами и расторгать нѣкоторыя изъ нихъ и, приобрѣтая все новыя силы, подготавливать, ускорять моментъ своего освобожденія“ *). Каждая страница очерка проникнута тѣмъ безпредѣльнымъ оптимизмомъ, который составляетъ силу и слабость людей 1789 года. Онъ представляетъ собою апофеозу идей, во имя которыхъ была произведена революція,—прирожденныхъ правъ человѣка, общественного договора, равенства и свободы.

„Послѣ долгихъ заблужденій“,—провозглашаетъ Кондорсе, послѣ долгихъ блужданій въ теоріяхъ неполныхъ и неопредѣленныхъ, публицисты наконецъ познали истинныя права человѣка и научились выводить ихъ изъ престога опредѣленія человѣка“. Мы находимъ въ очеркѣ апологію самаго роковаго изъ софизмовъ „Общественнаго договора“ Руссо, что въ силу этого договора общая воля всегда права, включая въ себѣ всякую индивидуальную волю; но софизмъ этотъ трогателенъ въ устахъ философа, изгнаннаго изъ законодательнаго собранія его націи и старающагося объяснить, почему постановленіе большинства также обязательно для

*) Esquisse d'un Tableau historique des progrès de l'esprit humain. Пер. изд. 1795, стр. 221.

всѣхъ, какъ и постановленіе, принятое съ полнымъ единодушіемъ. Очеркъ прославляетъ *равенство*, — „какъ основаніе всякой истинной морали“, и утверждаетъ, что въ странахъ, называемыхъ свободными (Англія), мы напрасно стали бы искать той свободы, которая не оскорбляетъ ни одного изъ естественныхъ правъ человѣка“. Сама революція, которую друзья человѣчества ожидали съ такой надеждой и съ такимъ нетерпѣніемъ, является „кульминаціоннымъ пунктомъ“ въ исторіи человѣчества, далеко превзошедшимъ американскую.

Указать, какимъ путемъ достигло человѣчество этого поворотнаго пункта въ своей судьбѣ, съ котораго предъ нимъ раскрывается безбрежная перспектива безконечнаго усовершенствованія и благоденствія—цѣль очерка Кондорсе. Сообразно съ обстоятельствами, среди которыхъ онъ написанъ, содержаніе очерка весьма скудно въ фактическомъ отношеніи. Это большею частью лишь программа предполагаемаго, болѣе обстоятельнаго труда, на который Кондорсе часто ссылается словами: *мы укажемъ, мы приведемъ* и т. д. Какъ бы то ни было, очеркъ Кондорсе представляетъ собой краткую исторію прогресса въ исторіи человѣчества. Какъ представлялъ себѣ Кондорсе этотъ прогрессъ, видно уже изъ обозначенія десяти эпохъ всемірной исторіи, какъ бы десяти ступеней прогресса. Первые три эпохи представляютъ собой три ступени въ *быть* или культурѣ:—первобытную культуру, пастушескій бытъ и земледѣльческій. Слѣдующія за тѣмъ *шесть эпохъ* отмежеваны сообразно съ развитіемъ *разума* и *состояніемъ науки*: эпоха просвѣщенія разума въ Греціи со времени перенесенія туда съ Востока алфавита; — эпоха научной спеціализаціи (александрійскій періодъ); эпоха паденія просвѣщенія (средніе вѣка до крестовыхъ походовъ); эпоха возрожденія наукъ до изобрѣтенія книгопечатанія; эпоха освобожденія наукъ изъ-подъ ига авторитета; эпоха торжества наукъ отъ Декарта до возникновенія Французской республики. Съ этого событія начинается десятая эпоха—грядущихъ успѣховъ человѣческаго

разума, описываемых у Кондорсе съ пылкимъ воображеніемъ оптимиста, вѣрующаго въ возможность такого усовершенствованія человѣка, которое предотвратитъ наступленіе естественнаго упадка его жизненныхъ силъ и обезпечитъ ему безпредѣльную продолжительность жизни.

Такимъ образомъ прогрессъ въ исторіи человѣчества обусловливается прогрессивнымъ развитіемъ наукъ, въ особенности математики, за успѣхами которой Кондорсе и слѣдитъ, начиная отъ Платона, главное значеніе котораго въ его глазахъ заключается въ рѣшеніи задачи объ удвоеніи куба, до Ньютона, открывшаго впервые одинъ изъ физическихъ законовъ вселенной, — „законъ до сихъ поръ еще единственный, какъ и слава того, кто его открылъ“ — и д'Аламбера, превратившаго своими открытіями механику въ чисто-математическую науку.

Значеніе наукъ не ограничивается для Кондорсе ихъ непосредственную пользой въ жизни или ихъ примѣненіемъ къ художествамъ ради благополучія отдѣльныхъ лицъ или благоденствія народовъ. Все это лишь „малая доля ихъ благодѣяній“, — ихъ главное значеніе въ томъ, что онѣ разрушаютъ предразсудки и возстановляютъ права (redressent) человеческого разума.

Ибо, по мнѣнію Кондорсе, всѣ заблужденія въ политикѣ и въ морали имѣютъ въ своей основѣ философскія заблужденія, которыя сами находятся въ связи съ заблужденіями относительно физическаго міра. Нѣтъ ни одной религіозной системы, нѣтъ такихъ мистическихъ бредней, которыя не были бы основаны на незнаніи законовъ природы.

Въ виду этого, картина успѣховъ науки сопровождается у Кондорсе исторіей заблужденій, болѣе или менѣе замедлявшихъ или останавливавшихъ шествіе разума, а часто даже заставлявшихъ человѣка возвращаться назадъ къ невѣжеству. Исторія борьбы разума съ суевѣріемъ, зарожденіе, торжество и паденіе предразсудковъ, — должны поэтому занимать видное мѣсто въ сочиненіи Кондорсе и, по его словамъ, составлять часть наиболѣе важную и полезную.

Развѣ, восклицаетъ онъ, бесполезно знать, какъ народы были обмануты, испорчены или погружены въ бѣдность?

Внося въ свой „очеркъ“ исторію предразсудковъ, Кондорсе имѣетъ еще другую цѣль: ничто не можетъ, по его мнѣнію, такъ убѣдительно доказать, до какой степени счастье человѣка обуславливается успѣхами разума! Ибо для него не подлежитъ сомнѣнію, что „природа связала неразрывною цѣпью истину, счастье и добродѣтель“. Поэтому Кондорсе вооружается противъ „краснорѣчивыхъ разглагольствованій, осуждающихъ науки и искусства (Руссо) и хочетъ доказать, что они основаны на ложномъ истолкованіи исторіи и что наоборотъ, моральный прогрессъ (*progrès de la vertu*) всегда сопровождалъ прогрессъ просвѣщенія, какъ развращеніе всегда слѣдовало за паденіемъ наукъ или предвѣщало его.

„Если,—оговаривается онъ въ другомъ мѣстѣ,—успѣхи разума не всегда сопровождались движеніемъ общества впередъ по пути счастья и добродѣтели, такъ это оттого, что примѣсь предразсудковъ и заблужденій извращала добро, которое должно было произойти отъ просвѣщенія (*lumières*), но которое болѣе зависитъ отъ его чистоты, чѣмъ отъ его распространенія (*étendue*)“; поэтому Кондорсе хочетъ доказать, что не подъемъ просвѣщенія, а его паденіе вызвало на свѣтъ пороки цивилизованныхъ народовъ и что просвѣщеніе никогда не развращало людей, но смягчало ихъ, если не могло ихъ исправить или измѣнить къ лучшему.

Заблужденія и предразсудки, съ которыми борется просвѣщеніе, обуславливаются древнѣйшимъ бытомъ людскимъ, ибо „человѣкъ не усваиваетъ себѣ заблужденій безразсудно“: такъ объясняются возникновеніе чувствъ мести и жестокости по отношенію къ непріятелю, возведеніе ихъ въ доблесть, порабошеніе женщины, обращеніе военачальства въ наследственное право одной семьи и, наконецъ, суевѣрія. Послѣднія становятся роковымъ бѣдствіемъ вслѣдствіе выдѣленія изъ народа особой касты людей, „содѣйствовавшихъ успѣху просвѣщенія, въ то же время распространяя заблужденіе“: это—волхвы и маги, заставившіе людей иску-

пить нѣкоторыя оказанныя имъ благодѣянiя долгимъ и постыднымъ рабствомъ. Они выдѣлились изъ народа своимъ знанiемъ зачатковъ науки и художествъ, таинствъ и обрядовъ религи и суевѣрiй, а нерѣдко также и законовъ. Такъ родъ людской раскололся на двѣ части: одни предназначены быть наставниками, удѣль другихъ—вѣрить; одни горделиво скрываютъ тѣ познанiя, которыми они похваляются, другiе принимаютъ съ почительностью то, что имъ благоволятъ открыть; одни хотятъ подняться надъ разумомъ, другiе смиренно отъ него отказываются и склоняются ниже уровня человѣка.

Въ Грецію зачатки наукъ были занесены выходцами съ Востока и греческими путешественниками, и науки поэтому не могли въ ней сдѣлаться достоянiемъ особой касты. Обязанности жрецовъ ограничивались богослуженiемъ; поэтому разумъ могъ здѣсь расправить свои крылья, не связанная лицемѣрной системой жреческой коллегiи. Всѣ люди имѣла одинаковое право познавать истину. Эта независимость разума служила обезпеченiемъ быстроты и обширности его успѣховъ.

Эта мысль о секуляризаци въ Греціи восточной теократiи и о появленiи тамъ на-ряду съ жрецами философовъ—была, какъ помнитъ читатель, усвоена Контомъ.

Христіанство для Кондорсе лишь амальгама безчисленныхъ сектъ, подрывавшихъ религію Римской имперiи. Презрѣніе къ человѣческимъ наукамъ было выдающеюся чертой христіанства. Ему предстояло отомстить философамъ за ихъ оскорбленiя; оно опасалось духа изслѣдованiя и сомнѣнiя, вѣры въ собственный разумъ—этихъ бичей всякой религіозной системы.... Поэтому торжество христіанства было знаменiемъ полного паденiя какъ наукъ, такъ и философіи.

Можно себѣ по этимъ словамъ представить картину среднихъ вѣковъ, изображенную Кондорсе! Въ эту злополучную эпоху духъ человѣка быстро сходитъ съ высоты, которой онъ достигъ, и невѣжество влечетъ за собою здѣсь свирѣпость, тамъ—утонченную жестокость и повсюду—порчу и

вѣроломство. Сквозь этотъ темный мракъ едва въ состояніи проникнуть кое-какіе проблески таланта, кое-какія черты великодушія или доброты. Богословскія мечтанія, суевѣрный обманъ—единственное поприще человѣческаго разума; религіозной нетерпимостью исчерпывается вся мораль людей того времени, и Европа, „сдавленная между жреческой тиранніей и военнымъ деспотизмомъ, въ крови и слезахъ ожидаетъ момента, когда новый просвѣтъ дозволитъ ей возродиться къ свободѣ, къ гуманности и къ добродѣтели“.

Слѣдующія за тѣмъ картины папскаго Рима—„господствующаго города, пытающагося наложить на вселенную цѣпи новаго рабства“, и католической морали, представляютъ собой любопытныя страницы изъ дѣтскаго періода философіи исторіи. Среди этой реторики лишь мимоходомъ брошено замѣчаніе, что принципы общаго братства, входящіе въ составъ христіанской морали, осуждали рабство; и ксѣнды, не имѣвшіе никакого политическаго интереса противодѣйствовать принципамъ, для нихъ благопріятнымъ,—содѣйствовали своими рѣчами развязкѣ, которую событія и нравы необходимо должны были вызвать.

Имѣя въ виду слѣдить за успѣхомъ человѣческаго разума, Кондорсе не обращаетъ вниманія на политическую исторію и измѣненія въ общественномъ строѣ народовъ. Можно думать, что онъ не усматриваетъ въ этой области никакого прогресса, или же, что онъ сводитъ всякое улучшеніе въ этомъ отношеніи къ вліянію умственнаго прогресса. Какъ чуждъ еще Кондорсе интереса, представляемаго, такъ сказать, общественной эволюціей, можно судить по тому, что онъ находитъ нужнымъ оправдываться, когда говоритъ объ обществѣ. „Если наблюденіе надъ индивидуумами человѣческаго рода полезно метафизику и моралисту, то почему наблюденіе надъ „обществами“ было бы менѣе полезно? Почему эти наблюденія не были бы полезны политическому философу? И если полезно наблюдать различныя общества, одновременно существующія, и изучать ихъ отношенія, то почему бы не было полезно наблюдать надъ ними въ

преимствѣ времени? И если даже предположить, что эти наблюденія могутъ быть оставлены въ сторонѣ (*négligées*) при изысканіи отвлеченныхъ истинъ, то слѣдуетъ-ли пренебрегать ими, когда дѣло въ томъ, чтобы примѣнить эти истины къ практикѣ и вывести изъ науки искусство достигнуть полезнаго результата? Наши предразсудки и бѣдствія, которыя изъ нихъ вытекаютъ, развѣ не коренятся въ предразсудкахъ нашихъ предковъ“?

Мы привели это мѣсто какъ весьма характерную иллюстрацію настроенія одного изъ главныхъ вождей революціоннаго движенія. Въ глазахъ Кондорсе исторія прошлаго не имѣетъ значенія для политической теоріи рационализма, и онъ видитъ въ ней только пособіе для практическаго политика, которому приходится разрушать старыя предразсудки въ области политики и бороться противъ зловредныхъ учрежденій (*corruptrices*), отстаиваемыхъ лицемеріемъ, невѣжествомъ или увлеченіемъ (*enthousiasme*). Исторія государствъ и правительствъ представляетъ только отрицательный интересъ и въ этомъ смыслѣ Кондорсе восклицаетъ:—развѣ бесполезно знать, какъ народы были обманываемы и развращаемы или повергаемы въ бѣдность“?

Но въ своемъ бѣгломъ наброскѣ Кондорсе не имѣетъ времени заняться даже этимъ. Мы находимъ у него лишь нѣсколько брошенныхъ вскользь замѣчаній о происхожденіи еще въ пастушескомъ быту трехъ сословій: собственниковъ, кліентовъ и рабовъ,—къ которымъ затѣмъ присоединяются въ земледѣльческомъ быту рабочіе и торговцы,—замѣчаніе о происхожденіи „феодализма или феодальной анархіи“ и неизбежное для француза упоминаніе объ „освобожденіи коммунъ“. Заслуживаетъ между прочимъ вниманія высказанное имъ мнѣніе, усвоенное затѣмъ Контомъ, что изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія сдѣлало войны менѣе кровавыми и воинствъ менѣе свирѣпыми. Въ новой исторіи Кондорсе отмѣчаетъ, что законы должны были усовершенствоваться въ *полусвободныхъ* конституціяхъ (Голландіи и Англіи), потому что интересъ правящихъ въ нихъ классовъ

обыкновенно не противоположенъ интересу народа; и далѣе онъ общаетъ подробнѣе выяснитъ причины, вызвавшія въ Европѣ „тотъ родъ деспотизма, подобіе которому не представляютъ ни предшествующіе вѣка, ни другія страны свѣта, гдѣ власть почти произвольная, сдерживаемая мнѣніемъ, руководимая просвѣщеніемъ, смягченная собственнымъ интересомъ, весьма часто содѣйствовала успѣхамъ благоденствія, промышленности, образованія, а иногда и гражданской свободы“. Какъ надъ культурной исторіей у Кондорсе господствуютъ два событія—изобрѣтеніе алфавита и книгопечатанія, такъ надъ мракомъ исторіи государствъ и народовъ свѣтятся, какъ два спасительныхъ маяка—американская и французская революціи. Въ обоихъ случаяхъ предстояла дилемма: или самому народу приходилось установить тѣ разумные и естественные принципы, которые философія сдѣлала ему дорогими, или правительства должны были поспѣшить предупредить его и сообразовать свою политику съ его идеями. — Порча и невѣжество правительствъ предпочли первый путь, и быстрое торжество разума и свободы отомстило за человѣческой родъ.

Какова была способность жить *идеями*, забывая дѣйствительность, чтобы писать такія слова на пути къ гильотинѣ, воздвигнутой революціей для такихъ друзей разума и свободы, какъ Кондорсе! Какъ бы то ни было набросанный имъ очеркъ успѣховъ человѣческаго разума составлялъ, по отношенію къ философіи исторіи, *все* наслѣдіе, полученное Контомъ отъ *метафизики* XVIII вѣка, и то, что сдѣлалъ Контъ изъ этого наслѣдія, представляетъ мѣрку заслугъ послѣдняго въ исторической наукѣ. Правда, въ четверть вѣка, протекающую отъ смерти Кондорсе до совершеннолѣтія Конта, произошло не мало въ области литературы и науки: проявилась католическая и романтическая реакція въ лицѣ Шатобріана, Бональда и Де Местра; жилъ Сен-Симонъ съ своими фантастическими и подчасъ геніальными мыслями и затѣями и совершилъ поворотъ въ біологіи Биша, въ самый годъ рожденія Конта.

III.

✓ Главное посредствующее звено между Кондорсе и Контомъ представляет Сен-Симонъ; уже въ 1813 году *) онъ выступилъ съ своимъ „очеркомъ“ исторіи человѣчества. Это очеркъ еще болѣе бѣглый, чѣмъ эскизъ Кондорсе, но при этомъ у Сен-Симона проглядываетъ большая потребность органическаго пониманія жизни человѣчества и стремленіе вывести исторію изъ области просвѣтительнаго рационализма на почву тогдашней науки.

✓ Потребностью органическаго воззрѣнія на исторію можно объяснить параллель, которую Сен-Симонъ проводитъ между возрастами человѣка и эпохами человѣчества. Человѣкъ въ раннемъ дѣтствѣ думаетъ только о пищѣ: такъ и дикіе народы; затѣмъ у ребенка является охота копать канавки, собирать въ кучи песокъ или камень; подобно этому первый цивилизованный народъ, Египтяне, отличался своими пирамидами и каналами; съ юностью наступаетъ и интересъ къ поэзіи, къ художеству, — кто въ это время не писалъ стиховъ? этотъ періодъ въ жизни человѣчества представленъ народомъ-художникомъ — греками; въ періодъ развитія физическихъ силъ человѣкъ думаетъ о подчиненіи себѣ другихъ, — это, въ исторіи, періодъ римскихъ завоеваній; въ зрѣломъ возрастѣ военный пылъ слабѣетъ и уступаетъ мѣсто охотѣ къ разсужденіямъ и научнымъ занятіямъ; этотъ періодъ знаменуютъ собой арабы, послѣдній изъ народовъ-завоевателей и первый изъ народовъ-ученыхъ; по ихъ слѣдамъ пошли европейскіе народы. Здѣсь еще не замѣтно вліянія Кондорсе; написанный же позднѣе очеркъ исторіи Сен-Симона очевидно уже внушенъ знакомствомъ съ Кондорсе, но въ существенныхъ отношеніяхъ отъ него отсупаетъ.

Сен-Симонъ высказывается противъ исходной точки фи-

*) Сен-Симонъ началъ высказываться объ исторіи уже съ 1807 г. во „Введеніи къ научнымъ работамъ“ и въ 1810 въ эскизѣ новой Энциклопедіи. Къ 1813 г. относится его „Мемуаръ о наукѣ человѣка“. См. объ этомъ G. Weill: St. Simon et son oeuvre. 1894, p. 61 sq.

лософовъ XVIII в., къ которымъ примыкаетъ и Кондорсе; онъ не признаетъ того „естественнаго состоянія“, въ которомъ человѣкъ является уже какъ *разумное* существо. Сен-Симонъ ищетъ исходной точки для исторіи въ анатоміи и въ физиологіи; его первобытный человѣкъ еще не обладаетъ языкомъ; матеріаль для характеристики этого первобытнаго человѣка Сен-Симонъ ищетъ въ описаніяхъ знаменитыхъ путешественниковъ конца XVIII в., Бугенвилля, Кука и др. Такимъ образомъ Сен-Симонъ помѣщаетъ въ началъ исторіи вмѣсто трехъ отвлеченныхъ эпохъ или ступеней Кондорсе: первобытной, пастушеской и земледѣльческой,—шесть эпохъ, обозначенныхъ опредѣленными типами дикарей, взятыхъ изъ этнографіи. Типомъ для первой эпохи послужилъ Сен-Симону *дикій человѣкъ*, пойманный крестьянами въ горахъ Авейрона и не умѣвшій говорить; типомъ второй эпохи выставлены дикари „Огненной Земли“, описанные Кукомъ, жившіе въ пещерахъ; за ними идутъ племена сѣверо-западной Америки, обладающіе языкомъ, жилищами и подчиняющіеся вождямъ; затѣмъ обитатели Новой Зеландіи—людоѣды, слѣдовательно умѣющіе выдѣлывать оружіе; выше ихъ стоятъ обитатели Сандвичевыхъ острововъ, почти отставшіе отъ людоедства и имѣющіе жрецовъ; еще выше перуанцы и мексиканцы.

Отъ этихъ первобытныхъ эпохъ рѣзко отдѣляются послѣдующія, благодаря изобрѣтенію письменъ у египтянъ, которые и представляютъ собою седьмую эпоху, уже знаковую съ выдѣленіемъ ученыхъ жрецовъ изъ массы народа. Въ восьмой, греческой, эпохѣ Сен-Симонъ особенно подчеркиваетъ значеніе Сократа, отдѣляющаго новую исторію отъ древней; онъ приписываетъ ему, кромѣ открытія истиннаго философскаго метода, сознаніе, что людское общество нуждается въ цѣльномъ міровоззрѣніи—изъ чего развился теизмъ; девятую эпоху представляютъ собою римляне, организовавшіе теизмъ Сократа въ міровую религію и создавшіе право; десятую эпоху знаменуютъ собою научные успѣхи арабовъ. Одиннадцатую—начинаетъ собою Карль Великій,

организовавший европейские народы в одно общество с помощью духовной власти, которой онъ и предоставилъ Римъ, для того, чтобъ она могла сохранить свою независимость.

Здѣсь Сен-Симонъ уже совершенно отступаетъ отъ Кондорсе. Насколько Кондорсе недоброжелателемъ по отношенію къ религіи, въ которой онъ видитъ лишь суевѣріе, настолько высоко ставитъ ее Сен-Симонъ, для котораго религія есть синтезъ частныхъ наукъ. Но кромѣ того, Сен-Симонъ относится съ полнымъ сочувствіемъ къ свѣтскому порядку среднихъ вѣковъ—къ феодализму, потому что ставитъ средніе вѣка много выше классической древности. Это преимущество основано у Сен-Симона на четырехъ соображеніяхъ: древнее рабство замѣнено болѣе мягкимъ серважемъ; раздѣленіе духовной и свѣтской власти представляетъ собою величайшее проявленіе прогресса со времени римлянъ; духовная власть, обыкновенно находящаяся въ рукахъ плебеевъ, становится проводникомъ культуры; монархическая организація католицизма, принципъ непогрѣшимости церкви и папы, свѣтская власть духовенства и многія другія *превосходныя* (*admirables*) нововведенія—обезпечили прочность европейскаго общества. Наконецъ, въ древности немногочисленный римскій народъ круто господствовалъ надъ варварами—въ средніе вѣка европейскіе народы представляютъ собою общество въ 60 милліоновъ, соединенныхъ принципомъ братства.

Но система богословская должна была уступить мѣсто системѣ научной. Съ полнаго торжества послѣдней начнется двѣнадцатая эпоха—эпоха будущаго. Между двумя послѣдними эпохами, тянется *переходная* эпоха, періодъ *кризиса*. Кризисъ начался съ Лютера, который нанесъ первые удары средневѣковой системѣ. Впослѣдствіи, когда сотрудниками Сен-Симона были О. Тьерри и О. Контъ, Сен-Симонъ относилъ начало кризиса къ XII вѣку и объяснялъ его двумя великими фактами—освобожденіемъ городовъ и введеніемъ экспериментальнаго метода арабами. Согласно съ этимъ

онъ въ послѣдствіи сильнѣе подчеркивалъ вліяніе, которое имѣли успѣхи наукъ на паденіе духовной власти. Средневѣковая система утратила, по его словамъ, свой научный характеръ со времени Коперника, свой религіозный характеръ со времени Бейля, а политическій съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ отнялъ Римъ у папы. Сен-Симонъ не можетъ дожидаться наступленія „новой научной эпохи“. Но онъ смотритъ на будущее далеко не съ такимъ оптимизмомъ, какъ Кондорсе; достаточно указать на то, что онъ предвидитъ время, когда земной шаръ вслѣдствіе потери влаги станетъ необитаемъ для человѣка. Такимъ же отсутствіемъ оптимизма отличается Сен-Симонъ отъ Кондорсе во взглядѣ на французскую революцію. Кондорсе видѣлъ въ ней торжество разума, начало свѣтлаго будущаго—Сен-Симонъ ставитъ революціи въ укоръ именно то, что она руководилась духомъ раціонализма, а не положительными идеями; ею управляли легисты и метафизики, т. е. литераторы. Они были полезны при старомъ порядкѣ, но вліяніе ихъ на революцію было вредно, такъ какъ они были воспитаны на отвлеченныхъ идеяхъ. Монархія была свергнута тремя адвокатами; главой монтаньяровъ былъ легистъ Робеспьеръ; легисты наполняли всѣ комитеты, муниципалитеты и клубы; они изобрѣли терроръ. Учредительное собраніе, по словамъ Сен-Симона, организовало адвокатчину (*l'avocasserie*), Конвентъ—санкюлотчину. Кондорсе, одинъ изъ главныхъ подвижниковъ революціи, относится къ ней съ энтузіазмомъ и не ропщетъ, что самъ сталъ ея жертвой. Сен-Симонъ, обогатившійся во время революціи и посаженный въ тюрьму террористами, относится къ ней съ хладнокровіемъ дѣловаго человѣка и съ критикой; онъ привѣтствуетъ паденіе феодализма, но выставляетъ на видъ промахи революціи и чрезвычайно мѣтко объясняетъ ихъ причину.

Сен-Симонъ не ограничился установленіемъ систематическаго, цѣльнаго взгляда на прошлое человѣчества. Обогащенная стройнымъ содержаніемъ, сама исторія возвысилась въ его глазахъ на степень науки. Сен-Симонъ жалуется, что

исторія была до сихъ поръ лишь отдѣломъ литературы; онъ отдааетъ честь Кондорсе, который усмотрѣлъ цѣль, но не счумѣлъ ея достигнуть. Чтобы сдѣлать изъ исторіи науку, нужно отказаться отъ объясненія историческихъ явленій мелкими причинами. Съ этой точки зрѣнія Сен-Симонъ возстаётъ противъ Монтеस्कё, который преувеличивалъ значеніе климата. Оспаривая его теорію, Сен-Симонъ указываетъ на римлянъ, которые когда-то были господами надъ міромъ, а теперь потѣшаютъ міръ своими арлекинами и панталонадами. Нѣтъ, законъ исторіи не географическій законъ, а историческій; это—общій законъ прогресса. Задача новыхъ историковъ показать, что человѣчество повинуется закону прогресса, — закону, измѣнить который не въ нашихъ силахъ.

Но исторія для Сен-Симона не только наука, она—*общественная* наука. Стоя „между обломками сокрушившагося прошлаго и зародышами возникающаго будущаго“, Сен-Симонъ нуждается въ руководителѣ и находитъ его въ исторіи. Лишь философское наблюденіе надъ прошлымъ даетъ возможность точно познать настоящее. Лучшія учрежденія бесполезны, когда они устанавливаются не во время: исторія указываетъ, пришло-ли для нихъ время. Но знаніе прошлаго въ то же время позволяетъ угадывать будущее. Сен-Симонъ уже совершенно опредѣленно высказываетъ принципъ, которому Контъ придавалъ такое значеніе: знаніе есть предвидѣніе—savoir c'est prévoir. Если человѣчество такъ медленно подвигалось впередъ по пути цивилизаціи, то это потому, что оно не пользовалось свѣтомъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія Сен-Симонъ, общественный реформаторъ и утопистъ, рассчитываетъ заручиться исторіей, какъ союзницей. Лишь наше невѣжество, говоритъ онъ, побуждаетъ насъ называть утопіями попытки общественнаго усовершенствованія. Мы говоримъ объ утопіяхъ, когда мы не увѣрены, возможно ли или невозможно осуществленіе новой общественной организаціи. Но эта самая неувѣренность наша развѣ не обусловливается нашей непривыч-

кой и неумѣннѣмъ вникать въ смыслъ великой череды историческихъ событій въ развитіи цивилизаціи *)?)

IV.

Таково было положеніе вопроса о философскомъ пониманіи исторіи во Франціи, которое засталъ молодой Конть и таковы задачи, завѣщанныя ему его двумя предшественниками. Въ дальнѣйшей ихъ разработкѣ проявились его заслуги. Отъ Кондорсе Конть получилъ идею прогресса, какъ руководящій принципъ въ исторіи, а отъ Сен-Симона мысль, что на философіи исторіи лежитъ обязанность отыскать законъ этого прогресса. Въ этихъ двухъ направленіяхъ и нужно искать заслуги Конта.

Кондорсе впервые построилъ на идеѣ „успѣховъ чело-вѣческаго ума“ философію исторіи, т. е. собралъ подъ этимъ знаменемъ эпохи всемірной исторіи и этимъ внесъ въ послѣднюю цѣльность и опредѣленный смыслъ. Конть видоизмѣнилъ идею Кондорсе, вложилъ въ нее болѣе глубо-кій смыслъ и далъ ей научное основаніе. Конть вывелъ ее изъ неопредѣленности и изъ того фантастическаго оптимизма, которымъ она окрашена у Кондорсе, усматрива-вшаго въ прогрессѣ прошлаго залогъ безконечнаго про-гресса въ будущемъ, неограниченнаго усовершенствованія не только жизненныхъ условій общества, просвѣщенія, нравственности, счастья, но и самой природы чело-вѣка. Въ самомъ этомъ оптимизмѣ Кондорсе видѣлъ залогъ дальнѣй-шаго успѣха, ожидалъ, что „ученіе о неограниченной спо-собности чело-вѣческой породы къ усовершенствованію, ученіе, первыми и знаменитѣйшими апостолами которой были Тюрго, Прейсъ и Пристлей, нанесетъ послѣдній ударъ заколебавшемуся зданію предрасудковъ“.

Конть также превозноситъ „великое понятіе чело-вѣческаго прогресса“ и видитъ въ немъ даже единственную капитальную идею, всецѣло принадлежащую эпохѣ, кото-

*) G. Weill. Id. p. 122.

Вопросы философіи, кн. 45.

рую онъ называетъ третьимъ фазисомъ метафизическаго періода. Но въ то же время онъ доискивается точнѣе его генезиса. По мнѣнію Конта, древніе философы не знали идеи прогресса; христіанство принесло съ собою не представленіе, а скорѣе чувство прогресса, провозгласивъ превосходство Новаго Завѣта надъ закономъ Моисея и такимъ образомъ замѣну менѣе совершеннаго состоянія болѣе совершеннымъ. Настоящій зародышъ идеи прогресса слѣдуетъ искать, по Конту, на почвѣ *научной* эволюціи, которая яснѣе, чѣмъ какое-либо другое понятіе наводитъ на представленіе объ истинной прогрессіи. Паскаль первый дѣйствительно формулировалъ философское понятіе прогресса подъ влияніемъ исторіи математическихъ наукъ. Но это открытіе не могло быть вполнѣ плодотворнымъ, пока оно не выходило изъ предѣловъ одной частной эволюціи, т. е. области научной. Для обобщенія этого наблюденія необходимы были, по мнѣнію Конта, по крайней мѣрѣ три случая: другой случай прогресса, параллельный успѣхамъ въ математической наукѣ, вскорѣ былъ усмотрѣнъ въ области промышленности; но признанію такого же прогресса въ эволюціи моральной и политической,—что могло бы служить неопровержимымъ подтвержденіемъ всеобщаго прогресса, препятствовало установившееся съ XVIII в. возрѣніе на средніе вѣка, какъ на эпоху ретроградную, хотя именно эта эпоха наиболѣе ознаменована всеобщимъ усовершенствованіемъ челоѣческой общественности. Въ дѣлѣ выясненія идеи прогресса Контъ придаетъ большое значеніе извѣстному спору между Фонтенелемъ и Перро о преимуществѣ классическаго или современнаго имъ художества, спору благодаря которому представленіе о прогрессѣ глубже проникло въ общество. Этому содѣйствовала и та, по выраженію Конта, преходящая „метафизическая доктрина“, которую, такъ неудачно, называютъ политической экономіей, выяснившая различіе между античной и современной цивилизаціей. Подъ влияніемъ такой „умственной подготовки“ знаменитый Тюрго дошелъ до прямого установленія (construction) своей

пресловутой теоріи неограниченнаго усовершенствованія, „послужившей несмотря на свой существенно метафизическій характеръ основаніемъ для великаго историческаго *проекта*, задуманнаго Кондорсе“.

Но усвоивая себѣ идеи Тюрго и Кондорсе о прогрессѣ, Контъ устраняетъ прежде всего то, что называетъ „химическимъ представленіемъ неограниченной способности усовершенствованія“—допуская такое усовершенствованіе лишь въ „предѣлахъ, налагаемыхъ организмомъ чловѣка“.¹ Затѣмъ онъ выдѣляетъ какъ не подлежащій разрѣшенію, „праздный и пустой“ метафизическій вопросъ объ увеличеніи счастья чловѣка въ различныя эпохи цивилизаціи. Ибо счастье каждаго индивидуума обусловливается соответствіемъ между результатомъ развитія его различныхъ способностей и общимъ итогомъ его жизненныхъ условій и такъ какъ такое равновѣсіе до извѣстной степени всегда устанавливается само собою, то это исключаетъ всякую возможность сравненія различныхъ положеній для опредѣленія степени личнаго счастья.

Но важнѣе то, что самое представленіе о прогрессѣ у Конта существенно измѣняется, какъ это выражается въ измѣненіи самого термина. По устраненіи, говоритъ онъ, всѣхъ ребяческихъ разглагольствованій и бесплодныхъ разсужденій, положительный анализъ туманнаго современнаго понятія о чловѣческомъ усовершенствованіи не оставляетъ послѣ себя въ результатѣ ничего иного, какъ строго научное представленіе о непрерывномъ *развитіи* чловѣческой природы въ ея различныхъ проявленіяхъ, въ постоянной взаимной связи и по неизмѣннымъ законамъ эволюціи. Итакъ, понятія прогресса и усовершенствованія должны уступить мѣсто понятіямъ развитія и эволюціи. Контъ считаетъ это настолько существеннымъ, что берется изложить всю соціальную физику, ни разу не употребивъ выраженія *усовершенствованіе*.

Это не значить, чтобы въ глазахъ Конта эти два термина были несовмѣстимы; вопросъ лишь въ томъ, необхо-

димо ли сопровождается очевидное развитие соответствующимъ улучшеніемъ, или такъ называемымъ прогрессомъ? И на этотъ вопросъ Контъ отвѣчаетъ, что это непрерывное улучшение, этотъ постоянный прогрессъ ему кажутся также неопровержимы, какъ и самое развитіе, изъ котораго они вытекаютъ. Развитіе человѣчества влечетъ за собою даже двойное усиливающееся улучшение не только въ жизненныхъ условіяхъ, что неоспоримо, но и въ способностяхъ человѣка, что гораздо менѣе признано; терминъ усовершенствованіе въ особенности подходитъ къ этой второй сторонѣ прогресса. Входя въ подробности, Контъ указываетъ по первому пункту троякое улучшение въ условіяхъ человѣческой жизни: возрастающее и мудро направленное вліяніе на окружающую человѣка среду (*monde ambiant*) согласно съ прогрессомъ въ знаніи и въ художествахъ; постоянное смягченіе нравовъ и, наконецъ, постепенное усовершенствованіе соціальной организаци. Последнее, замѣчаетъ Контъ, наиболѣе оспаривается, но онъ считаетъ совершенно достаточнымъ подкрѣпить свое утвержденіе указаніемъ на неопровержимый фактъ—постоянное увеличеніе населенія по всему земному шару, причѣмъ индивидуумы находятъ лучшее, чѣмъ прежде удовлетвореніе своимъ физическимъ нуждамъ. Даже въ современную ему критическую эпоху, несмотря на всеобщую временную безурядицу, улучшение въ его глазахъ продолжается не только въ физическомъ и въ умственномъ отношеніяхъ, но даже и въ отношеніи нравственномъ.

Относительно второй стороны дѣла, т.-е. извѣстнаго, постепеннаго и весьма медленнаго улучшенія самой человѣческой породы, Контъ считаетъ невозможнымъ не допустить его, хотя и въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Основаніемъ для него служитъ при этомъ принципъ Ламарка, до извѣстной степени неоспоримый, несмотря на очевидныя его преувеличенія, принципъ о неизбѣжномъ вліяніи однороднаго и постояннаго упражненія въ томъ смыслѣ, что оно вызываетъ во всякомъ животномъ организмѣ, въ

особенности же у человѣка, органическое усовершенствованіе, способное постепенно укорениться въ породѣ послѣ достаточно долгаго примѣненія. Разсматривая этотъ щекотливый вопросъ въ примѣненіи къ наиболее ярко выраженному проявленію его, т.-е. въ сферѣ умственныхъ способностей, Конть считаетъ невозможнымъ не признать за цивилизованными народами, хотя это еще недостаточно provato опытомъ, большую природенную способность къ духовной работѣ, независимо отъ степени образованія, чѣмъ у народовъ менѣе культурныхъ. Въ нравственномъ же отношеніи Конть признаетъ несомнѣннымъ, что постепенное развитіе человѣчества постоянно стремится вызвать, и до извѣстной степени на самомъ дѣлѣ осуществляетъ, возрастающее преобладаніе наиболее благородныхъ наклонностей человѣческой породы.

На основаніи этихъ разсужденій Конть считаетъ возможнымъ признать за обоими терминами равносильное значеніе (équivalence), т.-е. что *развитіе* человѣчества всегда можетъ считаться настоящимъ *усовершенствованіемъ.*

Не смотря на это, онъ предпочитаетъ первый терминъ, „еще не испорченный безразсуднымъ употребленіемъ“, тѣмъ болѣе, что терминъ *развитіе* прямо указываетъ, въ чемъ заключается дѣйствительное усовершенствованіе человѣчества, а именно въ простомъ самопроизвольномъ подъемѣ (essor) основныхъ способностей человѣка, постепенно *воспослабляемыхъ* соотвѣтствующей культурой.

Эта замѣна одного термина другимъ не случайна и не произвольна со стороны Конта; это не стилистическая только поправка; въ ней выражается, такъ сказать, весь прогрессъ философіи исторіи отъ Кондорсе до Конта. Конть потому такъ дорожитъ терминомъ développement—развитіе, эволюція, что, благодаря ему, исторія человѣчества приводится въ связь съ біологіей и подобно послѣдней подчиняется господству естественныхъ законовъ.

Исторія представляетъ собою рядъ смѣнъ; въ состояніи человѣческаго общества встрѣчаются большія измѣненія,

чѣмъ въ области біологіи, не говоря уже о химіи, или физикѣ; но тѣмъ не менѣе и жизнь человѣческихъ обществъ подчинена законамъ. Контъ не допускаетъ никакого вліянія, которое могло бы нарушить естественные законы развитія человѣчества или произвести въ нихъ какую-нибудь *пертурбацію* (influence perturbatrice). Эволюція человѣчества, по выраженію Конта, доступна вліянію и видоизмѣняема (modifiable) лишь относительно скорости, съ которой она совершается, причемъ однако ни порядокъ развитія не можетъ быть измѣненъ, ни какая-либо ступень развитія обойдена. Допуская такимъ образомъ возможность видоизмѣненій, Контъ особенно настаиваетъ на томъ, что это видоизмѣненіе имѣетъ предѣлы. Такъ какъ теорія предѣловъ видоизмѣненій даже въ самой біологіи еще не установлена, то, по справедливому замѣчанію Конта, нельзя ожидать, чтобы это было легко сдѣлать въ исторіи. Контъ однако подъ вліяніемъ своего взгляда на неизмѣнность эволюціи болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы внушить читателю убѣжденіе въ ограниченности этихъ предѣловъ, чѣмъ выясненіемъ причинъ возможныхъ измѣненій. По отношенію къ послѣднему вопросу Контъ признаетъ три источника социальныхъ видоизмѣненій—расу, климатъ и политику, (l'action politique); но подъ разными оговорками о преждевременности этого вопроса, неумѣстности обсуждать его при самомъ зарожденіи социальной науки и т. п., Контъ освобождаетъ себя отъ обязанности выяснить подробнѣе этотъ интересный вопросъ. Вліянія расы онъ совсѣмъ не касается; вліянія климата—лишь мимоходомъ по поводу Монтеस्कё: Контъ хвалитъ его за то, что онъ подчиняетъ социальные явленія естественнымъ законамъ, но осуждаетъ его, находя, что у него нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія этихъ законовъ. Единственный научный отдѣлъ его книги, по словамъ Конта, представляетъ та часть, гдѣ Монтеस्कё оцѣниваетъ вліяніе различныхъ мѣстныхъ причинъ, которыя можно обозначить *климатомъ*; но на самомъ дѣлѣ Монтеस्कё не понималъ и почти всегда преувеличалъ значеніе климата. При-

чину этого заблужденія Конть видитъ въ попыткѣ анализировать видоизмѣненія, когда самая основная дѣятельность недостаточно выяснена.

Всего подробнѣе Конть останавливается на вліяніи политическихъ агентовъ, но именно для того, чтобы бороться противъ установившагося заблужденія о его значеніи. Правда, на возможности „воздѣйствія (intervention) чело-вѣка на социальныя явленія основана надежда Конта на систематическое преобразование (réformation) чело-вѣчества, но на самомъ дѣлѣ онъ ополчается противъ господствовавшихъ въ XVIII в. преувеличенныхъ ожиданій отъ благодѣтельнаго вліянія законодателей и законодательства и примѣрами изъ исторіи и разсужденіями старается разрушить „иллюзи“ тѣхъ, кто приписывалъ политическимъ реформамъ, (operations) то, что было слѣдствіемъ „невидимой и незави-симой эволюціи“. Все вліяніе политическихъ дѣятелей и дѣйствій обусловливается, по Конту, ихъ современностью (opportunité), т.-е. совпадениемъ съ соответствующими стремленіями—въ эволюціи, которую они могутъ съ своей стороны лишь ускорить.

Анализъ вліянія „политики“ приводитъ Конта какъ бы случайно къ вопросу о значеніи великихъ людей. Конть приписываетъ имъ такъ мало самостоятельности, что не называетъ ихъ даже въ числѣ источниковъ „видоизмѣненій эволюціи, а упоминаетъ о нихъ разбросанно въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія. Говоря о развитіи науки отъ Эалеса до Биша, Конть заявляетъ, что великіе успѣхи каждой эпохи и даже каждого поколѣнія неизбѣжно всегда вытекали изъ предшествовавшаго состоянія, такъ что геніальные люди, которымъ обыкновенно ихъ слишкомъ исключительно приписываютъ, представляются лишь органами предустановленнаго движенія, которое, если бы ихъ не было, открыло бы себѣ другіе пути (d'autres issues). Конть видѣлъ подтвержденіе въ томъ, что нерѣдко замѣчательные люди одновременно подходятъ къ одному и тому же важному открытію.

Возвращаясь къ этому вопросу, Контъ говоритъ, что и въ политикѣ, какъ бы ни было значительно личное достоинство замѣчательнаго человѣка, которому толпа приписываетъ воздѣйствіе на общество, такая личность бываетъ лишь счастливымъ органомъ. Сила вліянія индивидуума на человѣческую породу на самомъ дѣлѣ подчинена предѣламъ своевременности даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда всего легче проявить какое-либо вліяніе, въ хорошемъ или дурномъ направленіи. Контъ приводитъ въ примѣръ, что въ революціонныя эпохи, многіе приписываютъ себѣ, по странному тщеславію, легкую заслугу разжиганія среди современниковъ анархическихъ страстей и не подозреваютъ, что даже въ этомъ случаѣ ихъ мнимый успѣхъ, достойный сожалѣнія, преимущественно обусловливался естественнымъ предрасположеніемъ, вызваннымъ состояніемъ общества. Такими соображеніями, эмпирически приобретенными, руководился счастливый инстинктъ гениальныхъ людей, которые дѣйствительно имѣли, въ какомъ-нибудь отношеніи, великое и глубокое вліяніе.

V.

Выяснивъ себѣ, какъ тщательно Контъ старается устранить или, по крайней мѣрѣ, умалить всякое случайное или такъ сказать *постороннее* вліяніе на ходъ развитія человѣчества, мы можемъ спросить, въ чемъ же заключается это развитіе или, по выраженію Конта, въ какомъ оно идетъ направленіи? Сведенный къ самой краткой формулѣ, отвѣтъ будетъ таковъ: развитіе человѣческое заключается въ томъ, что въ немъ все болѣе выдвигаются характеристическія черты человѣчности по сравненію со свойствами животнаго и въ особенности со свойствами (*facultés*), общими, намъ и всему растительному міру. Это до извѣстной степени формула Гердера *Entwicklung zur Menschheit*, но такъ какъ Контовская формула не обусловлена ею, а представляетъ собою дальнѣйшее развитіе идей Кондорсе, то мы должны ее сопоставить съ „очеркомъ прогресса человѣ-

ческаго разума". Прежде всего бросается въ глаза различіе исходной точки прогрессіи у того и другого писателя; у Конта она заложена далеко за предѣлами человѣчества, въ необъятной области органическаго міра. Но прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, прослѣдимъ прогрессію человѣчества, какъ она представляется Конту. На первый взглядъ, говоритъ онъ, можетъ показаться, что поддержаніе и улучшеніе матеріальной жизни преимущественно поглощаетъ вниманіе человѣка и поэтому ходъ цивилизаціи главнымъ образомъ заключается въ развитіи дѣятельности человѣка по отношенію къ окружающему его міру. Но болѣе глубокое изученіе предмета, заключаетъ Контъ, показываетъ, что эволюція человѣчества имѣетъ предметомъ обезпечить преобладаніе высшихъ способностей человѣка, частью обезпечивая удовлетвореніе его физическихъ потребностей, частью возбуждая его умственные способности и соціальныя чувства.

Въ дѣтствѣ человѣчества инстинкты, касающіеся матеріальнаго существованія, настолько преобладаютъ, что даже половой инстинктъ, несмотря на свою грубую силу, имъ подчиняется. Семейныя привязанности явно обнаруживаются, а общественныя инстинкты имѣютъ предметомъ незначительную часть человѣчества, внѣ которой всякій представляется чуждымъ и даже врагомъ. Злобныя страсти служатъ послѣ физическихъ побужденій главнымъ двигателемъ жизни. Что касается умственныхъ способностей, то непредусмотрительность, характеризующая бытъ дикарей, служить доказательствомъ того, какъ мало сначала вліяетъ разумъ на поведеніе человѣка. Способность къ отвлеченію и сочетанію представленій остается почти въ полномъ бездѣйствіи. Любопытство, возбуждаемое зрѣлищемъ природы, удовлетворяется самыми слабыми проявленіями богословскаго объясненія. Даже развлеченія, заключающіяся преимущественно въ насильственномъ мускульномъ напряженіи, также мало способны содѣйствовать развитію какъ ума, такъ и общественности. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни

изучали различные возрасты общества, мы всегда найдемъ, что результатъ эволюціи заключается не только въ улучшеніи матеріальнаго положенія человѣка посредствомъ расширенія его дѣятельности надъ внѣшнимъ міромъ, но главнымъ образомъ въ развитіи наиболѣе высокиихъ способностей, то уменьшая господство физическихъ потребностей и возбуждая соціальныя инстинкты, то вызывая дѣятельность даже самыхъ высокиихъ умственныхъ функцій и увеличивая влияніе разсудка на образъ дѣйствій человѣка.

Указавъ направленіе, въ которомъ движется эволюція, Контъ возбуждаетъ вопросъ о *скорости* этого движенія. Скорость его обуславливается взаимодействіемъ организаци человѣка и среды, въ которой онъ живетъ. Но такъ какъ эти условія неизмѣнны, то нѣтъ возможности точно измѣрить степень ихъ важности. Зато Контъ указываетъ на три второстепенныя *силы*, опредѣляющія быстроту движенія, и между ними онъ называетъ на первомъ мѣстѣ *скуку* (l'ennui). Слѣдуя „остроумному философу Леруа“, Контъ разумѣетъ подъ этимъ тягостное чувство, которое испытываетъ развитой человѣкъ, когда онъ не примѣняетъ къ дѣлу своихъ свособностей—умственныхъ или нравственныхъ. Контъ, правда, оговаривается, что сила этого мотива очень преувеличена у Леруа, и справедливо замѣчаетъ, что онъ принялъ симптомъ за принципъ, однако считаетъ „необходимымъ“ указать „важное участіе“ этого элемента въ ускореніи эволюціи.

Болѣе значенія имѣетъ конечно второй элементъ — *продолжительность* человѣческой жизни. Очевидно Контъ былъ наведенъ на этотъ вопросъ фантазіями Кондорсе насчетъ безпредѣльности въ будущемъ человѣческой жизни. Не упоминая о Кондорсе, Контъ выставляетъ на видъ, что прогрессъ человѣчества обуславливается смертью индивидуумовъ, т.-е. постояннымъ и достаточно быстрымъ возобновленіемъ двигателей эволюціи. Не говоря уже о химерическомъ предположеніи безконечной жизни, даже увеличеніе ея продолжительности въ десять разъ замедлило бы

ходъ эволюціи, такъ какъ дало бы перевѣсъ консервативному духу, присущему старости, ибо, говорить Контъ, тѣ, кто въ возмужалости возраста наиболѣе содѣйствовали прогрессу общества, становятся враждебными дальнѣйшему развитію. Съ другой стороны, и сокращеніе жизни хотя бы на половину повредило бы эволюціи, ослабило бы вліяніе прошлаго и открыло бы просторъ незрѣлымъ попыткамъ. Контъ находитъ даже слишкомъ краткою существующую продолжительность жизни, замѣчая, что, за исключеніемъ годовъ, поглощаемыхъ приготовленіемъ къ жизни или къ смерти, остается не болѣе 30 лѣтъ, въ виду чего тѣ, кто наиболѣе старался содѣйствовать развитію человѣческаго духа, съ глубокой горечью ощущаютъ, какъ недостаточно время, даже при самомъ мудромъ употребленіи его, для выработки наиболѣе продуманныхъ плановъ, изъ которыхъ обыкновенно приходится осуществить лишь самую незначительную часть.

Какъ на первыя два соображенія, такъ и на третье — зависимость прогресса отъ густоты населенія — Контъ былъ наведенъ современной ему литературой, въ послѣднемъ случаѣ — „неразумными преувеличеніями Мальтуса“ относительно опасности быстрого прироста населенія. Контъ вѣрно указываетъ, насколько увеличеніе густоты населенія содѣйствовало прогрессу, заставляя людей прибѣгать къ раздѣленію труда и дѣлать новыя усилія, чтобы обезпечить себѣ самыми ухищренными способами средства къ существованію. Какъ и относительно продолжительности жизни, слишкомъ быстрый ростъ населенія можетъ привести къ противоположному результату и явиться препятствіемъ эволюціи. Но Контъ относится съ большимъ оптимизмомъ къ страху, который можетъ внушить малый объемъ „нашей планеты“, полагая, что развитіе человѣческой природы и болѣе точное знаніе законовъ соціальной эволюціи создадутъ такія средства для борьбы противъ грозящаго бѣдствія, о которыхъ мы теперь не въ состояніи составить себѣ и представленіе.

Такимъ образомъ предъ нами выясняется различіе между „устъхами“ человѣческаго ума“ у Кондорсе и исторической эволюціей Конта. Для дальнѣйшаго выясненія этого различія намъ остается сопоставить исходныя точки обоихъ мыслителей. Исходною точкою Кондорсе служилъ *человѣкъ*, какъ его представляла себѣ французская философія XVIII вѣка—это „существо способное чувствовать (*un être sensible*), разсуждать (*former des raisonnements*) и приобрѣтать нравственныя понятія“. Откуда мы это знаемъ? изъ самонаблюденія. „Анализъ нашихъ чувствъ даетъ намъ возможность открыть въ развитіи нашей способности ощущать удовольствіе и боль—корень нашихъ нравственныхъ понятій и основаніе тѣхъ общихъ истинъ, которыя, вытекая изъ этихъ идей, опредѣляютъ необходимые, неизмѣнные законы справедливаго и несправедливаго, наконецъ, побужденія для нашего образа дѣйствія“.

Этотъ психологическій самоанализъ становится для рационалиста исходною точкою исторіи. Эскизъ Кондорсе начинается съ опредѣленія чловѣка, которое не что иное какъ болѣе подробное изложеніе выше приведенной нами формулы. Представивъ это объясненіе, Кондорсе говоритъ: „Если мы ограничиваемся наблюденіемъ надъ общими явленіями и постоянными законами, представляемыми развитіемъ нашихъ способностей, поскольку оно является общимъ у различныхъ индивидуумовъ чловѣческаго рода, мы получимъ науку, называемую метафизикою“).

*) Считаемо не лишнимъ указать здѣсь на смыслъ, который придавалъ Кондорсе слову „метафизика“, въ виду значенія, какое получило это слово въ позитивизмѣ. Кондорсе неоднократно употребляетъ его какъ синонимъ слова *philosophie générale* (213 и 235), «истины которой непосредственно направлены противъ всѣхъ суевѣрій»; но изъ приведеннаго мѣста и подобныхъ ему можно заключить, что эта философія или метафизика основана у Кондорсе на наблюденіи и анализѣ психическихъ явленій. Въ этомъ смыслѣ Локкъ, «первые дерзнувшій указать предѣлы чловѣческаго ума» (237—8), выставляется у Кондорсе основателемъ метафизики. Такимъ образомъ Контъ, называя, какъ къ мьвидѣли, Локка метафизикомъ, слѣдовалъ терминологіи Кондорсе. Самъ же онъ, отвергая какъ общую философію, такъ и психологію, имѣлъ двойное основаніе для своего нерасположенія къ метафизикѣ.

„Если же мы станемъ разсматривать это самое развитіе въ его результатахъ по отношенію къ массѣ индивидуумовъ, существующихъ одновременно на извѣстномъ пространствѣ, и если мы прослѣдимъ его отъ поколѣнія къ поколѣнію, мы получимъ картину *успѣховъ* чловѣческаго ума, т.-е. исторію“.

Исходная точка Конта дана не рационалистическою психологіей—метафизикой—какъ ее называютъ оба: и Кондорсе и Контъ, одинъ съ признаніемъ, другой съ отричаніемъ ея,—а біологіей.

Контъ предпослалъ своей философіи исторіи цѣлый томъ біологіи. „Вся система его біологической философіи“ имѣеть, по его словамъ, цѣлю доказать, что на всемъ пространствѣ іерархическаго развитія животнаго міра *мѣсто* (la dignité fondamentale) каждой породы обусловливается все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ общимъ преобладаніемъ животной жизни надъ органической *)—по мѣрѣ приближенія къ организму чловѣка. Съ этой философской точки зрѣнія наша соціальная эволюція представляетъ собою лишь крайнее звено общей прогрессіи, безъ перерыва продолжающейся и охватывающей все, что имѣеть жизнь—отъ простыхъ растений и простѣйшихъ (moindres) животныхъ, восходя затѣмъ къ птицамъ и млекопитающимъ, а у этихъ постепенно доходя до хищныхъ звѣрей и до обезьянъ. Неизбѣжное преобладаніе функций чисто органическихъ повсюду выступаетъ все менѣе и менѣе, развитіе же функций животной жизни и, преимущественно, функций умственныхъ и нравственныхъ, напротивъ, стремится занять первое мѣсто въ жизненномъ процессѣ (ascendant vital), хотя и не въ состояніи когда-либо его вполне достигнуть даже при высшемъ усовершенствованіи чловѣческой породы. „Эта необходимая сравнительная оцѣнка обусловливаетъ собою,—продолжаетъ Контъ,—основное научное понятіе, которое

*) По терминологіи Биша, разужѣваго подъ этимъ терминомъ жизнь растительнаго царства въ отличіе отъ животнаго.

мы должны себѣ составить объ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса, примыкающаго ко всемірной цѣпи усовершенствованія органическаго міра, высшую ступень котораго онъ представляетъ“.

Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что у Конта связь біологіи съ исторіей человѣчества идейная, а не реальная, какъ и самая прогрессія живыхъ существъ—la chaîne des êtres современныхъ ему натуралистовъ, — идеальная, ибо между породами нѣтъ непосредственныхъ переходовъ. Согласно съ этимъ у Конта исторіей управляютъ не біологическіе, а ей одной свойственные законы, и въ этомъ отношеніи Контъ гораздо ближе къ философіи XVIII в. вообще и къ точкѣ зрѣнія Кондорсе, чѣмъ онъ думаетъ. Онъ ставитъ ей въ упрекъ, что она не знаетъ *естественныхъ законовъ*; если она и упоминаетъ о законахъ, то они не заслуживаютъ этого названія. Его заслуга въ томъ, что онъ отыскалъ законъ умственнаго движенія человѣчества, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и основной законъ исторіи.

Несмотря на взаимную связь всѣхъ элементовъ эволюціи, говоритъ Контъ, одинъ изъ нихъ преобладаетъ и даетъ общее всѣмъ направленіе. Чтобы понять эволюцію, необходимо поэтому выслѣдить этотъ преобладающій элементъ. Что касается до общей эволюціи, то безъ сомнѣній и колебаній, первенствующимъ въ ней принципомъ слѣдуетъ признать умственную эволюцію. Въ виду этого исторія человѣческаго общества опредѣляется исторіей человѣческаго духа, и исторія философіи должна представлять собою руководящую нить въ историческомъ синтезѣ.

Мы видимъ, какъ близко стоитъ Контъ къ автору „картины успѣховъ человѣческаго ума“. Но это движеніе человѣческаго ума, изображеніемъ котораго ограничился Кондорсе, Контъ положилъ въ основаніе *всего* историческаго процесса и найденный имъ законъ этого движенія возвелъ въ основной законъ всей исторіи человѣчества. Мы знаемъ этотъ законъ: это, какъ подчеркиваетъ Контъ, открытый имъ въ 1822 году законъ слѣдованія трехъ состояній че-

ловѣческаго ума — богословскаго, метафизическаго и позитивнаго.

Итакъ, если идти отъ Кондорсе къ Конту, намъ объяснится законъ Конта; мы поймемъ его генезисъ, его смыслъ (*raison d'être*), его прогрессивное значеніе. Этотъ законъ, отрицающій и обрекающій на гибель метафизику (раціонализмъ) просвѣтительнаго вѣка, есть всецѣло его дѣтище, наслѣдіе имъ оставленное. Онъ извлеченъ изъ той-же отвергаемой Контомъ метафизики, съ опредѣленія которой Кондорсе начинаетъ свой очеркъ, т.-е. изъ психологическаго самонаблюденія. Тѣсная связь Конта съ Кондорсе въ этомъ вопросѣ особенно ясно обнаруживается при сопоставленіи взглядовъ обоихъ писателей на первый шагъ человѣка по пути къ прогрессу.

Установивъ понятіе о „прогрессѣ человѣческаго ума“, Кондорсе говоритъ: „Этотъ прогрессъ подчиненъ тѣмъ же общимъ законамъ, которые наблюдаются въ индивидуальномъ развитіи нашихъ способностей, такъ какъ онъ результатъ этого развитія, разсматриваемый одновременно въ большомъ количествѣ индивидуумовъ, соединенныхъ въ общество“. Точно также аргументируетъ и Контъ. Психическій процессъ индивидуума возводится имъ въ общій законъ социологіи.

Желая объяснить свой законъ, Контъ говоритъ, что необходимость вытекающей изъ него эволюціи обусловливается стремленіемъ человѣка переносить собственное ощущеніе на объясненіе всѣхъ явленій. Хотя, оговаривается онъ, справедливо было указано на затруднительность познания самого себя, не слѣдуетъ однако придавать этому замѣчанію слишкомъ абсолютный смыслъ. Переносъ свое внутреннее ощущеніе на внѣшній міръ, человѣкъ ставитъ себя центромъ всего, но онъ не менѣе того склоненъ возвести себя въ *типъ* всего бытія (*type universel*). Онъ не можетъ объяснить себѣ явленій и ихъ происхожденія иначе, какъ уподобляя ихъ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ, проявленіямъ воли человѣческой — въ силу присущаго ему

стремленія приписывать всѣмъ живымъ существамъ и жизнь аналогичную его собственной, признавая ихъ при томъ высшими по сравненію съ собою существами въ виду ихъ бѣльшей силы.

Таково, по объясненію Конта, возникновеніе богословской философіи, перваго звена въ эволюціи человѣчества. Итакъ, у Кондорсе человѣчество съ первыхъ шаговъ своей жизни; блуждаетъ между пробужденіемъ разума и суевѣрїями у Конта то и другое органически связано, проявленіе ихъ не случайно, а обусловливается опредѣленнымъ закономъ, эволюціей, необходимое первое звено которой они составляютъ.

Не трудно себѣ поэтому вообразить, съ какою *поразительною силой* законъ трехъ состояній долженъ былъ овладѣть душою юнаго систематика и утописта, когда его впервые озарила мысль о немъ. Все прошлое показалось ему яснымъ и связнымъ, будущее—свѣтлымъ и несомнѣннымъ. Съ какою гордой самоувѣренностью онъ могъ взирать на своихъ предшественниковъ и учителей! Его жизненная цѣль лежала открыто предъ нимъ; нашедши путеводную нить въ лабиринтѣ прошлаго, онъ смѣло могъ взять на себя руководство человѣчествомъ по пути, передъ нимъ открывшемся.

И на самомъ дѣлѣ, какъ измѣнялась „картина успѣховъ человѣческаго ума“ при свѣтѣ Контовскаго закона! У Кондорсе прошлое было искусственно расщеплено на два параллельные и враждебные процесса—просвѣщеніе ума, обусловливающее собою прогрессъ, и исторія предразсудковъ и суевѣрїй, препятствовавшихъ прогрессу. У Конта нѣтъ этого страннаго дуализма. То, что Кондорсе считалъ заблужденіями ума, проявленіемъ невѣжества, у Конта является первыми проблесками умственной дѣятельности человѣка, вступаетъ въ рядъ необходимыхъ звеньевъ непрерывной умственной эволюціи.

И далѣе: бѣглый набросокъ успѣховъ просвѣщенія у Кондорсе вызываетъ недоумѣніе и вопросъ, въ чемъ собственно

оно заключается: въ дѣятельности ли отвлеченнаго разума, въ его способности сочетать представленія въ общія идеи, однимъ словомъ, въ философіи или же въ умноженіи знанія—въ послѣдовательныхъ открытіяхъ въ области разныхъ наукъ? Повидимому, и въ томъ и въ другомъ, ибо Кондорсе говорить о заслугахъ философовъ и перечисляетъ открытія ученыхъ. Но эти два элемента не находятся у него ни въ какой связи; хотя онъ очевидно даетъ преимущество послѣднему, онъ не касается вопроса объ его отношеніи къ первому. У Конта же эта сторона дѣла не вызываетъ никакого недоумѣнія. Онъ строго разграничиваетъ сферу дѣятельности положительной науки и отвлеченнаго разума — и каждому отводитъ свое мѣсто въ эволюціи человѣчества. Разумъ является двигателемъ просвѣщенія, лишь поскольку онъ самъ просвѣщенъ положительною наукой. Безъ нея онъ представляетъ лишь переходную ступень, въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжное зло. Контъ переноситъ на порожденіе отвлеченнаго разума—на философію, или, какъ онъ говоритъ, метафизику,—ту самую злобу, которую его предшественникъ питалъ къ богословію.

VI.

Такъ исполнилъ Контъ завѣтъ своего ближайшаго учителя Сен-Симона, поставившаго историкамъ задачу найти законъ, проявляющійся въ исторіи человѣчества. Но въ исполненіи этого завѣта Контъ не пошелъ по пути, указанному Сен-Симономъ. Сен-Симонъ мечталъ объ объединеніи всѣхъ явленій и процессовъ посредствомъ сведенія ихъ къ одному основному закону, и этотъ всеобщій законъ видѣлъ въ законѣ *притяженія*. Контъ также стремился къ объединенію явленій; этой цѣли должна была служить его іерархія наукъ, въ силу которой каждая изъ шести расположенныхъ въ восходящемъ порядкѣ наукъ должна была основываться на результатахъ всѣхъ предшествовавшихъ, и согласно съ этимъ наука о человѣческомъ обществѣ—соціологія—была наименована *соціальной физикой*.

Можно было бы предположить, что съ этой точки зрѣнія и социологія Конта будетъ заключать въ себѣ цѣлый рядъ механическихъ, химическихъ и біологическихъ законовъ, усмотрѣнныхъ имъ въ исторіи. Въ дѣйствительности же это не такъ. Контъ весьма категориченъ въ признаніи *логическаго* единства наукъ; единство это заключается въ томъ, что всѣ онѣ, какъ онъ полагаетъ, подчинены одному общему закону развитія а именно закону трехъ фазисовъ мышленія. Что же касается до объединенія социологіи и другихъ наукъ „по содержанію“, т.-е. признанія, что въ нихъ дѣйствуютъ одни и тѣ же законы, управляющіе явлениями, то Контъ въ этомъ отношеніи остороженъ и нерѣшителенъ до противорѣчія себѣ.

Онъ оправдывается въ этомъ случаѣ тѣмъ, что науки изучались до сего времени способомъ недостаточно философскимъ и что собственно одна только математика, (включая механику), достигла нормальнаго научнаго развитія. Поэтому только въ области механики Контъ указываетъ законы, дѣйствующіе также въ социологіи. Но и это дѣлается съ оговоркой. Контъ говоритъ не о *тождествѣ* математическихъ и извѣстныхъ социологическихъ законовъ, а объ *естественномъ ихъ совпаденіи* (*coïncidence spontanée*) и видитъ въ нихъ спеціальныя проявленія болѣе общаго закона. Такихъ *механическихъ* законовъ, которымъ соотвѣтствуютъ подобные историческіе законы, Контъ указываетъ *три*. Первый изъ нихъ законъ *инерціи*, или законъ Кеплера, какъ Контъ его называетъ по его изобрѣтателю: „это частное примѣненіе естественнаго стремленія всѣхъ физическихъ явленій пребывать (*persévérer*) безпредѣльно въ данномъ состояніи, если не проявится какое-нибудь нарушающее ихъ покой вліяніе (*influence perturbatrice*)“. Въ социологіи Контъ сводитъ на этотъ законъ упорное стремленіе всякой политической системы себя увѣковѣчить — мысль, которая играетъ большую роль въ социологіи *Спенсера*. Второй законъ или законъ Галилея, есть законъ *движенія* и касается естественнаго согласованія (*conciliation spontanée*) общаго дви-

женія съ движеніемъ различныхъ его частей. Въ социологiи Конть прибѣгаетъ къ этому закону для выясненія прогресса; если, говоритъ онъ, „соціальный прогрессъ стремится измѣнить внутренній порядокъ какой-нибудь политической системы, то это единственно потому, что, какъ въ механикѣ, это движеніе было недостаточно равномерно въ разныхъ частяхъ, взаимное отношеніе которыхъ вовсе бы не было нарушено болѣе быстрымъ прогрессомъ, въ которомъ однако всѣ элементы участвовали бы съ равнымъ напряженіемъ“. Третій законъ движенія, приписываемый Контомъ Ньютону, заключается въ постоянной эквивалентности между противодѣйствіемъ и дѣйствіемъ (*l'équivalence constante entre la réaction et l'action*), единственный законъ, примѣненіе котораго, по словамъ Конта, ко всѣмъ явленіямъ было, до извѣстной степени и очень смутно, уже ранѣе кое-къмъ предудсмотрѣно *).

Вотъ тѣ основные законы (*lois primordiales*) неорганической природы, которые допускаютъ примѣненіе ихъ—по аналогіи—къ явленіямъ органическимъ и доказываютъ *совпаденіе* или *сближеніе* (*convergence*) между законами всѣхъ областей природы. Конть высказываетъ далѣе увѣренность, что науки посредствующаго физико-механическаго порядка (*les notions intermédiaires*), стоящія между математикой и социологіей, докажутъ въ свою очередь это совпаденіе, т.-е. также дадутъ законы, примѣнимые къ социологiи; но для этого необходимо, чтобы онѣ сами еще подверглись болѣе рациональной обработкѣ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что Конть, придумавшій „иерархію наукъ“, придаетъ такъ мало значенія примѣненію механики къ социологiи, посвящая этому вопросу лишь четыре страницы, касаясь его какъ бы мимоходомъ и обставляя свой выводъ къ тому же разными оговорками; но это объясняется отчасти глубокимъ недоувѣріемъ Конта

*) Критику примѣненія этихъ законовъ къ социологiи см. у Чичерина; Полож. Филос., стр. 319.

къ попыткамъ реального объединенія всѣхъ явленій посредствомъ сведенія ихъ къ одному общему закону,—недовѣрїемъ, которое повидимому внушено Конту фантастической гипотезой Сен-Симона, желавшаго объяснить всѣ міровыя явленія изъ закона притяженія. Въ этомъ недовѣрїи Контъ остается себѣ вѣренъ съ начала до конца. Онъ высказываетъ его на первыхъ страницахъ своего курса положительной философіи; онъ выражаетъ это чувство еще болѣе энергично въ концѣ шестого тома этого сочиненія. Въмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы ослѣпленно искать бесплоднаго научнаго единства, стѣснительнаго и химерическаго, посредствомъ ошибочнаго сведенія всѣхъ явленій къ одному порядку законовъ, человѣческій умъ въ концѣ концовъ будетъ смотрѣть на различные разряды явленій, какъ на имѣющіе свои спеціальныя законы, впрочемъ неизбѣжно сходящіеся (*lois convergentes*) и даже въ извѣстномъ смыслѣ аналогичныя; полнѣйшая гармонія сама собою установится между ними, во-первыхъ, вслѣдствіе ихъ общаго постояннаго подчиненія одному основному методу, затѣмъ вслѣдствіе одинаковаго и солидарнаго ихъ стремленія къ одной существенной цѣли и, наконецъ, въ силу ихъ одновременнаго подчиненія одной общей эволюціи.“

Провозглашеніе закона „трехъ фазисовъ“ у Конта движущимъ принципомъ какъ іерархіи наукъ, такъ и динамики человѣчества обозначало, слѣдовательно, освобожденіе исторіи изъ-подъ зависимости отъ математическихъ и механическихъ законовъ. Но Контъ пошелъ на этомъ пути еще далѣе: онъ призналъ самостоятельность исторіи не только по отношенію къ законамъ неорганическаго міра, но и по отношенію къ законамъ того органическаго міра, надъ которымъ поднялся человѣкъ.

Строгая теорія позитивизма требовала, чтобы „соціологія“ основывалась на результатахъ біологіи, т.-е. чтобы эволюція человѣчества въ исторіи представлялась непосредственнымъ продолженіемъ біологическихъ процессовъ; и Контъ сначала такъ безусловно подчинился этому требо-

ванію, что призналъ исторію человѣчества „второстепенной эволюціей одной изъ животныхъ породъ“. Онъ весьма рѣшительно высказался въ этомъ смыслѣ.

Полное подчиненіе социальныя науки биологіи, говоритъ Контъ, до такой степени безспорно, что никто впредь не дерзнетъ не признавать (*méconnaitre*) этого очевиднаго принципа даже изъ тѣхъ, кто въ примѣненіи мало на него обращаетъ вниманія. „Биологія своими данными должна направлять и поправлять социологію и опредѣлить для нея типъ человѣка, которымъ она должна руководиться“. Такъ какъ, говоритъ Контъ далѣе, социальныя явленія въ своей совокупности не что иное какъ простое развитіе человѣчества, въ продолженіе котораго въ человѣкѣ не возникаетъ никакихъ новыхъ способностей, то дѣйствительныя свойства, которыя социологическое наблюденіе можетъ въ послѣдствіи въ немъ раскрыть, должны находиться, по крайней мѣрѣ уже въ зародышѣ, въ первобытномъ типѣ, — установленномъ биологіей для обузданія заблужденій социолога. Руководящее значеніе этого типа для философіи исторіи основано на „необходимой неизмѣнности человѣческаго организма, всѣ характерныя свойства котораго, какъ физическія, такъ и нравственныя и умственныя, должны оказаться тѣми же самыми на всѣхъ ступеняхъ социальной лѣстницы (т. е. эволюціи), такъ какъ болѣе или менѣе обширное развитіе, которое можетъ доставить имъ социальное состояніе, не въ силахъ когда-либо измѣнить ихъ природы, а слѣдовательно и не въ силахъ ни создать, ни уничтожить какихъ-либо способностей, ни даже нарушить (*intérverser*) ихъ первоначальное взаимное равновѣсіе. Предопредѣленный биологіей типъ человѣка носить по Конту два характерныхъ признака: — „рѣшительное преобладаніе страстей (*des facultés affectives*) надъ способностями умственными и несомнѣнный перевѣсъ инстинктовъ наименѣе возвышенныхъ, наиболѣе эгоистическихъ, надъ самыми благородными наклонностями, имѣющими прямое отношеніе къ общественности (*socialité*)“ Контъ въ особенности энергически ставитъ на видъ, въ

какой степени неблагоприятно для развитія челоѣчества это подавленное состояніе умственныхъ способностей у первобытнаго челоѣвка, тѣмъ болѣе, что всякое напряженіе этихъ способностей вызываетъ у большинства людей „настоящее утомленіе“, которое быстро становится нестерпимымъ; такъ что, какъ говорить Контъ, челоѣкъ по роковому совпаденію (*par une déplorable coïncidence*) въ особенности нуждается именно въ той дѣятельности, къ которой онъ наименѣе способенъ.

А между тѣмъ, какъ выше было упомянуто, общій результатъ эволюціи заключается не только въ улучшеніи матеріальныхъ условій челоѣвка, посредствомъ постояннаго расширенія его вліянія на внѣшній міръ, но и въ особенности въ возрастающемъ преобладаніи характерныхъ признаковъ челоѣчности, отличающихъ ее отъ животности (*animalité*); преобладаніе это состоитъ какъ въ уменьшеніи власти физическихъ инстинктовъ (*appétits*), такъ и въ болѣе возбудженіи различныхъ соціальныхъ инстинктовъ и наконецъ въ постоянномъ подъемѣ умственныхъ способностей, и самыхъ возвышенныхъ. Другими словами, результатъ прогресса заключается въ томъ, что Контъ сначала объявилъ невозможнымъ, а именно, — въ нарушеніи взаимныхъ отношеній различныхъ свойствъ и способностей въ первоначальномъ біологическомъ типѣ челоѣвка. Самъ Контъ былъ принужденъ въ этомъ признаться и оправдываться, причемъ его самопротиворѣчіе выступаетъ еще явственнѣе. Такъ, онъ говоритъ: „общій анализъ нашей соціальной прогрессіи показываетъ съ непреложной очевидностью, что, *несмотря на необходимую неизмѣнность* различныхъ основныхъ расположеній нашей натуры, самая возвышенная изъ нихъ находится въ постоянномъ состояніи *относительнаго* развитія, стремящагося къ тому, чтобы все болѣе и болѣе возвести ихъ въ свою очередь на степень преобладающихъ силъ челоѣческаго бытія, хотя такое *изверженіе* (*inversion*) первоначальнаго отношенія не можетъ и не должно когда-либо оказаться *вполнѣ* осуществленнымъ“. Противорѣчіе—же-

стокое для позитивиста, но его цѣною Конть открылъ въ исторіи идеалистическую перспективу и далъ исторіи идеальную цѣль.

Оторвавъ исторію отъ біологіи по отношенію къ цѣли историческаго процесса, Конть создаетъ для нея и другой методъ, ишетъ для нея другого закона. Его желаніе поставить историческую науку самостоятельно и выставить ее вънцомъ всѣхъ другихъ наукъ такъ сильно, что получаетъ у него перевѣсъ надъ его первоначальнымъ стремленіемъ представить исторію, какъ простую соціальную физику. И первоначальное подчиненіе исторіи низшимъ въ іерархическомъ порядкѣ наукамъ замѣняется наконецъ у Конта требованіемъ, чтобы эти науки подверглись съ своей стороны переработкѣ съ помощью соціологіи. Съ этой точки зрѣнія Конть дѣлаетъ упрекъ главнымъ біологамъ своего времени за то, что они „преувеличиваютъ“ значеніе біологическихъ данныхъ для соціологіи — ошибочный приемъ, который можетъ повести къ совершенному уничтоженію соціологіи, какъ особой науки, и низвести ее на положеніе придатка. „Это великое философское заблужденіе, продолжаетъ Конть, — было особенно замѣтно у знаменитаго Кабаниса, да и самъ Галь отъ него недостаточно уберегся“. Хотя, по мнѣнію Конта, такое отношеніе къ дѣлу не такъ глубоко нераціонально, какъ аналогическое расположеніе большинства физиковъ и химиковъ смотрѣть въ свою очередь на біологію, какъ на простое примѣненіе законовъ неорганическаго міра (*dérivation de la philosophie inorganique*), оно однако не менѣе вредно для успѣховъ человѣческаго ума, такъ какъ, еслибы оно могло сдѣлаться преобладающимъ, то необходимо затормазило бы развитіе соціальной науки. Ибо подъ влияніемъ этого стремленія главное явленіе соціологіи, то, которымъ съ величайшей очевидностью обусловливается ея научная своеобразность, а именно постепенное и непрерывное влияніе человѣческихъ поколѣній одного на другое, — оказалось бы совершенно затемненнымъ. Даже еслибы законы человѣческой природы, пояс-

няеть Контъ, когда-либо сдѣлались болѣе извѣстны, чѣмъ теперь, то и въ этомъ случаѣ дедуктивная способность человѣческаго ума оказалась бы безсильною при объясненіи такихъ сложныхъ явленій, какъ историческія. По отношенію къ первымъ человѣческимъ поколѣніямъ, когда едва обнаруживается социальная эволюція, эта дедукція до извѣстной степени возможна и необходима. „Но какъ скоро социальное движеніе дѣйствительно установилось, послѣдовательное и возрастающее вліяніе предшествовавшихъ поколѣній становится тотчасъ главною причиною постепенныхъ его видоизмѣненій“.

Контъ все болѣе и болѣе утверждался такимъ образомъ въ мысли, что возрастающее вліяніе предшествующихъ поколѣній на послѣдующія есть главный „законъ историческаго движенія“. И онъ пришелъ этимъ путемъ къ убѣжденію, которое и выразилъ въ своей системѣ позитивной политики, что чѣмъ далѣе прогрессируетъ развитіе человѣчества, тѣмъ болѣе живущая часть человѣчества подчинена умершей, такъ какъ „развитіе опредѣляется его совокупностью“. Эта мысль облечена Контомъ въ афоризмъ: „мертвые управляютъ живыми“.

VII.

Изъ предшествующаго вытекаетъ, что за Контомъ слѣдуетъ признать заслугу первой систематической попытки установить законъ прогрессивнаго развитія человѣчества. Насколько выставленный Контомъ законъ удовлетворяетъ философской критикѣ, здѣсь не мѣсто разбирать *): насколько состоятельно его примѣненіе къ самой исторіи у Конта, объ этомъ было говорено выше; но такъ или иначе

*) Вундтъ оспариваетъ у Конта право примѣнять къ закону трехъ фазисовъ этотъ терминъ въ виду того, что законъ долженъ устанавливать причинную связь логически самостоятельныхъ фактовъ и этимъ давать возможность дѣлать заключенія о событіяхъ еще не происшедшихъ; законъ же Конта лишь отвлеченное представленіе, основанное на общихъ психологическихъ соображеніяхъ; это не *причинное* объясненіе, а схематическое изображеніе исторической дѣйствительности. См. Barth, p. 52.

въ историческомъ развитіи пониманія исторіи формула Конта занимаетъ выдающееся мѣсто, и если мы отрѣшимся отъ того примѣненія, которое ей придавалъ Контъ, мы найдемъ въ ней безусловную истину первостепенной важности, а именно, что смѣна міровоззрѣній составляетъ движущую силу исторіи.

Другая заслуга Конта въ томъ, что онъ призналъ (независимо отъ Гердера) исторію человѣчества продолженіемъ эволюціи въ низшихъ сферахъ органическаго міра и обусловленную законами, дѣйствующими въ биологіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ Контъ не принесъ исторіи въ жертву другимъ низшимъ въ іерархическомъ порядкѣ наукамъ, и призналъ за нею самостоятельное и даже преобладающее положеніе, какъ по отношенію къ законамъ въ ней дѣйствующимъ, такъ и по цѣли историческаго процесса. Въ первомъ отношеніи развитіе человѣческой породы обуславливается у Конта особымъ соціологическимъ закономъ, т.-е. свойственнымъ одному человѣческому обществу. Желаніе Конта поставить историческую науку самостоятельно и выставить ее вѣнцомъ всѣхъ другихъ такъ сильно, что получаетъ у него перевѣсъ надъ его первоначальнымъ стремленіемъ представить исторію человѣчества, какъ простую соціальную физику, и первоначальное подчиненіе исторіи наукамъ физическаго міра наконецъ замѣняется у Конта требованіемъ, чтобы всѣ науки подверглись переработкѣ съ помощью соціологіи.

Съ другой стороны, Контъ призналъ за историческимъ процессомъ назначеніе дать перевѣсъ умственнымъ способностямъ человѣка надъ страстями и общественнымъ инстинктамъ надъ эгоистическими, т.-е. историческому процессу приписывается Контомъ цѣль идеалистическая. Это стремленіе Конта привить идеалистическій ростокъ къ стволу позитивизма вовлекло его въ противорѣчіе съ собою, но это противорѣчіе, которое можетъ быть поставлено Конту въ вину какъ несовершенство метода, есть вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство его воззрѣнія на исторію.

Исторія, по Конту, достигаетъ указаннаго имъ результата посредствомъ возрастающаго вліянія предшествующихъ поколѣній на послѣдующія. Развѣ это не такъ? Развѣ зависимость настоящаго отъ прошлаго не обнаруживается все болѣе и болѣе при каждомъ серьезномъ историческомъ изслѣдованіи?

На этой связи поколѣній основана у Конта господствующая идея исторіи—идея *человѣчества*. Въ установленіи тѣснѣйшей связи между ходомъ всеобщей исторіи и понятіемъ *человѣчества* заключается не послѣдняя заслуга динамики Конта. Какъ извѣстно, *человѣчество* стало у Конта въ концѣ его жизни предметомъ *религіознаго* поклоненія, но культъ этотъ восходитъ у него еще къ періоду социологіи и глубоко коренится въ природѣ Конта, вытекая не только изъ его гуманитарныхъ стремленій, но изъ всего склада его ума. Отличительнымъ свойствомъ этого ума была наклонность къ систематизаціи, а эта наклонность была въ тѣснѣйшей связи съ потребностью его ума приводить все къ *единству*. Въ исторіи *человѣческой мысли* можно отмѣтить рядъ людей, у которыхъ потребność приводитъ все къ единству такъ велика, что самое понятіе единства получало въ ихъ глазахъ высокое значеніе и отождествлялось съ *совершенствомъ*; такъ и для Жозефа де Местра единство было „отвлеченнымъ типомъ совершенства“ *).

Какъ у де Местра, такъ и у Конта, это преклоненіе передъ единствомъ играло не малую роль въ ихъ симпатіи къ католицизму и папству. Но и у Конта, какъ у де Местра симпатія къ принципу единства основана не только на личныхъ, но и на теоретическихъ мотивахъ; онъ признаетъ за понятіями объединяющими (*conceptions d'ensemble*) логическое превосходство передъ другими (*suprématie logique*). При такихъ условіяхъ въ глазахъ Конта всѣ современныя представленія (*conceptions modernes*) стремятся слиться въ „великомъ понятіи *человѣчества*“, которое одно только имѣетъ *реальное* значеніе и предъ которымъ исче-

*) Fr. Paulhan. J. de-Maistre. глава III, § 1, l'Unité.

заетъ индивидуумъ, какъ понятіе не реальное, а чисто отвлеченное (pure abstraction.). Отсюда понятно, какое значеніе идея человѣчества. должна была получить у Конта для всеобщей исторіи. Человѣчество является не простымъ агрегатомъ жившихъ на землѣ другъ за другомъ поколѣній. Уже Августинъ ставилъ эти поколѣнія во взаимную, эволюціонную связь, сравнивая человѣчество съ индивидуумомъ, который вѣчно живетъ и потому вѣчно учится. Контъ зналъ эту мысль Августина черезъ Паскаля. Кондорсе расширилъ эту мысль, перенесъ ее изъ области чисто теоретической на практическую и отмѣтивъ благодѣянія, которыя позднѣйшія поколѣнія черпаютъ изъ подвиговъ, совершенныхъ людьми и поколѣніями далекаго отъ нихъ прошлаго; онъ указывалъ, напр., на то, что судьба современнаго человѣчества обусловлена исходомъ битвы при Саламинѣ, а жизнь нашихъ матросовъ, отваживающихся въ море, охраняется тѣми, кто трудился надъ изобрѣтеніемъ и примѣненіемъ компаса. Контъ не остановился на этомъ. Основатель социологіи внесъ въ понятіе о человѣчествѣ представленіе объ *обществѣ*, въ составъ котораго входятъ всѣ людскіе поколѣнія не только прошлыя, но и грядущія. Такимъ образомъ человѣчество представляется Конту не какъ индивидуумъ съ вѣчно расширяющимся умственнымъ горизонтомъ и накопляющимся запасомъ свѣдѣній, а какъ «безпредѣльная и вѣчная социальная единица, различные органы которой, какъ индивидуумы, такъ и націи, соединены узами тѣсной и всеобщей солидарности и содѣйствуютъ осуществленію эволюціи человѣчества». Трудясь надъ достиженіемъ этой «конечной цѣли» «люди всѣхъ временъ» становятся сподвижниками—(coopérateurs). Это сознаніе можетъ внушить каждому изъ нихъ чувство «соціальной непрерывности» (continuité sociale, или, какъ выражается Контъ въ другомъ мѣстѣ—perpétuite sociale). Благодаря этому чувству, «отдѣльный человѣкъ ощущаетъ свою тѣсную связь (intime liaison) съ совокупностью человѣческой породы—настоящей, прошлой и будущей».

Такое возрѣніе, благотѣльно дѣйствуя на энергію индивидуума и побуждая его отдаться служенію великаго цѣлаго, въ то же время становится источникомъ обновленія исторической науки: всеобщая исторія получаетъ новое этическое и социальное призваніе: она «должна дополнить общепринятое представленіе о солидарности индивидуумовъ и современныхъ народовъ другимъ болѣе *благороднымъ и совершеннымъ понятіемъ о единствѣ челоуѣчества* (unité humaine), представляя различныя чередующіяся поколѣнія челоуѣчества также содѣйствующими *одной и той же конечной цѣли*, постепенное осуществленіе которой требуетъ со стороны каждаго изъ нихъ опредѣленнаго участія». Приведенный сейчасъ образчикъ обычной фразеологіи Конта заключаетъ въ себѣ глубокую мысль. Контъ хочетъ сказать, что исторія должна сдѣлаться средствомъ развитія въ людяхъ социальнаго инстинкта, что она должна «поставить себѣ цѣлью подчинить, насколько это возможно, личные инстинкты постоянному упражненію инстинктовъ социальныхъ», (IV, 630). — «Эта новая форма социальнаго чувства, говоритъ Контъ въ другомъ мѣстѣ, ставъ сначала удѣломъ избранныхъ умовъ, можетъ впослѣдствіи сдѣлаться достояніемъ — съ меньшей интенсивностью — совокупности интеллигенцій, по мѣрѣ того, какъ общіе результаты социальной физики получать достаточное распространеніе.» (IV, 457).

Отсюда видно, что Контъ связалъ съ своимъ именемъ новое и плодотворное, хотя и не вполне послѣдовательно проведенное, возрѣніе на исторію, представляющее ее цѣльнымъ и единымъ процессомъ, увѣчаннмъ въ своемъ конечномъ результатѣ этическимъ, социальнымъ понятіемъ.

Но не въ одной теоретической области слѣдуетъ искать положительныхъ итоговъ размышленій Конта объ исторіи; ихъ можно отмѣтить и въ области исторіографіи и историческаго изслѣдованія, хотя самъ Контъ свои вѣрныя взгляды къ дѣлу мало примѣнялъ. Прежде всего отмѣтимъ великое значеніе, которое Контъ придаетъ идеальнымъ факторамъ исторіи—идеямъ и міровозрѣніямъ. Виновникъ по-

зитивизма, ставящій себѣ въ заслугу, что онъ выводитъ мысль изъ области неопредѣленной отвлеченности (*vagues idéalités*) на почву неоспоримой реальности, въ особенности подчеркиваетъ положеніе, что надъ исторіей человѣческаго общества господствуетъ исторія человѣческаго духа. Въ силу этого, по Конту, общая исторія человѣческаго духа должна служить естественнымъ и постояннымъ руководителемъ всякаго историческаго изученія человѣчества. Въ этомъ отношеніи, продолжаетъ Контъ, самыя общія и самыя отвлеченныя идеи (*conceptions*) заслуживаютъ наибольшаго вниманія. Итакъ, основнымъ принципомъ всякаго правильнаго историческаго анализа должно быть соответствующее каждой эпохѣ міровоззрѣніе (*les opinions humaines relatives à l'ensemble des phénomènes quelconques*), однимъ словомъ—исторія философіи, какой бы ни былъ характеръ ея системы—религіозный, метафизическій или позитивный. Другое существенное для научной исторіи указаніе Конта заключается въ эволюціонномъ принципѣ, котораго онъ держался въ оцѣнкѣ міровоззрѣній. Во имя позитивизма Контъ вооружается противъ „философіи по существу абсолютной, не позволявшей представлять себѣ истину безъ вѣчности (*vérité sans l'immutabilité*); на мѣсто такого представленія „здравая философія“ позитивизма вводитъ понятіе объ „относительномъ“ значеніи идей и міровоззрѣній прошлаго. Этой „здравой философіи должно быть чуждо безразсудное преувеличеніе превосходства современнаго разума, представлявшее большинство прежнихъ убѣжденій человѣчества, какъ выраженіе какого-то хроническаго состоянія умственнаго помѣшательства, продолжавшагося до послѣднихъ вѣковъ“. Въ противоположность такому взгляду на дѣло Контъ приписываетъ своему „трактату“ заслугу, что онъ представилъ въ немъ въ совершенно новомъ свѣтѣ не только научныя теоріи, возникавшія послѣдовательно въ области отдѣльныхъ наукъ, но и вѣрованія монотеистическія, политеистическія и фетишистскія, „наиболѣе несомѣстныя съ современнымъ просвѣщеніемъ“. Контъ видитъ

въ нихъ „для эпохи ихъ возникновенія и еще долго спустя лучшія системы, совмѣстныя съ соотвѣтствующимъ состояніемъ человѣческаго развитія и наименѣе несовершенное приближеніе, тогда возможное, къ истинѣ, къ которой мы теперь лишь ближе стоимъ, хотя по нашей природѣ никогда не въ состояніи подойти“.

Выразившаяся въ этихъ словахъ точка зрѣнія на явленія прошлаго, какъ на звенья необходимой эволюціи, можетъ служить прочнымъ основаніемъ для научнаго изученія прошлаго. Но чтобы историкъ не сходилъ съ этого основанія, ему необходимо извѣстное объективное настроеніе. И въ этомъ отношеніи мы можемъ отмѣтить у Конта указанія цѣнныя, хотя онъ самъ имъ далеко не всегда слѣдовалъ. Такъ, онъ требуетъ отъ историка „плетета“ къ прошлымъ поколѣніямъ, основаннаго на ощущеніи непрерывности общественной связи. Контъ возводитъ это чутье даже на степень общественной потребности, находя, что это „существенное уваженіе къ нашимъ предкамъ необходимо для нормальнаго состоянія общества“. Съ другой стороны, онъ требуетъ при анализѣ общественныхъ явленій какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ той «благоразумной научной снисходительности» (*sage indulgence*), которая даетъ способность лучше оцѣнить и даже легче уловить истинную историческую филиацію событій», не исключая, какъ онъ прибавляетъ, въ случаѣ нужды, ни строгаго осужденія, ни убѣжденія въ возможности самаго дѣятельнаго вмѣшательства со стороны человѣка въ теченіе событій.

Самъ Контъ не разъ примѣнялъ, какъ мы видѣли, въ своей динамикѣ и эволюціонную точку зрѣнія, и снисходительное отношеніе къ событіямъ. Въ особенности это замѣтно въ пониманіи и оцѣнкѣ средневѣковаго католицизма. Нельзя сказать того же по отношенію къ другому крупному фактору французской исторіи, къ революціи 1789 года. Однако и здѣсь Контъ содѣйствовалъ подготовленію болѣе научнаго взгляда на предметъ, но содѣйствовалъ этому не объективностью и мудрою снисходительностью, а

наоборотъ, противоположными свойствами — своимъ страстнымъ и безусловнымъ осужденіемъ „метафизическихъ“ принциповъ 1789 года. Дѣло въ томъ, что пока эти принципы были предметомъ культа, пока они стояли выше всякой критики, былъ невозможенъ научный анализъ событій, которыя изъ нихъ выводились. Пока, наприм., безусловное равенство признавалось общественнымъ и культурнымъ идеаломъ, имъ можно было оправдывать весь ходъ событій отъ 17 июня 1789 г. до заговора Бабёфа. Иначе отнесся Контъ къ этому принципу. — Неравенство представлялось Конту необходимымъ условіемъ всякой взаимной солидарности, на принципѣ которой построено общество. „Какія бы пустыя представленія о равенствѣ въ обществѣ ни были въ ходу въ наше время, всякое общество, даже самое маленькое, предполагаетъ не только различія, но даже и неравенство въ чемъ-либо; — не можетъ быть настоящаго общества безъ постоянного содѣйствія общей цѣли *различными, подчиненными другъ другу средствами*“. Принципъ равенства находится въ двойномъ противорѣчій съ соціологіей Конта: съ нимъ немыслима ни статика его, ни его динамика. Онъ *несовмѣстимъ* ни съ понятіемъ *объ обществѣ*, ни съ *понятіемъ эволюціи*. Въ первомъ отношеніи Контъ исходитъ изъ соображенія, что прототипомъ общества является семья, но семья основана на *неравенствѣ членовъ*, на различіи *половъ* и подчиненіи *возрастовъ*. Съ большой теплотой и искренностью написаны страницы, на которыхъ Контъ отстаиваетъ семью противъ нападеній софистовъ (*la hache métaphysique*); но съ неравенствомъ, присущимъ семьѣ, этотъ принципъ вводится въ самое общество.

Если же равенство не допускаетъ „никакой реальной организации“, т. е. порядка, то оно *не согласно и съ принципомъ эволюціи*, ибо «всякое свободное развитіе (*essor*) по необходимости вызываетъ какое-либо неравенство, умственное или нравственное, такъ что для поддержанія *уровня* необходимо останавливать (*comprimer*) эволюцію» *).

*) Pol. Pos. I, 378.

Сынъ XVIII вѣка, Контъ становится непримиримымъ и несправедливымъ врагомъ его рационализма; но нельзя не признать, что это враждебное настроеніе сдѣлало во Франціи возможною критику рационалистической революціи;—позитивизмъ сталъ исходной точкой Тэна, положившаго прочное начало критической исторіи французской революціи съ точки зрѣнія соціологической.

VIII.

Изображеніемъ историческаго движенія человѣчества—*динамикой* Конта—не исчерпывается значеніе его соціологіи для историковъ; намъ предстоитъ оцѣнить и значеніе его статикъ. Правда, мы въ этомъ отношеніи можемъ быть кратки, такъ какъ она у самого Конта уступаетъ первое мѣсто *динамикѣ* не только по объему, но и по значенію. „Динамическая сторона соціологіи,—говоритъ Контъ, будетъ занимать насъ почти исключительно“; по отношенію же къ соціальной статикѣ онъ считаетъ достаточнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Дѣйствительно, то, что мы находимъ о статикѣ у Конта, не болѣе какъ эскизъ (*ébauche*), въ которомъ даже нигдѣ нѣтъ опредѣленія понятія *общества*, составляющаго предметъ соціологіи *). Къ тому же между статикой и динамикой Конта существуетъ несоотвѣтствіе понятій. Статика Конта имѣетъ, по его опредѣленію, задачей указать условія существованія общества, соотношеніе его составныхъ частей, динамика—*видоизмѣненіе* этихъ условій и отношеній, или жизненное движеніе общества вообще. Между тѣмъ статика и динамика Конта, относятся къ разнымъ предметамъ: статика къ существовавшимъ и существующимъ обществамъ, динамика—къ *человѣчеству*, разсматриваемому въ исторической жизни. Статика Конта, какъ ученіе о законахъ, опредѣляющихъ состояніе

*) Поэтому Lietz. Die Probleme im Begriff der Gesellschaft bei Comte. Iena, 1891,—сдѣлалъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ и дать на основаніи разбросанныхъ замѣчаній Конта опредѣленіе общества по Конту. Самое опредѣленіе поэтому весьма мозаично и расплывчато (стр. 58).

отдѣльныхъ обществъ, не сопровождается соотвѣтствующей динамикой, т.-е. ученіемъ о законахъ, которые опредѣляли бы видоизмѣненіе состоянія отдѣльныхъ обществъ. Динамика же Конта не имѣетъ и не могла имѣть соотвѣтствующей статики, такъ какъ человѣчество въ дѣйствительности еще не составляетъ *общества* и лишь въ идеалѣ можетъ быть подведено подъ это понятіе. Такимъ образомъ статика Конта осталась безъ динамики, а динамика его не имѣетъ подъ собою статики. Притомъ эти два понятія у него и логически не однородны: статика, которую мы у него находимъ, представляетъ собою, по установленной имъ терминологіи, науку отвлеченную; динамика же, которую онъ даетъ, скорѣе подходитъ къ типу науки описательной.

Тѣмъ не менѣе и статика Конта представляетъ не мало интереса для историка. Прежде всего заслуживаетъ вниманія самое понятіе *статики*. Примѣняя его къ обществу, Контъ вноситъ въ разсыпчатое представленіе индивидуалистической философіи объ обществѣ *устойчивость*, т.-е. открываетъ существенную сторону предмета, совершенно ускользавшую отъ вниманія тѣхъ, кто, по Локку и Руссо, видѣлъ въ обществѣ лишь основанное на добровольномъ договорѣ соединеніе свободныхъ и разумныхъ существъ. Не даромъ Контъ приводилъ дуализмъ своей статики и динамики въ связь съ дуализмомъ основныхъ принциповъ политики—порядкомъ и прогрессомъ. Прогрессъ сталъ, какъ мы видѣли, у Кондорсе любимымъ принципомъ политической философіи: Контъ точнѣе опредѣлилъ его, указавъ, что прогрессъ есть лишь поступательное видоизмѣненіе извѣстнаго *порядка*, т.-е. что онъ обуславливается этимъ порядкомъ и естественными законами, на которыхъ зиждется этотъ порядокъ. Статическое изученіе соціальной организациі, говоритъ Контъ, должно совпадать съ теоріей порядка, которая можетъ состоять лишь въ правильной гармоніи между условіями существованія обществъ.

Вводя въ представленіе объ обществѣ понятіе о *порядкѣ* вообще, или объ извѣстномъ порядкѣ, Контъ порываетъ съ

раціонализмомъ въ политикѣ. Совершенный имъ переломъ имѣеть въ историческомъ отношеніи такое же значеніе, какое имѣеть появленіе *исторической школы*, возникшей ранѣе Конта, но ему неизвѣстной. Оба направленія,—и контизмъ, и историческая школа,—имѣють много родственнаго въ томъ, что хотятъ замѣнить искусственныя построенія политическаго рационализма конкретными, взятыми изъ жизни представленіями, съ тою разницей, что историческая школа обращается за ними къ исторіи, Контъ—къ наблюденію; историческая школа больше занята объясненіемъ генезиса явленій, расчлененіемъ генетическаго процесса, Контъ—анализомъ общественныхъ явленій; историческая школа исходитъ изъ понятія о *народѣ*, Контъ—изъ понятія объ *обществѣ*; первая исходитъ изъ народнаго духа и въ немъ видитъ источникъ политическаго творчества, второй ищетъ *естественныхъ законовъ* (*lois naturelles*) и старается свести къ нимъ общественныя явленія.

Порядокъ и согласіе, утверждаетъ Контъ, возможны лишь при условіи подчиненія (*subordinations*) общественныхъ явленій естественнымъ законамъ, совокупность которыхъ ограничиваетъ (*circonscriit*) для каждой эпохи предѣлы и характеръ политическаго воздѣйствія. Мы выше приписывали Конту понятіе *устойчивости* общества; самаго выраженія мы у него не находимъ, вѣроятно, по недостатку во французскомъ языкѣ термина, соотвѣтствующаго этому прекрасному и гибкому слову (*stabilité?*) Но, выражая свою мысль, Контъ постоянно настаиваетъ на томъ, что общественныя явленія не безгранично видоизмѣняемы (*modifiables*). Онъ протестуетъ противъ мнѣнія, представляющаго себѣ родъ человѣческой лишеннымъ всякаго внутренняго или собственнаго побужденія (*impulsion spontanée*) и всегда готовымъ пассивно подвергнуться вліянію законодателя, духовнаго или свѣтскаго. Въ виду этого Контъ неумолимо ратуетъ противъ представленія о великомъ законодателѣ, который былъ идеаломъ и иллюзіей XVIII в., но съ точки зрѣнія позитивизма приравняется богословскому представ-

ленію о провидѣніи. Въ глазахъ Конта „главныя стремленія человѣчества (общества) облечены величественнымъ авторитетомъ, къ которому всякій законодатель долженъ относиться съ уваженіемъ, тогда какъ вѣра въ неограниченную мощь политическихъ комбинацій представляетъ человѣчество пассивнымъ автоматомъ, которымъ управляютъ абсолютно мощные и произвольно дѣйствующіе провидѣніе или законодатель“. Съ этой точки зрѣнія Контъ такъ настаиваетъ, слѣдуя Сен-Симону, на возможности *предвидѣть* грядущее — savoir, s'est prévoir,—въ которой Контъ усматриваетъ признакъ (critérium) позитивности какъ во всѣхъ прочихъ наукахъ, такъ и въ социологіи. Самая мысль о *предвидѣніи* въ области общественныхъ явленій,—въ предѣлахъ, сообразныхъ съ ихъ большею сложностью,—предполагаетъ, по выраженію Конта, что человѣческій умъ покинулъ область метафизическихъ идеальностей, чтобы утвердиться на почвѣ наблюдаемыхъ реальностей, подчиняя воображеніе наблюденію.

Другое понятіе, которое Контъ вноситъ въ представленіе объ обществѣ,—понятіе *взаимной связи* (consensus) и синонимическія выраженія *harmonie* и *solidarité*. Понятіе consensus, по Конту, присуще вездѣ, гдѣ есть какая-либо система. Сама астрономія въ своихъ чисто механическихъ явленіяхъ представляетъ первое проявленіе (ébauche) этой взаимной связи, ибо на самомъ дѣлѣ всякія нарушенія правильности движенія одного небеснаго тѣла вызываютъ пертурбаціи въ другомъ. „Consensus“ становится тѣмъ глубже и явственнѣе, чѣмъ болѣе сложны и менѣе общи явленія. Поэтому consensus является характерной чертой всѣхъ явленій въ области живыхъ существъ (corps vivants) и въ высшей степени проявляется въ социальной жизни. Контъ указываетъ въ этомъ отношеніи на тѣсную связь между науками и художествами, которая такова, что знакомство съ состояніемъ одной части позволяетъ опредѣлить состояніе каждой другой. Онъ приводитъ въ примѣръ заблужденія ученыхъ о мнимыхъ познаніяхъ древнихъ египтянъ въ астрономіи, обнаруженныя указаніемъ на слабое развитіе въ древнемъ

Египтъ отвлеченной геометріи, обусловливающей собою успѣхи въ астрономіи. Въ такомъ же соотношеніи находятся и всѣ части соціальной системы, въ виду чего статика, — эта анатомія общежитія, — должна имѣть предметомъ опытное и правильное изученіе (*rationelle*) общественныхъ дѣйствій и взаимныхъ воздѣйствій. Такая же гармонія всегда устанавливается (*tend à s'établir*) между цѣлымъ и частями соціальной системы и между учрежденіями и данной ступеню цивилизаціи. Политическія учрежденія, нравы и идеи всегда состоятъ въ зависимости другъ отъ друга (*sont toujours solidaires*).

Представленіе о солидарности побуждаетъ Конта къ сопоставленію человѣческаго общества съ животнымъ организмомъ. Біологія, говоритъ онъ, указываетъ, что возрастающее усовершенствованіе организмовъ состоитъ преимущественно въ проявленіи все большей и большей специализаціи различныхъ функций, совершаемыхъ органами все болѣе и болѣе различающимися другъ отъ друга, и тѣмъ не менѣе состоящими во взаимодействіи (*solidaires*). Въ этомъ заключается существенное свойство нашего соціального организма и главная причина его преимущества передъ всякимъ индивидуальнымъ организмомъ. Возможно ли на самомъ дѣлѣ представить себѣ во всей совокупности явленій природы болѣе чудесное зрѣлище какъ это постоянное согласіе безчисленныхъ индивидуумовъ, обладающихъ каждый отдѣльнымъ и до извѣстной степени независимымъ существованіемъ и тѣмъ не менѣе всегда расположенныхъ, несмотря на различіе въ талантахъ и особенно въ характерѣ, содѣйствовать добровольно, самими различными способами, — одному общему развитію, обыкновенно не сговорившись между собой и чаще всего не зная другъ друга и полагая, что они повинуются лишь личнымъ побужденіямъ? Таковъ, по крайней мѣрѣ, научный идеаль этого явленія, отрѣшеннаго отъ столкновеній, неразлучныхъ съ такимъ сложнымъ организмомъ.

Читатель, знакомый съ дальнѣйшей литературой соціоло-

гій, долженъ быть пораженъ умѣренностью, съ какой Конть относится къ аналогіи между организмъ и обществомъ, доводимой такъ часто другими до крайности. Причину этой умѣренности нужно искать въ преимуществѣ (*supériorité*), которое Конть отдаетъ обществу передъ организмъ. Преимущество это мотивируется Контомъ тѣмъ, что онъ усматриваетъ въ обществѣ дальнѣйшее возрастаніе какъ раздѣленія труда, такъ и взаимодѣйствія (кооперации) по мѣрѣ того, какъ общество усложняется. Но хотя Конть въ этомъ и не сознается, есть и другая причина, которая побуждала его ставить общественный организмъ выше животнаго: это—симпатія, связывающая между собою членовъ общества, и нравственный характеръ этой связи. Правда, Конть признаетъ семью очагомъ и школою симпатическихъ инстинктовъ; въ обществѣ же преобладаетъ сознание кооперации, и инстинктъ симпатіи уже не можетъ составлять главной связи, хотя человекъ и способенъ *любить* тѣхъ, съ кѣмъ онъ состоитъ въ взаимодѣйствіи (*ses coopérateurs*), какъ бы многочисленны и далеко отъ него они ни были; но это чувство, развивающееся подъ вліяніемъ ума, не достаточно сильно, чтобы быть руководящимъ въ общественной жизни. Еслибы даже, продолжаетъ Конть, цѣлесообразное упражненіе и могло бы достаточно развить совокупность социальныхъ инстинктовъ, умственная посредственность большинства людей мѣшала бы имъ составить себѣ настолько ясное представленіе объ отношеніяхъ, чуждыхъ ихъ ежедневнымъ интересамъ, чтобы оно могло послужить побужденіемъ для симпатіи. И тѣмъ не менѣе Конть потомъ говоритъ: анализъ общества долженъ быть основанъ на принципѣ кооперации, но возникновеніе и прочность общества невозможны безъ содѣйствія симпатическаго инстинкта, который, кромѣ того, обладаетъ свойствомъ придавать всѣмъ дѣйствіямъ социальной жизни необходимую нравственную прелесть (*charme moral*).

Понятіе о симпатическихъ инстинктахъ и ихъ общественной роли Конть получилъ отъ шотландской школы мора-

листовъ и очень имъ дорожилъ. Расположеніе къ систематикѣ побудило Конта приурочить этотъ инстинктъ къ семьѣ и слишкомъ подчинить его кооперативному принципу въ общественной жизни. Но это, кромѣ того, обусловливается пробѣлами статики Конта, которая не знаетъ никакихъ посредствующихъ звеньевъ между семьей и обществомъ, никакихъ церковныхъ, сословныхъ или мѣстныхъ союзовъ. При централизаціи, которой подверглось французское общество,—это и не мудрено. При другихъ условіяхъ Контъ вѣроятно бы допустилъ, что не только семья, но и мѣстныя ассоціаціи: городъ, провинція представляютъ питомникъ социальныхъ инстинктовъ.

Однако, какимъ бы скуднымъ намъ ни представлялось въ настоящее время выставленное Контомъ понятіе объ *обществе*, къ нему нужно приложить историческую мѣрку: это значитъ, что его нужно противопоставить господствовавшимъ въ XVIII в. индивидуалистическимъ представленіямъ объ этомъ предметѣ и помнить, что Контовское представленіе стало исходнымъ пунктомъ для современной науки объ обществѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Контовскую статику нужно признать обогащеніемъ исторической науки.

Но это еще не все: представленіе Конта объ обществѣ оказалось плодотворнымъ еще и въ другой области понятій, весьма важной для исторіи—въ этикѣ. Отправляясь отъ общества и изучая его значеніе для развитія нравственныхъ понятій и стремленій человѣка, Контъ сдѣлался однимъ изъ основателей соціальной этики.

IX.

Со времени возрожденія классической древности можно прослѣдить попытки создать новую, свѣтскую этику помимо религіозной морали, или даже въ противоположность ей. Это послѣднее направленіе особенно ошутительно во французской философіи XVIII вѣка. Вступивъ въ ожесточенную борьбу съ католицизмомъ, „философы“ стали отстаивать, на-

перекоръ аскетизму, т.-е. принципу отреченія отъ своего я, эгоизмъ. Тогда какъ въ христіанствѣ мораль обуслови-
 валась побѣдою надъ эгоизмомъ, матеріалистическая школа
 въ философіи XVIII вѣка вздумала положить эгоизмъ въ
 основаніе новой морали. По ученію Гельвеція, всѣ люди по
 своей природѣ стремятся къ личному счастью; борются
 противъ этого эгоизма бесполезно и даже опасно; поэтому
 людей можно сдѣлать добродѣтельными лишь однимъ спо-
 собомъ—согласованіемъ личнаго интереса съ общимъ; а это
 дѣло политики. Отсюда слѣдуетъ, какъ думаетъ Гельвецій,
 что этика станетъ наукою бесплодною (science frivole), если
 не сольется съ политикою.

Итакъ, въ этомъ ученіи моральный принципъ подвергается
 полному отрицанію, фактическая же мораль держится
 на утилитаризмѣ. Исходя изъ этого принципа, другіе писа-
 тели XVIII вѣка старались довести утилитарную мораль до
 тождества съ христіанскою моралью, или, другими словами,
 свести христіанскую мораль къ утилитаризму. У Волнея само-
 сохраненіе есть законъ природы, но оно осуществимо
 лишь подъ условіемъ справедливости къ другимъ: не при-
 чиняя ближнему того зла, которое ты не желаешь потер-
 пѣть отъ него. Христіанская любовь, по мнѣнію Волнея,
 въ сущности не что иное какъ эта справедливость, только
 съ положительнымъ оттѣнкомъ: оказывая ближнему то доб-
 ро, которое ты желалъ бы получить отъ него. Христіан-
 скій принципъ любви къ ближнему здѣсь допускается; но
 онъ подчиненъ принципу личнаго эгоизма, не долженъ вы-
 ходить за его предѣлы. Въ виду этого Волней отвергаетъ
 предписаніе подставить щодъ ударъ и другую ланиту. Съ
 этой точки зрѣнія еще и Дестю де Траси признаетъ хи-
 мерическимъ и чрезмѣрнымъ предписаніе любить ближняго
 какъ самого себя и предпочитаетъ ему формулу евангели-
 ста Іоанна: „любите другъ друга“.

Подъ влияніемъ этого течения мыслей сложилось моральное
 ученіе Сен-Симона, послужившее точкой отправления для
 Конта.

Для Сен-Симона мораль приобретает значение гораздо болѣе важное, чѣмъ она имѣла для философовъ XVIII вѣка. Ему нужно приписать заслугу, что для него мораль стала крупнѣйшимъ общественнымъ вопросомъ, важность котораго онъ сравниваетъ со значеніемъ плотинъ для Голландіи;—это, по его словамъ, единственная плотина, которую собственники могутъ противопоставить пролетаріату.

Но какая же мораль сослужитъ эту услугу?

Сен-Симонъ далекъ отъ вражды *энциклопедистовъ* къ христіанству; онъ, напротивъ, приходитъ въ восторгъ отъ христіанской морали; по его словамъ, было бы бессмысленно и несправедливо отрицать, что христіанство представляетъ въ области морали великій успѣхъ. Но Сен-Симонъ не считалъ возможнымъ на немъ остановиться по двумъ причинамъ: новому времени нужна мораль не небесная, а земная, и эта земная мораль должна исходить изъ научныхъ или *положительныхъ* основъ.

Одно время Сен-Симонъ мечталъ вывести мораль изъ того же всемірнаго закона притяженія, которымъ онъ хотѣлъ все объяснить.

Онъ рассчитывалъ, такимъ способомъ, основать мораль на опытѣ. Но, затѣмъ, онъ призналъ основаніемъ морали принципъ: „все, что полезно для породы, полезно и для индивидуума, и все, что полезно индивидууму, полезно и для породы“. Этотъ принципъ можно было, по его мнѣнію, продемонстрировать; поэтому Сен-Симонъ потребовалъ учрежденія особой кафедры морали, профессоръ которой долженъ былъ объяснить, какимъ образомъ всякій индивидуумъ, какое бы онъ ни занималъ положеніе въ обществѣ, могъ бы привести въ согласіе собственный интересъ съ общественнымъ. Этимъ путемъ мораль сдѣлалась бы общественной наукою и основаніемъ народнаго просвѣщенія. Она стала бы важнѣйшимъ вопросомъ для правительства и средствомъ поддерживать общественный порядокъ, такъ какъ лишь невѣжество вызываетъ смуты. вмѣстѣ съ тѣмъ обученіе морали перешло бы изъ рукъ духовенства къ ученымъ, которые

вслѣдствіе этого слѣдвали бы руководящимъ классомъ и стали бы завѣдывать воспитаніемъ народа.

Но Сен-Симонъ на этомъ не остановился,—къ его утилитаризму присоединилась съ 1821 года филантропія: его „система индустріи“ снабжена эпитафой: „любите другъ друга и помогайте другъ другу“. Всѣ общественныя реформы, которыя должны обезпечить народу пропитаніе и просвѣщеніе, въ глазахъ Сен-Симона лишь послѣдствія принципа: „любите другъ друга“. Филантропическій принципъ скоро получилъ перевѣсъ надъ утилитарнымъ и Сен-Симонъ сталъ настаивать на томъ, чтобы филантропія поборола эгоизмъ. Наконецъ, путемъ филантропіи мораль привела Сен-Симона къ христіанству. Этому содѣйствовала также потребность, все сильнѣе имъ ощущаемая, положить въ основаніе соціальнаго преобразованія *религію*. Такъ, возникло *новое христіанство* Сен-Симона, предназначенное направить общество къ великой цѣли „наивозможно быстрого улучшенія участи бѣднѣйшаго класса“ и имѣвшее эпитафой слова апостола Павла: „Тотъ, кто любитъ другихъ, исполнилъ законъ. Все заключаеся въ этомъ словѣ: люби ближняго, какъ самого себя“. Сочиненіе это осталось неоконченнымъ, и послѣднія слова, написанныя Сен-Симономъ, представляютъ воззваніе—приложить всѣ силы, чтобы „увеличить какъ можно быстрѣе соціальное благополучіе бѣдняка“ *).

Таковы данныя, съ которыми имѣлъ дѣло Контъ: онъ внесъ въ нихъ систему и объединилъ ихъ идеей эволюціи. Нравственный прогрессъ проявился, по Конту, уже въ эпоху политеизма, хотя въ это время развитіе этики задерживалось рабствомъ и смѣшеніемъ властей. Рабство препятствовало нравственному подъему личности какъ у рабовъ, такъ и у господъ и подрывало семью, а въ области соціальной морали было вредно потому, что поощряло чувство жестокости.

Смѣшеніе властей, т.-е. отсутствіе руководящаго духов-

*) G. Weill. Saint-Simon et son Oeuvre, гл. X.

наго класса, имѣло послѣдствіемъ подчиненіе нравственнаго интереса политикѣ. Этика древнихъ была поэтому окрашена воинственнымъ духомъ.

При всемъ этомъ Контъ отмѣчаетъ слѣдующіе успѣхи античной морали: установленіе въ области личной морали различныхъ полезныхъ предписаній относительно образа жизни; въ дѣлѣ семейной морали классическая древность, правда, не распознала ея важности, какъ посредницы между личной и социальной моралью, но тѣмъ не менѣе ей принадлежитъ заслуга установленія моногаміи; въ области социальной классическая древность довела до высшей степени развитія любовь къ отечеству.

Эти замѣчанія уже отгѣняютъ взглядъ Конта на успѣхи морали въ эпоху монотеизма, который у него отождествляется съ католицизмомъ. Установленіе морали, по словамъ Конта, главное назначеніе католицизма. Заслуга католицизма въ томъ, что онъ далъ преобладаніе моральнымъ интересамъ въ общежитіи; мораль чисто-военная и національная, всегда подчиненная политикѣ, характеризующая древность, была преобразована въ смыслѣ морали мирной.

По поводу нравственного значенія католицизма Контъ дѣлаетъ оговорку въ пользу роли, которую игралъ въ этомъ отношеніи феодализмъ, и старается объяснить нравственное вліяніе католицизма не доктриной его, а организацией, основанной на раздѣленіи духовной и свѣтской власти. Контъ считаетъ возможнымъ подтвердить это мнѣніе ссылкой на Византію, бесплодную въ нравственномъ отношеніи, не смотря на полное сходство съ католицизмомъ въ доктринѣ.

Возрожденіе нравственности, которое, по словамъ Конта, совершилъ или, по крайней мѣрѣ, началъ (*ébauché*) католицизмъ, обуславливалось тѣмъ, что онъ отвелъ этикѣ первое мѣсто между всѣми потребностями человѣчества. Свое этическое ученіе католицизмъ облекъ въ этическіе *типы*, предназначенные не для того, чтобы по нимъ формулировать требованія практической жизни, но чтобы указать предѣлы, всегда болѣе или менѣе идеальные, къ которымъ лю-

дямъ надлежитъ приближаться какъ можно болѣе Философскій инстинктъ побудилъ католицизмъ представить эти этическіе типы не въ отвлеченныхъ, а въ конкретныхъ образахъ.

Всѣ отрасли морали были усовершенствованы католицизмомъ. Личныя добродѣтели онъ справедливо признавалъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, такъ какъ онѣ представляютъ собою самое естественное поприще для развитія власти разума надъ страстями,—условіе всякаго нравственнаго совершенствованія. Подъ эту точку зрѣнія Контъ подводитъ здѣсь и аскетическія добродѣтели, признавая ихъ, несмотря на ихъ *искусственность*, полезными для нравственнаго воспитанія. Притомъ личныя добродѣтели получили въ католицизмѣ социальное значеніе. Контъ указываетъ въ этомъ отношеніи на проповѣдь смиренія, которую онъ признаетъ полезною не для одной только эпохи средневѣковой гордыни и угнетенія.

Контъ ставитъ кромѣ того въ заслугу католической морали, по сравненію съ античной, осужденіе самоубійства,—замѣчаніе, заслуживающее вниманія въ виду совершенной самимъ Контомъ во время его болѣзненнаго состоянія попытки самоубійства.

Въ обзорѣ динамики мы уже упоминали о значеніи, которое Контъ придавалъ католицизму въ дѣлѣ усовершенствованія семейной морали и социальной; въ послѣдней области чувство всеобщаго братства было *популяризировано* подъ симпатичнымъ названіемъ любви (*charité*). Во имя этой любви Европа покрылась замѣчательными учреждениями, неизвѣстными древности, предназначенными для смягченія челоуѣческихъ бѣдствій. Контъ прибавляетъ, что эта любовь служила наилучшимъ средствомъ противодѣйствія присущему общественному состоянію несовершенству по отношенію къ неравномѣрному распредѣленію богатствъ.

Нравственнымъ воздѣйствіемъ католицизма оканчивается для Конта развитіе этики. Эпохи протестантизма и „метафизики“ представляютъ и въ этомъ отношеніи для Конта

лишь отрицательные результаты. Въ особенности онъ неудовлетворенъ утилитаризмомъ. Подобно тому, какъ въ политикѣ онъ отвергалъ „лжеученіе“, объяснявшее происхожденіе общества пользою, которую каждый изъ него извлекаетъ, такъ Контъ еще болѣе вооружается противъ утилитарнаго принципа, какъ основы морали. Въмѣсто утилитаризма Контъ ищетъ исходную точку для морали — въ біологіи. Послѣдняя представляетъ намъ человѣка въ началѣ его исторической жизни со слабымъ развитіемъ умственныхъ способностей и съ сильно развитыми страстями. Контъ на это не жалуется; при естественномъ нерасположеніи человѣка къ умственному труду только сильныя страсти могутъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ напряженію ума. Далѣе Контъ выводитъ изъ этой же „основанной на наблюденіяхъ“ біологіи, что въ человѣкѣ инстинкты наиболѣе эгоистическіе и наименѣе благородныя преобладаютъ надъ болѣе благородными социальными склонностями.

Такимъ образомъ, эгоизмъ является у Конта не только нормальнымъ свойствомъ человѣка, но и необходимымъ средствомъ его дальнѣйшаго моральнаго и социальнаго развитія. Но Контъ въ то же время осуждаетъ писателей XVIII вѣка, сводившихъ нравственную природу человѣка къ эгоизму, и противопоставляетъ имъ шотландскую школу моралистовъ, опровергнувшихъ теорію эгоизма, какъ источника морали, указаніемъ на прирожденное человѣку свойство симпатіи или состраданіе, берущее не рѣдко верхъ надъ чувствомъ самосохраненія. Эти социальныя склонности (*affections sociales*), по Конту, уступаютъ по энергіи и выдержанности личнымъ страстямъ, но онѣ создали общежитіе и поддерживаютъ его вопреки самымъ мощнымъ индивидуальнымъ стремленіямъ.

Чтобы правильно понять эту мысль Конта, нужно вспомнить объ его *статикѣ*, въ которой онъ между индивидуумомъ и обществомъ вставилъ семью. Общество возникло не изъ договора индивидуумовъ, а изъ скопленія и взаимодѣйствія семей. Въ семьѣ сливаются и объединяются личные и со-

ціальные инстинкты. Забота челоуѣка о семьѣ является продолженіемъ его личнаго начала, его эгоизма, но въ то же время эгоизмъ здѣсь подчиняется соціальному началу, дѣйствуетъ на пользу другихъ, и семья становится школою соціального инстинкта.

Эгоизмъ получаетъ такимъ образомъ у Конта соціальное назначеніе. Подобно тому, какъ личныя страсти представляютъ необходимую пружину умственной эволюціи, такъ эгоизмъ является пружиною нравственной эволюціи. Представленіе „общаго интереса“, по словамъ Конта, было бы даже непонятно безъ личнаго интереса, ибо первый есть лишь результатъ того, что есть общаго въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Еслибы можно было побороть въ себѣ преобладаніе личныхъ инстинктовъ, то это не улучшило бы нашей нравственной природы, а уничтожило ее; ибо наши соціальные инстинкты, лишеныя руководства, превратились бы въ блуждающую и бесплодную филантропію.

Контъ видитъ подтвержденіе этой мысли въ самомъ „основномъ этическомъ принципѣ, который былъ формулированъ этикой наиболѣе развитыхъ народовъ въ строгомъ обязательствѣ любить ближняго, какъ самого себя“. Контъ восхищается красотой этой формулы, представляющей то справедливое преувеличеніе, которое необходимо при созданіи какого-нибудь типа, выставяемаго недосыгаемымъ для дѣйствительности идеаломъ. Съ этой точки зрѣнія Контъ высказываетъ осужденіе „достоуважаемому“ Дестю-де Траси за предпочтеніе „неопредѣленной формулы апостола Іоанна: „любите другъ друга“,—прекрасной формулѣ: „любите ближняго какъ самого себя“,—и видитъ въ этомъ предпочтеніи почему-то новое доказательство вреднаго вліянія метафизики на самые лучшіе умы.

Въ этой возвышенной формулѣ личный инстинктъ не перестаетъ служить руководителемъ и мѣриломъ соціального инстинкта, безъ него цѣль была бы не достигнута, ибо какъ могъ бы любить другихъ тотъ, кто не любитъ себя?

Въ виду этого, Контъ отнюдь не допускаетъ мысли о по-

рочности человеческой природы; напротивъ, эта природа вполне нормальна, социальныя же наклонности человѣка не имѣютъ иного назначенія, какъ умѣрять и видоизмѣнять систему личныхъ наклонностей. Можно лишь сожалѣть о слабости ихъ проявленія.

Подобно тому, какъ Контъ ставитъ въ этомъ случаѣ въ извѣстную взаимную связь эгоизмъ и социальный инстинктъ, такъ онъ признаетъ, что социальный инстинктъ и умственная дѣятельность предназначены взаимно дополнять другъ друга, такъ какъ оба въ отдѣльности не въ состояніи исполнить своего назначенія.

На самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ Контъ, еслибы въ человѣкѣ сильнѣе, чѣмъ теперь, заговорила социальная симпатія (*bienveillance*), это равнялось бы приросту его умственныхъ способностей и точно такъ же, хотя бы и въ болѣе слабой степени всякое правильное умственное развитіе сводилось бы въ концѣ концовъ къ прямому приросту социального инстинкта, то усиливая власть человѣка надъ его страстями, то дѣлая его болѣе восприимчивымъ къ различнымъ социальнымъ вліяніямъ. Съ этой точки зрѣнія Контъ признаетъ упреки, которые дѣлаются умственной культурѣ въ нравственномъ отношеніи не только преувеличенными, но основанными на недоразумѣніи; они справедливы только по отношенію къ людямъ, умственное развитіе которыхъ не соответствуетъ ихъ социальнымъ функциямъ. Изъ всего этого Контъ выводитъ „неоспоримую, двойную и постоянную гармонию“ между двумя умѣряющими руководящими началами (*principes modérateurs*) человеческой жизни — умственной дѣятельностью и социальнымъ инстинктомъ. Послѣдній всегда будетъ по необходимости занимать подчиненное положеніе по отношенію къ личному инстинкту, необходимому двигателю дѣйствительной жизни. Но главное назначеніе морали заключается въ возможномъ усиленіи двойного вліянія умственного развитія и социального инстинкта, постепенное усиленіе котораго составляетъ главный результатъ общаго развитія человечества.

Что касается до этой эволюціи, то, по утверженію Конта, какую бы ея эпоху мы ни взяли, ея результатъ будетъ заключаться не только въ матеріальномъ улучшеніи быта чело-вѣческаго, но главнымъ образомъ въ развитіи и упражненіи его высшихъ способностей—путемъ ли ослабленія его фичическихъ наклонностей и возбужденія социальныхъ инстинктовъ или путемъ развитія высшихъ умственныхъ способностей и усиленія вліянія разума на поведеніе. Въ этомъ смыслѣ индивидуальное развитіе повторяетъ (*reproduit*) главные фазисы социального развитія. И то и другое имѣетъ цѣлью подчинить удовлетвореніе личныхъ инстинктовъ дѣйствию инстинктовъ социальныхъ, страсти—правиламъ, установленнымъ разумомъ, приобретающимъ все болѣе и болѣе преобладанія.

Въ этихъ разсужденіяхъ Конта преобладаетъ желаніе привести въ общую систему унаслѣдованную имъ отъ XVIII в. антиномію между эгоизмомъ и социальнымъ инстинктомъ, между умственнымъ и моральнымъ развитіемъ. Болѣе общаго интереса представляетъ попытка Конта—на этомъ основаніи—привести въ связь и взаимодействіе его статику съ этикой. Каждому элементу въ статикѣ отводится, въ силу этого, особенная роль въ развитіи этики.

Индивидуальная жизнь характеризуется преобладаніемъ личныхъ инстинктовъ, семейная—подъемомъ инстинктовъ симпатическихъ, социальная—развитіемъ умственныхъ вліяній. Отсюда Контъ выводитъ эволюціонную систему морали—личной, домашней и социальной. Первая охраняетъ существованіе индивидуума, подвергая его благоразумной дисциплинѣ; вторая стремится дать перевѣсъ симпатіи надъ эгоизмомъ; послѣдняя—направить совокупность нашихъ наклонностей по указаніямъ просвѣщеннаго разума.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, въ эпоху составленія позитивной философіи умственная эволюція преобладала въ глазахъ Конта надъ нравственной, и эгоизмъ составлялъ для него необходимую основу послѣдней. Но Контъ не остановился на этой точкѣ зрѣнія; подъ вліяніемъ

происшедшей въ немъ самомъ эволюціи измѣнился его взглядъ на два существенные вопроса: моральный интересъ получилъ въ его глазахъ перевѣсъ надъ умственнымъ въ жизни человѣчества. Эта перемена въ его настроеніи замѣтна уже въ концѣ его сочиненія о позитивной философіи: впоследствии же оно настолько усилилось, что Контъ подъ его вліяніемъ перестроилъ свою іерархію наукъ и возвелъ этику на степень *седьмой*, высшей науки въ этой іерархіи. А, во-вторыхъ, Контъ сталъ иначе смотрѣть на самый принципъ морали; не эгоизмъ, умѣряемый разумомъ, признается Контъ движущимъ началомъ этической жизни, а новый противоположный принципъ—*vivre pour autrui*, для котораго Контъ и создалъ новый терминъ—альтруизма.

Установленіе этого принципа обозначаетъ собою важный шагъ впередъ въ развитіи этики. Контъ слишкомъ увлекался, если полагать, что его формула поведетъ за собою переворотъ въ области индивидуальной этики; въ этомъ отношеніи формула, которою Контъ хотѣлъ замѣнить: люби ближняго какъ самого себя—не требуетъ дополненій; но формула Конта получаетъ свое настоящее значеніе, въ области *соціальной*. Когда этотъ—*autrui*—этотъ *другой* не частный человѣкъ, а коллективная величина—общество; когда общество становится предметомъ этическихъ стремленій индивидуума, тогда расширяется и обогащается область этики. Надъ индивидуальной этикой становится область этики *соціальной*. *Общество*, ставъ предметомъ этическихъ стремленій, становится и источникомъ ихъ. Тогда наступаетъ то возрожденіе индивидуальной этики посредствомъ *соціальной*, о которомъ говоритъ Вундтъ *): „лишь пріобрѣтенная этимъ путемъ болѣе свободная точка зрѣнія, отрѣшившаяся отъ ничтожныхъ преній эвдемонистическихъ и ригористическихъ сектъ дѣлаетъ индивидуальную этику способной прийти на помощь *соціальной* этикѣ, устанавливая этическія нормы для общественнаго быта“.

*) Logik, II, 586.

Такимъ образомъ социальная этика, давая новое содержаніе индивидуальной, становится ея вѣнцомъ и условіемъ ея прогресса, и обѣ онѣ становятся могущественнымъ факторомъ общественнаго прогресса. Но все это стало возможнымъ лишь съ того момента, когда было установлено научное представленіе обѣ обществѣ. Въ этомъ скрещеніи социологическихъ соображеній съ этическими заключается особенная заслуга Конта. Въ этомъ отношеніи онъ открылъ себѣ и другимъ перспективу можетъ быть болѣе плодотворную, чѣмъ его отвлеченная теорія социологіи.

Во всякомъ случаѣ въ настоящій моментъ при томъ живомъ интересѣ, какой питаетъ современное общество къ вопросамъ социальной этики, при томъ высокомъ этическомъ подъемѣ, который оно испытываетъ, приходится особенно выставить на видъ значеніе Конта въ исторіи социальной этики, тѣмъ болѣе, что эта заслуга его менѣе извѣстна и менѣе оцѣнена, чѣмъ его социологическая теорія; и если нельзя не сказать, что эта теорія сильно поблекла отъ времени, то девизъ—*vive pour autrui*—и понятіе альтруизма будутъ всегда живымъ памятникомъ этическихъ стремленій и благородной природы одинокаго и самоувѣреннаго теоретика.

Х.

Высшій подъемъ этической теоріи Конта стоитъ по времени внѣ предѣловъ позитивистической эпохи и относится уже къ тому фазису его развитія, въ которомъ многие изъ лучшихъ его послѣдователей видѣли одни лишь заблужденія. Но когда рѣчь идетъ обѣ историческомъ значеніи Конта, тогда нельзя оставить безъ вниманія и превращеніе позитивизма въ религію и въ „субъективный методъ“.

Одна изъ блестящихъ идей, при помощи которой Тэнъ ярко освѣтилъ умственное состояніе французскаго общества въ прошломъ вѣкѣ, заключается, какъ извѣстно, въ противоположеніи имъ двухъ элементовъ духовной жизни этого общества, которые онъ различаетъ подъ названіемъ *l'esprit classique et l'acquis scientifique*. Подъ вторымъ онъ разу-

мѣть, какъ ясно изъ самаго выраженія, результаты, добытые положительнымъ знаніемъ; подъ первымъ—реторическое разсудочное просвѣщеніе, питавшееся античными традиціями. Кто найдетъ это противоположеніе искусственнымъ, тотъ пусть прочтетъ эскизъ Кондорсе, гдѣ можно различить двѣ струи въ исторіи „успѣховъ человѣческаго ума“, рядъ открытій въ области математики и естественныхъ наукъ и ростъ просвѣтительнаго движенія.

Дуализмъ, выставленный Тэномъ, еще болѣе оправдывается позитивизмомъ Конта. То, что у Кондорсе излагалось въ перемежку, у Конта выставлено во всей противоположности. Онъ прямо исходитъ изъ того, что во имя положительнаго знанія осуждаетъ „софистовъ“ просвѣтительнаго вѣка и всѣ ихъ теоріи. Въ лицѣ Конта выступаетъ окрѣпшее положительное знаніе въ полномъ самосознаніи своего значенія и мощи съ высокоумѣреннымъ отрицаніемъ прошлаго, съ самоувѣренными притязаніями на исключительное господство въ мірѣ и съ безпредѣльными перспективами въ будущемъ.

Посмотримъ, какъ представляетъ себѣ Контъ непосредственные результаты возвѣщенной имъ системы положительнаго знанія. Его виды на будущее много трезвѣе, чѣмъ у Кондорсе, но его вѣра въ позитивизмъ не уступаетъ вѣрѣ въ наступленіе царства разума.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ переворотовъ въ жизни человѣчества не въ состояніи, по его мнѣнію, сравниться съ предстоящимъ наступленіемъ эры позитивизма по глубокому видоизмѣненію всего существованія человѣка и общества. Вліяніе это отразится въ области какъ науки, такъ и морали, политики и искусства. Въ первомъ отношеніи оно установитъ единство міровоззрѣнія и науки, котораго не могло быть при разъединеніи богословія и науки. Благодаря этому единству, систематическая разработка всѣхъ наукъ дастъ непредвидѣнные результаты. Прогрессъ обнаружится какъ въ сферѣ наукъ отвлеченныхъ и конкретныхъ, такъ и въ сферѣ примѣненія ихъ. Въ послѣднемъ отношеніи на-

ступленіе позитивизма послужить сильнымъ стимуломъ практической дѣятельности человѣка, не задерживаемой ни суевѣріемъ, ни химерическими надеждами. А какъ на образчикъ успѣха въ области конкретныхъ наукъ, Контъ указываетъ, очевидно имѣя въ виду Кондорсе, на болѣе точное установленіе продолжительности существованія органическихъ существъ и, между прочимъ, человѣка. Оно выяснитъ, что хотя органическая эволюція и будетъ прогрессировать въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, но какъ коллективный организмъ—человѣчество, такъ и индивидуальный, т. е. человѣкъ, подвержены органическому разрушенію (*déclin*) независимо отъ ухудшенія окружающей ихъ среды.

Съ другой стороны, позитивизмъ положитъ конецъ антагонизму между умственными потребностями человѣка и нравственными. Французская революція дала толчокъ движенію, направленному къ подавленію эгоизма. Но такъ какъ она не знала нравственныхъ принциповъ, то съ угасаніемъ революціонныхъ страстей обнаружилась слабость метафизической этики. При современной анархіи подвергаются сомнѣнію самые необходимые нравственные принципы. Контъ выражаетъ увѣренность, что когда, благодаря позитивизму, эти принципы будутъ основаны на познаніи совокупности законовъ человѣческой природы, не будетъ мѣста для той казуистики, съ которой даже искренно вѣрующіе люди нерѣдко освобождаютъ себя отъ предписаній религіозной морали. Контъ изображаетъ при этомъ ожидаемый имъ прогрессъ морали на всѣхъ трехъ ступеняхъ ея развитія. Въ области индивидуальной морали успѣхъ далеко превзойдетъ то, что было достигнуто религіозной моралью даже при помощи связанныхъ съ нею „химерическихкихъ надеждъ“. Здравое пониманіе человѣческой природы укоренитъ (*gendra vulgaire*) у всѣхъ людей сознаніе обязанности подвергать присущія человѣку порочныя и вредныя наклонности мудрой дисциплинѣ. Контъ въ этомъ отношеніи надѣется, что справедливая гордость, которую вызоветъ въ человѣкѣ сознаніе, что онъ стоитъ во главѣ всѣхъ животныхъ орга-

низмовъ, будетъ болѣ сильнымъ побужденіемъ приблизиться къ типу нравственнаго совершенства, чѣмъ обличеніе его въ томъ, насколько онъ стоитъ ниже ангеловъ.

Въ семейной морали одинъ позитивизмъ въ состояніи обуздать опасныя, вызванныя метафизикой заблужденія, относительно разрушенія брака и равноправности женщинъ. Но преимущество позитивизма главнымъ образомъ обнаружится по отношенію къ *соціальной* морали. Ни метафизика, освящающая эгоизмъ, ни религіозная философія, подчиняющая жизнь призрачной цѣли, не могли въ такой степени выдвинуть соціальную точку зрѣнія, какъ это сдѣлаетъ позитивизмъ. Предшествующія ему доктрины такъ мало развивали симпатическія и безкорыстныя наклонности, что даже отрицали ихъ, то на основаніи суетныхъ тонкостей схоластики, то подъ влияніемъ заботы о личномъ спасеніи; нравственное чувство, высшее проявленіе котораго происходитъ въ области соціальной, до сихъ поръ воспитывалось лишь косвенно и суетно. Но когда правильное воспитаніе внушитъ современному человѣку представленіе о взаимности и непрерывности (*perpétuité*), которое вызывается въ насъ зрѣлищемъ человѣческой эволюціи, мы поймемъ нравственное превосходство философіи, связывающей каждаго изъ насъ съ существованіемъ человечества въ его совокупности во времени и въ пространствѣ. Мораль позитивизма покажетъ, что счастье каждаго обусловлено наиболѣ полнымъ проявленіемъ доброжелательныхъ поступковъ и симпатическихъ эмоцій по отношенію ко всей человѣческой породѣ и даже къ другимъ одареннымъ чувствами существамъ, ей подчиненнымъ. А пока будущее не обнаружитъ нравственныхъ преимуществъ позитивизма, его философамъ надлежитъ проявить ихъ предъ глазами всѣхъ превосходствомъ ихъ поведенія въ области морали личной, семейной и соціальной.

Въ политикѣ позитивизмъ разрѣшитъ вопросъ объ отношеніи матеріальной и умственной силы установленіемъ двухъ властей—духовной или теоретической и свѣтской или прак-

тической. Первоначальное раздѣленіе и уравниваніе этихъ властей было дѣломъ средневѣковаго католицизма, но это двоевластіе вытекало тогда лишь эмпирически изъ антагонизма, развивавшагося среди монотеистическаго общества. Главное примѣненіе этого двоевластія Конть опять усматриваетъ въ области нравственной. Древность подчиняла мораль политикѣ; въ этомъ подчиненіи крылась социальная тенденція, но мораль и политика въ политеизмѣ представляли опасное смѣшеніе. Католицизмъ провозгласилъ независимость морали отъ политики, или, вѣрнѣе, преобладанія первой надъ второй. Но это была преждевременная попытка. Разграниченіе между моралью и политикой было основано на мистическомъ противоположеніи интересовъ небесныхъ и земныхъ. Еслибы послѣдніе не получили преобладанія, европейскія общества обратились бы въ безплодныя еиваиды, въ которыхъ забота о личномъ спасеніи устранила бы всѣ прочія соображенія. Когда же снова превозмогли земные интересы, независимость морали или политики опять затемнилась и мораль оказалась неспособной отстоять себя отъ революціонныхъ идей.

Позитивизмъ подчинить мораль социальной точкѣ зрѣнія, имѣя въ виду не человѣка, а человѣчество. Какъ нравственные, такъ и умственные законы лучше обнаруживаются въ коллективномъ организмѣ, чѣмъ въ индивидуальномъ. Типъ человѣческаго усовершенствованія, тождественный для человѣка и для человѣчества, лучше выясняется социальной эволюціей, чѣмъ индивидуальной.

Наконецъ, позитивизмъ сдѣлается основаніемъ художественнаго возрожденія, тѣсно связаннаго съ возрожденіемъ умственнымъ и социальнымъ. Преобладаніе человѣческой точки зрѣнія и синтеза (*l'esprit d'ensemble*) будутъ благопріятны развитію нормальныхъ наклонностей, усилить и направлять ихъ посредствомъ развитія правильнаго вкуса. Религіозная философія; обожествляя человѣчeskій типъ, долго благопріятствовала порыву воображенія; идеализація военной дѣятельности питала художество; но этотъ источникъ

изсякъ. Искусство не состарилось, но нуждается въ новыхъ идеалахъ. Начавшаяся трудовая и мирная дѣятельность чело­вѣка еще не оцѣнена съ эстетической точки зрѣнія, но современная жизнь найдетъ свою идеализацію; чувства истины и добра не могутъ развиваться, не вызывая чувства красоты.

Главный результатъ современнаго прогресса будетъ заклю­чаться въ сосредоточеніи всѣхъ представленій на понятіи чело­вѣчества, что вызоветъ безпредѣльный подъемъ въ области художественной; представленіе о чело­вѣкѣ, какъ о власти­телѣ природы, сдѣлается неизсякаемымъ источникомъ поэти­ческаго вдохновенія. Вліяніе чело­вѣка на природу, резуль­татъ медленной эволюціи, еще не могло быть предметомъ идеализаціи. Подражая античной поэзіи, поэты все еще продолжаютъ воспѣвать чудную мудрость природы. Но чело­вѣческія дѣянія отъ самыхъ простыхъ аппаратовъ меха­ники до самыхъ сложныхъ социальныхъ учрежденій много вы­ше совершеннѣйшихъ явленій, происходящихъ безъ участія чело­вѣка. Восхваленіе чело­вѣческихъ подвиговъ, завоеванія чело­вѣкомъ природы, чудесъ его социальной жизни, сдѣлается предметомъ новыхъ, могучихъ вдохновеній, которыя станутъ въ высшей степени популярными, ибо они гармонируютъ съ нашими инстинктами и стремленіями. Такова картина, ко­торая представлялась восторженному взору Конта, когда онъ думалъ о предстоящемъ вліяніи позитивизма, и въ виду этого нужно назвать скромнымъ его признаніе въ концѣ курса позитивной философіи, что онъ дерзнулъ начертать планъ этой книги и осуществить его съ тѣмъ, чтобы *допол­нить* дѣло, предпринятое Бэкономъ и Декартомъ.

Дѣло это, какъ Контъ его понималъ, заключалось въ томъ, чтобы создать на чисто-научномъ основаніи новое міровоз­зрѣніе и—о чемъ не мечтали ни Бэконъ, ни Декартъ—пре­образовать съ помощью новаго міровоззрѣнія религію, мо­раль и весь общественный строй. Размышляя о призваніи позитивизма, Контъ поддавался двойному самообольще­нію: онъ впадалъ въ иллюзію относительно его 'будущаго

и ошибался относительно его связи съ прошлымъ. Въ послѣднемъ случаѣ Контъ полагалъ, что предлагаемое имъ міровоззрѣніе совершенно противоположно тѣмъ, которыя оно должно было упразднить. Новая политическая наука, призванная реформировать общество должна была, по убѣжденію Конта, относиться къ метафизической или богословской политикѣ, какъ астрономія къ астрологіи, или химія къ алхиміи.

Какъ многіе другіе реформаторы, Контъ не сознавалъ своей зависимости отъ этихъ прошлыхъ міровоззрѣній, не видѣлъ, сколько онъ у нихъ позаимствовалъ.

Намъ пришлось уже при оцѣнкѣ философіи исторіи Конта указывать на ея сходство съ богословской теоріей Боссюэта и метафизической Гегеля. То же самое приходится теперь сказать о самомъ позитивизмѣ, какъ міровоззрѣніи. Контъ былъ увѣренъ, что въ немъ совершенно отрѣшился отъ прошлаго, что не только его доктрина, но и его методъ вполне противоположны доктринѣ и методу метафизическаго и богословскаго міровоззрѣній. Но какъ близокъ онъ былъ, самъ того не сознавая, и по доктринѣ, и по приемамъ къ прошлому, въ особенности къ тому міровоззрѣнію, которое онъ всего безпощаднѣе осуждалъ—къ метафизикѣ!

На самомъ дѣлѣ, что ставилъ Контъ въ упрекъ богословскому и метафизическому духу?—„идеальность его цѣли, абсолютность его идеи (*absolu dans la conception*) и произволь въ ея примѣненіи“. Но чѣмъ же позитивизмъ Конта отличается въ этомъ отношеніи отъ предшествовавшихъ міровоззрѣній? Развѣ его цѣль менѣе идеальна, его принципъ менѣе абсолютенъ и его методъ въ наукѣ и социальной политикѣ менѣе произволенъ?

Что вызываетъ со стороны Конта живѣйшій протестъ противъ духа метафизиковъ? Ихъ „химерическое стремление подчинить социальныя явленія безграничному влиянію теории или принципа?“ Но всякій, кто знакомъ съ социальной программой Конта, признаетъ, что онъ въ этомъ отношеніи превзошелъ метафизиковъ.

Контъ, какъ извѣстно, въ своей критикѣ XVIII в. осо-

бенно часто обличалъ любимое представленіе той эпохи—о великомъ законодателѣ и преобразователѣ,—представленіе, которое питалось традиционнымъ благоговѣніемъ къ древности и историческими легендами о Ликургѣ, Солонѣ и цѣломъ рядѣ классическихъ законодателей. Но развѣ Контъ не предназначалъ себѣ подобной роли въ современномъ обществѣ, вооружившись авторитетомъ не Дельфійскаго оракула, а социологіи? Контъ отнесся скептически къ восторженнымъ иллюзіямъ Кондорсе, ожидавшаго отъ осуществленія „революціонной метафизики“ наступленія новаго золотого вѣка и даже счелъ нужнымъ опровергать надежду Кондорсе, что успѣхи медицины и культуры обезпечатъ человѣку бессмертіе на землѣ. Но развѣ въ изображеніи благодѣтельныхъ результатовъ позитивизма у Конта, которое мы выше привели, менѣе иллюзіи?

Еще ближе, по собственному признанію Конта, стоитъ его позитивизмъ къ католицизму, еще болѣе онъ заимствовалъ у него для задуманнаго имъ переворота. Устоемъ новаго общественнаго строя, основаннаго на выводахъ положительной науки, долженъ былъ служить авторитетъ социологовъ. Общественный строй позитивизма представляетъ собою копию съ средневѣковаго, католическаго строя, основаннаго на раздѣленіи духовной и свѣтской власти, только Утилитарію должна была замѣнить софократія. Власть первой основывалась на откровеніи и вѣрѣ, авторитетъ социологовъ долженъ былъ основываться на знаніи. Но представляетъ-ли социальная наука достаточную твердую опору для такого авторитета? Не въ противорѣчіи ли предположенія Конта на этотъ счетъ съ его вѣрнымъ замѣчаніемъ: „соціальныя вопросы такъ сложны, что легко можно поддерживать въ нихъ противоположныя мнѣнія (soutenir le pour et le contre), ибо нѣтъ учрежденія, которое, какъ бы оно ни было необходимо, не представляло бы недостатковъ, и самая сумасбродная утопія всегда имѣетъ какія-нибудь достоинства“? Затѣмъ Контъ не разъ указывалъ на то, что знаніе социологіи, пониманіе законовъ, управляющихъ

обществомъ, могутъ быть удѣломъ лишь меньшинства; даже специалистовъ по математикѣ и точнымъ наукамъ Контъ считалъ не компетентными въ социологіи. Такимъ образомъ и въ новомъ строѣ авторитетъ новой духовной власти, какъ и старой, былъ бы основанъ для громаднаго большинства людей не на знаніи, а на *тврѣ*, на вѣрѣ въ знаніе социологовъ. Мало того, какъ въ католицизмѣ іерократическій строй завершался единичнымъ авторитетомъ первосвященника и въ немъ находилъ свою главную опору, такъ и новый строй позитивизма имѣлъ своего первосвященника и верховнаго законодателя, которымъ былъ его учредитель. Контъ смотритъ на себя, справедливо замѣчаетъ расположенный къ нему биографъ, какъ на религіознаго главу возрожденнаго Запада; онъ требовалъ Пантеона, „насилъственно (?) захваченнаго католицизмомъ“ для своего новаго, позитивистическаго культа, для той религіи челоуѣчества, обрядъ которой онъ установилъ; и какъ представитель новой духовной власти, какъ „научный папа“ (*pape scientifique*)*, онъ обращался съ энцикликами къ современнымъ политическимъ дѣятелямъ и государямъ.

Не одна только организація духовной власти и ея общественное призваніе въ эпоху позитивизма представляютъ собою сколокъ съ католицизма. Позитивизмъ Конта сходится съ католицизмомъ и въ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ явленіямъ индивидуальной жизни—къ личности, національности, расѣ, и въ пренебреженіи къ государству. Они сходятся и въ положительномъ смыслѣ—въ стремленіи организовать безусловный универсальный авторитетъ, которому должны быть одинаково подчинены всѣ племена челоуѣчества. Какъ глубоко родственна натура Конта духу католической теократіи, это особенно обнаружилось тогда, когда Контъ приступилъ къ созданію новой религіи на началахъ позитивизма, религіи конкретной и подлежащей демонстраціи. Такая религія должна была имѣть *видимый*

*) Dumas: Erat mental de Comte. Revue Phil. Janv. 1898.

предметъ поклоненія. Таковымъ являлось въ глазахъ Конта „человѣчество“. Нашедши новое божество, Контъ сталъ увлекаться задачей создать для него новый культъ и при этомъ все болѣе и болѣе возвращался къ представленіямъ и формамъ прошлаго, не исключая самого фетишизма. Въ организаціи духовной власти, въ культѣ „благодѣтелей человѣчества“ и во многихъ обрядахъ религія позитивистовъ подошла такъ близко къ католицизму, что Гёкслей не безъ основанія могъ сказать: „Въ своей слѣпотѣ я не въ состояніи отличить контовской религіи человѣчества отъ папства съ Контомъ на престолѣ св. Петра и съ переименованіемъ большей части святыхъ католическаго календаря въ святыхъ новой церкви“.

Не сознавая близкой связи позитивизма съ отрицаемыми имъ міровоззрѣніями, Контъ, съ другой стороны, преувеличивалъ способность своей системы преобразовать дѣйствительность и ушелъ въ этомъ отношеніи въ область утопій.

Наиболѣе наглядную утопію представляетъ попытка Конта разрѣшить социальный вопросъ посредствомъ приложенія морали къ политикѣ.

Въ общественной организаціи позитивизма на ряду съ духовной властью социологовъ должна была функционировать свѣтская власть, организованная по принципу восхожденія отъ частнаго къ общему и отвлеченному, но въ обратномъ порядкѣ. Въ силу этого принципа, свѣтское руководство обществомъ поручалось у Конта *банкирамъ* (капиталистамъ). Для того чтобы эта организація послужила къ счастливому разрѣшенію социального вопроса, нужно было, по мнѣнію Конта, убѣдить пролетаріевъ, что сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ вождей промышленной дѣятельности есть необходимость и что безразлично, въ чьихъ рукахъ находятся эти капиталы, лишь бы они получили общественное назначеніе; капиталистовъ же необходимо убѣдить въ томъ, что такъ какъ всякій членъ общества облеченъ общественной функціей, то и они лишь администраторы находя-

шагося въ ихъ рукахъ богатства и обязаны управлять имъ въ общественномъ интересѣ.

Не менѣе наивности представляетъ религіозная утопія Конта. Мыслитель обратился въ пророка и въ основателя новой секты. Хотя на этотъ разъ утопія какъ будто начала осуществляться, но ея результатъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Конта. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, приходится примѣнить къ Конту слова, сказанныя имъ самимъ въ укоръ метафизикамъ французской революціи, что никогда еще не бывало такого поразительнаго противорѣчія между надеждами на вѣчность измышленной теории и непрочною дѣйствительно созданнаго (*entre l'éternité des espérances spéculatives et la fragilité des créations effectives*).

Хотя секта контистовъ распространилась и проникла даже въ Новый свѣтъ, тотчасъ по смерти Конта обнаружилось, что ей недостаея именно *позитивизма*, т.-е. безусловно авторитетной, *неоспоримой* доктрины.

Согласно предначертаніямъ самого Конта послѣ его смерти во главѣ секты былъ поставленъ новый „первосвященникъ“, Лафитъ, который и посвятилъ себя задачѣ осуществить завѣтныя слова учителя: „образовать позитивистическое священство, какъ первое условіе общественнаго обновленія необходимаго какъ для порядка, такъ и для прогресса“.

Несмотря, однако, на всю предосторожность и добросовѣстное стараніе Лафита не отступать отъ завѣта учителя, среди секты, при всей ея немногочисленности появились, какъ нѣкогда въ монашескихъ орденахъ, *отщепенцы*, желавшіе еще болѣе *строгаго соблюденія* наказовъ учителя (*stricte observance*).

Какъ нѣкогда у францисканцевъ, такъ теперь у позитивистовъ первымъ поводомъ къ расколу было сомнѣніе въ правильности поставленія преемника главному учителю въ виду того, что Контъ передъ смертью высказался противъ намѣченнаго сначала имъ самимъ Лафита; недовольные избраніемъ, а затѣмъ и направленіемъ Лафита, позитивисты отдѣ-

лились отъ него въ 1877 году, заявивъ, что во всемъ хотять строго держаться Конта. Эти правовѣрные позитивисты нашли особенное сочувствіе со стороны своихъ единомышленниковъ въ Бразиліи и въ Чили. Глава бразиліанской группы, д-ръ Лемось, высказалъ по этому поводу въ слѣдующихъ словахъ символъ вѣры самыхъ настоящихъ позитивистовъ, не останавливавшихся ни предъ какими крайностями учителя и усвоившихъ себѣ совершенно послѣдовательно самый сокровенный и своеобразный принципъ контизма—сліяніе религіознаго начала съ математическимъ, признаніе за доктриной религіознаго характера математической достовѣрности: „Мы съ своей стороны объявляемъ, что для насъ четвертый томъ позитивной политики (Конта) есть каноническая книга, научный *Левитъ* *), такой же достовѣрности, какъ геометрія“).

Расколь среди послѣдователей Конта не можетъ насъ удивлять въ виду того, что само ученіе не представляетъ полнаго единства. Притязанія позитивизма на роль исключительнаго и окончательнаго научнаго міровоззрѣнія подрываются не только его близкимъ сходствомъ съ метафизической философіей и съ католицизмомъ, но и противорѣчiami, которыя внесъ въ свое ученіе самъ учредитель. Мы разумѣемъ при этомъ не частныя противорѣчія, въ которыя Контъ впадалъ при разработкѣ своей системы, а то, что самый центръ тяжести ея передвинулся вслѣдствіе происшедшей въ жизни философа эволюціи. Внутренняя эволюція, которую переживалъ Контъ, начинается проявляться еще въ эпоху, когда созрѣвала его позитивная философія; съ переходомъ по іерархической лѣстницѣ отъ естественныхъ наукъ къ соціологіи совершается и переломъ въ самомъ Контѣ: онъ порываетъ связь соціологіи съ біологіей и руководящую нить въ исторіи челоѣчества ищетъ не въ біологическихъ процессахъ, а въ психологическомъ—въ самопроизвольномъ развитіи закона

*) Gruber. D. Posit. vom Tode A. Comte's, p. 42.

человѣческаго ума. Эмансипація соціологіи отъ біологіи простирается у Конта такъ далеко, что онъ требуетъ преобладанія соціологіи надъ остальными науками, а въ самой соціологіи интересъ Конта къ умственному процессу постепенно уступаетъ мѣсто нравственному интересу; эволюція морали становится для него преобладающимъ фактомъ исторіи человѣчества. Еще глубже перемена, которая обнаруживается въ Контѣ, когда онъ заканчиваетъ свою позитивную философію, когда онъ переходитъ отъ философіи къ политикѣ, отъ теоретическаго интереса къ практическому (*vom Wissen zum Handeln*)*). Этотъ переходъ сопровождается у Конта замѣной научныхъ цѣлей гуманитарными; вмѣстѣ съ тѣмъ эмпиризмъ Конта переходитъ въ идеализмъ, а научный синтезъ—въ утопію.

Весьма ясно можно прослѣдить эволюцію отъ научнаго интереса къ гуманитарному съ помощью словъ самого же Конта. Исходной его точкой былъ, несомнѣнно, научный интересъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ самое названіе позитивизма, свидѣтельствуетъ законъ Конта, его іерархія наукъ. Но то, что было цѣлью, становится потомъ средствомъ; чистая наука должна служить цѣлямъ человѣчества. „Вселенная, говоритъ Контъ, должна быть изучаема не ради нея самой, но ради человѣка, или, вѣрнѣе, ради человѣчества“. Не довольствуясь установленной имъ философіей наукъ, Контъ пожелалъ, чтобы наука вмѣсто того, чтобы доискиваться чистаго знанія, задалась изученіемъ условій благоденствія человѣчества, и съ этой точки зрѣнія принципъ—наука ради науки—сталъ представляться ему „презрѣннымъ и даже преступнымъ“, ибо въ періодъ позити-

*) См. Eucken. Zur Würdigung A. Comte's—въ сборникѣ статей, посвященныхъ Шеллеру. Philosophische Aufsätze etc. Leipz. 1887.—Одно изъ самыхъ серьезныхъ разсужденій о Контѣ. Ейкенъ называетъ указанную выше перемену въ настроеніи и стремленіяхъ Конта - Verschiebung. Ему слѣдуетъ Н. Lietz. Op. Cit. Правильнѣе было бы искать объясненія этого явленія въ личной эволюціи Конта, чѣмъ видѣть въ немъ какое-то механическое, случайное *перевращеніе* понятій.

визма должно было, по требованію Конта, воздерживаться отъ всякаго напряженія мысли, которое не имѣло бы въ виду какой-нибудь пользы матеріальной или моральной *).

Можно думать, что эта точка зрѣнія явилась плодомъ гуманитарныхъ мечтаній старѣющаго Конта. Однако, корень, давшій этотъ плодъ, восходитъ къ юности этого мыслителя. Двадцати одного года Контъ пишетъ своему другу Валá: „Я придавалъ бы очень мало значенія научнымъ работамъ, еслибы не думалъ постоянно о ихъ пользѣ для всего человѣческаго рода; безъ этого я предпочелъ бы заниматься разгадкой самыхъ сложныхъ логогрифовъ. У меня глубокое отвращеніе къ научнымъ работамъ, пользу которыхъ я не ясно вижу“.

Съ перемѣной пѣли, которую Контъ поставилъ наукѣ, измѣнился и его методъ. Прежнему научному методу былъ имъ противопоставленъ субъективный методъ. Роль научнаго метода была сведена къ тому, чтобы готовить матеріаль для метода субъективнаго. Этотъ субъективный методъ былъ предназначенъ къ тому, чтобы систематизировать науку въ смыслѣ гуманитарномъ. Какое употребленіе Контъ сдѣлалъ изъ субъективнаго метода, показываетъ его курсъ позитивной политики. Самымъ мощнымъ орудіемъ субъективнаго метода становится у Конта *шпозеза*. Какъ широко и свободно Контъ пользовался гипотезой, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, его видоизмѣненіе теоріи Галля съ указаніемъ 18 элементовъ въ мозговомъ аппаратѣ. Контъ былъ такъ увѣренъ въ справедливости своей гипотезы, что приглашалъ анатомовъ отказаться отъ своихъ „произвольныхъ утвержденій“ и *восполнить* знаніе а posteriori тѣмъ, что онъ открылъ путемъ гипотезы.

Послѣднее звено во внутренней эволюціи Конта представляетъ его религія съ троичностью предметовъ поклоненія: человѣчества, Великаго Фетиша (земной шаръ) и Мирового Пространства, и съ культомъ Клотильды, олице-

*) Dumas: L'état mental d'A. Comte. I, p. 42, 44, 49 sq.

творенія женскаго принципа. Для историка и въ этихъ бредняхъ есть смыслъ. Эволюція Конта отъ позитивизма къ религіи должна быть поставлена въ параллель и связь съ религіозной утопіей его учителя Сен-Симона и другими подобными явленіями его эпохи. Контъ порвалъ съ Сен-Симономъ, находя, что задуманныя имъ преобразованія преждевременны, такъ какъ имъ должно предшествовать установленіе для нихъ научнаго или позитивнаго основанія. Создавъ, по своему убѣжденію, это основаніе, Контъ сталъ въ свою очередь, подобно Сен-Симону, общественнымъ реформаторомъ и пророкомъ. Какъ послѣдній, признавъ механической законъ притяженія основнымъ принципомъ всего бытія, закончилъ „новымъ христіанствомъ“, такъ и Контъ увѣнчалъ позитивную философію позитивной политикой и религіей.

При всѣхъ странностяхъ, которыя принесла съ собою личная эволюція Конта, только благодаря ей, вполнѣ обнаруживается предъ нами его историческое значеніе. Контъ, можно сказать, не даромъ родился на грани XVIII вѣка и XIX-аго. Онъ много содѣйствовалъ тому культурному перевороту, которымъ ознаменована смѣна этихъ вѣковъ. XVIII-ый вѣкъ имѣлъ иное представленіе объ обществѣ и преслѣдовалъ иные идеалы, чѣмъ XIX-ый. Принципомъ XVIII-го вѣка былъ индивидуализмъ, господствующимъ въ немъ представленіемъ было творчество разумной личности въ составленіи общества, въ государствѣ, въ языкѣ. Контъ угадалъ значеніе общества. Онъ выставилъ его творческимъ и движущимъ началомъ эволюціи человѣчества. Только благодаря обществу, развиваются умственные способности человѣческой породы и получаютъ перевѣсъ надъ животными страстями. Контъ называлъ индивидуумъ абстракціей и только общество признавалъ реальнымъ явленіемъ. Смыслъ этого афоризма тотъ, что только въ обществѣ индивидуумъ находитъ свое полное осуществленіе и свое истинное значеніе.

Если нашъ вѣкъ можетъ гордиться болѣе органическимъ

представленіемъ объ обществѣ, чѣмъ предшествующій, то это въ значительной степени заслуга Конта; а это болѣе правильное представленіе объ обществѣ было условіемъ болѣе правильной и плодотворной социальной политики. Контъ много потрудился и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ: въ раннемъ фазисѣ своей жизни—надъ первой задачей, позднѣе—надъ второй. Заслуга его въ области науки объ обществѣ давно оцѣнена и многими преувеличена; теперь, по прошествіи перваго вѣка съ его рожденія, настала пора отдать ему справедливость за то, что передъ нимъ носились, хотя еще и въ туманѣ, грядущіе идеалы социальной этики и служенія обществу—и весьма можетъ быть, что внесенное Контомъ въ современную жизнь понятіе социологии окажется болѣе плодотворнымъ въ области социальной политики, чѣмъ въ области теоретической науки.

В. Герье.

Психологія настькомыхъ.

I.

Матеріалъ настоящаго очерка и его задача.

Авторы, занимавшіеся вопросомъ, который поставленъ въ заголовкѣ настоящей статьи, распадаются на три неравныя группы.

Одна, — и ихъ подавляющее большинство, — это авторы случайныхъ замѣтокъ, иногда натуралисты, но большею частью любители, охотники, сельскіе хозяева, — переполняющіе своими болѣе или менѣе коротенькими сообщеніями такіе журналы популярнаго естествознанія, какъ «Revue scientifique», «Nature» и т. п.

Другая, — такихъ несравненно меньше, — это ученые, которые, пользуясь матеріаломъ, добытымъ авторами первой группы, не дѣлая самостоятельныхъ изслѣдованій суставчатоногихъ животныхъ, пытаются рѣшить теоретическіе вопросы зоопсихологіи. Таковы извѣстный Пуше, таковъ пользующійся совершенно незаслуженнымъ авторитетомъ въ этой области знанія Роменсъ, о которомъ я имѣлъ случай говорить не одинъ разъ въ печати и который въ книгѣ «Умъ животныхъ» представляетъ удивительный примѣръ того, что называется «анекдотической зоологіей», и немногіе другіе.

Наконецъ, третья, самая скромная группа, въ которой всѣ имена наперечетъ, это — натуралисты, посвятившіе цѣлые годы на изученіе жизни какой-нибудь группы животныхъ и сами собравшіе болѣе или менѣе обширный и хорошо обработанный матеріалъ.

Короткая фаланга этихъ ученыхъ открывается именами Реомюра и Гюбера и заканчивается именами Леббока, Фабра и многихъ другихъ.

Нужно ли говорить о томъ, что для научнаго рѣшенія вопросовъ зоопсихологіи имѣютъ значеніе если не исключительно, то главнымъ образомъ представители этой третьей группы? Нужно ли говорить о томъ, что случайныя замѣтки случайныхъ авторовъ болѣе чѣмъ грѣшатъ сплошнымъ антропоморфизмомъ; что пользоваться ими можно лишь съ большою осторожностью, что это они доставляютъ матеріалъ, на основаніи котораго такіе авторы, какъ Роменсъ, открываютъ въ насѣкомыхъ самыя разнообразныя и сложныя психическія способности, вслѣдствіе чего, читая его книгу, начинаетъ сдаваться иногда, что читаешь рассказы о жизни людскихъ обществъ и не просто людскихъ обществъ, а такихъ, которыя стоятъ на высотѣ европейской культуры?

Совсѣмъ иное представляютъ собою изслѣдованія авторовъ третьей категоріи, какъ бы ни были иногда спорны ихъ *конечныя заключенія*, частью вслѣдствіе апіорныхъ воззрѣній, съ которыми имъ приходится приступать къ работамъ, частью вслѣдствіе того, что, посвятивъ свою жизнь изслѣдованію той или другой группы животныхъ, они хотятъ думать, что они наблюдали не живыя «машины», и имъ хочется надѣлать существа, которыхъ они успѣли полюбить, чѣмъ-нибудь бѣльшимъ сравнительно съ тѣмъ, что они имѣютъ на самомъ дѣлѣ.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду подойти къ рѣшенію поставленнаго въ заголовкѣ вопроса путемъ критической оцѣнки изслѣдованій Фабра, на которыя, по вопросамъ зоопсихологіи, встрѣчаются многочисленныя ссылки всѣхъ авторовъ, касавшихся этого предмета и высказывавшихъ какъ увѣренность въ наличности разумныхъ способностей у насѣкомыхъ, такъ и сполна отрицавшихъ эти способности. Такая оцѣнка тѣмъ болѣе своевременна, что «Энтомологическія воспоминанія» Фабра (*Souvenirs Entomologiques*) появились, наконецъ, на русскомъ языкѣ въ прекрасномъ переводѣ г-жи Шевыревой подъ редакціей Ив. Шевырева («Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ»).

Мы расходимся съ авторомъ по многимъ основнымъ вопросамъ нашей науки, но тѣмъ не менѣе отъ души привѣтствуемъ и рекомендуемъ его книгу всѣмъ интересующимся жизнью насѣкомыхъ: въ ней множество замѣчательно сдѣланныхъ наблюденій и опытовъ (левкописы, антраксы, майки и др.), множество цѣнныхъ фактовъ и длинный рядъ мастерски написанныхъ картинъ

изъ жизни существъ, полной интереса и трудныхъ для рѣшенія задачъ.

Общія воззрѣнія этого выдающагося по своей настойчивости, своему трудолюбію, безграничному терпѣнію и любви къ природѣ натуралиста оставляютъ, однако, желать очень многого не только въ той ихъ части, которая касается ученія о трансформизмѣ, противъ котораго Фабръ ратовалъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности, но даже и тѣхъ вопросовъ, спеціальнымъ рѣшеніемъ которыхъ онъ занимался и которые онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Указавъ на то, что онъ не придаетъ значенія наблюденіямъ надъ образомъ жизни животныхъ, поскольку они представляютъ собраніе сырого матеріала, Фабръ пишетъ: «Коллекціонеру они могутъ понравиться, потому что онъ ревниво заноситъ въ свои списки все, даже нервачію крылышка, для того, чтобы внести немного свѣта въ свои систематическіе кадры. Но умъ, питающійся болѣе серьезными идеями, видитъ здѣсь только пищу для любопытства и, притомъ, почти дѣтскаго».

«Стоитъ ли, дѣйствительно, тратить время, котораго у насъ такъ мало,—то время, которое Монтенъ называетъ матеріаломъ жизни,—на собираніе фактовъ, имѣющихъ небольшое значеніе и очень спорную полезность? Не ребячество ли это такъ подробно знакомиться съ дѣйствіями насѣкомаго? Есть слишкомъ много гораздо болѣе серьезныхъ занятій, которыя такъ настойчиво требуютъ нашихъ силъ, что не оставляютъ досуга для подобныхъ забавъ. Такъ заставляетъ насъ говорить суровый опытъ зрѣлыхъ лѣтъ; такой выводъ сдѣлалъ бы и я, заканчивая мои изслѣдованія, еслибы я не видѣлъ, что эти опыты проливаютъ свѣтъ на самые высокіе вопросы, какіе только намъ дано возбуждать. Что такое человѣческій разумъ? Чѣмъ отличается онъ отъ разума животныхъ? Что такое инстинктъ? Совершенно ли несоизмѣримы эти двѣ способности, или онѣ сводятся къ общему фактору?»

На этихъ — то вопросахъ, на тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя имъ даетъ самъ Фабръ и на томъ, къ какимъ заключеніямъ ведетъ собранный имъ фактической матеріалъ, при его сопоставленіи съ результатами изслѣдованія другихъ натуралистовъ, мы и остановимъ вниманіе читателя въ настоящемъ очеркѣ.

II.

Инстинкты насѣкомыхъ безсознательны, а ихъ обычная дѣятельность—инстинктивна.

Итакъ, что же такое инстинктъ по опредѣленію Фабра? Чѣмъ онъ отличается отъ разума и что представляютъ собою способности насѣкомыхъ съ точки зрѣнія зоопсихологій?

Начнемъ съ общихъ опредѣленій инстинкта и разумныхъ способностей у этихъ животныхъ, какъ ихъ понимаетъ Фабръ.

«Въ психической жизни насѣкомаго, — говоритъ онъ, — слѣдуетъ различать двѣ области, очень различныя между собою. Одна область — это собственно инстинктъ, безсознательный импульсъ, который управляетъ тѣмъ, что есть самаго удивительнаго въ строительномъ искусствѣ насѣкомыхъ. Тамъ, гдѣ опытъ и подражаніе не могутъ рѣшительно ничего сдѣлать, тамъ инстинктъ налагаетъ свой непоколебимый законъ. Онъ — и только онъ — заставляетъ мать строить и заготовлять провизію для неизвѣстной ей семьи, направляетъ жало къ нервнымъ центрамъ добычи, мудро парализуетъ ее съ цѣлью сохраненія въ свѣжемъ состояніи и, наконецъ, управляетъ множествомъ дѣйствій, въ которыя долженъ былъ бы вмѣшиваться разумъ и глубокое знаніе, еслибы насѣкомое дѣйствовало, руководясь ими.

«Эта способность совершенна съ самаго начала, ибо безъ нея невозможно было бы продолженіе рода. Каждый операторъ въ совершенствѣ обладаетъ своимъ искусствомъ, которое приобрѣтено имъ не путемъ обученія. Аммофила, сколия, филантъ, калликуртъ и другіе охотники говорятъ намъ, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ бы оставить потомства, еслибы онъ съ самаго начала не былъ такимъ же ловкимъ парализаторомъ или убійцей, какъ въ настоящее время. Нельзя быть почти умѣющимъ, когда отъ этого зависитъ будущее расы. Въ борьбѣ калликурта съ тарантуломъ нѣтъ мѣста ученику; если охотникъ, вступая въ нее, не будетъ мастеромъ, то не только не обезпечитъ своего потомства пищей, но и самъ превратится въ жертву.

«Но еслибы насѣкомое было одарено только чистымъ инстинктомъ, то оно оставалось бы безоружнымъ среди постояннаго столкновенія обстоятельствъ. Не бываетъ двухъ послѣдовательныхъ моментовъ, совершенно одинаковыхъ; если сущность остается одна

и та же, то подробности мѣняются и неожиданное является со всѣхъ сторонъ. Среди такихъ запутанныхъ столкновений необходимо руководителю для того, чтобы найти, принять, отказаться, выбрать, предпочесть это, сдѣлать то, наконецъ, извлечь пользу изъ того, что случай можетъ представить полезнаго. И дѣйствительно, насъкомое обладаетъ этимъ руководителемъ, и въ очень значительной степени. Это—вторая область его психической жизни. *Здѣсь оно дѣйствуетъ сознательно и способно къ усовершенствованію при помощи опыта.* Не рѣшаясь назвать эту способность разумомъ (intelligence), слишкомъ возвышеннымъ для нея терминомъ, я назову ее сознаниемъ (discernement), или способностью различать. Насъкомое находитъ и сознаетъ разницу между одной и другой вещью, разумѣется, въ предѣлахъ своего искусства, и вотъ почти все.

«До тѣхъ поръ, пока будутъ смѣшивать подъ одной рубрикой дѣйствія чистаго инстинкта и дѣйствія сознательныя, до тѣхъ поръ будутъ впадать въ безконечные споры. Сознаетъ ли насъкомое, что оно дѣлаетъ? И да, и нѣтъ. Нѣтъ, если дѣйствіе относится къ области инстинкта; да, если оно относится къ области сознанія. Могутъ ли измѣняться нравы насъкомаго?.. Нѣтъ, никоимъ образомъ не могутъ, если данная черта нравовъ относится къ области инстинкта; да, если она относится къ области сознанія» (стр. 413 и 414).

Таковъ общій отвѣтъ на общій вопросъ, поставленный Фабромъ.

На первый взглядъ онъ представляется довольно удовлетворительнымъ и опредѣленнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ все, что составляетъ обычную дѣятельность насъкомыхъ въ обычныхъ условіяхъ жизни, все это—инстинктъ; все, что представляетъ дѣйствія ихъ въ зависимости отъ случайныхъ, не предусмотрѣнныхъ инстинктомъ явленій, все, что свидѣтельствуетъ о ихъ способности выбирать, пользоваться для своей выгоды благопріятно сложившимися обстоятельствами, все это будетъ актами сознанія. При ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда фактовъ и дѣлаемой самимъ Фабромъ оцѣнки ихъ оказывается однако, что опредѣленность и удовлетворительность даваемого имъ отвѣта только кажущіяся. Факты убѣдительны и заключенія ясны лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ объ инстинктахъ, и до тѣхъ поръ, пока они признаются

актами сполна безсознательными. Тотчасъ же однако, какъ рѣчь заходить о разумѣ и сознаниіи насѣкомыхъ, факты становятся двусмысленными, заключенія неясными и сбивчивыми.

Мы раздѣлимъ поэтому нашъ очеркъ на двѣ части: въ первой его половинѣ (гл. II) мы остановимся на фактахъ первой категоріи, которыми удостовѣряется неспособность насѣкомыхъ къ сознательной дѣятельности; во второй (гл. III—VI)—на фактахъ, которыми Фабръ старается доказать, что эти животныя, кромѣ инстинктивныхъ, обладаютъ еще и разумными способностями.

Вотъ факты, съ полною несомнѣнностью устанавливающіе безсознательность дѣятельности этихъ животныхъ *).

«Первый опытъ. Сфексъ (оса), влачащій свою добычу, находится уже въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ норки. Не трогая его, я перерѣзываю ножницами усики эфиппигеры, которые служатъ ему вмѣсто возжей. Оправившись отъ удивленія, которое вызываетъ въ немъ внезапное облегченіе ноши, перепончатокрылое возвращается къ ней и безъ колебаній схватываетъ ее за основаніе усиковъ, короткіе остатки, не перерѣзанные ножницами. Эти кусочки очень коротки, едва въ миллиметръ длинны, но насѣкомому нужды нѣтъ до этого: оно схватываетъ ихъ и принимается снова тащить добычу. Очень осторожно, чтобы не ранить сфекса, я отрѣзываю ножницами и эти два кусочка усиковъ, какъ разъ у черепа эфиппигеры. Не имѣя за что схватиться въ знакомыхъ ему мѣстахъ, сфексъ схватываетъ длинную щупальцу жертвы и продолжаетъ свою работу передвиженія, причѣмъ, повидимому, его нисколько не беспокоитъ эта перемѣна въ способѣ упряжки. Я оставляю его въ покоѣ. Добыча притащена къ жилищу и положена такъ, что головою обращена ко входу въ норку. Тогда перепончатокрылое входитъ одно въ норку для того, чтобы сдѣлать краткій осмотръ внутренности ячейки, прежде чѣмъ втаскивать запасъ. Я пользуюсь этимъ краткимъ мгновеніемъ для того, чтобы схватить добычу, оборывать у нея всѣ щупальцы и положить ее немножко дальше, на шагъ разстоянія отъ норки. Сфексъ появляется и прямо идетъ къ добычѣ, которую онъ видитъ съ порога своей двери. Онъ ищетъ со всѣхъ сторонъ головы жертвы, за что бы схватиться, но ничего не находитъ. Сдѣлана отчаянная попытка:

*) Мы заимствуемъ ихъ, разумѣется, у Фабра.

открывъ во всю ширину свои челюсти, сфексъ пытается схватить ими эфиппигеру за голову; но челюсти скользятъ по круглой и гладкой головѣ. Онъ много разъ повторяетъ попытку, но безъ всякаго результата. Наконецъ, убѣдившись въ бесполезности своихъ усилій, онъ отступаетъ немного въ сторону и, повидимому, отказывается отъ добычи. А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ мѣстахъ, за которыя можно было бы схватить эфиппигеру и такъ же легко потащить, какъ за усики или за щупальцы. Есть шесть ножекъ и яйцекладъ, все органы достаточно тонкіе для того, чтобы схватить ихъ цѣликомъ и употребить вмѣсто возжей. Я признаю, что удобнѣе всего втащить дичь за усики, причѣмъ голова входитъ первая въ норку; но если ее тащить за ножку, въ особенности за переднюю, то она почти съ такою же легкостью войдетъ въ норку, потому что входъ широкъ, а корридоръ очень коротокъ—его почти нѣтъ. Почему же сфексъ даже не пробуетъ ни одного раза схватить за одну изъ шести ножекъ, или за кончикъ яйцеклада, тогда какъ онъ пытался сдѣлать невозможное: схватить челюстями, несравненно меньшими по размѣру, громадную голову своей добычи? Перепончатокрылое не дѣлало больше попытокъ, оно ушло, покинувъ все—жилье и добычу, тогда какъ для того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другой, ему стоило только схватить свою добычу за ножку» (стр. 85 и сл.).

„Второй опытъ. Сфексъ занятъ закрываніемъ входа въ норку, въ которой уже отложены яйцо и добыча. Отъ времени до времени сфексъ выбираетъ челюстями болѣе крупныя зерна песку, которыя могутъ служить для укрѣпленія пыльной массы, и втыкаетъ ихъ по одному. Замурованная такимъ образомъ входная дверь скоро дѣлается незамѣтною. Я прихожу въ разгаръ работы. Отстранивъ сфекса, я старательно очищаю кончикомъ ножа коротенькую галерею, удаляю строительные матеріалы и вполне восстанавливаю сообщеніе ячейки съ внѣшнимъ міромъ. Потомъ пинцетомъ, не разрушая зданія, вытаскиваю изъ ячейки эфиппигеру, положенную туда обычнымъ порядкомъ съ яйцомъ на груди.—доказательство, что перепончатокрылое заканчивало работу у своей норки для того, чтобы больше не возвращаться туда. «Сдѣлавъ все это и положивъ взятую добычу въ свою коробочку, я уступаю мѣсто сфексу, который все это время оставался на-сторожѣ совсѣмъ близко, пока его жилище подвер-

галось ограбленію. Найдя дверь открытою, онъ входитъ къ себѣ и остается тамъ нѣкоторое время. Потомъ выходитъ и снова принимается добросовѣстно задѣлывать входъ въ норку, отменяя назадъ пыль и снося песчинки, которыя онъ утрамбовываетъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы дѣлаетъ полезную работу. Входъ опять хорошо замурованъ и насѣкомое, бросивъ на свою работу взглядъ удовольворенія, окончательно улетаетъ. Сфексъ долженъ былъ знать, что въ норкѣ ничего нѣтъ, потому что онъ входилъ туда и даже долго оставался тамъ; а между тѣмъ, послѣ того онъ опять принимается съ такимъ усердіемъ запираеть ячейку, какъ будто бы ничего необыкновеннаго не произошло.

«Третій опытъ. Все знать или ничего не знать, смотря по тому, дѣйствуетъ ли насѣкомое въ обычныхъ, или въ исключительныхъ условіяхъ, такова антитеза, которую оно намъ представляетъ. Примѣры, взятые мною у сфекса, убѣдятъ насъ въ этомъ положеніи».

Когда норка его готова, сфексъ осматриваетъ ближайшія окрестности своего жилья. Найдя какую-нибудь кобылку (кузнечика), сфексъ кидается на нее, поражаетъ жаломъ и тащитъ добычу въ гнѣздо. Далѣе пусть говоритъ Фабръ.

«Добыча принесена, положена у входа въ норку, и усики ея свѣшиваются въ отверстіе норы. Тогда насѣкомое входитъ одно, осматриваетъ внутренность постройки, поправляетъ входъ, схватываетъ кобылку за усики и втаскиваетъ. Пока охотникъ совершаетъ осмотръ своего жилья, я, въ отсутствіи его, овладѣваю добычей и кладу ее въ такое мѣсто, гдѣ онъ уже не въ состояніи будетъ ее найти. Сфексъ появляется, долго ищетъ и, убѣдившись, что добыча совсѣмъ пропала, снова спускается въ жилище. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выходитъ. Для того ли это, чтобы опять приняться за охоту? Ни чуть не бывало: сфексъ принимается закупоривать норку. И не временнымъ запоромъ, не маленькимъ плоскимъ камнемъ, который только скрываетъ входъ въ колодезь, нѣтъ, — это *окончательнде замурованье*, которое устраивается тщательно изъ пыли и камешковъ, сметенныхъ въ проходъ до верху. Бѣлокамчатый сфексъ устраиваетъ на днѣ своего колодца только одну ячейку и кладетъ одну штуку добычи. Эта единственная кобылка была принесена и положена у края норки.

«Насѣкомое вело работы сообразно неизмѣннымъ правиламъ, и

сообразно неизмѣннымъ же правиламъ оно завершаетъ ихъ тѣмъ, что закупориваетъ жилье, хотя оно и пусто».

Къ этимъ примѣрамъ, которые приводитъ Фабръ, присоединимъ нѣсколько другихъ изъ его книги, захватывающихъ иныя области жизни насъкомыхъ и свидѣтельствующихъ о томъ же характерѣ ихъ психическихъ способностей: съ одной стороны,—высочайшемъ знаніи у *вида*, наследственно закрѣпляемомъ за его представителями, а съ другой, о полной бессознательности или, какъ выражается Фабръ, удивительной глупости и поразительномъ невѣжествѣ *особи*.

Одно изъ перепончатокрылыхъ насъкомыхъ, изъ группы пчелъ—степная халикодома—дѣлаетъ ячейки, наполняетъ ихъ медомъ, затѣмъ откладываетъ въ каждую по одному яичку и задѣлываетъ отверстіе ячейки. Вышедшая изъ яичка личинка питается приготовленнымъ запасомъ меда и развивается. Вотъ опытъ Фабра съ цѣлью выяснитъ психологическую природу инстинкта (стр. 325 и сл.).

«Степная халикодома только начинаетъ ячейку; я даю ей въ обмѣнъ не только совершенно оконченную, но и почти вполнѣ наполненную медомъ, въ которую настоящая ея хозяйка не замедлила бы отложить яичко. Что станетъ дѣлать новая хозяйка съ моимъ щедрымъ даромъ, избавляющимъ ее отъ труда постройки и сбора жатвы? Безъ сомнѣнія, она окончитъ только запасъ тѣста, снесетъ яичко и запечатаетъ ячейку. Это—заблужденіе, глубокое заблужденіе; *то, что логично для насъ, нелогично для животнаго. Насъкомое повинется фатальному, бессознательному побужденію* (курсивъ нашъ). Оно не дѣлаетъ выбора въ томъ, что должно дѣлать, и не различаетъ нужнаго отъ ненужнаго. Новая хозяйка, начавшая у себя работу каменщика и разъ уже ставшая на эту, такъ сказать, покатошь, увлекаемая бессознательнымъ побужденіемъ, должна продолжать каменную работу, хотя бы это было бесполезно и даже противно ея интересамъ. Все равно: пчела, которая начала строить, будетъ строить. На отверстіе полного магазина она кладетъ валикъ изъ цемента, потомъ приноситъ второй, третій и т. д. Вотъ каменная работа окончена. Теперъ начинается заготовленіе провизіи».

Обратный опытъ не менѣе убѣдителенъ.

«Другой халикодомъ, которая начала носить медъ, я даю гнѣздо съ только-что начатой ячейкой. Пчела приходитъ повидимому

въ большое затрудненіе, когда прилетаетъ съ провизіей къ этому неоконченному стаканчику, не имѣющему еще достаточной глубины для того, чтобы вмѣстить медъ. Она его изслѣдуетъ, разсматриваетъ, убѣждается въ недостаточной его вмѣстимости, долго колеблется, улетаетъ, возвращается, снова улетаетъ и скоро опять возвращается. Затрудненіе пчелы очень ясно обнаруживается. Мнѣ хотѣлось сказать ей: возьми земли и окончи магазинъ; это дѣло нѣсколькихъ минутъ, и у тебя будетъ резервуаръ такой глубины, какъ тебѣ нужно. Пчела другого мнѣнія: она начала носить медъ и, несмотря ни на что, должна продолжать эту работу. Ни за что не прерветъ она собиранья меда и цвѣтени, для того чтобы предаться строительной работѣ, время которой не пришло.

«Еслибы это было нужно, мнѣ было бы легко привести массу примѣровъ, изъ которыхъ очевидно, что насѣкомое вполне лишено способности сознательнаго сужденія. даже тогда, когда совершенство его работы заставляетъ, повидимому, предполагать въ работникѣ способность предвидѣть.

«Животное ни свободно, ни сознательно въ своей дѣятельности; послѣдняя является въ немъ только внѣшнюю функціей, ходъ которой регулируется съ такою же правильностью, какъ фазы какой-нибудь внутренней функціи, напримѣръ, пищеваренія. Оно строитъ, дѣлаетъ ткани и коконы, охотится, парализуетъ, жалитъ, точно такъ же, какъ перевариваетъ пищу, какъ выдѣляетъ ядъ въ свое оружіе, шелкъ для кокона, или воскъ для сотовъ, *совершенно не отдавая себѣ никогда ни малѣйшаго отчета въ цѣли и въ средствахъ* (курсивъ мой). Оно не сознаетъ своихъ чудныхъ талантовъ точно также, какъ желудокъ не сознаетъ своей ученой химіи. Мать не имѣетъ совершенно никакихъ представленій относительно будущей личинки; она строитъ, охотится, заготавливаетъ пищу, вовсе не имѣя въ виду воспитанія семьи. Дѣйствительная цѣль ея работы скрыта отъ нея» (ib).

Такъ говоритъ Фабръ, и въ его книгѣ мы дѣйствительно на каждомъ шагу имѣемъ самыя краснорѣчивыя, самыя убѣдительныя доказательства этому. Даже тогда, когда идетъ описаніе такой дѣятельности насѣкомыхъ, которая заставляетъ васъ ожидать, что въ конечной оцѣнкѣ ихъ на сцену выступятъ такъ хорошо знакомыя изъ книжекъ дилеттантовъ и компиляторовъ разсужденія о «поразительномъ умѣ и глубокомъ соображеніи», —

Фабръ, говоря объ инстинктахъ, неизмѣнно оканчиваетъ однимъ и тѣмъ же: инстинктъ безсознательнъ, а обычная дѣятельность насъкомыхъ, какой бы разумно она ни казалась, всегда инстинктивна; она является такою даже тогда, когда передъ глазами наблюдателя производятся дѣйствія насъкомаго, повидимому съ полною несомнѣнностью свидѣтельствующія о руководящей сознательной волѣ.

Вотъ что мы читаемъ, на примѣръ, въ книгѣ Фабра о способахъ одной изъ осмій строить ячейки: «Она работаетъ надъ своей большой перегородкой, выставивши тѣло изъ той ячейки, которую приговляетъ. Отъ времени до времени, она входитъ туда съ комочкомъ земли въ челюстяхъ и трогаетъ лбомъ предыдущую перегородку, тогда какъ конецъ брюшка дрожить и ощупываетъ строящійся валикъ. Легко можно подумать, что сфексъ измѣряетъ разстояніе длиною своего тѣла, чтобы опредѣлить подходящее мѣсто для новой перегородки. Потомъ она опять принимается за работу. Но вотъ она, кажется, уже успѣла забыть сдѣланное измѣреніе, а можетъ быть, плохо сняла мѣрку и потому, снова прервавъ накладываніе земли на строящуюся перегородку, идетъ опять коснуться лбомъ передней стѣнки, а концомъ брюшка—строящейся. По ея тѣлу, дрожащему отъ рвенія и совершенно вытянувшемуся, чтобы достать до двухъ противоположныхъ концовъ комнаты, кто не призналъ бы, что она занята серьезной работой архитектора? Осмія занята измѣреніемъ, и мѣркою ей служить собственное тѣло. Что же, окончено ли дѣло на этотъ разъ? О, нѣтъ! Десять, двадцать разъ, каждую минуту, изъ-за каждой частицы наложенной штукатурки она повторяетъ свои измѣренія, никогда не будучи вполне увѣренной, что сдѣлала правильно новый ударъ своей лопаточкой».

«Несмотря, однако, на эти частые перерывы, работа подвигается и перегородка растетъ. Работница изогнулась крючкомъ, ея челюсти находятся на внутренней сторонѣ еще мягкой перегородки, конецъ брюшка—на наружной. Пчела при этомъ представляетъ собою давящую машину, дѣйствіемъ которой тѣсто уминается и стѣна пріобрѣтаетъ окончательную форму. Челюсти утаптываютъ и кладутъ штукатурку, конецъ брюшка тоже быстро прилепываетъ, какъ бы бьетъ лопаточкой. Задняя часть тѣла насъкомаго является строительнымъ инструментомъ; я вижу, какъ

кончикъ брюшка растираетъ, разглаживаетъ и сплющиваетъ маленькую кучку глины со стороны, противоположной той, гдѣ работаютъ челюсти. Во время этого курьезнаго занятія у ножекъ нѣтъ другого дѣла, какъ поддерживать работницу, вытягиваясь и упираясь то здѣсь, то тамъ, по всей окружности трубки» (стр. 383).

Перегородка съ лазейкой окончена. Возвратимся къ измѣренію, которое такъ щедро практиковала осмія. Ясно до полной очевидности, что сказали бы Пуше, Роменсъ, Вундтъ и многіе, многіе другіе, вершающіе вопросы зоопсихологіи по чужимъ изслѣдованіямъ и подъ эгидой излюбленной доктрины о томъ, что дѣйствія насѣкомыхъ не только могутъ, но и должны опѣниваться не иначе, какъ по аналогіи съ соотвѣтствующими дѣйствіями людей. Фабръ, конечно, разсуждаетъ иначе, какъ и вездѣ, гдѣ онъ является прежде всего изслѣдователемъ, ставящимъ вопросы и ищущимъ на нихъ отвѣта у природы.

Онъ пишетъ: «какой въ самомъ дѣлѣ великолѣпный аргументъ въ пользу существованія разума у животныхъ! Геометрія, искусство измѣренія—въ маленькомъ мозгу осміи! Насѣкомое, размѣряющее заранѣе, какую комнату оно должно построить, какъ это сдѣлалъ бы строитель зданія! Но вѣдь это великолѣпно, вѣдь это должно пристыдить тѣхъ ужасныхъ скептиковъ, которые упорно отказываются признать у животнаго маленькія, непрерывныя звенья атомовъ разума. О, здравый смыслъ! Закрой свое лицо предъ этимъ выводомъ. Великолѣпному доказательству, которымъ я только-что подкрѣпилъ его, недостаетъ одной маленькой подробности, ничтожной подробности: измѣренію нѣтъ здѣсь мѣста. И я докажу это фактами».

И Фабръ это дѣйствительно доказываетъ длиннымъ рядомъ не подлежащихъ сомнѣнію цифровыхъ данныхъ, за которыми я отсылаю любознательнаго читателя къ самой книгѣ автора (стр. 384 и слѣд.).

Итакъ, *всѣ обычныя работы* насѣкомыхъ,—какъ бы ни казались онѣ разумными,—при ближайшемъ ихъ изученіи оказываются, по замѣчательно обстоятельнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ Фабра, инстинктивными, т.-е. сполна безсознательными. Таково заключеніе самого Фабра, таковымъ же неизбѣжно будетъ и заключеніе читателя, со вниманіемъ прочитавшаго его книгу.

III.

Соображенія въ защиту сознательныхъ способностей у насѣкомыхъ.

Казалось бы, вопросъ исчерпанъ и къ его рѣшенію прибавлять нечего, тому автору, по крайней мѣрѣ, который такъ опредѣленно формулировалъ эти свои заключенія и положилъ въ ихъ основу такіе убѣдительные факты.

Оказывается, однако, что рядомъ съ этими фактами и съ этими заключеніями Фабръ, какъ сказано выше, приводитъ рядъ другихъ, пытаясь, вопреки этимъ фактамъ, увѣрить читателя, что насѣкомыя, несмотря на ихъ «*поразительную глупость*», все-таки надѣлены разумными способностями.

На разсмотрѣніи данныхъ, помощью которыхъ Фабръ пытается доказать это свое мнѣніе, мы остановимся съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ именно они являются спорными по своему психологическому значенію. Прежде всего, при изученіи этой стороны изслѣдованій Фабра, насъ поражаетъ слѣдующее обстоятельство. Когда рѣчь шла объ инстинктивной дѣятельности насѣкомыхъ, какъ о таковой, т.-е. безсознательной, то опредѣленія и выводы дѣлались авторомъ ясно, просто и потому чрезвычайно убѣдительно. Какъ только онъ собирается устанавливать разумную способность этихъ животныхъ, такъ начинаются колебанія, неясности, догадки, предположенія, — все то однимъ словомъ, что мы такъ часто встрѣчаемъ на страницахъ многочисленныхъ писаній дилеттантовъ-любителей, сегодня открывающихъ у муравья «маленькія» способности Мольтке, завтра у таракана «маленькія» способности Меттерниха.

То Фабръ говоритъ о «хорошемъ пониманіи» пчелой (халикодомой) такихъ явленій (стр. 318), какія входятъ въ составъ ея *обычной дѣятельности*, которая у насѣкомыхъ, по вышеприведенному заявленію самого Фабра, всегда сполна инстинктивна, т.-е., по его же мнѣнію, сполна безсознательна; то онъ пишетъ, что халикодома имѣетъ, правда, «смутную», но все же «идею» о своемъ гнѣздѣ, другими словами, что она имѣетъ о немъ сознательное представленіе и т. д., и т. д. Но перейдемъ къ «фактамъ» и «выводамъ».

Напомню еще разъ читателямъ то мѣсто книги, въ которомъ

Фабръ даетъ критерій для опредѣленія *сознательныхъ* способностей насѣкомыхъ и тѣхъ случаевъ, когда эта способность проявляется. Въ двухъ словахъ это опредѣленіе и критерій таковы: *сознательными дѣйствіями* насѣкомыхъ будутъ тѣ, которыя способны къ *усовершенствованію при помощи опыта*—это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, дѣйствія, которыя являются на сцену всякій разъ, когда *случайности* измѣняютъ обычный порядокъ вещей, въ которомъ насѣкомое дѣйствуетъ, руководясь инстинктомъ. для таковыхъ дѣйствій совершенно достаточнымъ.

Остановимся на оцѣнкѣ этихъ положеній. Уже съ первыхъ шаговъ мы видимъ здѣсь ту неувѣренность, то колебаніе и неопредѣленность, о которыхъ я только-что упомянулъ.

Если насѣкомое обладаетъ способностью *усовершенствовать свои приемы путемъ опыта*, если оно обладаетъ способностью выбирать и извлекать изъ случая то, что ему полезно, т.-е., другими словами, если оно способно пользоваться обстоятельствами, то почему же не признать и не назвать эту способность *разумною*?

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе законенъ, что самъ Фабръ, на стр. 399, пишетъ: «*Разумъ есть способность связывать дѣйствіе съ его причиною и направлять его сообразно съ требованіями случайныхъ обстоятельствъ*». Ясно, стало быть, что тѣ способности, которыя онъ предполагаетъ у насѣкомыхъ и опредѣляетъ на стр. 414, суть именно разумныя способности, какъ онъ понимаетъ ихъ на стр. 399, и что основаній для того, чтобы терминъ «разумныя» замѣнить терминомъ «сознательныя способности», нѣтъ никакихъ.

Почему же Фабръ замѣняетъ первый терминъ послѣднимъ? Потому, видите ли, что *разумность* по отношенію къ насѣкомымъ «*терминъ слишкомъ возвышенный!*»

Такимъ образомъ Фабру и хочется надѣлать насѣкомыхъ разумностью, и не хочется расходиться съ фактами, которыхъ такъ много и которые такъ неумолимо доказываютъ противное.

И вотъ передъ нами начинается фигурировать какая-то странная способность, по своимъ внутреннимъ признакамъ «разумная», но вслѣдствіе «возвышенности» этого термина называемая только сознательною; причемъ въ нѣкоторыхъ,—правда очень рѣдкихъ,—случаяхъ она такъ-таки и называется «разумною», зато въ другихъ именуется «намекомъ на сознательную».

Разберемся въ этихъ фактахъ, а для того, чтобы читателю было легче въ нихъ ориентироваться и чтобы не повторяться по

поводу фактовъ однороднаго характера, я буду разсматривать ихъ не въ томъ порядкѣ, въ которомъ излагаетъ Фабръ свои изслѣдованія *по видамъ насѣкомыхъ*, которыхъ жизнь онъ описываетъ, а въ порядкѣ вопросовъ зоопсихологіи; съ этой цѣлью я остановлюсь только на фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ вопросамъ, раздѣливъ имѣющійся въ его книгѣ матеріалъ на четыре категоріи, въ каждой изъ которыхъ я остановлюсь на особенно выпуклыхъ и, съ точки зрѣнія автора, наиболѣе цѣнныхъ данныхъ.

Въ *первую* изъ этихъ категорій войдутъ факты, которые непосредственно имѣютъ доказать читателю наличность у насѣкомыхъ памяти, соображенія и другихъ элементовъ разумной дѣятельности.

Во *вторую* категорію войдутъ изслѣдованія Фабра, путемъ которыхъ онъ доказываетъ способность насѣкомыхъ къ усовершенствованію при помощи опыта.

Въ *третью* категорію войдутъ факты, которыми авторъ доказываетъ способность насѣкомыхъ считаться со случайностями и распоряжаться своими дѣйствіями сообразно съ обстоятельствами.

Въ *четвертую* категорію, наконецъ, войдутъ факты, которыми авторъ доказываетъ способность насѣкомыхъ къ сознательному выбору добычи, мѣста и матеріала построекъ.

Въ эти три категоріи самъ собою укладывается *весь матеріалъ*, изъ котораго Фабръ, а за нимъ и его сторонники, черпаютъ свои доводы для доказательства разумныхъ способностей у насѣкомыхъ. Мы разсмотримъ этотъ матеріалъ въ послѣдовательности указанныхъ категорій.

IV.

Факты первой категоріи, имѣющіе доказать путемъ непосредственныхъ наблюденій наличность у насѣкомыхъ памяти, соображенія и другихъ элементовъ разумной дѣятельности.

Самые убѣдительные изъ этихъ фактовъ доставляются, конечно, тѣми наблюденіями надъ жизнью муравьевъ, которымъ нѣсть конца и которыми для «сочиненій» о разумѣ животныхъ пользовались тысячи писателей. Въ этихъ же наблюденіяхъ черпаетъ матеріалъ для своихъ доводовъ и Фабръ, останавливаясь главнымъ образомъ на давно извѣстной способности муравьевъ находить до-

рогу, по которой они однажды прошли. Вопросъ таковъ, что руководить ими при этомъ? Если обоняніе, то ни о памяти, ни о соображеніи и запоминаніи мѣстъ не можетъ быть и рѣчи, разумѣется; если зрѣніе, то и память и соображеніе должны быть допущены, такъ какъ безъ нихъ обойтись при этихъ условіяхъ безусловно нельзя.

Нечего и говорить, конечно, что Фабръ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы приписать руководящую роль въ этой дѣятельности муравьевъ не обонянію, а зрѣнію: наличность психическихъ способностей, стоящихъ въ связи съ дѣятельностью этихъ органовъ чувствъ, вытекаетъ при этихъ условіяхъ сама собою.

Вотъ что мы у него читаемъ по этому предмету.

Рѣчь идетъ объ охотѣ рыжихъ муравьевъ, которые грабятъ куколки въ сосѣднихъ муравейникахъ и всегда возвращаются къ себѣ по той дорогѣ, по которой прошли.

«Предположимъ,—говоритъ Фабръ,—что они только-что перешли черезъ кучу сухихъ листьевъ: для нихъ этотъ путь полонъ пропастей, въ которыя ежеминутно повторяются паденія, и многіе изнемогаютъ, стараясь выбраться изъ глубины и выкарабкаться наверхъ по колеблющимся мостикамъ, чтобы выйти, наконецъ, изъ лабиринта закоулковъ. Что за важность! При возвращеніи муравьи не преминутъ, даже обремененные ношей, перейти еще разъ этотъ трудный лабиринтъ. Что нужно имъ сдѣлать, чтобы избѣжать такого труда? Отклониться немного отъ первоначальнаго пути: вотъ, совсѣмъ близко, въ одномъ шагѣ разстоянія, хорошая дорога. Но это небольшое отклоненіе не въ ихъ видахъ».

Оно было бы какъ нельзя болѣе въ ихъ видахъ. скажемъ мы отъ себя, если бы только они могли свернуть съ своей дурной дороги на хорошую, но сдѣлать-то этого они къ своему несчастію не могутъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ доказано.

Но обратимся къ Фабру.

«Однажды,—говоритъ онъ—я видѣлъ, какъ они, отправляясь въ набѣгъ, проходили по внутренней окраинѣ каменнаго бассейна, который я населилъ красными рыбками. Дулъ сильный вѣтеръ и сбрасывалъ цѣлые ряды муравьевъ въ воду. Собрались рыбы и глотали утопленниковъ. Это былъ трудный путь: прежде, чѣмъ перейти его, войско уменьшилось разъ въ десять. Я думалъ, что возвращеніе совершится по другому пути, который обой-

детъ роковую бездну. Ничего подобнаго! Банда, обремененная куколками, опять пустилась по опасной дорогѣ, и краснымъ рыбкамъ выпала двойная манна: муравьи и ихъ добыча. Войско снова поплатилось массою погибшихъ, лишь бы не мѣнять направленія».

«Безъ сомнѣнія, это возвращеніе домой по пути, уже пройденному, обусловливается трудностью найти жилище послѣ далекой экспедиціи, сопровождаемой капризными поворотами. Если насѣкомое не желаетъ сбиться съ дороги, то у него нѣтъ выбора: оно должно возвращаться по знакомой ему, уже разѣ пройденной дорогѣ. Весь вопросъ въ томъ: чѣмъ руководствуется животное, двигаясь путемъ, однажды пройденнымъ? Когда гусеницы походнаго шелкопряда выходятъ изъ гнѣзда и переползаютъ на другую вѣтку, чтобы добыть себѣ листочковъ по своему вкусу, онѣ выпускаютъ дорогую шелковыя нити и по нимъ возвращаются обратно. Вотъ самый элементарный способъ, употребляемый насѣкомымъ, которому грозитъ опасность заблудиться: шелковая дорожка приводитъ его домой».

«Чѣмъ же руководствуется муравей? Подражаетъ ли онъ, до извѣстной степени, шелкопряду, т. е. оставляетъ ли онъ, если не руководящія шелковыя нити, которыхъ онъ не умѣетъ производить, то какой-нибудь запахъ, какое-нибудь испареніе муравьиной кислоты, на примѣръ, которое позволяло бы ему руководиться чувствомъ обонянія? Такъ смотрятъ на это многіе, говоря, что муравьи руководятся обоняніемъ, которое, повидимому, помѣщается въ усикахъ, находящихся въ постоянномъ движеніи».

Фабръ, и мы знаемъ почему,—смотреть на предметъ иначе. Онъ полагаетъ, что муравьи руководятся зрѣніемъ, въ доказательство чего приводитъ рядъ опытовъ, которые, по его мнѣнію, доказываютъ, что муравьи руководятся не обоняніемъ, и которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляются совершенно дѣтскими, въ сравненіи съ тѣми, которыми Леббокъ доказываетъ противное. Вотъ опыты Фабра.

«Я вооружаюсь большою щеткой и заметаю слѣды на пространствѣ въ метръ ширины. Такимъ образомъ пыль сметена и замѣнена другою. Если на пылинкахъ оставался запахъ отъ муравьевъ, то теперь отсутствіе его собьетъ ихъ съ пути. Такимъ способомъ я перерѣзываю путь въ четырехъ мѣстахъ, на различныхъ разстояніяхъ. Вотъ колонна подходитъ къ первому пе-

рерыву. Колебание муравьевъ очевидно. Нѣкоторые идутъ назадъ, потомъ впередъ, потомъ опять назадъ; другіе разсыпаются по окраинѣ и какъ будто стараются обойти незнакомое мѣсто. Авангардъ, сначала сбившійся на пространствѣ нѣсколькихъ дециметровъ въ ширину, рассыпается вширь на 3—4 метра. Передъ препятствіемъ увеличивается число приходящихъ сзади и образуется нерѣшительная толкотня. Наконецъ, нѣсколько муравьевъ пускается наудачу по прометенному мѣсту, остальные слѣдуютъ за ними, тогда какъ большая часть нашла слѣдъ обходомъ. На остальныхъ перерывахъ тѣ же остановки, тѣ же колебанія; тѣмъ не менѣе, всѣ они пройдены прямо или обходомъ. Несмотря на мои козни, возвращеніе совершается по намѣченному пути». (Стр. 341 и сл.).

Не трудно видѣть, что этотъ первый опытъ говорить сполна за руководство муравьевъ *органомъ обонянія*, а не зрѣнія, и самъ Фабръ признаетъ это съ оговоркой «*какъ будто*». Четыре раза на каждомъ перерывѣ повторяется колебаніе. Если тѣмъ не менѣе, возвращеніе совершается по пройденному пути, то это можетъ зависѣть отъ того, что щетка работала недостаточно чисто и оставила на мѣстѣ частички пахнувшей пыли. Муравьи, которые прошли обходомъ, могли руководиться пахучими остатками, отнесенными на край. Прежде чѣмъ высказаться за или противъ, нужно повторить опытъ въ лучшихъ условіяхъ, и Фабръ его повторяетъ.

Опытъ второй. «Холщевая труба, служащая для поливки сада, прикрѣплена однимъ концомъ къ желобу бассейна; кранъ открытъ, и дорога муравьевъ залита непрерывнымъ потокомъ, шириною въ большой шагъ и неопредѣленной длины. Вода пущена обильно и быстро, чтобы смыть хорошенько съ почвы все, что могло быть пахучимъ. Смыванье длится съ четверть часа. Когда муравьи приближаются, возвращаясь съ охоты, я уменьшаю быстроту теченія и дѣлаю глубину водной скатерти такую, чтобы она не превышала силъ насѣкомаго. Вотъ препятствіе, которое муравьи должны перейти, если имъ непременно нужно идти по старому слѣду. Здѣсь колебаніе продолжительно, задніе успѣваютъ догнать передовыхъ. Однако, муравьи все-таки рѣшаются пуститься черезъ потокъ, при помощи нѣсколькихъ крупныхъ соринокъ, плавающихъ тамъ и сямъ; дно уходитъ изъ-подъ нихъ, потокъ увлекаетъ самыхъ отважныхъ, которые, не остав-

ля добычи, плывутъ по теченію, попадаютъ на мелкое мѣсто и начинаютъ опять поиски брода. Нѣсколько маленькихъ соломенокъ, принесенныхъ водою, останавливаются тамъ и сямъ: черезъ эти колеблюшіеся мостики пускаются муравьи. Сухіе оливковые листья обращаются въ плоты, обремененные пассажирами. Самые ловкіе, отчасти собственными усиліями, отчасти благодаря счастливымъ случайностямъ, немедленно достигаютъ противоположнаго берега. Я вижу такихъ, которые, будучи отнесены потокомъ на разстояніе 2—3 шаговъ, кажутся очень озабоченными вопросомъ, что имъ дѣлать. Короче, такъ или иначе, потокъ перейдетъ по старому слѣду» (ibid).

Опытъ этотъ, очевидно, такъ же мало, какъ и первый, доказываетъ участіе въ передвиженіи муравьевъ органовъ зрѣнія; но Фабръ полагаетъ иначе.

«Послѣ опыта съ потокомъ, смывающимъ почву и обновляющимъ свою воду въ продолженіе перехода, мнѣ кажется очевиднымъ, что запахъ не можетъ играть здѣсь роли».

Однако онъ продѣлываетъ еще одинъ опытъ.

«Посмотримъ» говоритъ онъ, «что будетъ, если запахъ муравьиной кислоты (если онъ только есть), замѣнить другимъ, несравненно болѣе сильнымъ запахомъ и доступнымъ нашему обонянію».

Прежде нежели говорить о результатахъ этого опыта мы не можемъ не отмѣтить его принципиальной непригодности: запахъ, который доступенъ нашему обонянію, отнюдь не самый сильный и самый душистый для насѣкомаго; разсуждая такимъ образомъ, мы совершенно не могли бы постигнуть, какимъ образомъ лягавая собака отыскиваетъ по слѣдамъ коростеля въ пахучемъ лугу, гдѣ цвѣты такъ сильно пахнутъ и гдѣ никакому человѣческому обонянію не удастся обнаружить запахъ слѣдовъ коростеля. Или лягавая собака тоже руководится не обоняніемъ?

Но посмотримъ, что вышло у Фабра изъ его опыта. Онъ подстерегъ выходъ муравьевъ и въ одномъ мѣстѣ ихъ пути натеръ почву... «нѣсколькими горстями мяты».

Возвращающіеся муравьи, какъ это и слѣдовало ожидать, конечно, не замѣчаютъ продѣлки «коварнаго изслѣдователя» и къ недоумѣнію Фабра исправно проходятъ своею дорогой.

Интереснѣе всего, что, описавъ этотъ третій опытъ, Фабръ съ

чувствомъ полного удовлетворенія пишетъ: «послѣ этихъ двухъ опытовъ, я думаю, невозможно обоняніе считать руководителемъ муравьевъ, возвращающихся въ инъздо» (курсивъ мой).

Чтобы доказать теперь, что *органомъ*, который руководитъ передвиженіемъ муравьевъ, является именно зрѣніе, Фабръ кладетъ на ихъ пути листъ газеты, а немного далѣе усыпаетъ ихъ путь желтымъ пескомъ. Цвѣту и внѣшнимъ особенностямъ этихъ предметовъ онъ приписываетъ «смущеніе» муравьевъ, которые въ концѣ концовъ благополучно справляются съ этими «хитростями», какъ ихъ называетъ Фабръ.

Въ заключеніе мы читаемъ: «такъ какъ листы бумаги и песокъ не могли уничтожить запаха, то, очевидно, по остановкамъ и колебаніямъ здѣсь муравьевъ, что находить дорогу помогаетъ муравьямъ не обоняніе, а зрѣніе».

Сравнивая эти «эксперименты и хитрости» съ изслѣдованіями по этому вопросу Леббока, мы легко убѣждаемся въ ихъ полной несостоятельности *). Названный ученый начинаетъ съ того, что рядомъ опытовъ устанавливаетъ наличность *обонянія* у муравьевъ. Изслѣдованія въ этомъ направленіи Леббокъ заключаетъ словами: «не можетъ быть никакого сомнѣнія, что у муравьевъ высоко развито чувство обонянія» (стр. 232). Установивъ этотъ фактъ, Леббокъ переходитъ къ вопросу, который пробовалъ рѣшить Фабръ. Съ этою цѣлью авторъ предпринялъ цѣлую серію замѣчательно точныхъ и остроумныхъ опытовъ; я не буду здѣсь приводить ихъ описанія, такъ какъ они сопровождаются рисунками и представляются довольно сложными. Скажу кратко, что вся сумма добытыхъ имъ фактовъ приводитъ насъ къ несомнѣнному выводу, что заключенія Фабра объ умственныхъ способностяхъ муравьевъ, основанныя на способности ихъ находить дорогу, руководствуясь органами зрѣнія, объ ихъ огромной памяти, ихъ соображеніи и пр., представляютъ собою плоды антропоморфизма, и что ключа къ объясненію описываемыхъ имъ явленій должно искать не въ умственныхъ способностяхъ этихъ насѣкомыхъ, а въ ихъ развитомъ обоняніи.

Къ тому же заключенію приводятъ и наблюденія Д. В. Аверкіева («Муравьиные слѣды»). Авторъ этотъ, установивъ помощью сво-

*) «Муравьи, пчелы и осы» сэра Д. Леббока, переводъ съ англійскаго Д. В. Аверкіева.

ихъ изслѣдованій наличность обонянiя у муравьевъ и ихъ способность руководиться этимъ органомъ чувства при передвиженiяхъ, пошелъ еще далѣе по пути изслѣдованiя. Онъ задался вопросомъ: что собственно составляетъ предметъ этихъ слѣдовъ, и цѣлымъ рядомъ опытовъ съ лакмусовой бумажкой доказываетъ, что этимъ предметомъ служитъ выдѣляемая ими кислота.

Приведу здѣсь одинъ изъ этихъ опытовъ.

Авторъ ночью, когда муравьи спали, наложилъ на стволъ дерева, по которому они двигались къ обитающимъ на нихъ тлямъ, бумажное кольцо «изъ трехъ слоевъ довольно плотной (такъ называемаго № 2-го) писчей бумаги, и сверху наложилъ болѣе узкую полоску лакмусовой бумаги, которая такимъ образомъ была уединена отъ коры дерева. «Муравьи начинаютъ работать очень рано,—продолжаетъ авторъ; я снялъ бумажку въ 10 часовъ. Снявъ ее и обрѣзавъ концы, за которые брался руками, я отпустилъ ее на секунду, другую—въ тарелку съ водою и затѣмъ разложилъ на листъ бѣлой бумаги. Ширина бумажки равнялась почти дюйму. Она оказалась перерѣзанной нѣсколькими поперечными розовыми полосками въ мѣстахъ, гдѣ тянулись вереницей муравьи; въ другихъ же мѣстахъ сохранила свой синiй цвѣтъ. Три непрерывныя розовыя полосы соответствовали тремъ излюбленнымъ муравьями дорожкамъ».

Изъ этихъ и многихъ другихъ, столь же убѣдительныхъ данныхъ г. Аверкиевъ съ полнымъ правомъ заключаетъ, что муравьи оставляютъ по себѣ кислотный слѣдъ, что они идутъ другъ за другомъ и отыскиваютъ дорогу при помощи обнюхиванья этого, какъ извѣстно, весьма пахучаго слѣда.

Намъ могутъ сказать на это, пожалуй, что, если слѣланныя нѣкоторыми авторами заключенiя о томъ, что муравьи обыкновенно руководятся обонянiемъ, которое у нихъ прекрасно развито,—и справедливы, то это отнюдь еще не устраняетъ предположенiя о томъ, что муравьи могутъ руководиться глазами.

Отвѣчу на это ссылкой на замѣчательно точныя изслѣдованiя Фореля *), который съ полною опредѣленностью утверждаетъ, что зрѣнiе этихъ насѣкомыхъ *дурно*.

Форелю мы обязаны и фактическими данными для рѣшенiя вопроса въ этомъ смыслѣ. Такъ, онъ доказалъ, между прочимъ,

*) Forel. Beitrag zur Kenntniss der Sinnesempfindungen der Insecten, 1878.

что муравьи съ отрѣзанными усиками, т. е. лишенные органовъ обонянія, не въ состояніи разыскать гнѣзда, что они являются совершенно потерянными («entièrement perdus»); наоборотъ, лишенные глазъ, но сохранившіе усики оказываются способными разыскать дорогу къ жилищу*). Въ другомъ изслѣдованіи**) онъ удостовѣряетъ, что *движеніе* предметовъ муравьи могутъ обнаружить на разстояніи *метра* и дѣлаютъ это помощью именно органовъ зрѣнія, а не другого какого-нибудь органа чувства, такъ какъ замѣчаютъ двигающійся предметъ даже тогда, когда помѣщаются въ стеклянномъ ящикѣ. Предметы *неподвижные*, какъ это констатируетъ Forel и какъ это и я имѣлъ случай наблюдать много разъ при своихъ изслѣдованіяхъ надъ этими животными, они видятъ *очень дурно*. Такъ, *Formica rufa* не замѣчаетъ кокона и личинокъ на самомъ близкомъ разстояніи, въ то время даже, когда ихъ разыскиваетъ, т. е. если, напримѣръ, отнять такую личинку, когда муравей ее тащитъ, и положить ее востѣ его пути.

Forel свидѣтельствуесть, что во время сраженій двухъ муравейниковъ *Formica pratensis*, враги видятъ другъ друга лишь тогда, когда находятся въ движеніи; въ случаѣ же, если одинъ изъ нихъ держится неподвижно, то другіе обнаруживаютъ его присутствіе лишь при такой близости, при которой могутъ ощущать его щупальцами (*ibid.*)

Нужны ли дальнѣйшіе доводы для того, чтобы признать попытку Фабра отрицать роль обонянія и приписать ее органамъ зрѣнія при передвиженіи муравьевъ — крайне неудачной? А въ силу этой неудачи падаютъ и соображенія о памяти муравьевъ, о ихъ соображеніи, которыхъ наличность пытался доказать Фабръ путемъ приурочиванія функций органовъ обонянія — органамъ зрѣнія.

Мы такъ долго останавливались на этой попыткѣ Фабра, что считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ другія аналогичныя его наблюденія надъ другими насѣкомыми: смыслъ и значеніе какъ фактовъ, такъ и заключеній совершенно таковы же, какъ и смыслъ фактовъ и заключеній Фабра по вопросу о перемѣщеніи муравьевъ. Всѣ они удостовѣряютъ одно и то же, а имен-

*) Forel. Appendice a mon Memoire sur la sensation des insectes 1886 r.

**) Les fourmis de la Suisse.

но, что либо выводъ сдѣланъ изъ фактовъ съ такими натяжками, что его достоинство совершенно очевидно представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ; либо выводъ представляется правильно сдѣланнымъ изъ наличнаго числа имѣвшагося у Фабра фактическаго матеріала, но самый этотъ матеріалъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, оказывается совсѣмъ неудовлетворительнымъ.

Исправивъ дефекты, мы во всѣхъ случаяхъ приходимъ къ одному и тому же заключенію: наличность памяти, соображенія и другихъ высшихъ способностей сознательной дѣятельности у насъкомыхъ *ничѣмъ не доказана*; напротивъ, предположеніе о такихъ способностяхъ стоитъ въ коренномъ и неисправимомъ противорѣчій съ безчисленными фактами, удостовѣряющими *полную безсознательность инстинктивной дѣятельности* насъкомыхъ и ихъ, выражаясь языкомъ Фабра, поразительную «глупость».

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Владиміръ Вагнеръ.

Новый историко-философскій трудъ.

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе М. Ковалевскаго. Москва. 1898 г. XII + 371 стр.

Книга, заглавіе которой мы выписали выше, принадлежитъ къ числу явленій въ высшей степени оригинальныхъ и интересныхъ. Это—краткое изложеніе цѣлаго историческаго и общественнаго міросозерцанія, сдѣланное человѣкомъ, очевидно, много читавшимъ, очень много знающимъ, а главное—страшно много переумавшимъ. Такія книги заслуживаютъ, прежде всякихъ другихъ, быть отмѣченными въ періодической печати, какъ общей, такъ и специальной,—въ послѣднемъ случаѣ, конечно, если предметъ книги соотвѣтствуетъ характеру specialнаго органа. Трудъ г. Арнольди посвященъ философіи исторіи, и на этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ познакомить читателей «Вопросовъ философіи и психологіи» съ этой книгою.

Книга г. Арнольди можетъ быть раздѣлена на двѣ неравныя части. Вторая, бѣльшая, часть представляетъ собою общую схемисторіи мысли, заключающую въ себѣ «въ самыхъ общихъ чертахъ послѣдовательные фазисы работы этой мысли, которые привели человѣчество отъ первыхъ проявленій этой работы въ древнѣйшую эпоху до-историческаго періода къ тѣмъ задачамъ будущаго, которыя та же работа ставитъ передъ современнымъ человѣкомъ» (стр. 143). Первая, значительно меньшая часть книги именно и посвящена установленію общихъ принциповъ научно-философскаго пониманія исторіи, причемъ и въ этой части мы можемъ различать двѣ самостоятельныя темы. Одна тема имѣетъ своимъ предметомъ исторію, какъ науку, другая

касается самой сущности того процесса, который изучается этою наукой. Несмотря на то, что эта послѣдняя тема не выдвигается впередъ по количеству страницъ, ей отведенныхъ, она занимаетъ во всей книгѣ,—по крайней мѣрѣ, какъ мы на нее посмотримъ,—главное и центральное мѣсто. Во-первыхъ, задачи исторической науки авторъ несомнѣнно формулируетъ въ зависимости отъ того, какъ онъ понимаетъ самый предметъ, изучаемый этою наукою, а во-вторыхъ, самая схема исторіи мысли, которую онъ даетъ во второй части своей книги, является не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ дѣйствительной исторіи основныхъ принциповъ теоретическаго пониманія исторіи, въ смыслѣ особаго процесса, совершающагося среди другихъ процессовъ въ мірѣ явленій. Вотъ почему и мы въ дальнѣйшемъ остановимся болѣе подробно лишь на мысляхъ автора, содержащихъ въ себѣ извѣстное пониманіе историческаго процесса, а взгляды его на историческую науку и на исторію мысли черезъ всѣ эпохи жизни человѣчества затронемъ лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія общаго историческаго міросозерцанія автора. Впрочемъ, и во второй части книги г. Арнольди мы должны выдѣлить одну главу, именно послѣднюю, въ которой онъ разсматриваетъ теченія и партіи настоящаго времени. Эта глава проливаетъ особый свѣтъ на общественное міросозерцаніе автора и во многомъ помогаетъ намъ въ пониманіи его общей теоріи историческаго процесса. Можно даже сказать, что съ точки зрѣнія самого же г. Арнольди необходимо имѣть въ виду его общественное міросозерцаніе, для того чтобы вполне уяснить себѣ его пониманіе исторіи. Дѣло въ томъ, что, разбирая въ особой главѣ вопросъ объ объективныхъ и субъективныхъ теоріяхъ въ социологіи и исторіи, г. Арнольди между прочимъ высказывается въ томъ смыслѣ, что переработка историческаго знанія въ историческое пониманіе, требующая отъ каждаго ученаго добросовѣстнаго изслѣдованія данныхъ науки и критической ихъ оцѣнки, не можетъ обойтись еще и безъ извѣстныхъ субъективныхъ качествъ, зависящихъ отъ общаго развитія историка (стр. 86). Понятно, что наилучшимъ показателемъ общаго развитія историка можетъ служить его личное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ своего времени. Въ томъ, что онъ считаетъ наиболѣе важнымъ въ прошломъ, такъ или иначе всегда сказывается его общественное міросозерцаніе. Какъ бы отвлеченно ни было его теоретическое

описаніе историческаго процесса, оно всегда будетъ тѣсно связано съ его отношеніемъ къ практическимъ вопросамъ жизни его времени. Авторъ вообще сторонникъ субъективизма, хотя и заключаетъ его въ строго опредѣленныя границы. Пониманіе исторіи требуетъ большого личнаго развитія, потому что одного изученія, по его мнѣнію, недостаточно для различенія въ исторіи существеннаго и случайнаго, важнаго и второстепеннаго, здороваго и патологическаго. Всюду, —говоритъ онъ,—гдѣ достаточно знанія и добросовѣстности, чтобы понять историческія явленія или воспринять ихъ цѣльную картину, субъективные приемы не только излишни, но и не научны; но, продолжаетъ онъ, «во многихъ случаяхъ изученіе эволюціи неповторяющихся явленій не даетъ объективнаго средства для рѣшенія только-что указанныхъ вопросовъ, въ особенности для оцѣнки *важности* явленія, ни для отнесенія его къ явленіямъ *здоровымъ* или *патологическимъ*, ни даже для опредѣленія для данной эпохи, какія эволюціонныя *возможности* для нея имѣли мѣсто. Тѣмъ не менѣе отказаться отъ попытки рѣшить эти вопросы значило бы отказаться отъ научнаго пониманія процесса исторіи. Рѣшить ихъ возможно большею частью лишь путемъ заботы историка о своемъ *общемъ* развитіи, позволяющемъ все болѣе правильные *субъективные* приемы этого рѣшенія» (стр. 103).

Посмотримъ, въ чемъ же заключаются, по мнѣнію г. Арнольди, задачи научно-философскаго пониманія исторіи. Въ самомъ началѣ своей книги онъ отмѣчаетъ «разницу, существующую по самой сущности дѣла между нѣсколькими главнѣйшими категориями историческихъ трудовъ, которыя каждая могутъ ставить передъ умами изслѣдователя того или другого типа вполне рациональную задачу особаго рода». Первая задача, именно задача исторической эрудиціи и исторической критики, заключается въ установленіи съ возможно большею точностью отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ область историческаго знанія, а вторая задача, которую авторъ называетъ историческою эстетикою, состоитъ въ воскрешеніи той или другой эпохи «съ тою цѣльностью впечатлѣнія и съ тѣмъ распредѣленіемъ свѣтотѣни и красокъ, какими пользуется художникъ для своихъ эстетическихъ задачъ» (стр. 6—7). Отъ этихъ двухъ задачъ г. Арнольди отличаетъ задачу «научно-философскаго пониманія исторіи, устанавливающаго съ возможно большею ясностью какъ необходимость пере-

хода всякаго предыдущаго фазиса общественной жизни въ послѣдующій, такъ различіе главныхъ и второстепенныхъ элементовъ этого процесса, особенность роли каждаго изъ нихъ въ различныя эпохи, усиленіе однихъ и атрофію другихъ» (стр. 7). По опредѣленію г. Арнольди, цѣль исторической эрудиціи и критики — дать прочную подкладку какъ картинѣ историка-художника, такъ и пониманію историка-мыслителя; но оба послѣдніе преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли и добиваются рѣшенія своихъ задачъ совершенно различными способами. Это понятно само собою, и, конечно, послѣднею цѣлью историка-мыслителя можетъ быть только общее и объединенное историческое міросозерцаніе, какъ «попытка понять исторію въ цѣлости ея совершившагося уже процесса,—попытка, доставляющая подкладку для рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ современности, позволяющая до нѣкоторой степени угадывать и будущій ходъ событій» (стр. 10). Такимъ образомъ, по мысли г. Арнольди, общее и объединенное историческое міросозерцаніе должно охватывать собою весь историческій процессъ, включая сюда все прошлое, нынѣ переживаемый моментъ и вѣроятное будущее. Само собою разумѣется, что такая задача немыслима безъ внесенія въ научно-философское пониманіе исторіи разнаго рода гипотезъ, безъ которыхъ, впрочемъ, не обходится ни одна наука. «Отношеніе исторіи, какъ науки,—говорить г. Арнольди,—къ фактамъ, входящимъ въ ея составъ, и гипотезамъ, служащимъ для ихъ группировки и для пониманія ихъ связи, остается совершенно такимъ же, какъ и во всякой другой наукѣ» (стр. 14), т.-е. «степень основательности и научности гипотезъ обусловливается прежде всего количествомъ и качествомъ того фактическаго матеріала, на которомъ самыя гипотезы были построены при ихъ появленіи, а затѣмъ поддержкою, которую каждая изъ нихъ находитъ въ дальнѣйшихъ результатахъ исторической критики и эрудиціи» (стр. 19).

С

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги г. Арнольди говоритъ о разныхъ гипотезахъ, среди которыхъ историку приходится дѣлать тотъ или другой выборъ, и вотъ именно тутъ дѣло не обходится безъ субъективнаго элемента, подверженнаго, конечно, большимъ измѣненіямъ. Значеніе объективности онъ признаетъ за «всѣми тѣми результатами мышленія, которые могутъ быть усвоены всякимъ изслѣдователемъ при достаточномъ знаніи и

достаточной добросовѣстности, каково бы ни было его отноше-
ніе къ другимъ областямъ вѣрованія, философскаго міросозер-
цанія, личныхъ и общественныхъ влеченій, страстей и жизнен-
ныхъ цѣлей». Съ этой точки зрѣнія, конечно, научный объек-
тивизмъ устраняетъ, какъ незаконные, субъективизмъ личнаго
пристрастія или субъективизмъ случайнаго и произвольнаго мнѣ-
нія или, наконецъ, субъективизмъ невѣдѣнія, обусловленный не-
достаткомъ знанія и правильнаго умозаключенія. «Эти приемы, —
говоритъ онъ, — не научны не потому, что они субъективны,
а потому, что ихъ субъективизмъ можетъ всякимъ изслѣдова-
телемъ быть устраненъ изъ его работъ, если этотъ изслѣдова-
тель усвоилъ достаточно всѣмъ доступной критики и всѣмъ
доступнаго знанія фактовъ» (стр. 87). Но въ той области, гдѣ
мало одного фактическаго знанія и критической добросовѣстности,
субъективизмъ является необходимостью и нисколько не
вредитъ научности. Главными вопросами, для которыхъ нѣтъ объ-
ективныхъ критеріевъ, являются тѣ, которые касаются оцѣнки
важности фактовъ, отнесенія ихъ къ явленіямъ здоровымъ или
патологическимъ, или опредѣленія для данной эпохи, какія эво-
люціонныя возможности для нея существовали (стр. 103). Только
личное развитіе историка можетъ доставить нужный ему критерій
для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Между прочимъ, для науч-
но-философскаго пониманія исторіи важно въ извѣстныхъ слу-
чаяхъ гипотетически себѣ представить, какъ могли бы разви-
ваться историческія явленія. «Объективно, говоритъ г. Арнольди,
процессъ исторіи неизбѣженъ во всѣхъ его подробностяхъ, но
внѣ этого философскаго детерминизма, приложить который къ
частнымъ явленіямъ данной эпохи съ какою-либо точностью
большею частью историкѣ невозможно, всякая попытка научно
понять какую-либо эпоху представляетъ историкѣ нѣсколько *воз-*
можностей дальнѣйшаго хода событій. Ученый, продолжаятъ онъ,
можетъ довольно часто *объективно* установить всѣ эти возмож-
ности; но переноса на нихъ понятія о нормальномъ ходѣ собы-
тій и объ отклоненіи отъ него, о здоровомъ развитіи общества
и о патологическихъ явленіяхъ, онъ принужденъ, въ виду задачъ
научнаго пониманія, оцѣнить нормальность совершающагося» (стр.
99). «Въ каждую данную эпоху, говоритъ еще авторъ, рядомъ
съ реальнымъ ходомъ событій *совершившихся* историкѣ приходится
при недостаточности его фактическаго знанія допускать нѣсколь-

ко *возможныхъ*, но не осуществившихся рядовъ событий. Эти возможности обуславливаютъ субъективное признаніе того или другого явленія здоровымъ или болѣзненнымъ, но при самомъ признаніи *возможными* различныхъ процессовъ далеко не всегда мы имѣемъ передъ собою достаточно объективныхъ данныхъ, чтобы устранить колебанія» (стр. 101). Поставивъ для примѣра нѣсколько подобныхъ вопросовъ, г. Арнольди допускаетъ, что многое для ихъ рѣшенія «можетъ дать объективное изученіе того, что было логически необходимо, констатированіе распредѣленія экономическихъ, политическихъ и умственныхъ силъ въ обществѣ данной минувшей эпохи и нѣкоторыхъ вѣроятностей въ прежнихъ комбинаціяхъ, жизненныхъ элементовъ прошлаго и его переживаній». Но, думаетъ онъ, большею частью эти приемы мысли окажутся недостаточными, и вотъ тогда «историкъ, поднявшійся болѣе или менѣе высоко въ своемъ общемъ развитіи, будетъ склоняться къ тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ, преимущественно во имя своего субъективнаго пониманія социологическихъ и историческихъ задачъ помимо своего фактическаго знанія и своей критической добросовѣстности. Всего чаще,—заключаетъ г. Арнольди,—лишь это субъективное пониманіе подскажетъ ему: *это* было возможно въ прошедшемъ, хотя и не совершилось; *это* возможно въ ближайшемъ будущемъ; а *это* должно быть устранено изъ предѣловъ исторической возможности» (стр. 102). Въ видѣ примѣровъ приводятся, между прочимъ, такіе вопросы. Прежде всего для примѣра споровъ «относительно того, что въ данный моментъ исторіи было явленіемъ здоровымъ или патологическимъ, совершенно независимо отъ страданій, вносимыхъ этими явленіями въ общество», авторъ ссылается на различныя оцѣнки, какимъ подвергается процессъ развитія и господство капиталистическаго строя. «Противники социализма торжественно прославляютъ капитализмъ; одна часть социалистовъ смотритъ на этотъ строй, какъ на болѣзненное, но *необходимое* подготовленіе социализма; есть и такіе, которые вносятъ въ это положеніе нѣкоторыя видоизмѣненія: они вполне признаютъ эту подготовительную роль капитализма, какъ *господствующаго* начала у многихъ народовъ, достигшихъ опредѣленнаго фазиса развитія индустріи; однако, они не считаютъ самое это господство неизбѣжнымъ фазисомъ подготовленія социализма у другихъ націй; они полагаютъ возможнымъ, а потому и необходимымъ довести

въ настоящемъ проявленіи капитализма до возможно меньшаго минимума, какъ это желательно для всякаго процесса, признаннаго патологическимъ... Точно также субъективная оцѣнка почти неизбѣжна для оцѣнки фактовъ той борьбы, которая шла и продолжаетъ идти въ европейскомъ обществѣ въ продолженіе послѣднихъ вѣковъ между догматическими и научными элементами» (стр. 100). Тамъ, гдѣ у г. Арнольди идетъ рѣчь о разныхъ возможностяхъ, онъ ставитъ, напримѣръ, и такіе вопросы: «возможна ли была для греческаго міра иная постановка политическихъ задачъ, чѣмъ та, которая привела къ господству надъ нимъ сначала Македоніи, потомъ Рима? Возможенъ ли былъ независимо отъ личной силы мысли Платона и Аристотеля иной процессъ эволюціи греческой философской мысли, чѣмъ тотъ, который поставилъ на первое мѣсто ученія этихъ двухъ философовъ, отодвигая на второй планъ интеллектуальную традицію Демокрита и Эпикура?» Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ прямо даже касаются современности, напримѣръ, такой вопросъ: «Можетъ ли на почвѣ борьбы труда съ капиталомъ установиться солидарность всего трудящагося человѣчества и можетъ ли выработаться при этомъ общество, гдѣ низшіе интересы (экономическіе) уступали бы въ историческомъ значеніи высшимъ (нравственнымъ)?» (стр. 101—102). Отказаться отъ попытки рѣшенія такихъ вопросовъ, по мнѣнію г. Арнольди, значило бы отказаться отъ научнаго пониманія процесса исторіи.

Только что приведенные примѣры указываютъ на то, что въ своемъ историческомъ представленіи г. Арнольди соединяетъ прошлое съ настоящимъ и съ возможнымъ будущимъ. Въ современной жизни современныхъ народовъ существуютъ разныя теченія и партіи, по поводу которыхъ историкъ можетъ интересоваться не только ихъ генезисомъ изъ общественныхъ теченій и партій предыдущаго времени, но и ихъ внутреннимъ значеніемъ для нашего времени и ихъ судьбою въ ближайшемъ будущемъ. «Вдумываясь,—говоритъ г. Арнольди,—въ эти грозные для нашего времени вопросы, мы скоро приходимъ къ убѣжденію, что отвѣты на нихъ могутъ быть выработаны, хотя бы и гадательно, историкомъ мысли лишь въ тѣсной связи съ пониманіемъ логической или фактической послѣдовательности эпохъ новой европейской цивилизаціи вообще, причемъ и къ самимъ этимъ борющимся въ наше время теченіямъ приходится приложить—хотя бы

гипотетически—пріемъ изученія ихъ, какъ послѣдовательныхъ фазисовъ одной и той же эволюціи» (стр. 307). Указавъ на тѣ теченія, которыя борются между собою въ современной жизни, г. Арнольди замѣчаетъ, что «генетическій порядокъ этихъ различныхъ теченій можетъ быть установленъ объективно почти внѣ всякаго сомнѣнія» (стр. 321); но разъ въ настоящее время между этими теченіями, представленными разными партіями, происходитъ борьба, передъ нашею мыслью возникаютъ «различныя возможности для будущаго». Но мы уже видѣли, къ какому приему совѣтуетъ прибѣгать авторъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится разбирать вопросъ о различныхъ возможностяхъ. Прибавимъ лишь, что и въ данномъ случаѣ г. Арнольди возстаеъ противъ того, чтобы историкъ «слишкомъ безцеремонно поддавался своимъ личнымъ идейнымъ влеченіямъ» (стр. 325), т.-е. одному изъ тѣхъ видовъ субъективизма, которые онъ считаетъ противными требованіямъ научности. Мало того: въ послѣдней главѣ своего труда онъ самъ показываетъ, какъ, по его мнѣнію, должны рѣшаться вопросы о возможностяхъ, существующихъ въ наше время (стр. 328 и сл.). Дѣло въ томъ, что отдѣльныя партіи, расходившіяся между собою относительно того, въ чемъ заключается «здоровое теченіе современнаго творчества общественныхъ формъ и научно-философской разработки социологіи, въ сущности исходятъ изъ неодинаковыхъ гипотезъ, которыя подлежатъ критикѣ не только съ точки зрѣнія ихъ соответствія или несоответствія объективнымъ и конкретнымъ фактамъ, но и съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, зависящихъ отъ высоты умственнаго развитія историка». Анализъ современныхъ общественныхъ и умственныхъ теченій, который дается намъ авторомъ на этихъ страницахъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ мѣстъ его книги, и можно только пожалѣть, что изложеніе здѣсь отличается большою краткостью. Если исторія дѣйствительно должна насъ научать, какъ слѣдуетъ понимать настоящее, то, съ другой стороны, это пониманіе настоящаго не можетъ быть полно, если съ нимъ не соединено представленія о тѣхъ возможностяхъ, которыя оно заключаетъ въ себѣ для будущаго. Г. Арнольди не принадлежитъ къ числу фаталистовъ, исключяющихъ самое понятіе о разныхъ возможностяхъ, потому что не принадлежитъ и къ догматикамъ, которые готовы предсказывать будущее не на основаніи критическаго анализа насто-

ящаго, а на основаніи какой-либо общей формулы, признаваемой за объективный законъ исторіи. Подобный догматизмъ, собственно говоря, и осужденъ авторомъ подъ названіемъ «логическаго субъективизма случайнаго и произвольнаго мнѣнія». Лучше всего самъ авторъ формулируетъ свой взглядъ на весь только-что указанный предметъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ по поводу главнѣйшихъ вопросовъ современной жизни. «Едва ли, — говоритъ онъ именно, — историкъ мысли, поставившій себѣ задачу понять наше время въ его характеристическихъ чертахъ, въ его зависимости отъ прошлаго и въ его ожиданіяхъ отъ будущаго, можетъ обойтись безъ попытки такъ или иначе рѣшить эти вопросы» (стр. 361).

Такой попытки настоятельно требуетъ не только теоретическое изученіе прошлаго, но и самая практика жизни. Дѣло въ томъ, что «общій ходъ событій можетъ обнаружить передъ историкомъ мысли неизбѣжность въ каждомъ случаѣ постановки того или другаго вопроса, тогда какъ то его рѣшеніе, которое изъ *возможнаго* сегодня дѣлается *дѣйствительнымъ* завтра, обусловливается сложною комбинаціей обстоятельствъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ доступною въ ея частностяхъ и случайностяхъ пониманію историка» (стр. 366). Вообще, возможность переходить въ дѣйствительность при наличности извѣстныхъ условій, къ числу которыхъ относятся и тотъ или другой образъ дѣйствій личностей, составляющихъ изъ себя общество. Г. Арнольди признаетъ во всей своей книгѣ за личными стремленіями и усиліями большое историческое значеніе. «Для обращенія, говоритъ онъ, — исторически возможнаго въ дѣйствительно совершающееся трудно не признать преобладающей роли личностей, случайно поставленныхъ въ узлѣ событій данной эпохи, какъ правители или какъ демагоги; какъ пророки, окруженные ореоломъ фантастическихъ вѣрованій, или какъ отрицатели тѣхъ или другихъ особенностей современной имъ культуры; какъ типическіе представители общаго поднятія духа въ обществѣ, толкающаго массы на историческое дѣло, или столь же общаго упадка общественнаго духа, — упадка, парализующаго всѣ попытки вызвать коллективный организмъ къ реагированію противъ соціальной болѣзни» (стр. 367). Вопросъ о роли личности въ исторіи имѣетъ, конечно, не одно теоретическое значеніе, но, будучи самъ по себѣ вопросомъ чисто-теоретическимъ, онъ дол-

женъ быть рѣшенъ на чисто-научной или философской почвѣ. Между тѣмъ, обозрѣвая современныя умственныя теченія, г. Арнольди находятъ, что, несмотря на разные пункты несогласія, существующіе между ними, они болѣе или менѣе сходны между собою въ томъ, что всѣ очень «склонны подрывать расчетъ на личную инициативу и энергію воли у отдѣльныхъ особей». Г. Арнольди даже особенно подчеркиваетъ, что это явленіе наблюдается какъ разъ «въ то самое время, когда догматъ всеобщей конкуренціи, характеризующій царство буржуазіи, требуетъ непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой инициативы, и этой энергіи» (стр. 357). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже особенно выдвигаетъ на видъ роль, какъ онъ выражается, «класса дѣлопроизводителей» (стр. 337) въ современномъ обществѣ; т.-е. людей, знающихъ и понимающихъ дѣла, ведущія къ накопленію и перераспределенію богатствъ, и достигающихъ своихъ цѣлей, благодаря изворотливости и пронырливости мысли и энергіи характера. Ни одинъ общественный строй не обходится безъ такихъ «дѣлопроизводителей», и будущее, конечно, въ этомъ отношеніи не будетъ отличаться отъ прошедшаго и настоящаго. Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи это допущеніе роли личности находится къ усиливающемуся все болѣе и болѣе господству началъ детерминизма въ современномъ пониманіи міра. За послѣднее время въ русской литературѣ уже слишкомъ много писалось на ту тему, что историческій процессъ совершается роковымъ образомъ и что личное дѣйствіе тутъ совершенно ни при чемъ. Нерѣдко при этомъ еще указывалось на то, будто теоретики историческаго процесса, иначе понимающіе роль личности, придаютъ ей такое значеніе, что ради него готовы бывають отрицать законмѣрность общественныхъ явленій. Послѣднее было бы дѣйствительно полнымъ ниспроверженіемъ научнаго міросозерцанія, но во всякомъ случаѣ къ г. Арнольди подобный упрекъ совершенно непримѣнимъ, какъ и вообще лишь по недоразумѣнію онъ направляется по адресу людей, признающихъ за личную инициативой и личною энергіей значеніе важныхъ историческихъ факторовъ. Сознательное дѣйствіе личностей, само подчиненное строгой законмѣрности, противопоставляется отнюдь не этой законмѣрности, а всему тому въ историческомъ процессѣ, въ чемъ проявляется умственная и волевая пассивность людей.

кова и настоящая точка зрѣнія нашего автора: то или другое, только возможное, становится дѣйствительнымъ лишь тогда, когда этому помогаютъ въ достаточной мѣрѣ стремленія и усилія отдѣльныхъ лицъ. Авторъ не говоритъ, чтобы теоретическій детерминизмъ самъ по себѣ практически приводилъ непремѣнно къ общественному квѣтизму, и даже думаетъ, что этотъ самый детерминизмъ для осуществленія неизбежнаго требуетъ превращенія въ непремѣнныя свои орудія чувства, мысли и воли индивидуальныхъ строителей будущаго. Научно-философское пониманіе исторіи, полагаетъ онъ, и должно въ этомъ отношеніи формулировать «правила умственной и нравственной гигиены для всякой развитой личности». Самъ г. Арнольди выноситъ изъ своего изученія исторіи поученіе, которое можетъ быть коротко передано слѣдующимъ образомъ: ставя себѣ жизненныя цѣли, личность прежде всего имѣетъ передъ собою элементъ неизбежнаго, неотвратимаго: это—вся совершившаяся исторія, все то, что уже прошло и что создало какъ самоё личность, такъ и окружающую ее среду. Этотъ неустранимый элементъ есть фактъ, и личности остается только къ нему приспособляться съ цѣлью нахожденія въ немъ всего того, что можетъ быть ея орудіемъ или пособіемъ въ достиженіи ея жизненной цѣли. Но затѣмъ передъ личностью въ каждую данную эпоху обнаруживаются различныя, даже противоположныя по своему направленію возможности дальнѣйшаго хода событій, причемъ однѣ изъ этихъ возможностей, повидимому, имѣютъ всѣ шансы осуществиться, такъ сказать, сами собою, другія же, напротивъ, требуютъ особаго напряженія мысли и воли сочувствующихъ имъ лицъ и вообще кажутся менѣе вѣроятными. Нерѣдко увѣренность въ легкой осуществимости той или другой возможности заставляетъ людей слишкомъ полагаться на естественный ходъ вещей и пренебрегать личными усиліями и, наоборотъ, нерѣдко трудность осуществленія чего-либо заставляетъ въ безсиліи опускать руки. Правильное пониманіе историческаго процесса для однихъ даетъ строгія поученія, для другихъ служитъ оживляющимъ урокомъ. Сколько разъ тѣ, которые вчера казались непобѣдимыми, на другой день оказывались безсильными противъ незамѣченныхъ и презираемыхъ враговъ, и одержанныя побѣды превращались въ пораженія лишь потому, что сами-то оставались еще только возможностями, требовавшими дальнѣйшей работы мысли и дѣ-

ятельности воли. Съ другой стороны, все, что возможно, способно при какихъ-нибудь новыхъ комбинаціяхъ обратиться въ дѣйствительное, хотя бы шансы этого обращенія и были слабы, лишь только правильно работала мысль и энергично дѣйствовала воля (стр. 369—370). Изъ этого разсужденія авторъ извлекаетъ и цѣлое поученіе для развитой человѣческой личности, которая желаетъ быть въ числѣ сознательныхъ строителей будущаго. Это—своего рода энергичный призывъ къ дѣятельности во имя личнаго убѣжденія, во имя того, что необходимымъ органомъ совершающагося историческаго детерминизма всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей. Часть этого призыва, именно строки, которыми заключается вся книга, мы и позволимъ здѣсь себѣ привести цѣликомъ:

«Когда ты поставилъ передъ собой жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, когда ты положилъ на этотъ идеалъ всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое я и твое дѣло своимъ неустержимымъ теченіемъ и унесетъ ихъ въ водоворотъ событій. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошло неустрашимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя и приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненные цѣли, и энергичски бороться за лучшее будущее для миллиардовъ незамѣтныхъ особей, которыя рядомъ съ тобою сознательно и бессознательно строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: «побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ» (стр. 371).

Отъ чисто-теоретическаго пониманія исторіи г-номъ Арнольди мы незамѣтно перешли къ практическому, если можно такъ выразиться, ея пониманію, которое учитъ уже не тому, какъ слѣдуетъ смотрѣть на исторію, а тому, какъ нужно дѣйствовать въ общественной жизни. Читатель можетъ подумать, что мы уклонились отъ основной темы по недосмотру; но подобное предположеніе было бы невѣрно, потому что у самого автора

разсматриваемой книги одно тѣсно связано съ другимъ, можно даже сказать, связано самыми неразрывными узами: для него исторія есть не только развертывающееся зрѣлище, но и арена для собственной дѣятельности. Только познакомившись съ этою важною стороною историческаго міросозерцанія г. Арнольди, съ этою другою точкою зрѣнія на задачи пониманія исторіи, мы будемъ въ состояніи исполнѣть правильно уразумѣть, какъ самъ авторъ понимаетъ тѣ жизненные процессы, которые изучаются исторіей. Г. Арнольди совсѣмъ не сторонникъ взгляда на историческій процессъ, какъ на безличную эволюцію. Въ исторіи его интересуется дѣятельность личности, поскольку послѣдняя принимаетъ участіе въ самомъ, такъ сказать, созиданіи историческаго процесса. Но его интересуется точно также и вопросъ о томъ, какъ историческій процессъ отражается на личномъ развитіи. Если, съ одной стороны, онъ находитъ, что современныя исторіологическія ученія отличаются нѣкоторою склонностью подрывать расчетъ на личную инициативу и энергію воли у отдѣльныхъ индивидуумовъ, то, съ другой стороны, онъ ставитъ вопросъ о томъ, неужели «человѣчество будетъ вѣчно поставлено передъ дилеммою: или крѣпкая солидарность при подавленіи развитія отдѣльной личности, или же сильное и разностороннее развитіе личности, отрешившейся отъ всякой идейной солидарности» (стр. 360). Вопросъ о роли личности въ исторіи и вопросъ о положеніи и судьбѣ личности въ обществѣ, несомнѣнно, находятся въ тѣсной связи между собою, и только-что указанная дилемма можетъ служить прекраснымъ исходнымъ пунктомъ для изложенія того, какъ г. Арнольди понимаетъ самое содержаніе историческаго процесса.

Г. Арнольди, кстати сказать, совершенно вѣрно схватывающей различіе, которое существуетъ между исторіей и соціологіей (стр. 20),—полагаетъ, что соціологическіе факты суть, главнымъ образомъ, «факты проявленія, усиленія или ослабленія солидарности между сознательными существами» (стр. 14). Можно оспаривать опредѣленіе соціологіи, которое должно явиться результатомъ такого взгляда, но мы этого здѣсь дѣлать не станемъ и примемъ точку зрѣнія автора, потому что ее-то намъ и нужно выяснить. Мы только-что видѣли, какъ г. Арнольди противопоставляетъ общественную солидарность и личное развитіе, дѣйствительно, весьма часто приходившія между собою въ столкновеніе.

Общественная солидарность всегда выражается въ извѣстных формахъ, которымъ отдѣльная личность можетъ или подчиняться, или, наоборотъ, сопротивляться. Совокупность этихъ формъ г. Арнольди обозначаетъ терминомъ—культура, отмѣчая, что культура вездѣ и всегда «обнаруживаетъ стремленіе передаваться отъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто неизмѣнное» (стр. 26). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ культура никогда не остается вполнѣ неизмѣнною, и происходящія въ ней перемѣны объясняются, съ одной стороны, потребностями отдѣльныхъ личностей, а съ другой—вліяніемъ на личности со стороны данной культуры. «Взаимодѣйствіе личностей съ ихъ потребностями и общественныхъ формъ, создающихъ солидарность личностей», г. Арнольди и считаетъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ исторіи (стр. 27). Перечисляя и классифицируя потребности отдѣльныхъ личностей, онъ между прочимъ указываетъ на существованіе одной высшей потребности, вырастающей на почвѣ нервнаго возбужденія: это — потребность развитія. Ей и въ личной, и въ общественной жизни г. Арнольди приписываетъ весьма важное значеніе. При извѣстныхъ условіяхъ въ обществѣ выдѣляется и приобретаетъ на него вліяніе группа личностей, способныхъ наслаждаться развитіемъ и вырабатывающихъ потребность развитія. Этой группѣ авторъ присвоиваетъ названіе интеллигенціи, и въ его историческомъ міросозерцаніи «она выступаетъ, какъ двигатель сознательныхъ измѣненій культуры въ противоположность непреднамѣреннымъ ея измѣненіямъ. Ея дѣло, говоритъ еще онъ, есть переработка культуры мыслью». Г. Арнольди даже опредѣляетъ начало собственно исторической жизни человѣчества началомъ этой сознательной работы, и для него историческая жизнь обнаруживается именно въ процессѣ переработки культуры мыслью (стр. 30). Конечно, потребность развитія появляется сравнительно поздно, а необходимость солидарности относится, наоборотъ, къ числу наиболѣе раннихъ явленій. Можно даже сказать, что зависимость между индивидуумами устанавливается помимо всякихъ сознательныхъ процессовъ, сама собою, совершенно фатальнымъ образомъ, и лишь вполслѣдствіи вырабатывается солидарность сознательная, являющаяся могучимъ орудіемъ общества въ борьбѣ за существованіе. Какъ бы то ни было однако, и сами общества «имѣютъ собственное реальное существованіе лишь въ личностяхъ, ихъ составляющихъ, именно въ

сознаніи личностями своей солидарности какъ между собою, такъ и съ коллективностью». Солидарное общежитіе и развитіе сознательныхъ процессовъ г. Арнольди признаетъ наиболѣе надежными орудіями человѣка въ борьбѣ за существованіе, этомъ основномъ биологическомъ явленіи, и съ этой точки зрѣнія главной задачей пониманія исторіи называетъ «ислѣдованіе фазисовъ эволюціи солидарности въ человѣческихъ обществахъ, фазисовъ развитія сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ и явленій взаимодѣйствія этихъ двухъ основныхъ элементовъ исторической жизни» (стр. 34). Считая вообще нѣкоторыя потребности патологическими (стр. 29), г. Арнольди находитъ, что и исключительное или даже вполне преобладающее вліяніе одного изъ указанныхъ фактовъ, т.-е. солидарнаго общежитія и развитія сознательныхъ процессовъ можетъ породить въ обществѣ явленія совершенно патологическаго характера. Потребность солидарнаго общежитія для успѣховъ въ борьбѣ за существованіе влечетъ за собою господство неизмѣннаго обычая, т.-е. культурный застой, требующій подчиненія индивидуальной мысли и дѣятельности устанавливающимся формамъ. Наоборотъ, потребность расширенія сознательныхъ процессовъ въ индивидуумѣ, — другими словами работа личной мысли, ведущая къ непреднамѣренной или сознательной переработкѣ обычая, дѣлаясь исключительной или даже только господствующей заботой интеллигенціи, способна приводить не только къ пренебреженію усиленіемъ общественной солидарности, но и вызывать въ обществѣ эксплуатацію интеллигентнымъ меньшинствомъ народныхъ массъ. Авторъ даже склоняется къ мысли, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда преобладаніе одного изъ названныхъ двигателей не дошло еще до патологическихъ явленій, тотъ или другой изъ нихъ все-таки неизбежно преобладаетъ въ нѣкоторой степени. Отсюда смѣна эпохъ, въ которыхъ господствуютъ или попытки установленія новой прочной культуры, или, наоборотъ, протестъ противъ существующаго обычая во имя болѣе или менѣе ясно сознанныхъ требованій работы мысли. Г. Арнольди думаетъ только, что съ развитіемъ исторической жизни каждая изъ такихъ эпохъ становится короче, чередованіе ихъ идетъ быстрѣе и потому самый процессъ дѣлается болѣе нормальнымъ въ томъ смыслѣ, что обществу уже менѣе грозитъ опасность впасть въ ту или другую односторонность (стр. 35—36).

Потребности развитія въ книгѣ посвящена цѣлая глава, въ которой авторъ прежде всего указываетъ на то, какое значеніе принадлежитъ этой потребности въ исторической жизни. Выросши на почвѣ одной изъ областей потребностей нервнаго возбужденія, потребность развитія обусловила и первое проявленіе идейныхъ интересовъ въ исторіи, и ихъ логически неизбежное усиленіе, а въ будущемъ она же обусловитъ и болѣе или менѣе вѣроятное преобладаніе идейныхъ интересовъ. Мы еще далѣе будемъ разсматривать, какое значеніе приписываетъ г. Арнольди интересамъ политическимъ и экономическимъ, здѣсь же только укажемъ, что, по его представленію, «несмотря на всѣ стремленія интересовъ экономическихъ и политическихъ преобладать въ исторіи и эксплуатировать въ свою пользу продукты интересовъ идейныхъ», уже и въ настоящемъ эта потребность развитія, выработавшаяся въ интеллигенціи въ самостоятельную силу, «сдѣлалась, въ сущности, главнымъ двигателемъ исторіи». Определеннѣе всего эта сила обнаруживается въ борьбѣ съ существующею культурою, и потому главные ея продукты получаются въ формѣ различныхъ областей мысли (стр. 61). Принимая за источники всей эволюціи человѣческой мысли мысль-техническую и творчество общественныхъ формъ, г. Арнольди находитъ, что «пока творчество общественныхъ формъ оставалось эмпирическимъ и не переходило на высшій свой фазисъ осуществленія общественныхъ идеаловъ, въ процессѣ этого творчества преобладалъ элементъ консервативный, элементъ отстаиванія наличныхъ формъ культуры отъ напора развивающейся мысли» (стр. 64). Самый этотъ процессъ относится авторомъ къ сферѣ культуры съ ея непреднамѣренными измѣненіями.

Но рано или поздно начинается процессъ сознательнаго творчества, и если въ данномъ случаѣ г. Арнольди признаетъ важную роль за интеллигенціей, то лишь потому, что изъ ея среды выходятъ тѣ «дѣлопроизводители», о которыхъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Эти общественные дѣятели могутъ служить не одинаковымъ интересамъ, отчего зависитъ различіе, какъ тѣхъ цѣлей, которыя они себѣ ставятъ, такъ и тѣхъ средствъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, но во всякомъ случаѣ мѣръ цѣлей и средствъ вырабатывается только въ сознаніи отдѣльныхъ личностей. Г. Арнольди, однако, одинаково далекъ и отъ сведенія историческаго процесса къ однѣмъ индивидуаль-

нымъ особенностямъ «героевъ», и отъ пониманія этого процесса, какъ безличной эволюціи. «Ни исторія борьбы личностей,—говоритъ онъ,—за ихъ индивидуальныя привычки, интересы и убѣждения, ни абстрактная исторія послѣдовательно возникающихъ и ослабѣвающихъ общихъ теченій исторіи не есть въ отдѣльности научно понятая исторія» (стр. 115). Въ историческомъ процессѣ реальны лишь отдѣльныя личности съ ихъ ролью мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ, но въ процессахъ идейнаго и практическаго творчества, которые происходятъ въ миллионахъ отдѣльныхъ мозговъ, научная исторія особенно интересуется тѣмъ, что складываетъ всѣ эти процессы въ немногія могучія историческія теченія желаній, убѣжденій и событій, такъ сказать, стирающія всякую индивидуальную обособленность реальныхъ агентовъ исторіи и обращающія ихъ въ безличные органы коллективной жизни (стр. 116). Безъ дѣятельности личностей ни одна возможность не дѣлается дѣйствительностью, и орудія для такого превращенія мы можемъ заимствовать лишь «изъ міра цѣлей и средствъ, вырабатываемаго отдѣльными мыслящими и волевыми аппаратами, какъ таковыми» (стр. 127). Таковы въ очень короткой передачѣ теоретическія основанія, которыя не позволяютъ г. Арнольди дѣлать изъ общаго принципа детерминизма выводъ въ смыслѣ полной безличности историческаго процесса. Кто обратится самъ къ соотвѣтственнымъ страницамъ книги, тотъ еще болѣе убѣдится, до какой степени невѣрно освѣщаютъ весь вопросъ критики, утверждающіе, будто то міросозерцаніе, представителемъ котораго является и г. Арнольди, противопоставляетъ дѣятельность личностей дѣйствію соціологическихъ законовъ, какъ ничто имъ совершенно не подчиненное. И въ томъ случаѣ, когда личность пассивно повинуетъ данной культурѣ или отступаетъ отъ нея непредназначенно, и въ томъ случаѣ, когда она сознательно стремится передѣлывать культуру, она одинаково подчинена общему закону причинности, поставившему ее въ то или другое отношеніе къ данной культурѣ. Но едва ли кто рѣшится утверждать, что результатъ получится одинъ и тотъ же и тогда, когда личность вполне мирится со своимъ положеніемъ, и тогда, когда она стремится къ перемѣнѣ. Г. Арнольди только утверждаетъ, что переходъ разныхъ возможностей, существующихъ въ обществѣ, въ дѣйствительные факты зависитъ отъ того, какія воз-

возможности пользуются содѣйствіемъ людей и насколько сильно это содѣйствіе.

Но возвратимся къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ общественной солидарности и личнаго развитія. Вѣдь работа индивидуальной мысли и направленіе индивидуальной воли, равно какъ и вся дѣятельность интеллигенціи съ классомъ общественныхъ «дѣлопроизводителей» могутъ имѣть весьма неодинаковое значеніе по отношенію къ общественной солидарности и къ личному развитію. Мы видѣли, что г. Арнольди говоритъ о возможности нѣкотораго и даже весьма значительнаго антагонизма между общественной солидарностью и личнымъ развитіемъ. Съ его основной точки зрѣнія, оба эти элемента, существенно различные, одинаково необходимы и существуютъ нераздѣльно; но въ исторіи оказывается возможными «такія формы солидарности, которыя мѣшаютъ росту сознательныхъ процессовъ въ интеллигенціи, и такія условія роста послѣднихъ, которыя подрываютъ общественную солидарность». Авторъ поэтому видитъ прогрессъ въ ростѣ и скрѣпленіи солидарности лишь тогда, когда она не мѣшаетъ развитію сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ, а съ другой стороны, онъ признаетъ прогрессивнымъ расширеніе и уясненіе сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ лишь настолько, насколько это не оказываетъ препятствія росту и скрѣпленію солидарности между наибольшимъ числомъ личностей (стр. 131). Мы, конечно, вполне раздѣляемъ взглядъ г. Арнольди на то, что нѣтъ никакого противорѣчія и несогласимости между представленіемъ о солидарномъ общежитіи, способствующемъ развитію сознательныхъ процессовъ въ индивидуумахъ, и представленіемъ о развитыхъ личностяхъ, которыя именно въ силу своего развитія дѣлаютъ сознательную цѣль своей жизни укрѣпленіе и расширеніе общественной солидарности (стр. 133), — другими словами, антагонизмъ между индивидуальнымъ развитіемъ и социальной солидарностью не можетъ считаться неизбѣжнымъ, а г. Арнольди склоняется даже къ той мысли, что одностороннее развитіе одного начала въ ущербъ другому не только уродливо, но и опасно для самого развивающагося начала. Напримѣръ, всякое человеческое общество, формы жизни котораго подавляютъ сознательное развитіе личности, попадаетъ въ опасное положеніе по отношенію къ сосѣдямъ, дающимъ въ своей жизни больше мѣста сознанию, и

наоборотъ въ обществѣ, въ которомъ умственное развитіе меньшинства сопровождается подрывомъ его солидарности съ остальной массой, не можетъ быть прочныхъ устоевъ и для самого умственного развитія. Отмѣтимъ еще, что г. Арнольди включаетъ взаимодействіе общества и личности, стремленіе къ солидарности и стремленіе къ индивидуальному развитію въ число явленій, которыя ближайшимъ образомъ должна вѣдать коллективная психологія или, какъ онъ ее называетъ, психологія обществъ (стр. 135).

Изъ всего, доселѣ сказаннаго, можно видѣть, что г. Арнольди строить свою социологическую теорію прежде всего именно на психологической основѣ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ еще нужно было доказывать необходимость и законность подобнаго обоснованія социологіи, такъ какъ около того времени дѣлались попытки постройки социологіи непосредственно на данныхъ биологіи, разсматривалось ли общество, какъ своего рода организмъ, или же за основу общественныхъ явленій хотѣли принимать животную борьбу за существованіе. Тогда психологическому направленію въ социологіи приходилось отстаивать себя отъ биологическихъ попытокъ. Теперь эти времена, повидимому, прошли безвозвратно; но у точки зрѣнія, на которую становится г. Арнольди, явился другой врагъ, именно такъ называемый «экономическій матеріализмъ». Въ другомъ мѣстѣ мы уже высказали тотъ взглядъ, что экономическій матеріализмъ внесъ необходимую поправку въ прежнее чисто интеллектуалистическое пониманіе исторіи, но что самъ по себѣ онъ столь же одностороненъ, какъ и это послѣднее*). Надлежащій научный синтезъ долженъ заключаться въ соединеніи обѣихъ точекъ зрѣнія, которое, устраняя односторонность и исключительность каждой изъ нихъ, примиряло бы ихъ въ высшемъ единствѣ. Намъ кажется, что именно такимъ образомъ долженъ смотрѣть на этотъ вопросъ и г. Арнольди. Въ самомъ дѣлѣ, уже изъ того изложенія его взглядовъ, которое было дано выше, можно видѣть, что г. Арнольди вовсе не стоитъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма; но въ то же время онъ, какъ мы еще увидимъ, нерѣдко формулируетъ такія положенія, которыя могли бы показаться прямо заимствованными изъ теоріи экономическаго матеріализма. Что онъ да-

*) *Старіе и новіе этюдъ объ экономическомъ матеріализмѣ*. СПб. 1896.

леко не раздѣляетъ этого послѣдняго воззрѣнія, можно видѣть и изъ прямыхъ его заявленій въ разныхъ мѣстахъ книги. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ, что безусловные и неуступчивые ни въ какой степени сторонники экономического матеріализма доходятъ до очень смѣлыхъ крайностей (стр. 329). Въ другомъ мѣстѣ онъ ссылается на существованіе въ исторіи побужденій, чуждыхъ не только прямо экономическимъ мотивамъ, но даже мотивамъ сознанныхъ интересовъ вообще (стр. 330) и т. п. Г. Арнольди относится къ экономическому матеріализму, какъ къ одной изъ историческихъ гипотезъ, а, по его мнѣнію, эти гипотезы должны взаимно дополнять и исправлять одна другую для того, чтобы въ результатѣ могла получиться болѣе или менѣе прочная научная истина (стр. 110). Г. Арнольди приписываетъ громадное значеніе экономическому фактору въ исторіи, но съ его точки зрѣнія относительная роль этого фактора можетъ быть понята лишь на почвѣ анализа и классификаціи индивидуальныхъ потребностей, изъ удовлетворенія которыхъ возникаетъ вся социальная жизнь. Мы не будемъ подробно излагать мысли автора на этотъ счетъ и укажемъ лишь на то, что изъ различныхъ группъ человѣческихъ потребностей онъ особенно выдѣляетъ три группы способностей, дающихъ начало жизни экономической, политической и идейной (стр. 12). «Прямое аффективное наслѣдство зоологическаго міра (влеченіе къ общежитію, влеченіе половое и родительская заботливость), весьма вліятельное по отношенію къ психологическимъ процессамъ въ особяхъ, оказывается едва ли особенно значительнымъ мотивомъ соціологической эволюціи, благоприятной для роста солидарности и сознательныхъ процессовъ. Поэтому побужденіе къ ней приходится искать въ тѣхъ чисто-животныхъ потребностяхъ человѣка, которыя нельзя не признать эгоистическими, но которыя именно онъ обратилъ въ человѣчныя и благоприятныя въ указанныхъ отношеніяхъ» (стр. 42). Прежде всего это была потребность въ пищѣ, которая въ концѣ концовъ обратилась въ потребность особи обезпечить себѣ при помощи общежитія и общественныхъ учрежденій матеріальныя средства существованія. «Въ этой своей формѣ,—говоритъ г. Арнольди,—она легла въ основаніе всей эволюціи экономической жизни человѣчества». Авторъ и не считаетъ особенно нужнымъ напоминать, что «вся эволюція родовой, семейной, индивидуальной

и государственной собственности, борьба классовъ въ продолженіе всей исторіи и борьба труда съ капиталомъ въ наше время оказываются въ значительной мѣрѣ въ своемъ основаніи вопросами желудка». Онъ даже готовъ отнести и «огромную долю» творчества художественнаго, философскаго, научнаго и нравственнаго къ тому же источнику. Другая изъ указанныхъ потребностей есть потребность индивидуальной безопасности, и она-то именно обусловила эволюцію политической жизни социальныхъ организмовъ. Наконецъ, третья потребность есть потребность въ нервномъ возбужденіи, которая проявилась ранѣе всего въ стремленіи украшать жизнь, и ему г. Арнольди приписываетъ такое важное значеніе, что по его мнѣнію, лишь оно было способно возторжествовать надъ лѣнью тѣла и мысли, составляющею характеристическую черту дикаря не-исторической и исторической культуры (стр. 45). Въ этомъ послѣднемъ источникѣ заключаются основанія для всей духовной культуры съ эстетическими, религиозными, нравственными, философскими и научными явлениями.

Въ какомъ же отношеніи находятся между собою эти три основныя потребности, какъ историческіе факторы? Это одинъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ современнаго пониманія исторіи. Въ то время, какъ экономическій матеріализмъ стремится свести всѣ явленія исторіи на побужденія и потребности экономическія, другіе современные писатели (напримѣръ, Дюрингъ и Гумпловичъ), охотно ищутъ основной мотивъ процесса исторіи въ элементѣ политическомъ. «Наименѣе приверженцевъ, — продолжаетъ г. Арнольди, — сохранило между реалистическими изслѣдователями этого процесса недавно еще господствовавшее стремленіе видѣть въ сознанныхъ и несознанныхъ идеяхъ, слѣдовательно, въ высшихъ формахъ нервного возбужденія, главнаго двигателя исторіи» (стр. 47). Г. Арнольди ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые невольно возникаютъ при сопоставленіи указанныхъ трехъ теорій историческаго процесса. За каждой изъ нихъ онъ признаетъ весьма различную цѣнность для научнаго пониманія эволюціи человѣчества; но, сравнивая между собою эти теоріи, онъ находитъ необходимымъ обратить вниманіе, во-первыхъ, на сравнительно болѣе или менѣе раннее появленіе трехъ упомянутыхъ потребностей; во-вторыхъ, на болѣе или менѣе ихъ частое повтореніе въ жизни и мысли человѣка; въ-третьихъ, на болѣе или меньшую необходимость эволюціи ихъ послѣдовательныхъ

фазисовъ (стр. 49). По первому пункту г. Арнольди высказывается въ томъ смыслѣ, что человѣкъ унаслѣдовалъ уже отъ своихъ зоологическихъ предковъ всѣ три основныя потребности, такъ что приходится признать ихъ мало уступающими одна другой въ качествѣ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій. Другое дѣло — повторяемость побужденій, обусловливаемыхъ этими тремя потребностями, и въ этомъ отношеніи потребность въ пищѣ безусловно преобладаетъ надъ двумя другими. Въ частности, г. Арнольди находитъ, что «экономическіе мотивы во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими» (стр. 51). Поэтому онъ даже рекомендуетъ искать объясненія политической истории прежде всего въ интересахъ экономическихъ, хотя и оговаривается при этомъ, что «каждое гипотетическое объясненіе этого рода не можетъ еще считаться фактическимъ и что вѣроятность его должна быть строго проверена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ» (стр. 52). Мало того: въ эпоху, когда господствуетъ борьба сознанныхъ интересовъ и, слѣдовательно, экономическіе мотивы не могутъ не преобладать, г. Арнольди совѣтуетъ не забывать, что за борющимися группами прогрессивной, консервативной и реакціонной интеллигенціи идутъ другіе общественные элементы, очень часто лишь по привычкѣ или по аффекту, и что въ самихъ группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическіе иногда преобладаютъ надъ экономическими, а тѣ или другіе въ иныхъ случаяхъ уступаютъ первенство побужденіямъ идейнаго свойства. Если, съ другой стороны, потребность нервныхъ возбужденій подобно потребности въ безопасности, проявляется гораздо рѣже, чѣмъ потребность въ пищѣ, то нѣтъ тѣмъ не менѣе основаній утверждать, что проявленія потребности нервныхъ возбужденій должны сводиться къ какому-либо экономическому мотивамъ. Между прочимъ, г. Арнольди ссылается на многочисленные примѣры разнаго рода коллективныхъ увлеченій, изъ которыхъ совершенно исчезаетъ всякій расчетъ какихъ бы то ни было реальныхъ интересовъ экономическихъ или политическихъ. Г. Арнольди далекъ отъ утвержденія, будто этотъ элементъ исторической жизни встрѣчается очень часто и проявляется съ большою силой. Напротивъ, онъ даже думаетъ, что въ большинствѣ случаевъ коллективные аффекты и идейныя приобрѣтенія дѣйствительно являются лишь надстройками надъ экономическимъ движеніемъ,

но это отнюдь не заставляет его стать на точку зрѣнія экономического матеріализма. Въ послѣдній періодъ господства капитализма дѣйствительно передъ борьбою классовъ ступались традиціонныя и идейныя побужденія прежняго времени, и эта борьба «стала чуть ли не единственнымъ мотивомъ всѣхъ явленій общественной жизни, имѣющихъ нѣсколько обширное пространство». «Можетъ-быть, продолжаетъ г. Арнольди, именно фактическое наблюденіе современной жизни, гдѣ дѣйствительно трудно найти какія-либо значительныя явленія, вполне чуждыя рыночному интересу, вызвало, какъ неизбѣжную надстройку, стремленіе ученыхъ соціологовъ и историковъ переносить современное намъ, почти исключительное господство экономическихъ мотивовъ» и на другія эпохи (стр. 54). Г. Арнольди указываетъ на то, что съ давнихъ поръ до настоящаго времени всегда существовали явленія, которыя обыкновенно противопоставались несознаннымъ или сознаннымъ интересамъ личности и при извѣстныхъ условіяхъ даже подавляли ихъ. Если въ до-историческомъ бытѣ нервное отвращеніе отъ всякаго измѣненія могло долго противопоставлять господство обычая царству интересовъ, то и въ будущемъ паденіе строя, опирающагося на конкуренцію, можетъ повлечь за собою преобладаніе идейныхъ мотивовъ надъ интересами экономическими. Извѣстное дѣйствіе этихъ идейныхъ мотивовъ г. Арнольди видитъ и въ прежнія историческія эпохи, когда экономическая сторона жизни не выдвигалась съ такою силой впередъ, какъ въ настоящее время.

Рядомъ съ вопросомъ о времени появленія разсматриваемыхъ потребностей и о томъ, насколько часто онѣ проявляются въ жизни, г. Арнольди, какъ было уже упомянуто, обращаетъ вниманіе и на ббльшую или меньшую необходимость эволюціи ихъ послѣдовательныхъ фазисовъ, которая равнымъ образомъ должна опредѣлять относительную цѣнность того или другого элемента для научнаго пониманія исторіи. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, авторъ отдастъ рѣшительное предпочтеніе идейной эволюціи, потому что только въ этой области проявляется еще одинъ историческій двигатель, именно «мотивъ неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій». Всякое понятіе вызываетъ роковымъ логическимъ процессомъ появленіе новыхъ понятій независимо отъ того, совпадаетъ ли развитіе этихъ логическихъ фактовъ съ экономическими и политическими интересами людей, въ которыхъ или

среди которыхъ эти факты возникаютъ. Въ однихъ случаяхъ новыя понятія совпадаютъ съ интересами вліятельныхъ индивидуумовъ и группъ, въ другихъ случаяхъ между новыми идеями и существующими интересами происходитъ конфликтъ, и въ зависимости отъ всего этого историческое движеніе или ускоряется, или замедляется, но въ концѣ концовъ логика развитія слѣдствій изъ данныхъ посылокъ оказывается неодолимою силою (стр. 55). Такъ называемые проклятые вопросы настойчиво требуютъ своего рѣшенія, и противъ этого не могутъ ничего подѣлать господствующіе экономическіе и политическіе интересы. Подобнымъ идейнымъ теченіямъ г. Арнольди придаетъ большое значеніе, и въ видѣ примѣра ссылается (стр. 58) на христіанскую церковь, какъ на такую самостоятельную силу, которая сама вызвала цѣлыя господствующія формы экономическихъ отношеній, политическихъ организацій, философскихъ и эстетическихъ продуктовъ.

Въ общемъ результатѣ г. Арнольди готовъ признавать, что въ періодъ, когда господствуютъ сознанные интересы,—особенно въ послѣднія времена, экономическіе мотивы преобладаютъ надо всѣми другими и при созданіи новыхъ общественныхъ формъ, и при образованіи новыхъ идейныхъ теченій; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оговаривается въ томъ смыслѣ, что указанное преобладаніе болѣе или менѣе значительно видоизмѣняется подъ вліяніемъ элементовъ, сознающихся, какъ мотивы иного рода. Къ числу послѣднихъ относятся, съ одной стороны, установившіеся обычаи или привычки мысли, съ другой—идейные аффекты, являющіеся неизбежными логическими послѣдствіями предшествовавшихъ завоеваній мысли или вызванные возникающими убѣжденіями въ области теоретической или практической дѣятельности (стр. 58). Такимъ образомъ, г. Арнольди признаетъ господство экономическихъ интересовъ, какъ самъ онъ выражается (стр. 20), «явленіемъ временнымъ», относя его къ тѣмъ историческимъ эпохамъ и къ тѣмъ сферамъ жизни, «гдѣ подчиненіе обычаю уже прекратилось или ослабѣло, господство убѣжденій еще не установилось и сознанные интересы составляютъ главный мотивъ дѣйствія личности и общества». Въ разныхъ мѣстахъ своей книги г. Арнольди говоритъ объ этомъ переходящемъ характерѣ господства экономическихъ интересовъ, и въ его воображеніи рисуется будущій общественный строй, который «за прекращеніемъ конкуренціи съ устраненіемъ разницы классовъ, долженъ неизбежно повести къ

подавленію экономическихъ интересовъ, какъ основного мотива исторіи въ прошедшемъ и настоящемъ, идеалами нравственности (или, пожалуй, *высшими интересами* нравственнаго развитія), какъ преобладающаго мотива *будущей* исторіи» (стр. 82).

Для освѣщенія взглядовъ г. Арнольди на интересующій насъ вопросъ весьма важны нѣкоторыя его соображенія относительно того, въ какомъ порядкѣ возникали современныя общественныя теченія. Едва ли, по его мнѣнію, можно спорить противъ того положенія, что въ логической послѣдовательности всѣ перипетіи и катастрофы либеральнаго и радикальнаго политическаго движенія, происходящаго съ конца XVIII в., были вызваны вопросомъ объ обязанностяхъ власти въ виду общаго недовольства какъ массъ, такъ и интеллигенціи. Точно также развѣ только немногіе историки стали бы теперь возражать противъ другого положенія, указывающаго на то, что на почвѣ недовольства въ господствующихъ классахъ тѣмъ, что принесли съ собою политическія движенія подъ знаменіемъ либеральныхъ и радикальныхъ программъ, возникло буржуазное направленіе, которое увидѣло въ исторіи, главнымъ образомъ, лишь борьбу экономическихъ интересовъ и не желало ничего другого видѣть и въ будущемъ человѣчества. Лишь послѣ этого наступила эпоха, когда былъ поставленъ вопросъ объ организаціи труда и въ этомъ смыслѣ были созданы разныя утопіи и только послѣ этого могла появиться строгая соціологическая критика капиталистическаго строя съ научнымъ пониманіемъ его генезиса и сущности (стр. 323—324). Какъ извѣстно, именно съ послѣднимъ движеніемъ и связано появленіе экономического матеріализма, какъ соціологической теоріи. Въ этомъ смыслѣ появленіе теоріи экономического матеріализма обуславливается переживаемымъ историческимъ моментомъ, и г. Арнольди подчеркиваетъ, что и историческая наука, съ своей стороны, все болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на экономическую сторону соціальной жизни. По отношенію къ общественной борьбѣ, происходящей въ наше время, г. Арнольди склоняется къ тому, что время исключительно политическихъ и юридическихъ вопросовъ прошло и что съ извѣстнаго момента на первый планъ выдвинулись интересы экономическіе. Конечно, этого послѣдняго вывода никто, сколько-нибудь знакомый съ современною исторіей, оспаривать не будетъ; но, кромѣ общественнаго теченія, тѣсно связаннаго

съ теоріей экономическаго матеріализма, авторъ указываетъ на существованіе еще одного течения, которое отрицаетъ власть во всѣхъ ея формахъ, даже въ качествѣ временной силы, организуемой борьбу за прогрессъ, и ожидаетъ прогресса исключительно отъ солидарности интересовъ отдѣльныхъ личностей (стр. 323). Но онъ отмѣчаетъ и продолжающійся еще споръ о томъ, каковъ настоящій генезисъ этого течения, т. е. является ли оно только естественнымъ отпрыскомъ общаго ствола антибуржуазнаго течения или же, наоборотъ, вреднымъ для этого течения переживаніемъ буржуазнаго индивидуализма (стр. 324). Яснаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ авторъ не даетъ, но разъ мы встрѣчаемся съ развитіемъ одного и того же индивидуалистическаго принципа въ направленіяхъ, съ точки зрѣнія социальной, совершенно противоположныхъ, то мы не можемъ это явленіе свести цѣликомъ къ одной классовой борьбѣ на почвѣ исключительно экономическихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ г. Арнольди не сторонникъ узкихъ и одностороннихъ формулъ, исключаящихъ то, что подлежитъ согласованію и соединенію. Какъ въ области теоріи, такъ и въ области жизненной практики имъ рекомендуется строгій анализъ отдѣльныхъ направленій, въ которыхъ нерѣдко мысль обнаруживаетъ извѣстнаго рода переживанія. Нѣкоторыя изъ такихъ переживаній онъ отмѣчаетъ въ наиболѣе передовыхъ партіяхъ (см., напримѣръ, стр. 344), объясняя ихъ невозможностью совершенно освободиться отъ вліянія среды, въ которой приходится жить и работать. Личное развитіе, которому г. Арнольди приписываетъ важное значеніе и въ дѣлѣ теоретическаго пониманія исторіи, и въ дѣлѣ практическаго пониманія современности, требуетъ отъ человѣка борьбы «и въ себѣ съ переживаніями того стараго строя, противъ котораго ему приходится бороться внѣ себя» (стр. 342).

Въ русской литературѣ, какъ извѣстно, теорія экономическаго матеріализма тѣсно соединена съ представленіемъ, такъ сказать, объ обязательности однѣхъ и тѣхъ же стадій эволюціи для разныхъ странъ. Теоретически это вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать историческую закономерность, въ смыслѣ ли общей формулы развитія всѣхъ народовъ, поставленныхъ въ разныя условія, или же въ смыслѣ получения одинаковыхъ результатовъ при наличности одинаковыхъ условій. Какой отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дѣйствительно претендовать на научное значеніе, это, конечно, не требуетъ дальнѣй-

шикъ разъясненій. Общее историческое міросозерцаніе г. Арнольди, разумѣется, не можетъ благоприятствовать принятію первой формулы, и въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, даже признавая западно-европейскую эволюцію за своего рода норму, онъ оговаривается, однако, въ томъ смыслѣ, что при особенныхъ условіяхъ типъ общественной эволюціи будетъ въ достаточной мѣрѣ отличаться отъ того, который имѣлъ мѣсто, напримѣръ, въ Англии (стр. 18). Къ сожалѣнію, эта сторона вопроса объ исторической закономерности очень мало освѣщается книгою г. Арнольди, хотя, въ какомъ смыслѣ рѣшается дилемма вопреку съ точки зрѣнія его основныхъ идей, должно быть понятно само собою. Разъ нѣтъ стремленія свести все разнообразіе исторической жизни къ одному началу, для историческаго фатализма не можетъ быть мѣста.

Таковы главные исторіологическіе взгляды г. Арнольди. Мы остановились на ихъ выясненіи съ особенною подробностью, но въ книгѣ есть и другая еще сторона, о которой мы также скажемъ нѣсколько словъ.

Большая часть книги г. Арнольди, какъ было сказано въ началѣ нашей статьи, содержитъ въ себѣ то, что авторъ называетъ «схемою исторіи мысли». Именно, онъ надается нѣмко представить самый общій очеркъ, послѣдовательные фазисы работы мысли, начиная съ до-историческихъ временъ и кончая настоящею эпохою. Такимъ образомъ изъ разныхъ видовъ исторической эволюціи авторъ выдѣляетъ здѣсь эволюцію умственную, да и эту послѣднюю онъ нѣсколько ограничиваетъ, напримѣръ, рассматривая мысль техническую лишь настолько, насколько «умѣніе» или вело къ лучшему пониманію, или было имъ обусловлено. Равнымъ образомъ въ такой исторіи мысли авторъ считаетъ возможнымъ отвести мѣсто мысли эстетической лишь по отношенію къ ея идейному содержанію и ея общественному вліянію, оставляя въ сторонѣ измѣненія художественной техники. Все вниманіе г. Арнольди сосредоточено на мысли нравственной или научной, но и тутъ онъ не затрагиваетъ вопроса о нравахъ той или другой эпохи и не касается тѣхъ приобретенной науки, которыя не оказывали непосредственнаго вліянія на міросозерцаніе и жизнь общества. И по отношенію къ отдѣльнымъ эпохамъ г. Арнольди устанавливаетъ для разныхъ областей мысли неодинаковый интересъ. Мы не станемъ разбирать подробно эту часть рассматриваемаго труда, а укажемъ лишь на общій ея харак-

теръ. Прежде всего не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что авторъ прекрасно знакомъ съ состоянiемъ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ въ соціологической и исторической литературѣ. Свою исторiю мысли онъ начинаетъ, если можно такъ выразиться, съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, первую его задачей является «открытiе или угадыванiе условiй, при которыхъ *было возможно* первое опредѣленное проявленiе жизни среди неорганическаго вещества, фазисовъ, которыми *подготовлялось* это проявленiе, наконецъ, фактическихъ данныхъ, въ которыхъ оно *обнаружилось*» (стр. 147). Впрочемъ, самъ г. Арнольди сознаетъ, что каковы бы ни были достовѣрныя или гадательныя представленiя объ этихъ отдаленныхъ временахъ, настоящею подкладкою исторической жизни является до-историческiй бытъ съ ближайшими къ началу исторiи временами, которыя у каждаго отдѣльнаго народа онъ называетъ «кануномъ исторiи». Страницы, посвященныя этому предмету, относятся къ числу наиболѣе интересныхъ и даже особенно оригинальныхъ. Объединяя въ общемъ представленiи,—къ сожалѣнiю, излагаемомъ весьма кратко,—разные научные выводы относительно доисторическаго быта, г. Арнольди особенно выдвигаетъ впередъ два явленiя, на которыхъ обыкновенно историки первобытной культуры не останавливаются. Съ одной стороны, это—процессъ подготовленiя интеллигенци, съ другой—процессъ подготовленiя индивидуализма,—«интеллигенци и индивидуализма съ ихъ, какъ выражается авторъ, громадную творческую роль въ будущемъ» (стр. 153), причемъ г. Арнольди отмѣчаетъ противоположность двухъ теченiй въ обоихъ этихъ процессахъ, такъ какъ они или стремятся къ закрѣпленiю уже добытаго развитiя мысли, или, наоборотъ, открываютъ новыя перспективы. Уже въ самые раннiе перiоды исторiи г. Арнольди, такъ сказать, угадываетъ существованiе разныхъ общественныхъ явленiй, которыя въ болѣе развитомъ видѣ обнаруживаются въ борьбѣ партiй консерваторовъ, прогрессистовъ и реакціонеровъ.

На этомъ я и позволяю себѣ покончить, оставляя за собою право еще разъ вернуться къ книгѣ г. Арнольди для того, чтобы высказать свое мнѣнiе о нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ мысляхъ автора. Тогда придется, вѣроятно, сказать больше и о самомъ построенiи всемирной исторiи, составляющемъ большую часть разсмотрѣннаго труда.

Н. Карѣевъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

А. Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія. Спб. 1898, стр. IV+216.

Проф. Фаминцынъ ставитъ своею задачей рѣшеніе очень важнаго вопроса; именно онъ стремится «критически разобрать основные вопросы современнаго естествознанія и психологіи» (216) и выяснитъ «положеніе, которое естествознаніе занимаетъ въ настоящее время по отношенію къ психологіи и тѣмъ явленіямъ, которыя она изслѣдуетъ» (стр. 1). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается, «руководствуясь главнымъ образомъ надежными фактическими данными, выяснитъ назрѣвшую потребность возможно полнаго знакомства естествоиспытателей съ психологіей и тѣсно связанной съ нею теоріей познанія» (1). Эту послѣднюю сторону своей задачи авторъ съ особенною силою подчеркиваетъ въ своемъ «Введеніи», гдѣ онъ говоритъ, что ему «кажется вполне ясною необходимостью для человѣка науки, какою бы отраслью естествознанія онъ ни занимался, знакомство съ современною теоріей познанія, съ тѣмъ, чтобы или ее принять къ руководству въ своихъ изысканіяхъ, или же составить себѣ относительно ея основоположеній, по возможности, опредѣленное воззрѣніе» (2). «Не въ естествознаніи,—говоритъ онъ далѣе,—а въ психологіи и теоріи познанія слѣдуетъ искать настоящаго устоя для построенія міровоззрѣнія; все естествознаніе есть не что иное, какъ только частный случай примѣненія дѣятельности нашей психики и внѣшнихъ органовъ чувствъ къ разслѣдованію природы» (8). Поэтому «исходною точкой любой отрасли знанія дол-

жень быть признанъ человѣкъ или, вѣрнѣе, его психика и средства наши къ приобрѣтенію знанія» (8). Такъ какъ, далѣе, по мнѣнію проф. Фаминцына, «непосредственно мы ощущаемъ лишь нашу внутреннюю психическую жизнь, а впечатлѣнія отъ окружающей насъ природы мы воспринимаемъ не иначе, какъ при посредствѣ органовъ нашихъ чувствъ» (4), то «мы непосредственно сознаемъ внутреннюю сторону явленій нашей жизни, но сравнительно лишь мало знаемъ о внѣшнихъ матеріальныхъ процессахъ, происходящихъ въ насъ; что же касается до явленій внѣшняго міра, то мы сравнительно легко познаемъ ихъ внѣшнюю сторону, между тѣмъ какъ внутренняя остается и въ настоящее время неразгаданной тайной» (5).

Предпославъ такое введеніе, авторъ въ первой главѣ своей работы даетъ «очеркъ господствующихъ среди естествоиспытателей взглядовъ на жизнь и на отношеніе живыхъ существъ къ такъ называемой мертвой природѣ» (11). Здѣсь проф. Фаминцынъ излагаетъ взгляды защитниковъ механическаго метода въ изученіи процессовъ живой природы—проф. Тимирязева и Дю-Буа-Реймона и ихъ противниковъ—неовиталистовъ—Бунге, проф. Коржинскаго и Бородина. Повидимому, болѣе сочувствуя послѣднимъ, онъ не согласенъ съ ними, «чтобы въ живыхъ тѣлахъ проявлялась особенная сила, не присущая тѣламъ природы нежи-вой», предполагая что «это представляющееся намъ различіе между явленіями жизни и такъ называемой мертвой природы коренится не въ различіи этихъ двухъ категорій явленій, а въ способахъ, которыми мы ихъ познаемъ» (24). Упомянувъ затѣмъ вкратцѣ объ основныхъ естественно-научныхъ взглядахъ Негели, Геккеля, Гауптмана и Ферворна, авторъ заключаетъ эту главу констатированіемъ хаотическаго состоянія въ воззрѣніяхъ современныхъ ученыхъ на основные вопросы естествознанія и признаніемъ необходимости разобратъ въ этомъ хаосѣ. Прежде всего, нужно рѣшить вопросъ о самомъ предметѣ изслѣдованія, внѣшнемъ мірѣ, а потому двѣ слѣдующія главы посвящены разсмотрѣнію проблемы, что такое реальное.

Въ первой изъ этихъ главъ (2-й) авторъ анализируетъ понятіе факта, какъ оно употребляется естествоиспытателями. Такъ какъ всякій фактъ слагается, по автору, изъ доставляемыхъ нашему сознанію органами чувствъ ощущеній и изъ переработки этихъ ощущеній, то проф. Фаминцынъ останавливается на

анализъ этихъ обѣихъ составныхъ частей процесса. При этомъ онъ указываетъ на затрудненія, мѣшающія намъ составить точное представленіе объ извѣстномъ фактѣ, именно—на субъективность нашихъ ощущеній самихъ по себѣ и на возможность постоянныхъ ошибокъ при дальнѣйшей переработкѣ нашихъ воспріятій. «Результатомъ разслѣдованія можетъ быть лишь только выясненіе вліянія (на изучаемое явленіе) присутствія или отсутствія опредѣленнаго внѣшняго условія, а никакъ не органическая связь явленія съ какою-либо одною опредѣленною причиною» (54). Такимъ образомъ, анализъ данныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, несмотря на разнообразныя усовершенствованія и искусственныя приспособленія, повидимому, приводитъ насъ къ результатамъ далеко не утѣшительнымъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ подвергаетъ своеобразной и иногда странной критикѣ двухъ важнѣйшихъ, хотя и далеко не сходныхъ, представителей субъективнаго идеализма—Канта и Милля. Предполагая, что главнымъ гносеологическимъ принципомъ, уполномочивающимъ Канта признать существованіе внѣшняго міра, является его категорическій императивъ, проф. Фаминцынъ съ особенною силою вооружается противъ этого послѣдняго и пытается доказать его гносеологическую неправоподобность. По другимъ причинамъ, онъ не согласенъ съ выводами Милля, которому, какъ и другимъ представителямъ новой философіи, онъ ставитъ въ особой недостатокъ игнорированіе теоріи эволюціи организмовъ вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ—въ частности. Между тѣмъ этотъ послѣдній фактъ, т.-е. фактъ эволюціи органовъ чувствъ, есть, по мнѣнію проф. Фаминцына, самая главная опора для нашего убѣжденія въ существованіи внѣшняго міра (82). Въ объясненіи самаго процесса образованія нашихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ и въ опредѣленіи степени ихъ достовѣрности авторъ, повидимому, примыкаетъ къ Локку, со взглядами котораго онъ хочетъ сблизить воззрѣнія и Спенсера, и Гамильтона, и Милля. Итакъ, въ концѣ концовъ, авторъ для опредѣленія понятія реальности признаетъ исходнымъ пунктомъ обыденное міровоззрѣніе и надѣется, что «въ будущемъ оно будетъ оправдано и философскою критикою, но, конечно, на совершенно другихъ основаніяхъ» (95). Признавая полную некомпетентность современной теоріи познанія въ рѣшеніи проблемы реальности внѣшняго міра, проф. Фаминцынъ не

даетъ полного опредѣленія реальнаго, считая этотъ вопросъ со-
падающимъ съ вопросомъ о тайнѣ жизни, проникнуть въ кото-
рую невозможно при современномъ состояніи нашихъ знаній.
Признаніе обыденнаго міровоззрѣнія есть только приблизительное
рѣшеніе вопроса.

4-я глава посвящена вопросу о взаимодействіи между психи-
ческими и фізіологическими явлениями, какъ это констатируется,
главнымъ образомъ, въ опытахъ съ гипнотизмомъ. Основываясь,
преимущественно, на книгѣ проф. Гилярова («Гипнотизмъ по
ученію школы Шарко и психологической школы»), авторъ ста-
рается показать огромное вліяніе духа на тѣло, выражающееся,
подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ внушеній, преимущественно
въ измѣненіи отправленій чисто растительныхъ функцій орга-
низма. По мнѣнію проф. Фаминцына, «намъ, быть можетъ,
удастся сдѣлаться если не полновластными владыками функций
и строенія нашего тѣла, то въ очень значительной степени
направлять ихъ самовнушеніемъ въ желаемомъ направленіи»
(127—128). Мало того, авторъ согласенъ допустить, что психи-
ка, въ видѣ самовнушенія, имѣла большое значеніе въ качествѣ
своеобразнаго фактора при образованіи фізіологическихъ
функцій и въ процессѣ чисто-органической эволюціи (130).

Двѣ послѣднія главы касаются вопроса о психикѣ животныхъ
и растений. Предпочитая держаться субъективнаго метода, проф.
Фаминцынъ пытается констатировать ясныя признаки психиче-
ской дѣятельности у самыхъ низшихъ представителей живыхъ су-
ществъ—простѣйшихъ, подтверждая такимъ образомъ ранѣе вы-
сказанныя имъ воззрѣнія по этому предмету («О психической
жизни простѣйшихъ»). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчеркиваетъ свое
прежнее положеніе «объ активномъ участіи психики какъ въ фи-
логенезисѣ, такъ и въ формованіи окончательной организациі жи-
вотныхъ и человѣка» (190). Что касается растений, то такъ какъ
они, по современной теоріи эволюціи, произошли, путемъ посте-
пеннаго развитія, изъ тѣхъ основъ жизни, которыя заложены
въ простѣйшихъ, то мы, признавая психику въ послѣднихъ, не
можемъ отрицать ея и въ первыхъ. Сходство основныхъ фізіоло-
гическихъ процессовъ какъ у простѣйшихъ, такъ и у растений
тоже должно, по мнѣнію автора, подтверждать его мысль, еще
50 лѣтъ тому назадъ такъ картинно выраженную Фехнеромъ
въ его «Nanna».

Въ заключеніе авторъ кратко касается вопроса о живой и мертвой субстанціи, о переходѣ живого въ мертвое и о возможности возникновенія живого изъ мертваго. Считаая неудовлетворительными новѣйшія попытки (Сабатье, Ферворна и Гольдштейна) доказать существенное сходство основныхъ процессовъ въ живой и мертвой природѣ, проф. Фаминцынъ рекомендуетъ путь экспериментальнаго изслѣдованія для рѣшенія этихъ важнѣйшихъ проблемъ современной біологіи.

Едва ли можно спорить, что вопросы, затронутые проф. Фаминцынымъ, принадлежатъ къ числу серьезнѣйшихъ философскихъ проблемъ, выдвинутыхъ на сцену особенно въ послѣднее время. Поэтому тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что въ данномъ случаѣ они затрогиваются иногда очень неглубоко и рѣшаются слишкомъ односторонне. Вообще, вся работа проф. Фаминцына не носитъ характера цѣльнаго продуманнаго труда, какъ можно было бы ожидать, судя по важности трактруемыхъ въ ней предметовъ, а, напротивъ, является чѣмъ-то въ родѣ набросковъ, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ и по поводу нѣкоторыхъ новѣйшихъ статей по общимъ вопросамъ біологіи и притомъ часто сшитыхъ на живую нитку. Этимъ общимъ характеромъ работы и объясняются ея многіе существенные недостатки.

Такъ, напримѣръ, авторъ доказываетъ некомпетентность современной гносеологіи въ рѣшеніи проблемы реальности внѣшняго міра разборомъ взглядовъ Канта и Милля и указаніемъ на эволюцію органовъ внѣшнихъ чувствъ, которой будто бы совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе современная философія. Мы не будемъ разбирать аргументовъ г. Фаминцына (скажемъ только, что Кантъ совсѣмъ не придавалъ своему категорическому императиву того гносеологическаго значенія, которое старается приписать ему, по примѣру нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, г. Фаминцынъ); но неужели современная гносеологія исчерпывается этими двумя, дѣйствительно, великими именами? Если бы проф. Фаминцынъ познакомился съ однимъ изъ талантливѣйшихъ представителей новокантіанства, Ф. А. Ланге, то увидѣлъ бы, что субъективный идеализмъ, хотя и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ у Канта, имѣетъ для себя еще очень твердую почву, несмотря на фактъ біологической эволюціи органовъ чувствъ, которой современные критичисты совсѣмъ не упускаютъ изъ виду. Только для нихъ она не имѣетъ той доказательной силы,

которую ей приписываетъ проф. Фаминцынъ, ибо самыя органы чувствъ съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма есть только наше представленіе. Несправедливо обвиняя критическую философію въ игнорированіи теоріи эволюціи, авторъ не съ бѣльшимъ основаніемъ утверждаетъ, что философы въ своихъ построеніяхъ обычно идутъ отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, а естествоиспытатели—наоборотъ (77), причемъ его сравненіе о различномъ направленіи въ умственной дѣятельности философа и естествоиспытателя (63) также не выдерживаетъ критики, какъ не соответствующее дѣйствительности. Вообще, авторъ не уяснилъ себѣ отношенія современной философіи къ наукѣ и, главное, не понялъ различія того, какое значеніе имѣетъ гносеологія для построенія мировоззрѣнія—съ одной стороны и собственно для научнаго изслѣдованія—съ другой. Рѣшая проблему реальности, проф. Фаминцынъ, очевидно, имѣлъ въ виду первое, ибо существованіе внѣшняго міра, какъ предмета научно-практическаго изслѣдованія, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. А если такъ, то ему нельзя было игнорировать и такіе вопросы, какъ—что такое матеріальное и духовное, а нужно было показать психологическій генезисъ этихъ понятій и ихъ гносеологическое значеніе. Повторяя давно извѣстное положеніе, что психическіе процессы намъ извѣстны болѣе, чѣмъ матеріальныя явленія, и утверждая вслѣдъ за Бунге, что изслѣдованіе природы должно начинаться съ изученія нашей психики, авторъ въ своей книгѣ, по образцу своихъ предшественниковъ, не показываетъ наглядно, какимъ образомъ данныя психологіи и теоріи познанія могутъ быть положены въ основаніе изученія внѣшняго міра.

Подобно гносеологическимъ воззрѣніямъ, и обще-психологическіе взгляды автора могутъ вызывать не мало возраженій. Такъ, не отрицая участія психическаго элемента въ процессѣ эволюціи, едва ли можно приписывать ему такую выдающуюся роль въ качествѣ фактора даже органической эволюціи, какъ это дѣлаетъ проф. Фаминцынъ. Опыты съ гипнотическими явленіями, не говоря уже о томъ, что они искусственны и исключительны, совсѣмъ не уполномочиваютъ на это широкое обобщеніе. Примѣры, приводимые проф. Фаминцынымъ, вродѣ, напримѣръ, развитія мускуловъ путемъ намѣреннаго упражненія, слишкомъ малодоказательны въ сравненіи съ громаднымъ влияніемъ внѣшнихъ условій въ широкомъ смыслѣ. Что касается

психики животныхъ, то о вліяніи ея на фізіологическую структуру можно говорить еще менѣе. Вообще, въ отношеніи психики животныхъ, особенно низшихъ, авторъ впадаетъ въ несомнѣнные преувеличенія, именно потому, что предпочитаетъ субъективный методъ. Изслѣдованія проф. Шевякова, на которыя ссылается авторъ, если и не противорѣчатъ, то, по большей части, не подтверждаютъ его выводовъ, ибо мало касаются собственно психической жизни простѣйшихъ.—Въ защиту признанія психики у растений авторъ не приводитъ ни одного вполне доказательнаго аргумента. Предположеніе, что всѣ растения произошли путемъ эволюціи отъ простѣйшихъ, едва ли можетъ служить доказательствомъ, ибо если у инфузоріи можно признать элементы психической жизни, то еще можно сомнѣваться въ этомъ по отношенію къ амѣбѣ. Кромѣ того, защитники мнѣнія, противоположнаго утвержденію проф. Фаминцына, всегда могутъ сказать, что въ процессѣ эволюціи растения могли утратить нѣкоторыя свойства, принадлежавшія ихъ предкамъ. Равнымъ образомъ, едва ли можетъ доказывать присутствіе психической жизни у растений сходство ихъ съ животными въ химическомъ и фізіологическомъ отношеніи, особенно въ первомъ, ибо тогда, продолжая аналогію, нужно было бы признать душу и у элементовъ неорганической матеріи. Приводя такіе шаткіе аргументы, проф. Фаминцынъ не останавливается на относящихся сюда болѣе интересныхъ фактахъ чувствительности или раздражимости растений. Вообще же онъ слишкомъ расширяетъ понятіе психики и, повидимому, приравниваетъ объемъ этого понятія къ понятію жизни, что едва ли справедливо. Всѣ эти недостаточно мотивированныя утвержденія, несомнѣнно, умаляютъ значеніе книги проф. Фаминцына. Но эти недостатки отбѣняются еще болѣе, благодаря шаткости и колебанію автора какъ при высказываніи многихъ изъ его положительныхъ взглядовъ, такъ и въ общемъ тонѣ его изложенія. Стоитъ лишь припомнить страницы, излагающія ученіе Локка о троякаго рода качествахъ вещей (82,85) или содержащія формулировку взглядовъ автора относительно реальности внѣшняго міра (95).—Есть, конечно, въ книгѣ проф. Фаминцына и нѣсколько вѣрныхъ и дѣльныхъ замѣчаній. Такова, на примѣръ, его основная мысль о важности гносеологии для построенія міровоззрѣнія,—мысль, которую онъ доказываетъ въ теоріи и опровергаетъ на практикѣ.

Таковы же его замѣчанія о необходимости чисто научныхъ экспериментовъ при рѣшеніи труднѣйшихъ проблемъ біологіи, о избыткѣ сырого матеріала и недостаткѣ обобщеній въ большинствѣ трудовъ современныхъ натуралистовъ. Но всѣ эти положительныя качества ступшевыаются передъ указанными недостатками. Конечно, эти послѣдніе легко понятны, если разсматривать эту книгу какъ «исповѣдь» автора (такъ онъ самъ ее называетъ), а не какъ ученый трудъ. Но желательно было бы, чтобы произведенія и такого рода появлялись въ болѣе обработанномъ видѣ, особенно, если они исходятъ отъ лицъ, пользующихся ученымъ именемъ, и чтобы, при неустойчивости положительныхъ взглядовъ, они были чужды того отрицательнаго качества — излишней самоувѣренности и, пожалуй, высокомерія, которое выразилось въ возгласѣ автора по отношенію къ критической философіи («руку прочь»).

Н. Виноградовъ.

Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus. Leipzig, 1897.

Это сочиненіе извѣстнаго экономиста при своемъ появленіи возбудило у насъ, въ Россіи, большой интересъ. Успѣхъ этотъ, помимо несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствъ самого труда, въ меньшей мѣрѣ обусловленъ былъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстная часть нашей публики увидѣла въ немъ подтвержденіе своихъ излюбленныхъ взглядовъ на происхожденіе такъ называемыхъ «идеологій». Уже самое заглавіе обнаруживаетъ до нѣкоторой степени точку зрѣнія автора. Онъ задается цѣлью показать, что одинъ изъ существенныхъ формальныхъ элементовъ музыки и поэзіи, *ритмъ*, привнесенъ въ нихъ извнѣ, изъ области производительной дѣятельности человѣка, изъ области *труда*. Для этого прежде всего слѣдовало выяснить значеніе ритма въ самомъ процессѣ работы, что авторъ и дѣлаетъ въ первой главѣ своей книги, гдѣ онъ разбираетъ приемы и способы работы у дикихъ народовъ. Bücher находитъ несправедливымъ постоянно повторяемое этнографами и путешественниками обвиненіе дикарей въ лѣности и непобѣдимомъ отвращеніи къ труду. «Paresse et sauvagerie sont synonymes». Ошибка заключается въ неправильной модернизации самаго понятія труда. Трудъ систематическій, постоянный, направленный на приобрѣтеніе (Erwerbsarbeit), дѣйствительно, по самому существу своему противенъ природѣ первобытнаго

человѣка, который принимается за работу только тогда, когда имѣется въ виду какая-нибудь близкая, непосредственная цѣль и когда она способствуетъ удовлетворенію его нуждъ и потребностей (Bedarfsarbeit). Но въ этой области трудъ дикаря нисколько не меньше, чѣмъ у культурнаго человѣка, такъ какъ необходимо при сравненіи принять во вниманіе несовершенство орудій производства и обусловленные этимъ несовершенствомъ сложность и продолжительность самаго процесса работы. Но для первобытнаго человѣка трудъ тяжекъ не столько потому, что требуетъ извѣстнаго мускульнаго усилія, сколько потому, что связывается обыкновенно съ продолжительнымъ напряженіемъ вниманія. Такое напряженіе вниманія можетъ быть устранено только тѣмъ, что самый процессъ работы становится съ теченіемъ времени автоматичнымъ и уже не требуетъ психическаго усилія со стороны субъекта. Это достигается тѣмъ, что движенія, входящія въ составъ того или другого акта, получаютъ *ритмическій* характеръ и производятся въ силу этого безъ непосредственнаго участія направляющей воли. Въ результатъ получается экономизація энергіи, которая въ работахъ, не имѣющихъ ритмическаго характера, расходуется часто совершенно непроизводительно, вслѣдствіе чего весьма скоро наступаетъ утомленіе. Изъ этого видно важное значеніе ритма съ чисто практической точки зрѣнія, такъ какъ онъ способствуетъ большей производительности работы, облегчая въ то же время самый процессъ труда. Особенно замѣтно это при совмѣстной работѣ, особенно такой, которая сама собой складывается ритмически: напримѣръ, при молотбѣ пѣрами, при косьбѣ и т. под. Здѣсь каждый необходимо долженъ придерживаться извѣстнаго такта, не сбиваясь съ него, чтобы не задерживать другихъ, и такимъ образомъ работа становится болѣе интенсивной и болѣе производительной. При этомъ психическая дѣятельность сводится на минимумъ, движенія приобрѣтаютъ совершенно автоматическій характеръ, чувство усилія болѣе или менѣе исчезаетъ («рука сама ходитъ»), а присутствіе и совмѣстная работа другихъ поднимаетъ энергію каждаго отдѣльнаго работника.

Русскій читатель невольно вспомнитъ при этомъ прекрасное описаніе косьбы въ «Аннѣ Карениной», гдѣ Толстой съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ и психологической правдой описываетъ переживаемыя Левиномъ ощущенія; картина получается

почти такая же: въ анализѣ Толстого мы находимъ и автоматичность ритмическихъ движеній, и постепенное пониженіе чувства усилія, смѣняющагося чувствомъ непривычной легкости, и затемнѣніе психическаго поля зрѣнія, пока въ сознаніи Левина остается одно только представленіе двигающейся спины передового работника.

Таково важное значеніе ритмическихъ движеній въ процессѣ работы. Но работа обыкновенно сопровождается пѣніемъ; по крайней мѣрѣ, большинство путешественниковъ свидѣтельствуютъ, что всѣ первобытныя племена имѣютъ привычку пѣть во время работы, да и мы можемъ сами наблюдать это въ низшихъ классахъ народонаселенія. Какъ мелодія, такъ и содержаніе этихъ пѣсень, обыкновенно, имѣютъ второстепенное значеніе и часто могутъ даже мѣняться въ зависимости отъ индивидуальности пѣвцовъ. Но тотъ элементъ, который остается при этомъ неизмѣннымъ, устойчивымъ, есть именно *ритмъ*, потому что онъ является тѣсно связаннымъ съ *ритмомъ самой работы*. Поэтому всякій видъ работы сопровождается особенной пѣсней, ей одной свойственной. Вücher приводитъ многочисленныя примѣры такихъ «рабочихъ пѣсней», содержаніе которыхъ очень часто импровизируется пѣвцомъ и относится къ недавно пережитымъ случаямъ и приключеніямъ, а также текущему настроенію пѣвца. Въ этихъ «рабочихъ пѣсняхъ» и заключаются зачатки позднѣйшей поэзіи и музыки, которая при дальнѣйшемъ развитіи дифференцируются и развиваются уже самостоятельно, все болѣе и болѣе усложняясь. Но и до сихъ поръ для большинства населенія, даже и въ культурныхъ странахъ, эстетическая потребность удовлетворяется главнымъ образомъ народною пѣсней, въ которой не дифференцировались еще элементы поэзіи и музыки, а наша «изящная» лирика (Goldschnittlyrik, по выраженію автора) въ большинствѣ случаевъ остается почти совершенно чуждою громадной массѣ народа.

Такимъ образомъ начатки искусства даны первоначально въ тѣсной связи съ процессомъ труда, и притомъ такъ, что трудъ представляетъ собой основной элементъ этого соединенія, между тѣмъ какъ два другихъ элемента не имѣютъ въ началѣ самостоятельнаго значенія. Объединяющимъ признакомъ ихъ является ритмъ, обусловленный ритмомъ самой работы. Немаловажную роль играетъ при этомъ ритмическое чередованіе издаваемыхъ

рабочими инструментами звуковъ, невольно побуждающее къ подражанію, какъ мы сами можемъ видѣть на примѣрѣ играющихъ дѣтей. Первобытнѣйшій человѣкъ также во многихъ отношеніяхъ подобенъ ребенку: и въ его жизни, какъ въ жизни ребенка, игры, а особенно пляски, имѣютъ чрезвычайное значеніе. Извѣстно, съ какимъ увлеченіемъ дикари предаются танцамъ; здѣсь также ритмическія движенія играютъ первенствующую роль, и возможно было бы сдѣлать предположеніе, что именно изъ этой области первобытнѣйшій человѣкъ заимствовалъ элементъ ритма. Однако слѣдуетъ замѣтить, что, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, игры и пляски дикарей отличаются преимущественно характеромъ *мимическимъ* и заключаются въ воспроизведеніи тѣхъ или другихъ обыденныхъ занятій, при чемъ это воспроизведеніе сопровождается соотвѣтствующими пѣснями. Это ясно видно, на примѣрѣ, въ культѣ Діониса, изъ котораго, съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, выросла древне-греческая драма. Но именно потому, что эти игры и пляски суть воспроизведенія извѣстныхъ видовъ работы, элементъ ритма не можетъ имѣть въ нихъ самостоятельнаго значенія, а долженъ разсматриваться какъ привнесенный извнѣ. Ритмъ танцевъ является въ значительной степени произвольнымъ, между тѣмъ какъ въ работѣ онъ съ необходимостью обуславливается тѣлесной организаціей человѣка и техническими условіями самой работы. Что касается до музыки, то характернымъ является то обстоятельство, что первобытнѣйшіе музыкальные инструменты въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой видоизмѣненные рабочія орудія; обыкновенно это инструменты ударные, т.-е. такіе, которые отгнѣняютъ преимущественно ритмическій элементъ музыки; даже струнные инструменты первоначально были ударными, и звуки извлекались изъ нихъ съ помощью молоточка (на примѣрѣ, плектронъ у древнихъ грековъ).

Резюмируя содержаніе своей книги, Bücher пишетъ: «Существуетъ только одинъ видъ человѣческой дѣятельности, соединяющій въ себѣ трудъ, игру и искусство. Въ этомъ первоначальномъ единствѣ духовной и физической дѣятельности человѣка связаны элементы, при дальнѣйшемъ развитіи дифференцирующіеся и образующіе, съ одной стороны, область ремесла и техники, съ другой,—область искусства въ его различныхъ видахъ. Объединяющимъ признакомъ, который связываетъ эти,

повидимому, столь разнородные элементы, является ритмъ,—правильное расчлененіе движеній въ ихъ временной послѣдовательности. Ритмъ вытекаетъ изъ органической природы человѣка. Онъ господствуетъ надъ всякою естественною дѣятельностью животнаго тѣла въ качествѣ регулирующаго элемента для наименьшей затраты силъ. Идущая рысью лошадь и нагруженный верблюдъ двигаются такъ же ритмически, какъ работающій весломъ гребецъ и кующій кузнецъ. Ритмъ возбуждаетъ чувство удовольствія; поэтому онъ служитъ не только для облегченія работы, но является также источникомъ эстетическаго наслажденія и тѣмъ элементомъ искусства, къ которому воспримчивы всѣ люди независимо отъ степени ихъ культурности. Въ немъ на зарѣ исторической жизни человѣчества самымъ простымъ образомъ получилъ свое выраженіе тотъ принципъ, который (согласно Шеффле) заставляетъ насъ стремиться къ наибольшей полнотѣ жизни и жизненныхъ наслажденій, съ возможно меньшей затратой жизненныхъ силъ» (S. 100, 101).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги нѣмецкаго экономиста. Она невольно подкупаетъ читателя простотой и изяществомъ своей концепціи, въ ней разбросано много вѣрныхъ наблюденій и тонкихъ замѣчаній; но всѣ эти достоинства не искупаютъ коренного недостатка всего сочиненія, заключающагося въ крайне одностороннемъ освѣщеніи, которое даетъ авторъ изучаемому явленію. Прежде всего бросается въ глаза, что авторъ совершенно произвольно ограничилъ свою задачу разсмотрѣніемъ однѣхъ только «рабочихъ пѣсенъ» (*Arbeitsgesänge*). Область народной пѣсни гораздо обширнѣе, чѣмъ тотъ незначительный отдѣлъ, который послужилъ автору матеріаломъ для построенія его теоріи. Даже изъ приводимыхъ Бюкеромъ примѣровъ видно, что пѣніе повсемѣстно существуетъ также и независимо отъ работы; но изслѣдователь почему-то совершенно игнорируетъ эти другіе виды народной пѣсни. Поэтому выводы, къ которымъ онъ приходитъ, могутъ быть совершенно вѣрными для той спеціальной области, которую онъ подвергъ разсмотрѣнію, но нѣтъ никакихъ основаній распространять ихъ на всю область народной поэзіи. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что далеко не всѣ виды работы отличаются ритмическимъ характеромъ: напримѣръ, наиболѣе распространенныя среди дикихъ народовъ занятія, охота и война, конечно, не подчиняются никакому опредѣленному ритму.

Но зато ихъ искусственное воспроизведеніе въ военныхъ играхъ и пляскахъ (о которыхъ Bûcher также не упоминаетъ), можетъ получить ритмическую обработку. То же самое слѣдуетъ сказать и о военной пѣснѣ; если предположить, что въ послѣднемъ случаѣ ритмъ заимствованъ отъ ритма человѣческаго шага, то это, быть можетъ, было бы совершенно справедливо, но не имѣло бы къ теоріи автора никакого отношенія, такъ какъ терминъ «работа» употребляется Бюхеромъ въ смыслѣ производительной дѣятельности, къ которой ходьба, оставаясь работой въ физическомъ смыслѣ слова, причислена быть не можетъ.

Но главный недостатокъ теоріи Бюхера заключается въ томъ, что она недостаточно глубоко проникаетъ въ сущность вопроса. Еще Платонъ говорилъ, что ритмъ свойственъ природѣ человѣка, и это утвержденіе остается справедливымъ до сихъ поръ. Хотя Бюхеру также нечуждо сознаніе, что «ритмъ вытекаетъ изъ органической природы человѣка», однако онъ не дѣлаетъ никакой попытки выяснить происхожденіе ритма изъ условій человѣческой организаціи или, по крайней мѣрѣ, разобраться въ существующихъ въ настоящее время попыткахъ объясненія. Между тѣмъ данный вопросъ можетъ быть рѣшенъ по существу только на почвѣ психологіи и физиологіи, и если сдѣланныя до сихъ поръ попытки не дали вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, то во всякомъ случаѣ онѣ намѣтили путь, по которому должно двигаться изслѣдованіе.—Все сказанное не лишаетъ однако книги Бюхера большого интереса не только для публики вообще, но и для психолога-специалиста, который, повторяемъ, найдетъ у него много интересныхъ мыслей и замѣчаній.

В. Сазодникъ.

II. Библиографическій листокъ.

Альфредъ Фуллье. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. Стр. 499, X.

Фуллье начинаетъ свое изложеніе съ краткаго очерка древнѣйшихъ философскихъ системъ—у индусовъ, персовъ, кельтовъ, галловъ, китайцевъ, египтянъ и евреевъ. Затѣмъ только переходитъ онъ къ греческой философіи; въ этомъ отдѣлѣ обстоятельнѣе всего переданы ученія Сократа и Платона. Третья часть трактуетъ о философіи среднихъ вѣковъ и возрожденія, четвертая—о философіи новаго времени вплоть до Д.-С. Милля и Г. Спенсера. Авторъ обращаетъ серьезное вниманіе на общественные взгляды отдѣльныхъ мыслителей и иногда заходитъ въ этомъ отношеніи очень далеко; такъ, теоретической философіи Джона Локка удѣлено около 30 строкъ, между тѣмъ какъ его политическія воззрѣнія изложены на нѣсколькихъ страницахъ. Вообще, Фуллье не всегда соблюдаетъ въ своей «Исторіи» должную пропорціональность, и это является самымъ существеннымъ недостаткомъ его книги. Нѣмецкій идеализмъ, напримѣръ, обрисованъ только блѣдными контурами. Каждой главѣ предшествуетъ подробный конспектъ ея содержанія. Въ концѣ книги находится указатель именъ и предметовъ. Русское изданіе не совсѣмъ удовлетворительно. Не говоря уже о множествѣ опечатокъ, которыя дѣлаютъ непріятнымъ чтеніе книги, переводъ ея страдаетъ тяжеловѣсными оборотами, неправильной терминологіей и искаженіями собственныхъ именъ. Переводчикъ употребляетъ такія фразы, какъ «исторія фактически подтверждаетъ фактами» (стр. 13), такія выраженія, какъ «спонтанейность», «доброта» вмѣсто *добро* (стр. 102); кантовское *Verstand*

онъ передаетъ черезъ «пониманіе» вмѣсто *разсудокъ*, а категоріи называетъ «кадрами» (стр. 399). Джордано Бруно обращенъ въ «Жордано», Леонардо да Винчи въ «Ленаръ де Винчи» (стр. 225, 229), Ксенофонтъ всюду выступаетъ въ качествѣ «Ксенофона».

Свое Слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый (вмѣсто «Философскаго Трехмѣсячника») профессоромъ А. А. Козловымъ Спб. 1898, стр. 165. № 5. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

«Преклонный возрастъ (67 лѣтъ),—говоритъ авторъ въ предисловіи,—и хроническая болѣзнь (параличъ) все болѣе отодвигаютъ время появленія новыхъ выпусковъ «Своего Слова».

Въ пятомъ выпускѣ г. Козловъ продолжаетъ излагать, въ «бесѣдахъ съ петербургскимъ Сократомъ», свое мировоззрѣніе. Въ частности онъ разбираетъ вопросы о движеніи, матеріи и причинности. «Понятіе движенія можетъ быть разсматриваемо съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) метафизической, гдѣ оно состоитъ изъ актовъ нашего общенія и взаимодействія со всѣми другими субстанціями міра въ ихъ метафизической связи другъ съ другомъ; 2) психологической, гдѣ оно состоитъ въ смѣнѣ сознаваемыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ другими психическими состояніями; наконецъ, 3) физической, гдѣ оно состоитъ въ перемѣнѣ положенія и мѣста въ пространствѣ. Первое понятіе движенія есть источникъ второго, а второе—источникъ третьяго». Причина ошибокъ и противорѣчій, связанныхъ съ понятіемъ движенія, заключается въ томъ, что обыкновенно смѣшиваютъ три стадіи этого понятія: субъективную, объективную и абстрактную. Движеніе въ субъективной стадіи, «гдѣ оно отмѣчается и оцѣнивается посредствомъ такъ называемаго чувственного воспріятія, не слѣдуетъ отождествлять съ пониманіемъ движенія въ объективно-абстрактной стадіи его развитія, устанавливаемой и оцѣниваемой мышленіемъ». Такъ какъ непосредственно мы сознаемъ только свое существованіе и свои дѣятельности, то не только вторичныя (по Локку), но и первичныя качества вещей «составляютъ одинаково нашу принадлежность». Вещи сами по себѣ не имѣютъ ни протяженности, ни непроницаемости. Матерія нереальна, такъ какъ нѣтъ реального пространства, въ которомъ она могла бы существовать и двигаться. Идея причины прямо не ведетъ къ признанію вѣщ-

няго міра; «къ нему мы приходимъ путемъ лишь долгаго опыта, соединеннаго съ актами мышленія и вывода». Мало-по-малу на почвѣ этихъ дѣятельностей образуется признаніе бытія внѣшнихъ дѣятелей и далѣе—при образованіи идеи пространства—бытія матеріальныхъ вещей. Затѣмъ уже возникаетъ общее абстрактное понятіе причины. Въ отдѣльной статьѣ «Мысли о нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ, преобладающихъ въ современной русской литературѣ, и объ одномъ возможномъ въ будущемъ» авторъ критически разсматриваетъ матеріализмъ—экономическій, научный и традиціонный,—дуализмъ, позитивизмъ, идеализмъ и панпсихизмъ; въ послѣднемъ А. А. Козловъ видитъ «истиннаго преемника идеализма въ развитіи философскаго знанія». Книга заканчивается полемикой съ В. С. Соловьевымъ и Г. И. Челпановымъ по поводу возрѣній автора на время и пространство.

І. Гобчанскій. Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Составлена по новѣйшимъ источникамъ примѣнительно къ программѣ психологіи для духовныхъ семинарій. Спб. 1898. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. IX+256. Ц. 1 р. 60 к.

Составитель этой книги собралъ въ систематическое руководство новѣйшіе выводы психологическихъ изслѣдованій; наиболѣе часто цитируются Джемсъ, Геддингъ, Тэнъ, Фулье, Рибо, Снегиревъ. Онъ сдѣлалъ живое и толковое описаніе человѣческой души въ ея нормальныхъ и, отчасти, въ патологическихъ проявленіяхъ (конечъ 2-й части). Критическій элементъ представленъ въ его книгѣ незначительно; главное мѣсто занимаетъ популярное изложеніе, обильное примѣрами. Слабѣ всего въ книгѣ первые параграфы введенія. Странно звучитъ въ нихъ самое опредѣленіе опытной психологіи. Авторъ говоритъ: «Опытной психологіей называется наука о душевной жизни человѣка, т. е. о явленіяхъ познанія, чувствованія и желанія. Эти явленія разсматриваются здѣсь не съ точки зрѣнія того, какъ они должны совершаться по требованію законовъ души, но съ точки зрѣнія того, какъ они въ дѣйствительности происходятъ и познаются посредствомъ самонаблюденія, или внутренняго опыта». Вся послѣдняя тирада представляетъ собою очевидное недоразумѣніе; изъ нея можно заключить, будто законы психологіи уже извѣстны. Эмпирической основы авторъ не оставляетъ до конца

книги; при этомъ въ противорѣчіе съ цитированными словами онъ самъ считаетъ внутренній опытъ, или самонаблюденіе, не единственнымъ источникомъ психологіи. То, что книга предназначена для духовныхъ семинарій, не отразилось на ней специфическими особенностями. Вообще, работа г. Гобчанскаго можетъ принести учащимся несомнѣнную пользу. Крупный внѣшній недостатокъ книги—это обиліе грубѣйшихъ опечатокъ, которыя нерѣдко искажаютъ смыслъ, напримѣръ, въ опредѣленіи дедукціи и индукціи, въ описаніи осязательныхъ ощущеній (стр. 3 и 61).

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Переводъ съ англійскаго С. И. Ершова подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. М. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Цѣна по подпискѣ безъ перес. 3 р., съ пересылкой заказной бандеролью 4 р. 50 к.

Быстро и успѣшно подвигается впередъ это въ высшей степени полезное и своевременное изданіе. До сихъ поръ появилось 5 выпусковъ; послѣдній изъ нихъ даетъ начало V-й книги. Говорить о значеніи и важности этого произведенія здѣсь и излишне, и неумѣстно. Достоинства же русскаго перевода, сочетающаго въ себѣ научную точность и литературную плавность, таковы, что трудъ гг. Ивановскаго и Ершова оставляетъ далеко за собою прежнее изданіе «Логики», ставшее библиографической рѣдкостью и воспроизводившее, кромѣ того, не окончательный видъ «System of Logic», а 5-е изданіе оригинала; настоящій же переводъ сдѣланъ съ 10-го изданія. Нѣкоторыя мѣста изъ книги Милля цѣлесообразно снабжены объяснительными примѣчаніями В. Н. Ивановскаго.

Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Третье изданіе. М. 1898. Стр. XXIV+542. Ц. 1 р. 75 к. (въ англійск. переплетѣ). Изданіе Библиотеки для самообразованія.

Въ теченіе трехъ лѣтъ эта книга выдержала три изданія. Такой необычный успѣхъ объясняется тѣми исключительными достоинствами, которыя выдѣляютъ трудъ Минто изъ серіи ординарныхъ учебниковъ логики. Изящное и простое изложеніе

вводитъ читателя въ самую сущность логической науки, не требуетъ отъ него напряженія памяти и сразу увлекаетъ его мысль въ кругъ философскихъ интересовъ. «Удивительное безпристрастіе, съ которымъ Минто относится къ старинному спору между формальной и индуктивной логикой, даетъ ему возможность одинаково рельефно выдвинуть сильныя стороны той и другой; а та практическая цѣль—предупрежденіе ошибокъ въ разсужденіи и изслѣдованіи,—которой онъ никогда не теряетъ изъ виду, дѣлаетъ книгу интересной и поучительной даже для тѣхъ читателей, которые совсѣмъ не привыкли интересоваться философскими отвлеченностями».

Отлично исполненный переводъ, обиліе самыхъ разнообразныхъ примѣровъ и темъ на логическія упражненія, обстоятельный указатель именъ и понятій, наконецъ, изящный внѣшній видъ книги—все это способствуетъ распространенію учебника Минто въ самыхъ широкихъ кругахъ образованныхъ читателей.

Н. Ланге, профессоръ Новороссійскаго университета. Учебникъ логики. Удостоенъ малой преміи имени Императора Петра Великаго. Изданіе книгопродавца Е. П. Распопова въ Одессѣ. Одесса, 1898. Стр. IV+237. Ц. 1 р.

«Предлагаемый учебникъ логики,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—представляетъ переработку и сокращеніе извѣстнаго сочиненія Зигварта (Sigwart: Logik, 2 Bände)... Но въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего учебника мы сочли нужнымъ внести въ изложеніе Зигварта дополненія или измѣненія. Такъ, въ ученіе о сужденіи введены замѣчанія о сужденіяхъ объ агрегатѣ, согласно указаніямъ проф. Каринскаго; ученіе о понятіяхъ и ихъ отношеніяхъ къ общимъ представленіямъ переработано согласно «Логикѣ» Вундта; въ теоріи индукціи внесены нѣкоторыя указанія изъ трактата Джевонса «Основы науки»), и т. д. Предлагаемый курсъ логики значительно труднѣе, чѣмъ соотвѣтственные руководства Владиславлева, Троицкаго или Рутковскаго. Эта трудность обусловлена главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нашемъ руководствѣ логика поставлена въ тѣсную связь съ опредѣленной философской теоріей познанія. Съ точки зрѣнія чисто-дидактической, эта трудность есть, конечно, недостатокъ, но мы убѣждены, что изученіе логики можетъ принести существенную пользу умственному развитію учениковъ лишь при такой болѣе высокой въ научномъ смыслѣ постановкѣ курса; если же курсъ

логики лишень опредѣленнаго философскаго направленія, то онъ обращается въ игру пустыми схемами, которыхъ приложимость въ научномъ мышленіи крайне сомнительна».

Не только по содержанію, но и по общему тону и структурѣ книга проф. Ланге не подходитъ къ обычному типу учебниковъ. Она чуждается строго-догматическаго изложенія и имѣетъ характеръ бесѣды, которая предполагаетъ въ учащихся развитое мышленіе. Подробности и опредѣленія формальной логики, вообще не признаваемой авторомъ, опущены. Одинъ изъ параграфовъ введенія даетъ сжатую, но содержательную характеристику различныхъ направленій логики, этой «нравственности мышленія» (стр. 24).

Съ внѣшней стороны книгу портитъ обиліе самыхъ грубыхъ и искажающихъ смыслъ опечатокъ.

П. Неждановъ. Нравственность М. 1897, стр. 179. Ц. 1 р. 25 к.

Книга раздѣлена на 6 главъ: I. Нравственность передъ судомъ экономическаго матеріализма. II. Характеристика нравственности. III. Что должно составлять содержаніе основнаго нравственнаго принципа? IV. Обыденная нравственность. V. Анализъ свободы, какъ ключъ къ пониманію генезиса нравственности. VI. Критическая нравственность. *Приложеніе*: Діалектическій или экономическій матеріализмъ?

Цѣль автора—выяснить значеніе нравственнаго начала въ историческомъ процессѣ. Возставая противъ одностороннихъ воззрѣній экономическаго матеріализма, г. Неждановъ приписываетъ нравственности независимую и самобытную роль въ исторіи. Въ содержаніе нравственнаго принципа, коренящагося во внутренней самопричинности духа, онъ включаетъ не одно лишь индивидуальное саморазвитіе, но и стремленіе личности приблизить къ нравственному идеалу и общественный процессъ. Только при этомъ социальномъ элементѣ моральнаго развитія достигается у отдѣльнаго человѣка то чувство возвышенія, въ которомъ г. Неждановъ, вслѣдъ за П. Л. Лавровымъ, видитъ специфическую и характерную черту нравственнаго поступка. Взгляды автора «Историческихъ писемъ» вообще оказали на г. Нежданова сильное, хотя и не порабошающее вліяніе.

Ц. Балталонъ. Эстетика В. Г. Бѣлинекаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями.

Изданіе комиссіи преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898 г., стр. XIII, 262. Ц. 1 р.

«Предлагаемая книга имѣетъ цѣлю представить, въ сжатой и доступной формѣ, заслуги Бѣлинскаго въ области теоріи творчества: для этого мы выдѣлили въ ней изъ массы матеріала, отошедшаго въ исторію, наиболѣе цѣнные и неувядаемые элементы. Этотъ сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ, текста, принадлежащаго Бѣлинскому, и дополнительныхъ къ нему статей, представляетъ собою попытку систематическаго расположенія и освѣщенія разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго матеріаловъ, относящихся къ психологіи художественнаго творчества и теоріи литературной критики».

Избранные отрывки, по большей части, типичны для знаменитаго критика и вѣрно характеризуютъ *остовъ* его эстетическихъ воззрѣній. Но для того чтобы получить яркое представленіе о Бѣлинскомъ съ его пафосомъ и огнемъ, для того, чтобы воскресить его умственный обликъ во всей его жизненности и одушевленіи,—этихъ фрагментовъ, разумѣется, недостаточно. Кроме того, г. Балталонъ не слѣдовало бы въ своихъ комментаріяхъ и разъясненіяхъ такъ ревностно и тщательно отдѣлять у Бѣлинскаго «психологическіе элементы мысли отъ философскихъ и метафизическихъ», такъ сокрушаться объ его «экскурсіяхъ въ область метафизическихъ теорій». Вообще, г. Балталонъ энергично пытается установить между философіей и эстетикой, съ одной стороны, и психологіей, съ другой, принципиальное и глубокое различіе, котораго въ дѣйствительности между ними не существуетъ. Дополнительные замѣчанія г. Балталона могутъ быть полезны только для учащихъся, которые начинаютъ знакомиться съ теоріей словесности.

Къ книгѣ приложенъ «психологическій очеркъ» г. Балталона: *Образность и сходство, какъ условія художественности.*

Формулировка эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго сдѣлана авторомъ и въ брошюрѣ:

Ц. Балталонъ. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. М. 1898 г. Стр. 42. Ц. 20 к.

П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX вѣка. М. 1898. Стр. 107.

Авторъ описываетъ въ самыхъ общихъ чертахъ техническое

наслѣдство XVIII-го вѣка, технику XIX, цѣли и средства техники, разсматриваетъ взаимоотношенія техники, науки и искусства, характеризуетъ психологію технического творчества и послѣднюю главу своей книжки посвящаетъ философіи техники. Технологія, родившаяся въ XVIII вѣкѣ, явилась первой ступенюю технического обобщенія. «Эволюція XIX-го вѣка вызываетъ необходимость въ еще высшей ступени, каковое мѣсто должна занять философія техники... Что бы человѣкъ ни началъ дѣлать, при всякомъ переходѣ отъ идеи къ вещи, отъ цѣли къ достиженію, мы должны пройти чрезъ нѣкоторую специальную технику. И всѣ эти техники, которыхъ найдешь въ каждой дѣятельности человѣка, имѣютъ между собою много общаго. Что же такое это общее? Вотъ одинъ изъ вопросовъ философіи техники». Другой принципиальный вопросъ этой философіи касается отношенія техники къ человѣческой культурѣ вообще. Философія техники выясняетъ воздѣйствіе человѣка на міръ, приспособленіе природы къ потребностямъ людей; она изслѣдуетъ ту дѣятельность человѣка, съ помощью которой въ природѣ искусственно вызываются желательные факты и задерживаются нежелательные. «Философія техники разрастается въ философію человѣческой дѣятельности и дополняетъ теорію самосохраненія.»

П. К. Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 1898. Стр. 71.

По поводу 15-го тома сочиненій гр. Толстого авторъ высказываетъ не новыя по существу критическія замѣчанія о взглядахъ знаменитаго писателя на науку, технику и искусство. Онъ разбираетъ статью Эдуарда Карпентера о наукѣ, сочувственные комментаріи къ ней гр. Толстого и извѣстный трактатъ «Что такое искусство?»

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Д. Богдашевскій. Философія Канта. Выпускъ первый. Анализъ Критики чистаго разума и Критики практическаго разума. Кіевъ 1898. Стр. 158.

В. Г. Вальтеръ. Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» 1899. Ц. 40 к. Стр. 62.

Б. И. Воротынскій, докторъ медицины, приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго Университета. Геніальность, психическая неуравновѣшенность и преступность. Публичная лекція, читанная 31 іюля 1898 г. въ г. Тобольскѣ. Казань 1898. Стр. 33.

„Въ защиту идеаловъ разума“:

Избранная бібліотека современныхъ западныхъ мыслителей.

І. Эрнестъ Навиль, заслуженный проф. Женевского университета. Что такое философія? (La définition de la philosophie). Стр. XIV, 319. М. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

ІІ. Олз-Ляпрюнъ, профессоръ Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Цѣнность жизни. Стр. II, 441, Харьковъ 1898. Ц. 1 р. 75 к.

ІІІ. Наро, членъ Парижской Академіи Наукъ. Идеи Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ Стр. 551. Харьковъ 1898. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Переводы съ французскаго подъ редакціей профессора философіи въ Московской Духовной Академіи А. И. Введенскаго.

М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ I. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Переводъ Н. Южина. Изданіе О. Н. Поповой. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго, № 2 СПб. 1898. Стр. 458, II.

Д-ръ Карлъ Дюпрель. Загадочность человѣческаго существа. Введеніе въ изученіе оккультическихъ наукъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Аксенова. (Посвящается Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву). М. 1898. Стр. 115+13. Ц. 1 р.

J. P. Durand (de Gros). Aperçus de Taxinomie générale. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris 1899. P. 265. Prix 5 fr.

Л. А. Золотаревъ. Студенческое пьянство, его значеніе и причины. Изданіе автора. М. 1898. Стр. 50. Ц. 20 к.

Л. А. Золотаревъ. Этика брака. Этическія задачи брака. Нравственность супружескихъ отношеній. Отвѣтственность родителей передъ дѣтьми. Изданіе автора. М. 1898. Ц. 30 к. Стр. 66.

Краткія свѣдѣнія изъ исторіи и современнаго положенія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Отчетъ по Эссентукской благотворительности. 1898. М. 1898. 62+4.

G. Piat. M. L'Abbe. Agrégé de philosophie, Docteur ès lettres, Professeur à l'école des Carmes. Destinée de l'homme. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris 1898. P. 244. Prix 5 fr.

Прозитъ устава вспомогательнаго Общества «Санаторій» на

Эссентукской группѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ. М. 1898. Стр. 15.

М. Романовскій. О методѣ въ биологіи. Въ области гипотезъ и теоретическихъ выводовъ. Одесса 1898. Стр. 200. Ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XXVIII. Бутлеровъ-Бычковъ. Стр. 337—384. Вып. XXIX. Бычковъ—Бѣлорусовъ. Стр. 385—432. СПб. 1898.

Л. С. Основные вопросы воспитанія по сочиненіямъ Пирогова. Съ портретомъ Н. И. Пирогова. СПб. 1899. Стр. 32. Ц. 25 к.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англии за послѣднія 60 лѣтъ. (Sidney Webb, Labour in the Longest Reign, 1837—1897. Issued under the Auspices of the Fabian Society). Ц. 15 к. СПб. 1899. Изданіе Н. И. Березина и М. П. Семенова. Стр. 32.

Гербертъ Спенсеръ. Хорошее и дурное поведеніе (развитіе поведенія и поведеніе вообще). Переводъ съ англійскаго. СПб. 1899. Стр. 122. Ц. 50 к.

И. Тэнъ. В. Шекспиръ. Пер. съ французскаго. Международная Библиотека. № 9. Изданіе 2-е. Изданіе I. Юровскаго. Цѣна 15 к. 1898. Стр. 92.

Артуръ Шопенгаузъ. Міръ какъ воля и представленіе. Переводъ А. Фета. Съ портретомъ Шопенгауэра. Изданіе четвертое. СПб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Стр. 431.

Энциклопедическій Словарь. Томъ XXV. Пряга—Просрочка отпущка. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПб. 1898.

III. Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique, 1898, №№ 1—4.

P. Malaret. Воспріятіе сходства. (№ 1). Критически изложивъ взгляды на этотъ вопросъ Ренувье, Бэна, Спенсера, Фулье, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Существуетъ непосредственное и специфическое ощущеніе или чувство вниманія; при помощи этого психологическаго момента мы приготовляемъ, приспособляемъ себя къ воспріятію той или другой вещи; мы потому замѣчаемъ сходство одной вещи съ другою, что въ обоихъ случаяхъ—при воспріятіи первой и послѣдней—замѣчаемъ въ самихъ себѣ тожество вниманія, усилія, интеллектуальнаго напряженія. Если человѣкъ воспринимаетъ сходство въ вещахъ, такъ это потому, что онъ воспринимаетъ сходство въ себѣ и подмѣчаетъ при разныхъ обстоятельствахъ одинаковую интенсивность своего вниманія. Воспріятіе сходства есть нѣчто интуитивное, первичное; оно—результатъ активнаго психическаго процесса; оно исходитъ извнутри, а не извнѣ, изъ познающаго субъекта, а не изъ инертныхъ вещей. Съ начала сознательной жизни человѣка проявляется умственное усиліе, посредствомъ котораго я утверждаетъ себя, сохраняетъ себя, воспринимаетъ свое тожество и узнаетъ само себя въ безпредѣльной множественности своихъ операций.

A. Fouillée. Факторы національныхъ характеровъ (№ 1). Характеръ націи не есть простая сумма индивидуальныхъ характеровъ. Подобно тому какъ нація, въ качествѣ определенной социальной группы, имѣетъ особое отъ своихъ индивидуумовъ, хотя и не отдѣлимое отъ нихъ, существованіе, такъ и національный характеръ выражаетъ собою специфическую

комбинацію психическихъ силъ. Совокупность людей вызываетъ къ жизни новые законы и явленія, чуждые каждому изъ составныхъ элементовъ въ отдѣльности. Взаимодѣйствіе лицъ, образующихъ этническую группу, нравственное и умственное вліяніе ихъ другъ на друга, зависимость другъ отъ друга — все это создаетъ новое психическое содержаніе. Нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать народу какой-то особый метафизическій духъ, особое я, но несомнѣнно, что какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ націи существуютъ характерныя идеи-чувства, идеи-силы, которыя направляютъ ея сознаніе и волю. Эта воля полнѣе и лучше всего, но безсознательно, проявляется не въ толпѣ, не въ политическомъ большинствѣ голосовъ, а въ естественно-отборной части народа. Понятіе національности не имѣетъ характера ни чисто-физиологическаго и этнографическаго, ни чисто-экономическаго. Национальная индивидуальность прежде всего сказывается психологическими признаками—языкомъ, религіей, поэзіей и искусствомъ, самосознаніемъ. Исторія народа тоже обнаруживаетъ его характеръ, но только въ томъ случаѣ, если внимательно изучить разные періоды этой истории и вывести изъ нихъ, такъ сказать, «среднее историческое». Есть даже національная логика, и каждый народъ составляетъ себѣ свой *Discours de la méthode*: одинъ предпочитаетъ индукцію, другой—дедукцію. Всякій изъ насъ обязанъ своему народу не только извѣстнымъ количествомъ определенныхъ идей и мыслей, но даже апіорными формами и категоріями мышленія.

Три великія причины вліяютъ на внѣшность, темпераментъ и характеръ націи: наслѣдственность, приспособленіе къ физической средѣ и приспособленіе къ средѣ моральной и соціальной. Первые двѣ причины—физическіе факторы національнаго характера, вторая—факторъ психическій и соціальный. И вотъ въ результатѣ прогресса выясняется слѣдующій великій законъ: по мѣрѣ того какъ нація приближается къ современному типу, воздѣйствіе моральной среды получаетъ все большее и большее преобладаніе надъ воздѣйствіемъ физической среды; болѣе того—физическіе факторы стремятся къ переходу въ факторы соціальные, преломляясь черезъ внутренній міръ индивидуумовъ. Цивилизація уменьшаетъ значеніе расовыхъ особенностей и усиливаетъ роль соціальной и исторической среды. Безусловный пессимизмъ одностороннихъ дарвинистовъ, которые желаютъ

свести всю исторію къ одной только борьбѣ расъ, не имѣетъ подъ собой почвы; социальный и моральный прогрессъ не совершается исключительно игрой «естественныхъ законовъ», и требуютъ они не животной борьбы за жизнь, а нравственности отъ индивидуумовъ и разумной самодѣятельности отъ обществъ. Народъ—не зоологическій моментъ, а духовный. На ряду съ идеей борьбы выступаетъ дополнительная идея союза, и, кромѣ матеріальныхъ факторовъ приспособленія, есть идеальные. Среда модифицируетъ животное, человѣкъ модифицируетъ среду, общество накладываетъ свой отпечатокъ на индивидуума. Не воздѣйствіе внѣшней среды на человѣка, а реакція ума и воли на среду—вотъ моментъ, который выдвигаетъ современная социологія. Если Монтескье, напримѣръ, преувеличивалъ вліяніе климата на характеръ народа, то теперь этотъ факторъ разсматриваютъ лишь въ связи съ другими и въ связи съ реакціей на него. Все увеличивающаяся реакція человѣка на природу подтверждаетъ мнѣніе Конта, что общество «соціализируетъ» природу. Внѣшняя среда дѣйствуетъ на культурный народъ медленно, чѣмъ онъ на нее.

Какъ психологія народовъ не сводится къ ихъ физиологіи и эволюція не сводится къ борьбѣ расъ, такъ и исторія не исчерпывается борьбою классовъ и экономическими отношеніями. Модная теорія, которая такъ узко смотритъ на жизнь человѣчества, всегда видитъ въ человѣческой природѣ только результатъ и никогда не видитъ въ ней причины. Въ этомъ глубокая ошибка матеріалистическаго пониманія исторіи; оно игнорируетъ духовныя силы и національный характеръ даннаго народа, оно упускаетъ изъ виду, что каждый народъ—особая естественная единица.

Еслибы можно было, говоритъ Кантъ, проникнуть достаточно глубоко въ характеръ отдѣльнаго человѣка или цѣлаго народа, еслибы были извѣстны всѣ обстоятельства, вліяющія на индивидуальныя и коллективныя воли, то можно было бы точно вычислять поведеніе человѣка или народа, какъ вычисляютъ затменія солнца и луны. Д.-С. Милль увлекался предположеніемъ, что психологія народовъ достигнетъ этого астрономическаго дара предвидѣнія. Но такія мечтанія неосуществимы. Въ психологіи народовъ число возможныхъ комбинацій неизмѣримо. Индивидуумъ самъ по себѣ представляетъ неисчерпаемое обиліе

потенціальныхъ дѣйствій, а народъ—сложная сѣть переплетающихся индивидуумовъ. Роль случайнаго въ исторіи очень велика и не входитъ въ рассчитанный кругъ эволюціи. Колесо исторіи никогда не проходитъ дважды по одному и тому же мѣсту, исторія не повторяется. Два элемента въ исторіи не поддаются предварительному вычисленію: индивидуальный или коллективный характеръ, съ одной стороны, и прогрессивное открытіе универсальныхъ законовъ, съ другой. Въ этихъ двухъ областяхъ царитъ непредвидѣнное, и оно дѣлаетъ невозможной социальную астрономію, основанную на апіорномъ познаніи характеровъ. Но это не ослабляетъ того великаго значенія, которое имѣетъ психологія народовъ для социологіи. Исторія, какъ таковая, есть только подготовленіе матеріаловъ для единой науки объ обществахъ, а эта наука будетъ изучать общества не только въ ихъ прошломъ, но и въ законахъ ихъ жизни и эволюціи. Среди этихъ законовъ первое мѣсто занимаютъ психологическіе законы характеровъ. Стремясь къ научности, исторія дѣлается только приложеніемъ социальной психологіи и частью социальной науки. Историкъ-соціологъ долженъ изучать характеръ народовъ, ихъ физическую, интеллектуальную, моральную и, наконецъ, социальную среду и ихъ отношенія съ другими народами. Хотя человѣкъ и общество вышли изъ нѣдръ природы и являются ея вѣнцомъ, но жизнь человѣчества историкъ долженъ выводить не изъ одной только природы, а изъ природы и человѣка, какъ самодовлѣющей психической величины.

G. Séailles. Неизвѣстный философъ. Жюль Лекье (Jules Lequier) (№ 2).

Имя Жюля Лекье сдѣлалось извѣстнымъ, только благодаря Ренувье, который открыто призналъ, что основныя идеи его собственной системы навѣяны этимъ безвременно погибшимъ философомъ. Жизнь Лекье была полна матеріальныхъ и нравственныхъ страданій, и онъ насильственно покончилъ съ ней. Не успѣвъ написать ничего цѣльнаго, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательные отрывки. Главнымъ моментомъ его философіи была видимая антиномія между условіями познанія и требованіями морали, между научнымъ детерминизмомъ и свободой воли. Всѣ задачи философіи Лекье свелъ къ проблемѣ свободы. Онъ провозгласилъ свободу воли первичной истиной, отъ которой выводятся всѣ остальные. Если слѣдовать по пути интеллекту-

алиста-Декарта, училь Лекье, если подвергнуть сомнѣнію все идейное содержаніе ума, то провизорное, методологическое сомнѣніе обратится въ вѣчное, и не будетъ изъ него выхода; ибо на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой истины очевидной, всесторонней, рѣшительной. Нельзя сомнѣваться только въ самомъ *актѣ* моего исканія истины, въ томъ, что я *начинаю* мыслить, анализировать, работать умомъ. Въ идеѣ начала коренится идея свободы. То, что я придаю своимъ мыслямъ то или другое теченіе, властвую надъ ними, доказываетъ наличность свободы. Но и идея свободы не является безусловно-несомнѣнной. Она внушена мнѣ живымъ внутреннимъ чувствомъ,—но не иллюзія ли она? Я могъ бы быть увѣренъ въ своей свободѣ только въ томъ немислимомъ случаѣ, если бы въ тотъ самый моментъ, когда я желаю одного, я желалъ бы и другого и былъ бы въ состояніи сдѣлать выборъ между этими двумя противоположными цѣлями моего стремленія. Я могъ бы быть увѣренъ въ своей свободѣ и въ томъ случаѣ, если бы я точно зналъ всѣ опредѣляющія условія моего поступка, принялъ въ соображеніе среду, характеръ, наслѣдственныя наклонности, пріобрѣтенныя привычки, сопоставилъ всѣ эти разнообразныя вліянія и если бы послѣ всего этого я констатировалъ въ своемъ поступкѣ нѣкоторый остатокъ, нѣчто необъяснимое, ускользающее отъ всякаго закона, нѣчто самопричинное; но такой опытъ предполагаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ абсолютное знаніе. Кромѣ этихъ затрудненій, идея свободы встрѣчается съ такой могучей противницей, какъ идея причинности—коренной законъ ума. Итакъ, исканіе первичной истины въ области интеллектуальнаго неизбѣжно приводитъ къ скептицизму. Но мы знаемъ одно: истина не придетъ къ намъ извнѣ, она не приложится къ намъ насильственно, она не носитъ внѣшняго признака; мы знаемъ, что надо выбирать, что первичный шагъ мысли—это актъ, выборъ, рѣшеніе воли. Каково же будетъ это рѣшеніе? Признаетъ ли оно въ мірѣ необходимость, полный детерминизмъ? Нѣтъ, если бы дѣйствительно все было необходимо, были бы необходимы, неизбѣжны, неразличимы *всѣ* сужденія, исчезло бы всякое основаніе для различенія истины и лжи, добра и зла, упразднились бы и наука, и мораль. Наука существуетъ потому, что мы ея хотимъ, она—утверждающая себя, волящая интеллигенція. Такимъ образомъ утвержденіе свободы является для Лекье первичной истиной;

свободы нельзя доказать, но она—постулять, необходимое условие какъ морали, такъ и увѣренности, науки.

Теорія Лекке получаетъ особый смыслъ и значеніе отъ того, что покойный философъ, какъ глубоко убѣжденный христіанинъ, вѣровалъ въ вѣчнаго Бога, въ Слово, въ неизмѣнную реальную Истину, которая существуетъ до всякихъ попытокъ человѣка познать ее. Божественная Истина, связанная въ неразрывномъ единствѣ съ Божественной благодатью и могуществомъ, дѣлаетъ понятной и связь научной истины съ моралью и свободой. Своимъ ученіемъ о свободѣ Лекке пытался примирить въ теологіи свободу человѣка съ предвидѣніемъ Бога и показать въ идеѣ Божества тѣ моменты индетерминизма, которые дѣлаютъ реальной и осмысленной способность человѣка къ противоположнымъ поступкамъ, къ выбору между добромъ и зломъ.

Г. Paulhan. Изобрѣтательность (№ 3). Всякое умственное творчество, къ какой бы сферѣ оно ни относилось, заключается въ возникновеніи синтетической идеи, которую порождаетъ комбинація элементовъ, уже существующихъ въ умѣ, съ новымъ элементомъ. Ни одно открытіе, ни одно изобрѣтеніе не является изъ ничего; оно вырастаетъ на готовой почвѣ прежнихъ образовъ, воспоминаній и мыслей. Открытіе, какъ искра, вспыхиваетъ изъ-подъ слоя неясныхъ и смутныхъ догадокъ, устраняетъ въ матеріалѣ интеллекта ненужное, лишнее, привноситъ новое и сразу доводитъ умъ до той желанной цѣли, которая раньше предносилась ему въ туманныхъ очертаніяхъ. Прежде чѣмъ совершается открытіе, все въ душѣ приходитъ въ движеніе и борьбу, и часто какое-нибудь внѣшнее обстоятельство доканчиваетъ работу ума и вызываетъ синтетическую идею. Но иногда эта идея получается въ результатѣ внутренняго развитія мыслей, ихъ взаимнаго контакта и логическаго взаимодействія. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать даже, что какъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего похожего на наши ощущенія, такъ и всякое воспріятіе есть въ извѣстномъ смыслѣ самобытное открытіе нашего духа. Непремѣннымъ условіемъ открытія служитъ впрочемъ не только законѣрное развитіе умственнаго содержанія, но и субъективная игра психическихъ элементовъ, которая однако въ извѣстной степени контролируется и направляется общей и господствующей тенденціей даннаго ума. Вполнѣ координированный и пра-

вильный умъ никогда не изобрѣталъ бы; для изобрѣтенія нуженъ нѣкоторый капризъ интеллекта и необходимо участіе случайности, которая бы разрушала проторенныя колеи обычныхъ ассоціацій и вносила въ умъ долю безпорядка, иллогизма. Съ другой стороны, полное отсутствіе регулятивной и гармонизирующей идеи приводитъ не къ открытіямъ, а къ безсвязнымъ и безсодержательнымъ выходкамъ фантазіи, и умъ теряетъ свое равновѣсіе. Характеристическій признакъ открытія, не безусловный, но очень частый, это то, что оно сопровождается явленіями эмоциональнаго порядка. Чувство—одинъ изъ обычныхъ спутниковъ творческой идеи. Восторженная радость неразлучна съ моментомъ открытія, изобрѣтенія, счастливаго вдохновенія. Нерѣдко даже, у поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ, неудовлетворенная страсть переходитъ въ болѣе или менѣе своеобразное интеллектуальное творчество; въ этой подстановкѣ идеальной дѣйствительности вмѣсто реальной и заключается корень искусства. Изобрѣтательность присуща не однимъ только гениямъ; въ слабой степени она — достояніе каждаго ума. Въ связи съ этимъ рутинна неизбѣжна и для выдающагося духа, ибо мы уже видѣли, что своей основой изобрѣтательность имѣетъ привычку, инстинктъ, мысли, внушенныя средой. Всякій человѣческій умъ сочетаетъ въ себѣ оригинальное, специфически-субъективное, съ общимъ и банальнымъ. Каждое явленіе души состоитъ изъ трехъ элементовъ въ разныхъ комбинаціяхъ, изъ творчества, подражанія и рутинны. Это—ступени одной и той же лѣстницы въ нисходящемъ порядкѣ. Рутинна, привычка не требуетъ никакого усилія, не предполагаетъ никакой модификаціи: она—пассивное условіе умственнаго творчества, его арена. Подражаніе, наоборотъ, предполагаетъ уже привхожденіе въ умъ посторонней идеи, нарушеніе привычки, и его можно назвать творчествомъ лѣниваго. Слѣдующій шагъ—это дѣйствительное творчество.

Дѣятельность ума похожа на дѣятельность воли. Волевой актъ исполнѣ аналогиченъ творческой идеѣ. Обыкновенныя житейскія поступки автоматически связываются въ цѣпь, какъ обычныя идеи—въ ассоціацію. Но когда новое и важное рѣшеніе воли разрываетъ звенья повседневныхъ желаній, то это совершенно сходно съ интеллектуальнымъ открытіемъ, изобрѣтеніемъ, выдумкой. И умъ, и воля одинаково включаютъ въ себѣ рутинна, подражаніе и творчество.

А. Schinz. Нравственность ребенка (№ 3). При помощи неудачныхъ и давно опровергнутыхъ доказательствъ авторъ защищаетъ тезисъ, что совѣсть совѣмъ не врождена душѣ человѣка и даже элементарное различіе добра и зла бываетъ только въ результатъ долгаго умственнаго развитія и воспитанія. Нравственность, по Schinz'у, возможна исключительно на интеллектуальной почвѣ и не имѣетъ никакой связи съ чувствомъ; моральное надо постепенно внѣдрять въ душу, какъ нѣчто ей чуждое и постороннее.

Ch. Féfé. Психическое состояніе умирающихъ (№ 3). На основаніи нѣсколькихъ случаевъ изъ своей медицинской практики авторъ этой небольшой замѣтки приходитъ къ выводу, что необыкновенный подъемъ и интенсивность памяти, которые замѣчаются у умирающихъ, могутъ имѣть чисто-физиологическое объясненіе. Извѣстно, что ткани, особенно нервы и мускулы, до окончательнаго омертвѣнія переживаютъ нѣкоторый періодъ чрезмѣрной возбудимости и чувствительности, и ихъ реакціи на соотвѣтственное раздраженіе сильнѣе тогда, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Опытъ даетъ намъ право думать, что и головной мозгъ представляетъ то же явленіе, повинуется тому же закону; предсмертная яркость интеллекта и чувство блаженства вызываются физическими модификаціями умирающаго мозга и мгновенной возбудимостью нервныхъ элементовъ.

G. Dumas. Психическое состояніе Огюста Конта (№№ 1, 2, 4). Эта обширная, очень интересная и горячо написанная статья излагаетъ біографію и ученіе Ог. Конта въ такомъ освѣщеніи, которое должно показать, что знаменитый философъ никогда, кромѣ двухъ мѣсяцевъ въ 1826 г., не былъ психически разстроенъ. Нѣкоторыя странности его жизни и системы объясняются тѣмъ, что на весь міръ, на самого себя и на другихъ людей Контъ смотрѣлъ исключительно съ точки зрѣнія своей философіи; онъ отождествилъ, онъ слилъ себя, свои чувства и настроенія со своей доктриной и до такой степени проникся ею, что добровольно подчинилъ въ себѣ все субъективное и частное объективному и общему. Контъ былъ невропатомъ, мистикомъ; онъ находился подъ вѣчной угрозой рецидива безумія, но ни одна строка его книгъ, ни одна мысль его ученія не имѣютъ своего источника въ какихъ бы то ни было аномаліяхъ

его свѣтлаго ума. Самыя причудливыя страницы его *Позитивной политики* представляютъ собою только безстрашно-последовательный логическій выводъ его *Позитивной философіи*.

Кромѣ отмѣченныхъ статей, укажемъ еще на слѣдующія:

Evellin. Философія и математика: новая безконечность (№ 2); Ch. Richet. Форма и продолжительность нервной вибраціи и психологическое единство времени (№ 4); Winiarski. Опытъ о социальной механикѣ (№ 4).

Ю. Айхенвальдъ.

Извѣстія и замѣтки.

---

29 ноября, въ день чествованія 40-лѣтія учено-литературной и общественной дѣятельности профессора В. И. Герье, проф. Н. Я. Гротъ отъ имени Психологическаго Общества и редакціи журнала «Вопросы философіи и психологіи» принесъ юбиляру слѣдующее привѣтствіе:

Высокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ! Ваша 40-лѣтняя разносторонняя и плодотворная дѣятельность на пользу науки и общества всегда была вдохновляема идеалами правды и добра. Эти идеалы давали вамъ ту стойкость, твердость и прямоту, которыми отличались всѣ ваши поступки. Такая сила сложилась въ васъ не только на почвѣ природныхъ вашихъ дарованій и нравственныхъ качествъ, но отчасти и подъ влияніемъ глубокаго критическаго изученія великихъ твореній духа философовъ и мыслителей всѣхъ вѣковъ. Въ началѣ вашей учено-литературной дѣятельности вы выступили съ замѣчательной диссертацией, имѣющей въ значительной мѣрѣ философское значеніе «О Лейбницѣ и его времени». Въ концѣ истекшаго ея періода вы пишете мастерское критическое изслѣдованіе о философско-историческихъ воззрѣніяхъ. Огюста Конта. Въ своихъ лекціяхъ и курсахъ всеобщей исторіи, изучая и излагая исторію культуры челоуѣчества, вы всегда освѣщали ее свѣтомъ философскихъ идей.

Пусть историки считаютъ васъ своимъ—они имѣютъ на это право; мы, философы, также считаемъ васъ своимъ и по философскому образованію вашему, и по сотрудничеству съ нами. И потому я, какъ предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества, съ радостью принялъ на себя порученіе Общества

привѣтствовать васъ въ нынѣшній день вашего 40-лѣтняго юбилея отъ имени Психологическаго Общества, котораго вы давно состоите дѣйствительнымъ членомъ, отъ имени редакціи журнала «Вопросы философіи и психологіи», котораго вы состоите дѣятельнымъ и авторитетнымъ сотрудникомъ и, наконецъ, отъ имени всѣхъ московскихъ философовъ, которые высоко цѣнятъ ваше сочувствіе и ваше участіе въ ихъ работахъ и многіе изъ которыхъ были вашими учениками. Желаемъ вамъ отъ души на долго и долго прежней энергіи, для столь же разносторонней дѣятельности на благо русскаго просвѣщенія и русскаго общества.

Предсѣдатель Психологическаго Общества Николай Гротъ.

Въ дополненіе къ статьѣ «Матеріалы для исторіи философій въ Россіи», напечатанной въ предыдущей книгѣ «Вопросовъ философіи», можно прибавить слѣдующее:

1 (стр. 295—296). Есть полное основаніе думать, что «Исторія дуэлей», отмѣченная подъ № 18 произведеній разсматриваемаго писателя, приписана ему ошибочно, хотя и подписана П. Л.—въ.

2 (стр. 296). Въ числѣ упомянутыхъ здѣсь крупныхъ статей философскаго содержанія въ «Энци. Слов.» слѣдовало бы помѣстить статью «Аламберъ»; она была публично прочитана авторомъ въ пользу Литературнаго Фонда.

3 (стр. 300). «Историческія письма» вышли вторымъ изданіемъ за границей въ Женевѣ въ 1892 г., причѣмъ въ составъ изданія вошли и главы, упомянутыя въ перечнѣ трудовъ автора подъ № 65.

4 (стр. 317). Изъ труда, обозначеннаго № 68, теперь изданы и выпуски 9 и 10, заканчивающіе первый томъ. Дополненіе къ этому труду составляютъ и позднѣйшія «Переживанія доисторическаго періода» 1898 г., изданныя въ Женевѣ.

5 (стр. 318). Въ числѣ упомянутыхъ здѣсь статей общелитературнаго содержанія, помѣщенныхъ въ «заграничныхъ изданіяхъ», слѣдовало бы упомянуть: «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества». Тамъ же были помѣщены статьи, прямо относящіяся къ этикѣ.

Опечатка: на стр. 317 въ 6-стр. сн. не «проектъ», а «продуктъ».

Психологическое Общество.

CLXVII. Отчетъ о засѣданіи 3 октября 1898 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 45 м. вечера въ залѣ правленія университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при кандидатѣ т. секретаря Ю. И. Айхенвальдѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ А. В. Адольфа, Ц. П. Балталона, А. Н. Бернштейна, Н. В. Бугаева, К. М. Быковского, В. А. Вагнера, Н. Д. Виноградова, В. А. Гольцева, Н. А. Елеонскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Л. М. Лопатина, И. Ф. Огнева, В. П. Преображенскаго, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, П. В. Тихомирова, члена-соревнователя Э. Д. Селивачева, члена-корреспондента А. Э. Гартвига и сторонней публики.

Въ засѣданіи между прочимъ происходило слѣдующее.

Д. членъ *П. А. Каленовъ* прочелъ рефератъ «О красотѣ и искусствѣ».

По поводу прочитаннаго доклада происходили пренія, въ которыхъ, кромѣ референта, приняли участіе А. А. Токарскій, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, П. В. Тихомировъ, Н. В. Бугаевъ и сторонній посѣтитель А. М. Мироновъ.

Происходила баллотировка предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи въ д. члены Общества *Д. В. Викторова* и *С. Н. Эверлингъ*. Оба оказались избранными: г. Викторовъ—единогласно, г. Эверлингъ 19-ю голосами противъ одного.

Предложены въ д. члены Общества *д-ръ Викторъ Владиміровичъ Воробьевъ* (Э. А. Савей-Могилевичемъ, А. Н. Бернштейномъ, А. А. Токарскимъ и Л. М. Лопатинымъ) и специалистъ по теоріи искусства *Василій Петровичъ Гуторъ* (Н. Я. Гротомъ и Л. М. Лопатинымъ).

CLXVIII. Отчетъ о засѣданіи 17 октября 1898 г.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/2} часовъ вечера, въ залѣ Правленія университета, подѣ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при кандидатѣ т. секретаря Ю. И. Айхенвальдѣ, въ присутствіи гг. д. членовъ Н. А. Абрикосова, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, А. И. Введенскаго, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, П. А. Каленова, О. С. Коробкина, Л. М. Лопатина, А. И. Мальшина, П. И. Новгородцева, О. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, Н. И. Шишкина, членовъ - соревнователей О. Д. Селивачева, Т. А. Ясакова и сторонней публики.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее.

Д. членъ Н. В. Бугаевъ прочелъ рефератъ на тему «Математика и научно-философское міросозерцаніе».

По поводу прочитаннаго доклада происходили пренія, въ которыхъ, кромѣ референта, приняли участіе А. И. Введенскій, Н. Я. Гротъ, П. А. Каленовъ, Л. М. Лопатинъ и Н. И. Шишкинъ.

По предложенію предсѣдателя, Общество выразило Н. В. Бугаеву благодарность за его интересный рефератъ.

Происходила баллотировка предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи въ д. члены *В. В. Воробьева* и *В. П. Гутора*. Оба оказались избранными: г. Воробьевъ 17-ю голосами противъ одного, г. Гуторъ—единогласно.

Отчетъ о преніяхъ по реферату Н. В. Бугаева «Математика и научно-философское міросозерцаніе».

П. А. Каленовъ выразилъ сочувствіе мыслямъ докладчика и просилъ только разъясненія относительно того, что понимаетъ референтъ подѣ «красотой аритмологіи».

Н. В. Бугаевъ указалъ, что научной красотой онъ признаетъ таинственность нѣкоторыхъ аритмологическихъ явленій; напริมѣръ, таинственны и необъяснимы тѣ свойства чиселъ, которыя отмѣчаются въ теоремѣ Вильсона и законѣ Ферма. На таинственное взаимоотношеніе чиселъ уже давно обращалось вниманіе разныхъ мыслителей; достаточно назвать Пифагора и каббалистовъ.

Л. М. Лопатинъ высказалъ, что рефератъ Николая Васильевича представляетъ собою одну изъ лучшихъ философскихъ статей за послѣдніе годы. Еслибы окончательные выводы референта

сдѣлались общепринятыми истинами, исчезли бы миражи, угнетающіе современное философское мировоззрѣніе. Защита индетерминизма является особенно цѣнной въ устахъ представителя точной науки. Жаль только, что авторъ мало остановился на частныхъ вопросахъ философско-научнаго характера. Какъ интересно, напримѣръ, было бы оцѣнить съ точки зрѣнія референта законъ сохранения энергіи и установить различіе и своеобразность отношеній между психическими и физическими явлениями! Было бы желательно также, чтобы Н. В. коснулся и телеологическаго пониманія дѣйствительности.

Н. Я. Гротъ, выразивъ свое согласіе съ основными взглядами референта, поднялъ вопросъ о приложимости закона сохранения энергіи къ психической сферѣ.

Дальнѣйшія пренія, въ которыхъ, кромѣ докладчика, принимали участіе *Н. Я. Гротъ*, *Н. И. Шишкинъ*, *А. И. Введенскій* и *Л. М. Лопатинъ*, касались этого закона и отношенія его къ закону возрастанія энергіи и творческой причинности.

Отчетъ о преніяхъ по реферату *П. А. Каленова* „О красотѣ и искусствѣ“ (первая часть).

А. А. Токарскій замѣтилъ, что онъ вполне согласенъ съ докладчикомъ о существованіи безсознательнаго инстинкта красоты. Но референтъ упустилъ изъ виду, что эстетическое чувство возбуждается раньше, чѣмъ у субъекта возникаетъ идея космоса; да и не у всякаго эта идея возникаетъ. Направленіе присущаго каждому темнаго инстинкта красоты опредѣляется опытомъ, и вотъ на этотъ эмпирическій моментъ *Петръ Александровичъ* не обратилъ вниманія. Осюда и осталось невыясненнымъ то разнообразіе эстетическихъ вкусовъ, которое вытекаетъ изъ общаго эстетическаго первоисточника—инстинкта красоты.

П. А. Каленовъ настаивалъ на апіорности и трансцендентальномъ характерѣ эстетическаго чувства.

Л. М. Лопатинъ призналъ рефератъ *П. А.* широко задуманнымъ, стройнымъ и основаннымъ на цѣльной философской системѣ. Одной изъ положительныхъ сторонъ доклада является указаніе на значеніе любви, какъ главнаго момента въ процессъ творчества и въ воспріятіи и оцѣнкѣ художественнаго произведенія. Несомнѣнно, что безкорыстію наслажденія, какъ моменту слишкомъ пассивному, нельзя приписывать въ этомъ воспріятіи господствующую

щей роли. П. А., быть-можетъ, односторонне считаетъ исключительной функцией искусства изображеніе красоты душевной; но во всякомъ случаѣ онъ указываетъ этимъ на очень важный и существенный пунктъ въ искусствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ смыслъ трагическаго, напримѣръ, не сводится къ извѣстному подъему души и перестановкѣ движущихъ силъ личности? Когда эгоистическія страсти героя трагедіи смѣняются угрозами совѣсти и сознаниемъ тщеты его прежняго стремленія, то именно это и примиряетъ съ нимъ зрителя.

Но въ рефератѣ есть и недочеты. Прежде всего въ немъ замѣчается постоянное смѣшеніе субъективнаго и объективнаго мѣрила красоты. Опредѣленіе красоты дается чисто субъективное: „красота есть эстетическое наслажденіе“. Но если эту формулу подставить въ тезисъ автора, что человѣкъ стремится къ созерцанію красоты, то явно обнаружится, въ какомъ разладѣ находятся у референта субъективная и объективная точки зрѣнія.

Далѣе, референтъ высказываетъ исключительную симпатію къ эстетическому квиетизму. Едва ли это не односторонне: созерцаніе нравственной борьбы производитъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе, чѣмъ созерцаніе покоя.

П. А. Каленовъ. Идеаль послѣдняго блага—не борьба, а успокоеніе.

Далѣе *Л. М. Лопатинъ* указалъ на то, что, исключительно выдвигая трансцендентальный смыслъ красоты, референтъ упустилъ изъ виду чисто-эмпирическіе элементы въ эстетическомъ наслажденіи, даже прямо — физиологическіе. Вѣдь нельзя игнорировать тѣхъ ощущеній формальной красоты, которыя даются воспріятіями зрительнаго или слухового характера.

Н. Я. Гротъ, присоединяясь къ замѣчаніямъ *Л. М. Лопатина*, указалъ, что въ рефератѣ совершенно не выяснено, каковы тѣ специфическія особенности, которыя отличаютъ область искусства отъ теоретической и религіозно-практической дѣятельности человѣка.

П. В. Тихомировъ отмѣтилъ неустойчивость и многосмысленность основныхъ терминовъ референта: апіорность, напримѣръ, означаетъ у него то неэмпирическое, то ирраціональное; религія—то практическая дѣятельность, то отношеніе къ Абсолюту. Докладъ представляетъ собой не строго апіорную дедукцію, а связь по ассоціаціи.

Матеріалы для журнальной статистики.

Въ 1898 г. (по 6-е декабря) экземпляры журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№№	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	Экз.	№№	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	Экз.
1	Кіевская	52	47	Приморская	7
2	Херсонская	49	48	Могилевская	7
3	Тифлисская	42	49	Тобольская	7
4	Харьковская	37	50	Забайкальская	7
5	Таврическая	35	51	Псковская	7
6	Казанская	32	52	Архангельская	7
7	Лифляндская	28	53	Люблинская	6
8	Московская	25	54	Астраханская	6
9	Саратовская	25	55	Тверская	5
10	Обл. Войска Донск.	24	56	Гродненская	5
11	Тамбовская	24	57	Оренбургская	4
12	Екатеринославск.	23	58	Сырь-Дарьинская	4
13	Полтавская	22	59	Тверская	4
14	Пермская	20	60	Курляндская	4
15	Орловская	19	61	Ковенская	4
16	Нижегородская	19	62	Олонечкая	4
17	С.-Петербургская	16	63	Акмолинская	3
18	Курская	16	64	Закасп. обл.	3
19	Виленская	16	65	Нюландская	3
20	Владимірская	16	66	Вологодская	3
21	Бессарабская	15	67	Елизаветпольская	2
22	Черниговская	14	68	Семирѣченская	2
23	Рязанская	14	69	Эриванская	2
24	Смоленская	13	70	Амурская	2
25	Волынская	13	71	Семипалатинская	2
26	Вятская	13	72	Петроковская	2
27	Самарская	13	73	Плоцкая	2
28	Ярославская	12	74	Сѣдлецкая	1
29	Тульская	12	75	Эстляндская	1
30	Кубанская	12	76	Кутаисская	1
31	Томская	11	77	Якутская	1
32	Варшавская	11	78	Батумская	1
33	Подольская	11	79	Дагестанская	1
34	Калужская	10	80	Ферганская	1
35	Воронежская	10	81	Самаркандск.	1
36	Бакинская	10	82	Акмолинская	1
37	Симбирская	10	83	Уральск. обл.	1
38	Енисейская	10			
39	Иркутская	9		Итого по губерн.	940
40	Новгородская	8			
41	Минская	8		II. С.-Петербургъ	241
42	Уфимская	8		III. Москва	287
43	Витебская	8		IV. За границу	72
44	Ставропольская	7		Итого	1540
45	Костромская	7			
46	Пензенская	7		(Въ томъ числѣ бесплатныхъ и обмѣнныхъ)	181

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Съ портр. Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 коп. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. Бенедиктъ Спиноза. Этика. Съ портр. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ VI. Э. Нердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакцией и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

К. Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Цѣна 3 руб.

В. Вундтъ. Очеркъ Психологіи. Пер. Д. Викторова подъ ред. проф. Н. Я. Грота съ прил. статьи «Основанія экспериментальной психологіи». М. 1897. Ц. 1 р. 40 коп. Для подписчиковъ журнала 1 р. безъ перес.

Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія:

Н. Я. Гротъ. Нравственные идеалы нашего времени (Фр. Ницше и Левъ Толстой). 3-е изд. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Его же. Устой нравственной жизни и дѣятельности. М. 1895. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Его же. Памяти Н. Н. Стрхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія. М. 1896. Ц. 30 к.

Тао-те-кингъ Лаоси. Перев. съ китайскаго съ введ. Д. П. Конисси. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.—«Средина и постоянство». Свящ. книга послѣдователей Конфуція. Пер. съ кит. съ прим. Д. П. Конисси. М. 1896. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. Я. Колубовскаго. Второе изданіе съ знач. измѣненіями и дополн. Спб. 1895 г. Ц. 2 р., за перес. 30 к.

Бино, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англ. С. А. Котляревскаго, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. М. 1898. Ц. 1 р. 75 к. (Изд. 3-ье «Библиотеки для самообразования»).

Джонъ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ съ англ. А. Н. Савина. М. 1898. XVI + 736. Ц. 3 р.